

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»

На правах рукописи

Горбачева Елена Николаевна

Дискурсивная перформативность:

признаки, типы, жанры

10.02.19 - теория языка

Диссертация

на соискание ученой степени

доктора филологических наук

Научный консультант:

доктор филологических наук, профессор

Карасик Владимир Ильич

Тамбов 2016

Содержание

Введение.....	4
Глава 1. Конститутивные признаки перформативности	15
1.1. Понятие перформативности: различные подходы к изучению.....	15
1.2. Психологические концепции действий.....	26
1.3. Философские концепции действий.....	41
1.4. Социологические концепции действий.....	54
Выводы по Главе 1.....	63
Глава 2. Когнитивно-дискурсивные характеристики перформативности.....	67
2.1. Лингвокогнитивный подход к изучению действий.....	67
2.1.1. Лингвокогнитивная модель действия.....	67
2.1.2. Лингвокогнитивная модель поступка.....	86
2.2. Манифестация перформативности в дискурсе.....	101
2.3. Перформативные характеристики языковой личности.....	117
Выводы по Главе 2.....	125
Глава 3. Фактогенная перформативность как тип дискурсивной перформативности в широком понимании.....	131
3.1. Фактогенная перформативность в юридическом дискурсе.....	136
3.2. Фактогенная перформативность в рекламном дискурсе.....	151
3.3. Фактогенная перформативность в политическом дискурсе.....	164
3.4. Фактогенная перформативность в персональном дискурсе.....	180
3.5. Градация фактогенной перформативности.....	185
Выводы по Главе 3.....	197
Глава 4. Стратегическая перформативность как тип дискурсивной перформативности в узком понимании.....	201
4.1. Виды перформативных стратегий, тактик, сценариев.....	202
4.2. Стратегическая перформативность в юридическом дискурсе.....	217
4.3. Стратегическая перформативность в рекламном дискурсе.....	228

4.4. Стратегическая перформативность в политическом дискурсе.....	236
4.5. Стратегическая перформативность в персональном дискурсе.....	246
Выводы по Главе 4.....	261
Глава 5. Перформативные характеристики речевого жанра (на примере жанра «спор»)	266
5.1. Когнитивная перформативность в споре.....	268
5.1.1. Структурность спора.....	268
5.1.2. Событийность спора.....	273
5.1.3. Имманентность спора.....	289
5.2. Фактогенная перформативность в речевом жанре «спор».....	297
5.2.1. Фактуальная перформативность в споре.....	297
5.2.2. Фактуально-событийная перформативность в споре.....	314
5.3. Стратегическая перформативность в речевом жанре «спор».....	327
Выводы по Главе 5.....	343
Заключение.....	346
Список использованной научной литературы.....	354
Список использованных словарей.....	395
Список источников фактического материала.....	399

Введение

Данное исследование выполнено в русле прагмалингвистики и дискурсивного анализа. **Объектом** изучения является перформативность как дискурсивный феномен, **предметом** анализа – его признаки, типы и жанры.

Актуальность работы обусловлена следующими причинами: 1) прагмалингвистика как область лингвистического знания является одним из магистральных направлений развития современной науки о языке, вместе с тем многие проблемы данного направления языкознания остаются дискуссионными, это относится к пониманию и объяснению феномена перформативности; 2) когнитивно-дискурсивный подход к изучению перформативности позволяет осветить сущность этого явления с учетом достижений в осмыслении действия с позиций разных областей гуманитарного знания; 3) выявление и описание прагматических характеристик различных типов действий в разных типах дискурса дает возможность более глубоко осмыслить и эффективнее организовать коммуникативную практику.

Цель исследования заключается в характеристике признаков, типов и речевых жанров дискурсивной перформативности. Поставленная цель конкретизируется в ряде **задач**:

- 1) определить конститутивные признаки дискурсивной перформативности;
- 2) построить лингвокогнитивную модель действия как системообразующего конструкта перформативности;
- 3) выявить способы манифестации перформативности в дискурсе;
- 4) охарактеризовать языковую личность как субъекта перформативности;
- 5) построить типологию дискурсивной перформативности;
- 6) установить специфику актуализации перформативности в разных типах дискурса;

7) описать перформативные признаки речевого жанра (на примере жанра «спор»).

Научная новизна диссертации состоит в обосновании прагмалингвистического подхода к изучению дискурса с позиций перформативности, определении конститутивных признаков дискурсивной перформативности, построении типологии дискурсивной перформативности, выявлении характеристик фактогенной и стратегической перформативности, характеристике языковой личности как субъекта перформативности, выявлении способов манифестации дискурсивной перформативности применительно к юридическому, рекламному, политическому и персональному типам дискурса, разработке модели описания речевого жанра на основе его перформативных характеристик на примере жанра «спор».

Новым является также обоснование и введение в научный обиход понятий «фактогенная перформативность» и «стратегическая перформативность» и разработка концепции анализа дискурса с позиций данных типов перформативности. Данная концепция основана на выдвигаемом положении о том, что перформативность в широком понимании есть коммуникативная фактуализация явления (фактогенная перформативность), в узком понимании - языковое осуществление поступка (стратегическая перформативность). Разработанная теория опирается на лингвокогнитивную трехкомпонентную модель действия (операция – действие – поступок), выступающую в качестве системообразующего конструкта перформативности. На основе деятельностной триады «операция – действие – поступок» в работе анализируются способы манифестации перформативности в дискурсе, а также выделяются три разновидности перформативной языковой личности: инстинктивная, рефлексивная, интуитивная.

Материалом для исследования послужили тексты произведений художественной литературы, собранная автором картотека записей устной и письменной речи, текстов общественных знаков, рекламных объявлений и

слоганов, скрипты судебных заседаний, научно-философских (устных и письменных) дискуссий и парламентских дебатов, художественных фильмов, примеры из электронных баз данных «Русский национальный корпус» и «Британский национальный корпус», данные сплошной выборки из русско- и англоязычных толковых, фразеологических, этимологических, синонимических и ассоциативных словарей, паремиологических источников. В качестве единицы анализа рассматривался текстовый фрагмент, в котором дискурсивная перформативность имеет формально-функциональную либо функционально-семантическую выраженность: от высказываний в одно предложение до целого абзаца или диалогического единства. Всего проанализировано более 10 тыс. текстовых фрагментов.

Изучение перформативности как дискурсивного феномена потребовало использования комплексной методики анализа. В качестве **методологической основы** исследования послужили научные концепции, разработанные в рамках следующих научных направлений: психологии деятельности (В.П. Зинченко, Т.В. Корнилова, А.А. Леонтьев, А.Н. Леонтьев, Д.А. Леонтьев, А.В. Петровский, С.Л. Рубинштейн, Д.Н. Узнадзе); философии деятельности и детерминистской философии (Н.А. Бердяев, В.В. Давыдов, К. Маркс, Ф. Энгельс); теории социального действия (М. Вебер, Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, Дж. Тернер); когнитивной лингвистики (А.П. Бабушкин, Н.Н. Болдырев, В.З. Демьянков, В.В. Колесов, Е.С. Кубрякова, В.А. Маслова, М. Минский, М.В. Пименова, З.Д. Попова, О.Г. Почепцов, Ю.С. Степанов, В.И. Теркулов); теории дискурса (Т. ван Дейк, Л.Г. Васильев, В.И. Карасик, Т.Н. Колокольцева, М.Л. Макаров, А.В. Олянич, Г.Г. Слышкин, В.И. Тюпа, Е.И. Шейгал); теории коммуникации (Г.П. Грайс, О.С. Иссерс, В.Б. Кашкин, Л.В. Куликова, О.А. Леонтович, В.А. Митягина, В.П. Москвин, И.А. Стернин, Ю. Хабермас, В.И. Шаховский); теории речевых актов (Ю.Д. Апресян, И.М. Кобозева, Дж. Остин, А.А. Романов, Дж. Серль, П.Ф. Стросон, И.П. Сусов, Ф.Н. van Eemeren, R. Grootendorst); теории речевых жанров (Н.Д. Арутюнова, М.М. Бахтин, А. Вежбицкая, В.Е.

Гольдин, В.В. Дементьев, М.Н. Кожина, К.Ф. Седов, О.Б. Сиротина, М.Ю. Федосюк, Т.В. Шмелева).

В диссертации использовались следующие **методы исследования**: понятийный анализ (содержательный анализ научных понятий, относящихся к психологической, философской и социологической концепциям действий, прагмалингвистике, когнитивной лингвистике, генриктике, теории дискурса), анализ словарных дефиниций, интерпретативный анализ текстовых фрагментов, иллюстрирующих проявление дискурсивной перформативности, интроспекция.

Степень научной разработанности проблемы. Перформативность как категория прагмалингвистики неоднократно привлекала к себе внимание исследователей (Апресян, 1986; Арутюнова, 1998; Красина, 1999; Романов, 1984). Установлены признаки перформативного речевого действия (Богданов, 1990; Остин, 1986; Серль, 1986), выявлены различия между перформативными и описательными речевыми действиями (Остин, 1986), освещены характеристики перформативности как социально-культурного явления (Четыркина, 2006), описаны семантический и прагматический аспекты композитных перформативов (Романова, 2009), показаны перспективы изучения коммуникативных феноменов с позиций перформативности (Карасик, 2014). Вместе с тем остаются дискуссионными признаки перформативности как дискурсивного феномена, требуется разработка критериев для построения типологии дискурсивной перформативности, не освещены дискурсивно релевантные типы языковых личностей, представляется продуктивным для развития прагмалингвистики и теории дискурса описание способов манифестации перформативности в разных типах дискурса и речевых жанрах.

Результаты проведенного исследования позволяют сформулировать следующие **основные положения** концепции анализа дискурса с позиций фактогенной и стратегической перформативности, которые выносятся на защиту:

1. Одним из подходов к изучению дискурса является его прагмалингвистическое моделирование с позиций перформативности: в широком понимании – как коммуникативной фактуализации явления, в узком понимании - как языкового осуществления поступка.

2. Конститутивными признаками дискурсивной перформативности являются: а) ситуация лично обусловленного волевого принятия решений, б) осуществление свободного выбора, в) ответственность за совершенное действие, г) преобразующий характер деятельности, д) ценностная детерминация действия, е) превращение явления действительности в факт языкового сознания и культуры (фактогенность), ж) система способов коммуникативного осуществления поступка (стратегичность).

3. Системообразующим конструктом перформативности выступает лингвокогнитивная трехкомпонентная модель действия (операция – действие – поступок).

Лингвокогнитивная модель операции сводится к следующим компонентам: 1) совершение акта какой-либо деятельности, 2) субъект деятельности - индивид, 3) включенность в состав более сложного действия, 4) автоматизированность, 5) повторяемость в типичной ситуации.

Лингвокогнитивная модель действия выглядит следующим образом: 1) совершение акта какой-либо деятельности; 2) субъект действия - индивид; 3) мотив действия – реализация какой-либо потребности; 4) цель действия - достижение определенного результата; 5) формальные характеристики действия – осознанное / неосознанное; 6) онтологические характеристики – рациональное / нерациональное, истинное / ложное; 7) оценочные характеристики действия – успешное / неуспешное; 8) результат – практическое либо теоретическое освоение действительности.

Лингвокогнитивная модель поступка включает следующие компоненты: 1) совершение акта социального поведения; 2) субъект поступка – личность; 3) установка – реализация определенной ценности /

антиценности; 4) формальная характеристика поступка – осознанное, осмысленное и волевое действие; 5) оценочная характеристика поступка – положительное / отрицательное действие; 6) онтологические признаки поступка - событийность, структурность, имманентность, каузальная независимость; 7) ситуация – ответственный выбор между двумя (или более) мотивами; 8) результат – формирование новой социальной реальности.

4. Манифестация перформативности в дискурсе имеет следующие характеристики: а) операции проявляются как эмотивные речевые действия, этикетные высказывания, клишированные перформативы; б) действия реализуются в виде перформативных речевых актов, включая имплицитно выраженные и транспонированные перформативы; в) коммуникативный поступок реализуется как дискурс в ситуации лично обусловленного волевого принятия решений и осуществления свободного ответственного выбора, актуализирующий смысл реального общения посредством одного или нескольких ценностно-нагруженных коммуникативных действий.

5. На основе деятельностной триады «операция – действие – поступок» можно выделить три разновидности перформативной языковой личности: инстинктивная, рефлексивная, интуитивная. Первая оперирует эмотивами, этикетными действиями и клишированными перформативами, сопровождающими «рутинные» ритуалы, на уровне автоматизмов; вторая характеризуется выбором адекватных ее коммуникативным интенциям средств и адресата, способного правильно интерпретировать эти интенции; третья осуществляет волевою актуализацию ценностей посредством коммуникативного поступка.

6. Фактогенность как прагматическая основа перформативности в широком смысле представлена в двух видах в зависимости от конституируемого факта: фактуальная (фокусировка на актуальных моментах действительности) и фактуально-событийная (факт как культурное явление).

Фактогенность определяется видом дискурса, выделенного с позиции социолингвистики: в институциональном дискурсе она выше, нежели в

персональном, благодаря таким характеристикам институционального дискурса, как статусная маркированность, конвенциональность, протокольность, преимущественно прямой способ актуализации намерений коммуникантов. В свою очередь, неодинаковая степень выраженности данных характеристик в разных институциональных видах дискурса обуславливает специфику актуализации в них фактогенной перформативности.

7. Фактогенность дискурса имеет градуальный характер. Усиление фактогенной функции дискурса заключается в переходе фактуальной перформативности в фактуально-событийную, чему способствует ритуализация дискурса. Снижение фактогенности дискурса наблюдается в случае его этикетизации и карнавализации.

8. Выделяются четыре перформативные стратегии: устанавливающая, подтверждающая, трансформирующая и оспаривающая. Каждая стратегия распадается на тактики в зависимости от векторной направленности коммуникации: устанавливающая стратегия реализуется посредством тактик субъектной / адресатной идентификации, лимитирующей и экспансивной тактик; подтверждающая стратегия реализуется посредством тактик доминирующего / недоминирующего и дружественного / конфронтационного субъектного позиционирования; трансформирующая стратегия реализуется посредством тактик мелиоративно- / детериоративно-ориентированного позиционирования; оспаривающая стратегия реализуется посредством дискредитирующей / реабилитирующей тактик. Реализация перформативных стратегий обусловлена определенными социальными или коммуникативными нормами и ценностными доминантами лингвокультуры.

9. Перформативный дискурс представлен определенной системой речевых жанров в зависимости от реализуемых перформативных стратегий: к жанрам устанавливающей стратегии относятся высказывания декларативного, экспрессивного, комиссивного и вердиктивного характера (самопровозглашение, самоустранение от власти; похвальба; обещание,

договор; декларация независимости; назначение на должность, судебный приговор); к жанрам подтверждающей стратегии относятся высказывания директивного, реквестивного и регламентативного характера (приказ, запрет; жалоба, молитва; поздравление, соболезнование), а также жанры, соответствующие речевым действиям с оценочными знаками «+» / «-» (похвала, комплимент / упрек, оскорбление, разъяснение / угроза, выражение положительного отношения к адресату / выражение отрицательного отношения к адресату); жанры трансформирующей стратегии соответствуют речевым действиям с оценочными знаками «+» / «-» в переходной ситуации (от сотрудничества к конфронтации и наоборот); к жанрам оспаривающей стратегии относятся высказывания экспозитивного и апеллятивного характера (возражение, спор, раскаяние; вызов на дуэль, вызов на заключение пари).

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что оно вносит вклад в развитие прагмалингвистики, теории дискурса и речевых жанров, характеризуя перформативность как дискурсивный феномен и уточняя специфику манифестации перформативности в разных типах дискурса и речевых жанрах, а также лингвоперсонологии, выявляя характеристики языковой личности как субъекта перформативности.

Практическая ценность работы состоит в возможности использования полученных результатов в курсах общего языкознания, межкультурной коммуникации, лексикологии и стилистики русского и английского языков, спецкурсах по теории дискурса, прагмалингвистике, генристике, психо- и социалингвистике, лингвофилософии, когнитивной лингвистике.

Научная достоверность и обоснованность полученных результатов обеспечивается систематизацией научных подходов к пониманию перформативности; надежностью и доказательностью теоретических положений, позволяющих последовательно решить поставленные задачи; единством общенаучных и лингвистических методов исследования,

адекватных цели и задачам исследования; репрезентативностью фактического материала, а также разнообразием его источников.

Апробация. Основные положения и результаты исследования обсуждены на Всероссийской научно-практической конференции «Межкультурная коммуникация: современные тенденции и опыт» (Нижний Тагил, 2006), Международной научной конференции «Этнокультурная концептосфера: общее, специфичное, уникальное» (Элиста, 2006), Международной научной конференции «Межкультурная коммуникация: концепты и модели поведения» (Астрахань, 2007), Международной научной конференции памяти профессора И.Н. Горелова «Язык - Сознание – Культура – Социум» (Саратов, 2008), II Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы лингводидактики и лингвистики: сущность, концепции, перспективы» (Волгоград, 2009), Международной научно-практической конференции «Приоритеты и интересы современного общества» (Астрахань, 2010), Международной научной конференции «Язык и общество в зеркале культуры» (Астрахань, 2010), XIII Международной научной конференции «Новые парадигмы и новые решения в когнитивной лингвистике» (Витебск, Белоруссия, 2014), VIII Международной конференции «Communicating Through The Universe» (Пятигорск, 2014), XIV Международной научной конференции «Новые парадигмы и новые решения в когнитивной лингвистике» (Бишкек, Киргизия, 2014), XVI Международной научной конференции «Новые парадигмы и новые решения в когнитивной лингвистике» (Саранск, 2014), XVII Международной научно-практической конференции «Новые парадигмы и новые решения в когнитивной лингвистике» (Уральск, Казахстан, 2015), «Теоретические и практические аспекты лингвистики, литературоведения, методики преподавания, перевода и межкультурной коммуникации» (Астрахань, 2014), VI Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы лингводидактики и лингвистики: сущность, концепции, перспективы» (Волгоград, 2015), XIII Международной Зимней

научной школе, посвященной 65-летнему юбилею профессора В.А. Масловой «Когнитивная лингвистика и концептуальные исследования» (28 января – 6 февраля 2014 г., Витебский государственный университет, Белоруссия), XIV Международной Летней научной школе «Когнитивная лингвистика и концептуальные исследования» (28 июня – 5 июля 2014 г., Бишкек – Иссык-Куль, Киргизия), XVII Международной Зимней научной школе «Когнитивная лингвистика и концептуальные исследования» (19 января – 25 января 2015, Уральск, Казахстан), на заседаниях кафедры английской филологии Астраханского государственного университета, кафедры зарубежной филологии и лингвистики Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина, научно-исследовательской лаборатории «Аксиологическая лингвистика» в Волгоградском государственном социально-педагогическом университете (2006 – 2016 гг.).

По теме диссертации опубликовано 54 работы, в том числе монография, учебное пособие и 16 статей в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ. Общий объем публикаций составляет 50,3 п.л.

Структура и объем работы. Диссертация состоит из Введения, пяти Глав, Заключение, Списка использованной научной литературы, Списка использованных словарей и Списка источников фактического материала.

Во **Введении** дается общая характеристика проблемы исследования, определяются актуальность, цель и задачи исследования, его научная новизна, теоретическая и практическая значимость, научная достоверность исследования, степень научной разработанности проблемы, материал и методы исследования, описывается структура работы, приводятся положения, выносимые на защиту.

В **Главе 1** «Конститутивные признаки перформативности» рассматриваются различные подходы к изучению понятия перформативности, а также выявляются её конститутивные признаки на

основе анализа психологических, философских и социологических концепций действий.

В **Главе 2** «Когнитивно-дискурсивные характеристики перформативности» выстраивается лингвокогнитивная трехкомпонентная модель действия (операция – действие – поступок), выявляются способы манифестации перформативности в дискурсе, а также изучаются перформативные характеристики языковой личности.

Глава 3 «Фактогенная перформативность как тип дискурсивной перформативности в широком понимании» посвящена анализу шестого конститутивного признака перформативности – фактогенности – применительно к юридическому, рекламному, политическому и персональному видам дискурса. В третьей главе также рассматриваются случаи усиления и снижения фактогенности дискурса.

Глава 4 «Стратегическая перформативность как тип дискурсивной перформативности в узком понимании» посвящена изучению седьмого конститутивного признака перформативности – стратегичности. Рассматриваются основные перформативные стратегии и тактики; далее выявляются речевые жанры, посредством которых происходит реализация выделенных стратегий и тактик в юридическом, рекламном, политическом и персональном видах дискурса.

Глава 5 «Перформативные характеристики речевого жанра (на примере жанра «спор») посвящена изучению способа перформативного моделирования речевого жанра: выявляются способы манифестации перформативности в споре, а также основания для ее проявления.

В **Заключении** подводятся основные итоги работы и намечаются перспективы дальнейшего исследования дискурсивной перформативности.

Список использованной научной литературы включает 471 наименование, в том числе 147 наименований на английском языке.

Глава 1. Конститутивные признаки перформативности

1.1. Понятие перформативности: различные подходы к изучению

Перформативность относится к одним из самых сложных лингвистических феноменов. С одной стороны, отмечается достаточно высокая степень его изученности, прежде всего, как семантико-грамматической категории [Остин 1986; Серль 1986b; Апресян 1986], как семантико-прагматической категории [Красина 1999]; проводятся сопоставительные исследования перформативных глаголов (например, [Азадова 2007]), рассматриваются структурно-синтаксические, функционально-семантические и коммуникативно-прагматические характеристики перформативных высказываний [Богданова 2008; Романов 1984; Романова 1997; Романова 2009а; Россолова 2008; Стасюк 2005]. С другой стороны, некоторые аспекты перформативности, требуя дальнейшего уточнения и описания, продолжают привлекать к себе внимание лингвистов. Возросший в настоящее время интерес к перформативности объясняется изменением отношения к понятию «текст» в целом и функции текста в частности. Так, в настоящее время текст воспринимается «не как застывший материальный объект, но как процесс» [Матвеева, Сахарова 2006: 89]. Вследствие этого наблюдается смещение функции текста с дескриптивной к перформативной. Глубинной причиной таких изменений является, по мнению Ю.Б. Грязновой, смена общих культурно-исторических форм мышления: научной рациональности на коммуникативную рациональность, для которой важны принципиальная открытость мышления, его диалогичность, включенность исследователя в ситуацию (объект) исследования, а также общественный, культурный контекст исследования [Грязнова www].

А.А. Романов и Л.А. Романова считают всплеск интереса к феномену перформативности конъюнктурным и видят в нем одну из причин сложности подхода к перформативам различного порядка – каноническим

перформативам, композитным перформативам, перформансным перформативам, или перформативным симулякрам. Среди других причин ученые называют неопределенность значения и границ феномена перформативности как объекта, а также бессистемность его описания [Романов, Романова www].

Действительно, с момента введения Дж. Остином термина «перформативность» в научный обиход [Austin 1962] появилось множество его интерпретаций в разных научных дисциплинах, особенно в лингвистических и лингвофилософских направлениях [Andersson 1975; 1989; Aqvist 2003; Bach 1975; Bach, Harnish 1992; Bial 2004; Black 1963; Brożek 2011; Chisholm 1964; Condoravdi, Lauer 2001; Corredor 2009; Danielsson 1965; Doerge 2006; www; Duncan-Jones 1964; Forguson 1966; Ginet 1979; Goffman 1981; Gould 1995; Hare 1971; Harnish 1988; 2002; Hartnack 1963; Heal 1974; Hedenius 1963; Holdcroft 1974; Jary 2007; Johansson 2003; Kannezky 2002; Lemmon 1962; Mastop 2011; Miller 1984; O’Hair 1967; Reimer 1995; Searle 1975; Searle, Vanderveken 1985; Sesonke 1965; Strawson 1964; Szabolcsi 1982; Urmson 1977; Walker 1969; Warnock 1973; Апресян 1986; Арутюнова 1998; Богданов 1983; Романов 1984; Романова 2009а], однако все толкования объединяются общей идеей деятельностного характера всего того, чему свойственна перформативность:

1) перформативность действия / текста / дискурса как его способность осуществлять действия, совершать поступки, создавать факты или новую языковую реальность, а не просто описывать или обозначать их (Дж. Остин, теория речевых актов; Ю. Хабермас, теория коммуникативного действия; Р. Барт, семиотика текста; А.А. Романов, Л.А. Романова, теория коммуникации; В.И. Карасик, В.И. Тюпа, теория дискурса; В.И. Теркулов, лингвокогнитология);

2) перформативность как один из конструктивных признаков культуры, как акциональный процесс исполнения, посредством которого ситуативно и

неповторимо осуществляется культурное событие (И.В. Четыркина, теория социальной коммуникации);

3) перформативность как вариант саморепрезентации языковой личности отправителя (Ю. Хабермас, теория коммуникативного действия; Ю.Б. Грязнова, теория текста);

4) перформативность как декларация, декларативность, риторика (см.: [Хазагеров www]).

В каждом направлении предлагаются свои характеристики перформативного действия / текста / дискурса.

Дж. Остин применяет по отношению к перформативным высказываниям критерий успешности / неуспешности и наделяет успешные перформативы таким едва ли не главным признаком, как конвенциональность: условием эквивалентности перформативного высказывания действию является, согласно Дж. Остину, существование общепринятой конвенциональной процедуры, приводящей к определенному конвенциональному результату и включающей в себя произнесение определенных слов определенными лицами в определенных обстоятельствах [Остин 1986: 32-33]. Очевидно, именно благодаря своей сильной конвенциональной природе остиновские перформативные высказывания не нуждаются в верификации, т.е. к ним неприменим критерий истинности / ложности.

Г.Г. Хазагеров называет перформатив в узком, остиновском смысле, наиболее прямой проекцией «оси конвенции на ось интенции», что означает наличие ритуального характера у перформативов типа «я клянусь», «я благословляю», «я благодарю»: «эти перформативы как бы представляют от имени ритуала в обычном общении «я» и «ты» [Хазагеров www]. Априорная истинность, самодостаточность таких перформативов сближает их, по мнению Г.Г. Хазагерова, с символами. На примере манипулятивной риторики советской эпохи исследователь демонстрирует тесную связь перформативов и символов: домны, каналы, электростанции и другие достижения народного хозяйства не только имели

символическую природу, но и формировали и поддерживали определенную картину мира одной лишь саморепрезентацией [Там же].

Перформативное высказывание в его классическом, остиновском, понимании претерпевает структурные изменения и «разрастается» до композитного перформативного конструкта – такого образования, которое содержит дополнительные структурные компоненты или модальные модификаторы: модальные и вспомогательные глаголы, включенные предикатные конструкции, предикаты мнения, намерения, оценки, разрешения, позволения, эмоционального состояния и др. [Романова 2009b: 137].

Композитные перформативные образования, по сути, представляют собой типовые сценарии социальной коммуникации, или так называемые социальные практики. Именования композитных образований включают в себя элементы значения направленности на другого (других) и одновременно отсылают к условиям и правилам их функционирования в социальном целом [Романов, Романова [www](#)]. Употребляя такие социальные практики в Я-форме, говорящий создает новую реальность, новый уровень отношений с участниками коммуникации [Романова 2009b: 141].

Таким образом, основная функция композитных перформативных образований заключается в создании некой другой реальности, принципиально отличающейся от ранее существующей. В.И. Тюпа, говоря о перформативном дискурсе, называет эту функцию переформатированием той коммуникативной ситуации, какой он порождается, и в качестве примера приводит ситуацию, когда говорящий, выполняя какой-либо перформативный акт (например, приказывая или упрашивая), позиционирует свои отношения с адресатом как иерархические [Тюпа 2013: 36].

В.И. Теркулов переносит перформативную функцию на язык в целом, противопоставляя ее номинативной и коммуникативной функциям и выдвигая предположение о «существовании организованного языком мира

событий», то есть о существовании перформативного языкового бытия [Теркулов 2010: 23].

Ю. Хабермас, впервые перенесший понятие перформативности с отдельного высказывания на текст, несколько выходит за рамки понимания перформатива как действия, прежде всего, конвенционального. Согласно Ю. Хабермасу, перформативный текст - это тип текста, актуализирующийся в ситуации коммуникации, который является, в первую очередь, действием: во-первых, коммуникативным действием, а во-вторых, действием саморепрезентации, репрезентации себя через актуализированные способы мысли и деятельности [Хабермас 1989].

Идея Ю. Хабермаса о перформативности как условии саморепрезентации отправителя текста развивается и дополняется в теории текста. Ю.Б. Грязнова выделяет следующие характеристики перформативного текста:

1) используется в ситуациях коммуникации; 2) представляет собой способ саморепрезентации в коммуникации, обеспечивая существование индивидуальности в коммуникации; 3) является своеобразной экспериментальной моделью; 4) обладает проективной и организационной функциями; 5) оценивается не на истинность, а на аутентичность репрезентации; 6) будучи коммуникативным, является обращением к другому, а потому предполагает наличие места для другого; 7) имеет ярко выраженную топическую организацию текста, в том числе – позиционную [Грязнова www].

В работе Е.А. Горло [2007], посвященной анализу универсальной антропоцентрической модели поэтического дискурса, перформативность трактуется как характеристика процесса осуществления ситуативно обусловленного и неповторимого коммуникативного события (дискурса). Иными словами, перформативность стихотворного текста состоит в том, что данный текст превращается из сообщения о некотором событии в его конституирование. В целом же представляется, что перформативная функция

поэтического дискурса в исследовании Е.А. Горло сводится к речевоздействующей функции: дифференцируя перформативность дискурса на прямую, косвенную и скрытую [Горло 2007: 24], автор анализирует речевые средства, с помощью которых отправитель текста оказывает на адресата прямое, косвенное или скрытое воздействие.

Несколько шире понимает перформативность в художественном тексте В.И. Теркулов: слово как «абсолютная атомическая сущность» в художественном произведении является фактом созидания, а не обозначения, в целом язык художественного мира становится самодостаточной не информационной, а креационной, перформативной системой, автор же текста выступает в роли создателя, демиурга. Такая «созидательная» функция слова показана ученым, в частности, на примере стихотворения В. Хлебникова «Заклятие смехом», в лингвистической интерпретации которого, кстати, В.И. Теркулов оперирует понятиями «перформативное значение слова» («смехач – это тот, от кого смех, у кого смех и кто есть смех!»), «перформация начала» / «перформация конца» (суффиксы *рас-* и *за-* в словах «*рассмейтесь*» и «*засмейтесь*») [Теркулов 2008].

Р. Барт говорит о перформативности текста в связи с переворотом в романистике, цель которого - перевести повествовательный текст из сугубо констативного регистра в перформативный регистр, где содержанием высказывания оказывается сам акт высказывания. Отсюда, по словам Р. Барта, известная часть современной литературы является не дескриптивной, а транзитивной, поскольку воплощает в речи настоящее время в его чистом виде, чтобы любой дискурс совпал с самим актом, который его порождает, а всякий *logos* (акт представления предмета в мысли) оказался сведен (или распространен) к *lexis*'у (акту представления предмета в речи) [Барт [www](#)].

В.И. Тюпа рассматривает перформативность на уровне дискурса в сравнении с нарративным дискурсом: перформативный дискурс противопоставляется нарративному и вместе с дескриптивным и миметическим дискурсами составляет группу анарративных дискурсов, где

актуальное событие общения (сообщения) не состоит в изложении ранее происшедшего события [Тюпа 2013: 47]. Если основополагающей категорией нарратива (или повествования) является событие, в совокупности с другими событиями образующее особую структуру [Danto 1965; Genette 1998], или обладающее такими характеристиками, как гетерогенность (эпизодичность, фрагментарность), хронотопичность и интеллигибельность (смыслосообразность) [Тюпа 2001: 21-28], либо событие, актуализированное в виде истории [Abbot 2002; van Dijk 1976: 548-549; Татару 2011: 20] или интриги [White 1973], то отличительными признаками перформативного дискурса считаются автореферентность (тождественность сказанного и самого сказывания), монособытийность и связанная с ней автопрезентационность (субъект перформативного слова не исполнитель речевого действия, а сам действователь), коммуникативная векторность (направленность речевых действий на адресата, объект или самого говорящего), событийное качество поступков, номинативность (в перформативном высказывании назвать означает (воз)действовать), особая модальность (декларативная, медитативная и апеллятивная) [Тюпа 2013: 47].

Перформативность лежит в основе особого подхода к измерению дискурса, выделяемого В.И. Карасиком. При таком подходе дискурс рассматривается как поступок (т.е. сознательный выбор, в результате которого субъект принимает или намеренно не принимает на себя ответственность за новое положение дел) и исследуется в таких координатах действия, как «реальное – возможное», «прямое – не прямое», «простое – магическое», «открытое – манипулятивное», «естественное – инсталляционное» [Карасик 2014: 149, 171].

Концепция перформативных действий Дж. Остина получила развитие в теории социальной коммуникации. Так, И.В. Четыркина отмечает факт трансформации прагматического использования перформативной теории в универсально-культурную концепцию, что отражается в понимании перформативности как процесса конституирования социокультурной и

этнической идентичности, а это в свою очередь становится возможным благодаря «власти дискурса» производить то, что он называет. И.В. Четыркина выделяет следующие признаки перформативных действий: традиционность, индексикальность, итеративность, исполнительность, коллективность. Традиционность перформативных действий (понятие, эквивалентное конвенциональности перформативов по Дж. Остину) проявляется в их закреплённости за определёнными ситуациями, в которых коммуниканты занимают фиксированные статусные роли, неизменяемые во временном и пространственном отношениях. Индексикальность заключается в знаковой сущности перформативов. Итеративность понимается как повторяемость, цитируемость, прецедентность. Исполнительность соотносится с игровой, театрализованной стороной перформативных высказываний. Коллективность перформативных действий состоит в том, что они передаются из поколения в поколение, ориентированы на массовую аудиторию со сходными пресуппозициями [Четыркина 2006]. Таким образом, в данном подходе внимание акцентируется на «исполнительской» стороне перформативов и их ситуативной (социальной, культурной) обусловленности.

В риторике понятие перформативности сводится к декларативности. Самыми сильными перформативами здесь считаются высказывания, характеризующиеся итеративностью и ритуальностью, как, например, рекламные слоганы. Г.Г. Хазагеров отмечает, что в отношении рекламного слогана можно сформулировать максимум: «Я говорю, следовательно, сказанное существует». Так, тиражированный слоган «Gallina Blanca» – любовь с первой ложки» эквивалентен перформативу: «Gallina Blanca» объявлена любовью с первой ложки [Хазагеров www].

Такой «декларативный» подход к перформативности, на наш взгляд, сближает ее с понятием перформанса. Более того, А.А. Романов и Л.А. Романова указывают на то, что в силу широты трактовки понятия перформативности функционально-содержательная направленность и

коммуникативная специфика его базовых конститутивных признаков сводится к обыкновенному перформансу как привычному (шаблонному, ритуальному) исполнению действия [Романов, Романова 2011: 329].

В свою очередь, ученые связывают понятие перформанса с актом говорения, актом обозначения языкового употребления и знаниями об актуальном употреблении языка в конкретных ситуациях, с процессуальным актом исполнения речения (речи). Функционально такое речевое исполнение исследователи рассматривают как акт символического обозначения процессуальности исполнения вербального действия. А.А. Романов и Л.А. Романова отмечают, что из-за перформативного поворота в жизненных контекстах культурной сферы социума в сторону перформансных речевых актов гораздо более пристальное внимание в настоящее время уделяется не функциональной специфике речевых актов в институциональной сфере, а их анализу как речевых произведений, как «культурной перформации» или «культурного перформанса». К разряду речевых актов культурной перформации (перформансных речевых актов) ученые относят ритуалы и ритуальные представления, театральные постановки и инсценировки, критические выступления, полемические статьи, общественные слушания и дискуссии, оказывающие определенное воздействие на культурную жизнь общества [Там же: 332-333].

Размытость понятия «перформативность» и некоторая схожесть понятий «перформативность» и «перформанс» в плане определенного воздействующего эффекта, свойственного как перформативным, так и перформансным действиям, приводит к тому, что феномен перформативности выходит за рамки лингвистики и используется в других научных направлениях. По словам И.В. Четыркиной, понятие перформативности в последние годы приобретает важное значение для культурологических и социальных дисциплин, а также практический характер как руководство к действию различных общественных практик [Четыркина 2006].

В экономической науке перформативность трактуется как способность экономического знания и экономических технологий кардинально преобразовывать хозяйственную практику, увеличивая правдоподобие экономических теорий [Юдин 2008: 47].

М.И. Сизова, исследователь русской драматургии рубежа XX-XXI веков, так называемой «Новой Драмы», выделяет в качестве основной ее категории перформативность (наряду с такими категориями, как документализм и новый реализм). М.И. Сизова рассматривает перформативность как категорию, производную от перформанса – современной формы искусства, в которой произведение составляют действия художника или группы в определенном месте и в определенное время. В данном контексте перформативность представляется как воздействие на зрителя посредством языка, нежели сюжетной линии произведения: речь идет о «насилии языка», с помощью которого происходит прямое воздействие на зрителя-читателя с целью его шокирования и обескураживания [Сизова 2011: 115, 118].

В философии постмодернизма широкое распространение получила теория перформативной субъективности, введенная американским философом Дж. Батлер, которая под перформативом понимает указание на отсутствие так называемых «уникальных», «аутентичных», «данных» сущностей в практиках субъективации и репрезентации [цит. по: Жеребкина www]. Дж. Батлер подчеркивает роль социального фактора в оформлении идентичности человека, в том числе его гендерной идентичности, говоря о том, что персональные действия, или акты (гендер также определяется исследователем как акт - act), – это нечто вроде отрепетированных скриптов, ранее существующих и постоянно воспроизводимых в жизни: «The act that one does, the act that one performs, is, in a sense, an act that has been going on before one arrived on the scene. Hence, gender is an act which has been rehearsed, much as a script survives the particular actors who make use of it, but which requires individual actors in order to be actualized and reproduced as reality once

again» [Butler 1988: 526]. – «Действие, которое кто-то совершает, - это в определенном смысле акт, который совершался кем-то прежде. Так, гендер - это отрепетированный акт, как сценарий, который переживает актера, играющего по нему, но требующий новых индивидуальных актеров, чтобы вновь воспроизвести его в реальности» (здесь и далее при отсутствии ссылок перевод наш – Е.Г.).

Следует отметить, что, говоря о повторяемости действий / актов как обязательном условии формирования идентичностей («an identity instituted through a stylized repetition of acts») [Butler 1988: 519], Дж. Батлер сводит перформативность к понятию перформанса в вышеупомянутом смысле, а значит, данная интерпретация также подпадает под декларативное понимание перформативности.

Похожее понимание перформативности находим в [Park, Wee 2008]. Данная работа посвящена проблеме «присвоения» (appropriation) иностранного языка как источника дальнейшего формирования идентичности. Исследователи трактуют перформативность как попытки «присвоения» чужого языка и оценку этих попыток, причем на символическую ценность определенных случаев перформативности влияет общественная идеология, действующая на «языковом рынке»: «To paint this more cautionary perspective, we compare how speakers, depending on their social locations, may be constrained in different ways by the specific ideologies operating in the linguistic market. Such ideologies strongly influence the kinds of symbolic values assigned to particular instances of performativity, that is, how attempts at linguistic appropriation are received and evaluated» [Park, Wee 2008: 245]. – «Чтобы изобразить более надежную перспективу, мы приводим сравнение, когда говорящие, будучи зависимыми от социальных условий, могут быть по-разному ограничены специфическими идеологиями, охватывающими лингвистический рынок. Такие идеологии оказывают сильное влияние на символические ценности, приписываемые тем или иным проявлениям перформативности, т.е. на попытки «присвоения» языка и оценку этих

попыток». Формирование языковой идентичности в данной трактовке напоминает формирование гендерной идентичности в теории Дж. Батлер: человек «примеряет» роль носителя того или иного иностранного языка, выстраивая свое речевое поведение в соответствии с коммуникативными нормами, принятыми в «присваиваемой» лингвокультуре. Понимание перформативности как процесса «присвоения» чужого языка значительно расширяет декларативное понимание перформативности.

Итак, существуют различные подходы к пониманию перформативности, но все они могут быть сведены к следующим: 1) перформативность действия / текста / дискурса как его способность осуществлять действия, совершать поступки, создавать факты или новую лингвальную реальность, а не просто описывать или обозначать их; 2) перформативность как один из конструктивных признаков культуры, как акциональный процесс исполнения, посредством которого ситуативно и неповторимо осуществляется культурное событие; 3) перформативность как вариант саморепрезентации языковой личности отправителя; 4) перформативность как декларация, декларативность, риторика.

1.2. Психологические концепции действий

Этимологическое значение слова «перформативность» (от ср.-лат. *performo* — «действую») отражает деятельностный характер данного феномена. Понятие деятельности наиболее полно изучено в отечественной психологии (А.А. Леонтьев [1974a], А.Н. Леонтьев [1974b; 1999a; 1999b], А.В. Петровский, М.Г. Ярошевский [2001], С.Л. Рубинштейн [2007]). Под деятельностью в психологии понимается совокупность действий, направленных на удовлетворение общественных потребностей [Рубинштейн 2007]. Отсюда основной единицей деятельности в психологических концепциях считается действие, другими структурными элементами деятельности являются операция и поступок. Поскольку в рамках настоящего

исследования триада «операция - действие – поступок» представляется лингвистически релевантной, необходимо выделить общие и дифференцирующие признаки составляющих данной системы.

Главный компонент деятельности – *действие* – достаточно хорошо изучен в психологии. Общим признаком действия в разных деятельностных теориях выступает его целенаправленность. Так, А.Н. Леонтьев под действием понимает процесс, подчиненный представлению о том результате, который должен быть достигнут, т.е. процесс, подчиненный сознательной цели [Леонтьев 1999а: 276].

Речевой проекцией целенаправленного и осознанного действия, описанного в психологической концепции, является иллокутивный акт [Austin 1962; Searle 1965]. Иллокуция, понимаемая как выраженное в высказывании коммуникативное намерение говорящего, послужила основанием для классификации речевых актов, производной от классификации перформативных глаголов, которую предложил Дж. Остин (вердиктивы, экзерситивы, комиссивы, бехабитивы, экспозитивы) [Остин 1986], и типологии Дж. Серля (репрезентативы, директивы, комиссивы, экспрессивы, декларативы) [Серль 1986].

С.Л. Рубинштейн указывает на возможность понять суть действия только в связи с деятельностью, в которую оно включено как сознательное средство достижения общей цели данной деятельности. При этом включение действия в новый, более широкий, контекст придает ему большую внутреннюю содержательность, поскольку результат действия, будучи по отношению к конечной цели средством, является вместе с тем для данного частного действия целью [Рубинштейн 2007: 466].

Дискурсивной иллюстрацией данного тезиса могут служить примеры с переакцентуированными (измененными) коммуникативными намерениями адресанта. Таковы, в частности, брачные объявления, в которых описание внешних данных адресанта, его социального статуса и увлечений является, с одной стороны, частной целью дескриптивных речевых действий, а с другой

стороны – средством самопрезентации, направленной на нахождение спутника жизни: *«Меня зовут Мне ... лет, рост ... см. Добр, честен и справедлив. Люблю животных, природу. Интересуют музыка, компьютерные технологии, интернет, наука. И все новое и непознанное»*. (<http://www.dorus.ru>). По сути, иллокуция таких высказываний сводится к просьбе или призыву адресанта обратить на него внимание, что свидетельствует об их перформативном характере.

То же самое можно сказать о переакцентуированных миметических высказываниях¹. Сравним два примера:

Узнав, что в Херсоне есть чиновник, умеющий хорошо передразнивать известных лиц, князь немедленно выписал его к себе и приказал показать искусство, передразнить и его, князя, а затем отпустил (<http://search.ruscorpora.ru>).

Такое отношение высказывалось в то время во всем: барские не упускали случая посмеяться над однодворцами и передразнить их говор: кого и чаго вместо «ково» и «чево», що вместо «што» <...> (<http://search.ruscorpora.ru>).

Из первого примера следует, что передразнивание может быть формой развлечения; в таком случае оно сохраняет репрезентативную иллокуцию и относится к классу миметивов. Во втором примере показано, как субъектно-репрезентативная иллокуция передразнивания переходит в перформативную: передразнивание здесь становится средством самоидентификации, позиционирования барскими слугами себя как людей, занимающих более высокое иерархическое положение по сравнению с однодворцами.

Историческое возникновение в деятельности целенаправленных процессов – действий – объясняется следствием перехода человека к жизни в

¹ Основой миметива, по мнению В.И. Тюпы, является субъектный репрезентатив: в речи мимесис непосредственно воспроизводит чужие высказывания – «от пиететного цитирования до передразнивания – без посреднической функции нарратора» [Тюпа 2010].

обществе [Леонтьев 1999а: 277]. Этим определяется другая немаловажная особенность действия - его общественный характер и, следовательно, удовлетворение общественных потребностей как основной, глубинный мотив действия. Приоритет удовлетворения общественных потребностей над удовлетворением личных потребностей также обуславливает сознательный характер деятельности, а значит, и действий, и делает ее, таким образом, отличной от инстинктивной деятельности, присущей животным [Рубинштейн 2007: 465].

Итак, главной лингвистически значимой характеристикой действия является целенаправленность, которая в свою очередь подразумевает осознанность.

Операция является еще одной «единицей» макроструктуры человеческой деятельности. Если действия соотносимы с целями безотносительно условий деятельности (в этом состоит их интенциональный аспект, по А.Н. Леонтьеву), то операции соотносимы с целями, данными в определенных условиях, т.е. с задачами, и составляют операционный аспект действий. Иными словами, операция является способом выполнения действий, инструментальной основой деятельности [Леонтьев 1974b: 15, 17; Леонтьев 1999а: 278; Петровский, Якушевский 2001: 216; Балл www].

На речевом уровне операциями являются различного рода клишированные высказывания от бытовых повседневных фраз («*Будь здоров!*» / «*Bless you!*», «*Всего доброго*» / «*Take care*») до профессионально- и статусно-маркированных («*Возбуждено уголовное дело по статье...*», «*Тема сегодняшнего урока - ...*», «*Honorable Chief Justice, may it please the Court...*» / «*Уважаемый председатель Верховного суда, достопочтенный суд...*», «*Я вам приказываю*»).

А.А. Леонтьев видит наиболее общее различие между действием и операцией в том, что действие не зависит от условий протекания деятельности, в то время как операции, реализующие действие, варьируются в зависимости от изменяющихся условий. Отсюда для выполнения одного и

того же действия в разных условиях может потребоваться разный набор операций [Леонтьев 1974а: 29].

Варьированием речевых операций в зависимости от изменяющихся условий протекания деятельности можно считать разные способы выражения речевого этикета, языковое наполнение которых предопределяется, прежде всего, регистровыми характеристиками общения (официальность / неофициальность). Например, выражение приветствия варьируется от фамильярно-разговорного «*Здорово / Привет / Hi*» до приветственной речи официальных лиц, адресованной участникам большого мероприятия (конференции, круглого стола, конкурса, политического саммита, Олимпийских игр и т.п.) и включающей целые тематические блоки: непосредственно приветствие, обоснование встречи, упоминание заслуг участников, пожелание успехов. Аналогичным образом варьируется прощание – от фамильярно-разговорных (и литературно-разговорных) форм «*Давай, пока / Поки / Чао / Bye-bye / See you*» до заключительного прощального слова на официальных мероприятиях, при завершении карьеры (начальник перед подчиненными, артист перед поклонниками), выходе на пенсию, уходе в отставку и т.п. Дискурсивными разнорегистровыми вариантами выражения благодарности является, с одной стороны, сокращенная форма слова «спасибо» - «*спс*», используемая в сетевой компьютерной коммуникации либо СМС-общении без указания причин благодарности, а с другой стороны – официальное благодарственное письмо на фирменном бланке с обязательным обоснованием причин (например, «*за добросовестный труд в сфере высшего профессионального образования в связи с 80-летием со дня основания университета*»). Поздравления, пожелания и соболезнования варьируются от литературно-разговорных форм («*Поздравляю!*» / «*Удачи!*» / «*Соболезную*» / «*Прими(те) соболезнования*») до слабо формализованного поздравления президента страны, обращенного ко всей нации (например, ежегодное новогоднее поздравление Президента РФ)

и жестко формализованного письма-соболезнования, оформленного на фирменном бланке.

При дискурсивном варьировании этикетных речевых действий-операций наблюдается сохранение их основных иллокуций. Примером вариативного изменения иллокуций являются неэтикетные клишированные действия-операции. Так, если в научном дискурсе речевой акт возражения («Я возражу...», «Я хотел бы поспорить...», «Я не могу согласиться...» / «*I argue that...*», «*I disagree that...*», «*I'm not sure if...*») – это представитель класса экспозитивов (по Д. Остину) или репрезентативов (по Д. Серлю), то в судебной тяжбе возражение, выражаемое прямо: «Протестую, Ваша честь» / «*Objection*», - это перформативное высказывание из класса экзерситивов (по Д. Остину), т.е. законодательных или исполнительных актов [Остин 1986: 124].

Операции формируются двумя способами: путем подражания и автоматизации действий [Тертель 2008: 64]. Операции вырабатываются, обобщаются, фиксируются как общественно-исторический опыт. Следовательно, индивид может обучаться операциям, усваивать их и применять в форме умения и навыка [Леонтьев 1974b: 15; Леонтьев 1999b: 282].

С уверенностью можно сказать, что вышесказанное относится к речевым операциям в том числе. Так, согласно К.Ф. Седову, уже в период младенчества начинается овладение некоторыми этикетными субжанрами – приветствием, прощанием и т.п., хотя их коммуникативное проявление до второго года жизни ребенка ограничено невербальной формой [Седов 2004: 238].

Термины «действие» и «операция» иногда не различаются, но принципиальным различием является то, что операция порождается в результате «технизации» действия, которая достигается при включении одного действия в другое [Леонтьев 1974b: 16]. Проиллюстрируем данное утверждение на примере речевого действия «приказ»:

Командир дивизии ранен, заместитель и начальник штаба убиты, приказываю вам принять командование дивизией, - и после паузы добавил медленно и резко:

- Ты командовал полком в невиданных, адских условиях, сдержал напор (В. Гроссман «Жизнь и судьба»).

- Бабушка! Я не буду просить у него прощения ни за что... - сказал я, вдруг останавливаясь, чувствуя, что не в состоянии буду удержать слез, давивших меня, ежели скажу еще одно слово.

- Я приказываю тебе, я прошу тебя. Что же ты? (Л.Н. Толстой «Отрочество»).

В обоих примерах используется перформативный глагол «приказывать», однако только в первом он реализует речевое действие «приказ», во втором же случае его употребление интенсифицирует другое речевое действие – просьбу; таким образом, здесь имеет место включение приказа в просьбу, что придает приказу операционный характер.

Поскольку целостная деятельность в процессе реализации претерпевает изменения и трансформации, действие при изменении его цели может стать операцией [Давыдов 1999: 290].

Речевыми операциями становятся действия, генетически восходящие к коммуникативным поступкам / проступкам (молитва, комплимент, признание в любви, оскорбление, проклятие и т.п.), если они характеризуются итеративностью (регулярной повторяемостью), что, как правило, снижает степень их осознанности, а значит, ведет к изменению цели. Так, например, молитва в каждодневном ее исполнении превращается из сакральной просьбы о божьей благодати в выражение благодарности богу, которая, несмотря на сакральность, приобретает характер, близкий этикетному.

Свойство этикетных речевых операций также приобретают речевые действия, когда их прагматические функции замещаются фатическими. Таковы признания в любви, сопровождающие формулы прощания («*Люблю тебя. Целую. Пока*»). То же касается комплиментов, ориентированных не на

оказание воздействия на адресата, а на установление контакта между адресантом и адресатом [Мудрова 2007] (так называемые ритуальные комплименты).

Речевые проступки «оскорбление» и «проклятие» при изменении коммуникативных целей переходят в разряд речевых операций – ругательств, преобладающая функция которых - выражение эмоций, как отрицательных, так и положительных:

'Damn you, will you admit the truth?' - Черт возьми! Ты признаешь правду?

I'll be damned! I haven't seen you for years. - Чёрт возьми! Сколько лет, сколько зим! (LingvoUniversal (En-Ru) 2008).

В первом примере формула проклятия «*Damn you*» используется для выражения раздражения, негодования, во втором примере вариант той же формулы позволяет передать удивление и радость.

Итак, для настоящей работы важными представляются такие признаки операции, как малая степень осознанности, выполняемость на уровне автоматизмов, вариативность в зависимости от изменяющихся условий протекания деятельности и возможность включения в другое действие.

Самое высокое положение в психологической иерархии действий занимает *поступок*. Суммируя взгляды отечественных исследователей, которые изучали психологию поступка (С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, В.В. Петухов, В.В. Столин, В.П. Зинченко; Е.Е. Соколова), Д.А. Леонтьев отмечает, что их объединяет понимание поступка как действия, соотносимого с личностью как ее сущностным проявлением [Леонтьев www].

Действительно, представители деятельностного подхода к изучению личности в отечественной психологии рассматривают поступок как своеобразный «индикатор личности». В языке значимость личностного проявления в поступке отражается в номинациях субъектов коммуникативных поступков. Как правило, фреймы коммуникативных

концептов – ментальных образований, в основе дискурсивной реализации которых лежит коммуникативное речевое действие или речевой жанр [Горбачева 2007; Дементьев 2006а], - включают множественные обозначения субъектов коммуникативных поступков.

Одинаково значимые для разных лингвокультур концепты имеют схожую объективацию. Например, субъект предательства, согласно У.А. Савельевой, обозначается в русской и английской лингвокультурах примерно одинаковым количеством единиц с отрицательной коннотацией: «предатель (предательница)», «изменник», «изменщик», «доноситель», «доносчик», «сикофант», «ябеда», «наушник», «Иуда», «искариот» и др.; «traitor», «backstabber», «double-crosser», «renegade», «collaborator», «informer», «quisling», «Judas», «double-agent» и др. Все рассмотренные лексические единицы объединяются стержневым семантическим признаком «человек, предавший кого-либо, что-либо». Кроме основной семы У.А. Савельева выделяет дополнительные признаки: «тот, кто изменил прежним взглядам», «лицемерный человек, притворяющийся другом и друга предающий в силу разных причин», «непостоянный во взглядах», «тайно замышляющий что-либо», «нарушивший клятву», «нарушивший гражданский долг» [Савельева 2008: 35-38].

Неуниверсальные концепты могут различаться в плане объективации своих компонентов. Так, для обозначения участников спора в русском языке служат такие слова, как «спорящая сторона», «спорщик», «оппонент», «полемист», «противник», «соперник», «антагонист», «возражатель», «тяжебник» («тяжебщик»). Есть также слова, ассоциативно связанные со спором в связи с обозначением участников спора: «софист», «казуист», «фордыбака». В английском языке имеется еще более широкий ряд номинаций участников спора: «the opposing side», «opposition», «opposer», «opponent», «arguer», «debater», «discussant», «disputant», «contender», «contestant», «controversialist», «polemicist», «polemist», «polemic», «logomacher», «antagonist», «adversary», «quarreller». Как и в русском языке, в

английском есть слова, ассоциативно связанные с концептом «спор» в плане обозначения участников спора: «a quibbler, or a casuist» / «казуист, крючкотвор», «a dialectician» / «диалектик», «a reasoner» / «человек, который спорит, делает заключения, выводы». Все они объединены общим семантическим признаком «a person who disagrees with somebody or to something» / «человек, не согласный с кем-чем-либо» [Горбачева 2007: 59-62].

Высокая степень личностного проявления в поступке четко отражена в определении данного действия, которое дает Т.В. Корнилова, понимая под поступком лично обусловленное принятие решений, т.е. специфическую ситуацию, в которой субъект осуществляет ответственный выбор из альтернатив. При этом Т.В. Корнилова указывает на способность личности принимать собственные решения как на свидетельство ее саморазвития [Корнилова 2002: 173-174].

В.А. Петровский не соотносит поступок непосредственно с личностью, однако возводит в ранг поступков деятельность, совершаемую человеком и оцениваемую другими людьми с точки зрения этики: как бескорыстную / своекорыстную, добросовестную / недобросовестную и т.п. [Петровский, Ярошевский 2001: 216]. Данное утверждение выявляет еще одно принципиальное различие между действиями, операциями и поступками - разные критерии их оценки. Так, для оценки успешности действия используются процессуально-целевые критерии: действие считается успешным, если оно либо выполнено в соответствии с алгоритмом, либо достигло цели, либо и то и другое. Основой же для оценки поступка служит морально-этическая сфера: поступок может не достичь цели и при этом считаться успешным, если он был совершен в виде очевидной попытки [Большой психологический словарь www]. Рассмотрим пример:

'Oh, my precious, my dear, if you ever loved me – I know you loved me and I was hateful – I beg you to forgive me. I've no chance now to show my repentance. Have mercy on me. I beseech you to forgive.' <...> *It was meaningless. Delirium.*

He had not understood a word she said. - О дорогой мой, родной, если ты когда-нибудь меня любил, а ты любил меня, я знаю, и я так ужасно с тобой поступила, - прости меня. Я уже не смогу доказать тебе, как я раскаиваюсь. Сжался надо мной. Прости меня, умоляю. <...> Это бессмыслица. Бред. Он не понял ни единого ее слова. (W.S. Maugham «The Painted Veil» / С. Моэм «Узорный покров» / Пер. с англ. М. Лорие).

Главная героиня Китти просит прощения у умирающего мужа за свою измену в прошлом, но видит, что тот не понимает ее, будучи в бреду. Таким образом, просьба Китти не увенчалась успехом, поскольку не достигла цели. Однако поступок героини можно считать успешным, потому что она сделала то, что хотела и должна была сделать давно, без этого поступка было бы невозможным ее дальнейшее нравственное взросление.

Вышеописанный речевой поступок не только выявляет, но, прежде всего, формирует личность героини. А.Н. Леонтьев в своей теории «двукратного» рождения личности называет данный процесс «вторым рождением личности, связанным с осознанием мотивов и превращением их в мотивы-цели, благодаря чему человек способен делать самостоятельный выбор [Леонтьев 2000]. С.Л. Рубинштейн объясняет совпадение мотива и цели в деятельности личности тем, что общественно значимое (то, что определяет мотив деятельности) постепенно становится личностно значимым (т.е. тем, что определяет цель). Иными словами, объективированные в процессе общественной жизни ценности становятся целями деятельности человека [Рубинштейн 2007: 591-592]. В предыдущем примере из романа С. Моэма «Узорный покров» общественно значимые нравственные ценности милосердия, добра, правды становятся приоритетными для героини и, определяя ее мотивы-цели, или установки², обуславливают ее поведение в целом и коммуникативное поведение в частности.

² Установкой здесь и далее для соблюдения терминологической точности мы будем обозначать мотив-цель, а именно, вслед за Д.Н. Узнадзе [2001: 26], - целостную направленность сознания субъекта в определенную сторону на определенную активность.

Не преуменьшая роли поступка в оценке личностных качеств человека, в то же время необходимо отметить справедливость акцентируемой С.Л. Рубинштейном идеи о том, что поступки не всегда являются адекватными показателями личности, поскольку, во-первых, противоположные поступки могут быть обусловлены одними и теми же личностными установками, равно как разнородные установки могут мотивировать тождественные поступки; во-вторых, человек может совершить случайный поступок, не характерный для него и поэтому не являющийся выражением его личности [Рубинштейн 2007: 31]. Например, такие противоположные в плане морально-этической оценки речевые поступки, как признание в любви женщине и клевета на соперника (типа *«Я тебя люблю, а он недостойн тебя»*), обусловлены стремлением мужчины завоевать женщину любыми способами. Далее, такие равнозначно отрицательные речевые поступки, как донос и шантаж, могут быть мотивированы несколькими установками: дискредитировать «жертву» и укрепить свой авторитет либо реабилитировать другого участника коммуникации. Наконец, случайным речевым поступком может стать ложь, в том числе так называемая «ложью во спасение», со стороны человека, который привык говорить только правду.

В связи с вышесказанным следует согласиться с В.П. Зинченко, что соотнесенность поступка с морально-этической сферой позволяет говорить о нем как о единице поведения, т.е. деятельности, детерминированной общественными нормами нравственности и права [Большой психологический словарь 2003].

Категория поступка тесно связана с такими понятиями, как «воля», «выбор» и «ответственность». Поэтому естественно, что к поступкам не относятся автоматизмы, рефлексy, баллистические движения, а также некоторые действия - импульсивные, привычные, гетерономичные (выполняемые по приказу, служебной инструкции, внешним требованиям, согласно предписанной роли) [Большой психологический словарь www].

Связь с понятием «воля» выявляется из определений поступка, которые дают А.Н. Леонтьев и С.Л. Рубинштейн: под поступком ученые понимают волевое в узком смысле этого слова действие / волевой акт, переживаемый субъектом, требующий внутреннего усилия, что присуще только человеку [Леонтьев 1999b: 282; Рубинштейн 2007: 590].

В зависимости от ситуации, личностных качеств субъекта, его темперамента, жизненных установок и т.п. одни и те же речевые действия могут приобретать качество волевого акта – поступка, либо сохранять признаки действия / операции. Рассмотрим нижеследующие примеры флирта:

Женщины флиртуют чаще мужчин, но их флирт, как правило, несерьезен и безобиден (<http://search.ruscorpora.ru>).

Но – не только отсутствие навыков в подавлении бунта и неважная амуниция делали флирт с ней неисполнимым, но осторожность, страх поражения, нежелание рисковать завоеванным в классе лидерством, ибо моя взволнованность ею, несмотря на известную тупость моих дружков в сердечных делах, грозила вот-вот выйти на поверхность (Н. Климонтович «Дорога в Рим»).

Флирт из первого примера относится к разряду речевых действий / операций, причем гендерно маркированных, будучи характерным для речевого поведения женщин. На его отнесенность к разряду действий / операций указывают слова с семантикой частотности и обыденности («чаще», «несерьезен», «безобиден»). Во втором случае флирт представляется речевым поступком, поскольку для его реализации субъекту необходимо проявить волю, справиться с собственной нерешительностью и сомнением относительно вероятных последствий флирта.

Понятие «воля» опосредует связь «поступка» с «выбором» и «ответственностью»: волевое действие является результатом произведенного личностью выбора, который требует от индивида чувства ответственности за последствия своего поступка [Рубинштейн 2007: 527].

Психологическим основанием волевого и ответственного выбора, обуславливающего поступок, является его сложная мотивированность. Ученые по-разному объясняют сложномотивированность поступка, но их концепции объединяются идеей полимотивированности и борьбы мотивов, лежащих в основании поступка.

Так, В.С. Мерлин понимает полимотивированность поступка как его мотивирование не изолированным мотивом, а системой мотивов, где одни мотивы являются господствующими, другие – подчиненными, одни – более общими, другие – более частными, одни – сотрудничающими, другие – антагонистичными [Мерлин 2001: 248].

Иерархическая система мотивов, или, точнее, установок, свойственна речевому поступку «раскаяние»: главной установкой раскаяния является получение прощения со стороны Бога как отпущения совершенных грехов, сопутствующими установками – избавление от угрызений совести, получение прощения со стороны близких людей и т.п. Примером речевого поступка с системой сотрудничающих установок является обвинение: оно направлено на приписывание адресату какой-нибудь вины и на его осуждение. Антагонистичная система установок характерна для речевых поступков, реализуемых в рамках агрессивного дискурса: с одной стороны, они нацелены на нанесение морального ущерба адресату, с другой стороны – на получение субъектом психологической разрядки, или катарсиса, по выражению В.И. Жельвиса [2007: 187]. Та же система установок свойственна речевым поступкам, реализуемым в рамках неискреннего / ложного / манипулятивного дискурса: они направлены на извлечение субъектом собственной выгоды из коммуникации, но в то же время субъект стремится установить или сохранить лояльное к себе отношение со стороны адресата.

Согласно В.В. Столину, борьба мотивов, обуславливающая поступок, заключается в реализации одного мотива и одновременно отказе от другого мотива. При этом ученый различает два «измерения» работы самосознания: субъективное признание факта совершения поступка и работу «за» /

«против» личностного выбора, заключенного в поступке. Внутри второго измерения рассматриваются три возможные ситуации: в пользу отвергнутого мотива (раскаяние / самообман), против отвергнутого мотива (ужесточение / дискредитация) и нерешенность выбора «за» и «против» (смятение / вытеснение) [Столин 2001: 253-259]. Д.Н. Узнадзе обосновывает борьбу мотивов ценностной нагруженностью выбора: у человека как существа сложного, с множеством потребностей, имеется один ряд мотивов, которые оправдывают данное поведение, и другой ряд мотивов, которые направлены против него [Узнадзе 2001: 350-351].

В конечном итоге, как справедливо утверждает С.Л. Рубинштейн, борьба мотивов сводится к конфликту между желанной целью и нежеланными средствами либо результатом ее достижения [Рубинштейн 2007: 168]. Например, речевой поступок «пари» мотивирован в большей мере стремлением к риску и победе в конечном итоге; однако это стремление может сдерживаться осознанием возможного проигрыша и вынужденной необходимости чем-либо жертвовать: деньгами, репутацией, жизнью. В следующем пари, даже несмотря на его несерьезный характер, в качестве наказания заранее обсуждается «жертва», на которую придется пойти его участнику в случае проигрыша:

Д. Нагиев: Я скажу, какое наказание постигнет Владимира Хотиненко... ему предстоит сесть на капот на шпагат между двумя машинами и просидеть в таком положении всего час... Шутка, конечно, шутка... но небольшое забавное наказание Вас все-таки постигнет... (программа «Большой спор» на Первом канале, эфир от 3.03.2006).

Резюмируем все вышесказанное.

Основания для изучения феномена дискурсивной перформативности в силу его деятельностного характера находятся в психологических теориях действий. Лингвистически релевантными представляются выделяемая в рамках психологических концепций действий триада «операция - действие – поступок», а также характеристики каждого элемента данной триады.

1.3. Философские концепции действий

Деятельность - одна из центральных философских категорий. Основным ее компонентом считается действие, наделяемое такими признаками, как целеосознанность, целенаправленность, произвольность и относительная завершенность. Поступок в философии понимается как разновидность действия, принадлежащего сфере нравственности [Новая философская энциклопедия www; Философский словарь www]. Философские деятельностные концепции дополняют значимые для настоящего исследования характеристики действия и поступка (понятие «операция», входящее в деятельностную триаду «операция – действие – поступок», выделяемую с позиции психологии, не является объектом пристального философского изучения).

Прежде всего, понятие перформативности расширяется за счет трактовки поступка как одной из форм проявления свободы воли [Философский словарь www]. В детерминистской философии, занимающейся рассмотрением различных аспектов и проявлений свободы - свободы воли, свободы и необходимости, свободы и ответственности, - свобода понимается как способность человека действовать, совершать выбор целей деятельности, выбор средств достижения этих целей и выбор поступков, обусловленный объективной необходимостью, объективной детерминацией явлений, которые отражаются в мире сознания в виде логической и психологической необходимости, связывающей человеческие идеи, понятия, образы. Причем основанием ситуации выбора является объективное существование спектра возможностей. Сама ситуация выбора – это не свобода, а лишь предпосылка свободного действия. Сам акт свободного действия связан с выбором определенной альтернативы и ее реализацией в действительности [Алексеев, Панин 2000: 519-520].

Важно отметить, что антиподом свободы в данном случае является принуждение, т.е. действие человека под влиянием внешних сил, вопреки

своим внутренним убеждениям и целям [Алексеев, Панин 2000: 518; Audi 1974; Streumer 2007]. Следовательно, волевое действие, совершенное по принуждению, не является поступком.

Показателем свободы выбора при совершении речевого поступка является искренность. Например, относительно речевого поступка «раскаяние» можно сказать, что только искреннее раскаяние считается условием Божественного прощения, поэтому оно оценивается однозначно положительно [Электронная еврейская энциклопедия www]:

И только искреннее раскаяние способно вернуть наши испоганенные ложью души в сияющие чертоги нашего детства (<http://search.ruscorpora.ru>).

Искреннее раскаяние, кроме того, может помочь человеку оправдать перед обществом свои проступки:

Even at his worst, he implies that he never transcended the ultimate standards of gentlemanly conduct and human decency, or at least never did so without sincere repentance. – Он имеет в виду, что даже в худшем случае он никогда не нарушает правила джентльменского поведения и человеческого достоинства, по крайней мере, он никогда не делает этого без искреннего раскаяния (<http://www.natcorp.ox.ac.uk>).

Неискреннее же раскаяние не принимается церковью и порицается обществом. Так, в следующем примере неискреннее раскаяние описывается с помощью слов «напасть», «накатит», «сопливое удушье», имеющих отрицательную коннотацию и передающих иронию:

Если не взять себя в руки хотя бы сейчас, вслед за случайным гневом накатит другая напасть: бурное раскаяние, полное слез и сопливого удушья (<http://search.ruscorpora.ru>).

Неискренность при совершении речевого поступка свидетельствует о том, что некие внешне или внутренне детерминированные обстоятельства оказывают принудительное воздействие на говорящего:

Well, she'll repent of it and agree to all I say before one crumb, or one drop of water, crosses her lips. – Она раскается в этом и согласится со всем, что я

скажу, прежде чем крошка хлеба или капля воды коснется ее губ (<http://www.natcorp.ox.ac.uk>).

Что касается речевых поступков, предполагающих неискренность, таких как ложь и лесть, свобода выбора в них манифестируется намеренным выражением ложной пропозиции, что, согласно С.Н. Плотниковой [2000: 5], является реализацией дискурсивной стратегии неискренности. Такие поступки относятся нами к разряду квази-поступков, находящихся на стыке между поступком и проступком.

Рассмотрим пример из рассказа Л.П. Хартли «В.С.», где человек, позиционирующий себя как читателя и поклонника известного писателя, шлет ему открытки, заставляющие адресата встревожиться:

The first postcard came from Forfar. 'I thought you might like a picture of Forfar,' it said. 'You have always been so interested in Scotland, and that is one reason why I am interested in you. I have enjoyed all your books, but do you really get to grips with people? I doubt it. Try to think of this as a handshake from your devoted admirer, W.S.' – Первая открытка пришла из Форфара. “Думаю, вам понравится этот пейзаж, ведь вас всегда интересовала Шотландия. Кстати, в этом одна из причин, почему я сам заинтересовался вами. Я в восторге от ваших книг, но скажите, приходилось вам когда-либо по-настоящему соприкоснуться с людьми. Лично я в этом сомневаюсь. Оставляю вам это раздумье вместо рукопожатия. Ваш неизменный почитатель В.С.” (L.P. Hartley «W.S.» / Л.П. Хартли «В.С.» / Пер с англ. Н. Куликовой).

На первый взгляд, по своему содержанию открытка соответствует речевому поступку: в ней косвенно выражается признательность писателю за его творчество («*I have enjoyed all your books*»), присутствует конструктивная критика («*do you really get to grips with people? I doubt it*»). Однако ирония В.С. («*that is one reason why I am interested in you*», «*your devoted admirer*») сигнализирует о его неискренности. Учитывая данный факт, мы причисляем данный поступок к разряду квази-поступков.

Продолжая далее интерпретировать детерминистскую трактовку свободы, отметим, что, на наш взгляд, она естественным образом обуславливает возможность совершения «нулевого» поступка, т.е. такого речевого действия, несовершенство которого представляется одной из альтернатив выбора. Например:

I never repent, Harry. – Я никогда ни в чем не раскаиваюсь, Гарри (<http://www.natcorp.ox.ac.uk>).

Принципиальный отказ от раскаяния, а значит, и сожаления, угрызений совести, декларируемый в данном примере, – это сознательный и свободный выбор человека, свидетельствующий об определенных характеристиках его поведения в целом: непреклонности, упрямстве, жесткости, возможно, даже косности и т.д.

Вопрос свободы выбора тесно связан с проблемой моральной и правовой ответственности человека за свои поступки [Алексеев, Панин 2000: 521; Audi 1974; Smiley 1992; McKenna 1998; Watson 2003; Fischer 2004; 2008; Мoya 2005; Mason 2005; Kane 2005; Machina 2007; Levy, McKenna 2009]. Ответственность поступка, согласно М.М. Бахтину, есть учет в нем всех факторов: и смысловой значимости, и фактического свершения во всей его конкретной историчности и индивидуальности [Бахтин www].

Полагаем, что ответственность придает поступку статус ценностно-нагруженного действия, поскольку, по словам М.М. Бахтина, «ответственный поступок есть осуществление решения уже безысходно, непоправимо и невозвратно; поступок - последний итог, всесторонний окончательный вывод; поступок стягивает, соотносит и разрешает в едином и единственном и уже последнем контексте и смысл и факт, и общее и индивидуальное, и реальное и идеальное, ибо все входит в его ответственную мотивацию; в поступке выход из только возможности в единственность раз и навсегда» [Там же].

Н.А. Бердяев, говоря о свободе в контексте выбора, подчеркивает ее творческое начало: «Определение свободы как выбора есть еще формальное

определение свободы. Это лишь один из моментов свободы. Настоящая свобода обнаруживается не тогда, когда человек должен выбирать, а тогда, когда он сделал выбор. Тут мы приходим к новому определению свободы, свободы реальной. Свобода есть внутренняя творческая энергия человека. Через свободу человек может творить совершенно новую жизнь, новую жизнь общества и мира» [Бердяев www]. Таким образом, Н.А. Бердяев определяет истинную свободу как творчество, присущее всему, в том числе выбору.

Осуществление любого творческого акта, в том числе языкового творчества, или лингвокреативности, невозможно при отсутствии свободы. Одно из проявлений лингвокреативности - языковая игра – предполагает свободный выбор в пользу отклонения от определенных языковых норм, например: нарушения орфографических и грамматических норм в сетевом «Олбанском языке» («*превед*» вместо «привет», «*жжОш*» - «Ага, вот это смешно», «*аццкий сотона*» - «Джордж Буш младший» (<http://absurdopedia.wikia.com>)), нарушения лексических, стилистических, пунктуационных норм, правил стихосложения в «пирожковой поэзии» («*купил айфон а чо с ним делать / где кнопки чтобы нажимать / и как мне позвонить сереге / а вот и он звонит и чо*» (<http://www.netlore.ru/pirozhki>)).

Следующая характеристика поступка, представляющая важность для настоящего исследования, - его событийность. На событийность поступка указывал М.М. Бахтин, говоря о том, что «бытие-событие» свершается в акте поступка, переживается и «утверждается эмоционально-волевым образом». Причем важно отметить, что М.М. Бахтин относит к поступкам не только действия, но и мысли и чувства, и даже вся жизнь может рассматриваться как один сложный поступок: «я поступаю всей своей жизнью, каждый отдельный акт и переживание есть момент моей жизни-поступления» [Бахтин www].

Н.Д. Арутюнова относит событие к числу онтологических объектов, таких как ситуация, происшествие, случай, и выделяет их по ряду параметров: статичность / динамичность, градуированность /

неградуированность, кульминативность / некульминативность, результативность / нерезультативность, гомогенность / негомогенность, счетность / несчетность. Событие сменяет одну ситуацию другой и характеризуется начальным и финальным состояниями [Арутюнова 1988: 166]. М. Циммерман подчеркивает такие признаки событийности, как существование во времени и пространстве и вступление в причинно-следственные связи [Zimmerman 1995: 585-586].

Таким образом, можно утверждать, что, поскольку поступку свойственна событийность, признаки события актуальны и для него.

Речевые поступки имеют разные событийные признаки. Нельзя охарактеризовать тот или иной поступок как абсолютно статичный, гомогенный, нерезультативный и т.д., можно говорить лишь о преобладании определенного признака. Например, признак статичности (отсутствия развития) преобладает в поступках, дискурсивными способами выражения которых являются формализованные институциональные жанры (вынесение судебного приговора, заявление, научная диссертация, техническая инструкция, деловое письмо, медицинское заключение и т.п.). Напротив, динамичность характеризует неформализованные жанры как институционального, так и персонального дискурса. Динамичность речевого поступка мыслится как возможность выделения в его структуре стадий развития действия, включая кульминацию. С этой точки зрения динамичными могут быть ссора, спор, флирт, разговор по душам, речи адвоката и обвинителя в судебном процессе и т.п.

Градуированность / неградуированность речевого поступка понимается как разная степень выраженности определенного его признака. С точки зрения градуированности / неградуированности оцениваются искренность («самое искреннее раскаяние», «фальшивый комплимент»), актуальность («своевременная похвала», «важный совет»), эмоциональная насыщенность («глубокое раскаяние»), адекватность реализуемым ценностям («нелепейшее обвинение», «наиболее справедливый приговор») и др.

Гомогенность речевого поступка заключается в однородности его структуры, т.е. во включении в его структуру речевых действий со схожей иллокуцией; соответственно, негомогенный (далее в работе для его обозначения используется термин «гетерогенный») речевой поступок состоит из речевых действий с разной иллокуцией. Например, гомогенное обвинение, помимо непосредственного акта обвинения, может включать упрек и осуждение; в структуру гетерогенного обвинения входят оскорбление, проклятие, научение и т.п.

Кульминативность / некульминативность речевого поступка выявляется в макроконтексте относительно других речевых действий. Так, вердикт судьи представляется кульминацией судебного процесса, исповедь может стать кульминацией в контексте душевных страданий субъекта, раскаяние преступника – в контексте расследования уголовного дела, публичное оскорбление звучит кульминативно в контексте выяснения отношений и т.д.

Счетность / несчетность речевого поступка соотносится с его итеративностью. Мы полагаем, что речевой поступок должен характеризоваться счетностью: несчетность ведет к трансформации поступка в собственно действие или, далее, в операцию. Сравним два примера:

РАСКАЯНИЕ БОМЖА. Такое, конечно, бывает, но крайне редко – куда реже полного солнечного затмения (<http://search.ruscorpora.ru>).

То было слезливое утреннее раскаяние пьянчуги, пропившего деньги на хлебушек детям, - колики вялой совести, тающие с похмельным стаканом (<http://search.ruscorpora.ru>).

В первом примере раскаяние описано как крайне редкое событие и потому с большей уверенностью может быть квалифицировано как речевой поступок, во втором, напротив, - как регулярно повторяющееся событие, утратившее из-за своей несчетности качество поступка и наделенное признаками операционного действия.

Критерий «результативность / нерезультативность» обязателен для характеристики речевого поступка в частности и важен для изучения дискурсивной перформативности в целом. Результат действия / поступка состоит в изменении и преобразовании действительности на основе освоения и развития наличных форм культуры. В.В. Давыдов при исследовании философско-логического аспекта деятельности связывает ее преобразующий характер с целеполаганием: человек видит цель деятельности в качестве образа предвидимого результата созидания, что позволяет субъекту выйти за рамки любой ситуации и вписать ее в контекст культурно-исторического бытия [Давыдов 1999: 286].

Преобразование действительности посредством действий представляет собой ее теоретическое либо практическое освоение. Теоретическое освоение действительности связано с построением идеальных моделей тех или иных ее аспектов, практическое – с активным взаимодействием человека с материальными системами, что основано на философских традициях противопоставления идеального и материального, а также познавательного и практического [Алексеев, Панин 2000: 278, 355].

Примером теоретического освоения действительности посредством речевых действий можно считать выражение субъектом собственной точки зрения³ или передачу чужой точки зрения в нарративных и интерпретативных высказываниях, а также различного рода дескрипции (описательные высказывания)⁴, - высказывания, соотносимые с уровнем собственно действия.

Так, в нарративе точка зрения автора является единицей модели концептуализации «мира истории» [Татару 2011: 16]. Например, в эпиграфе к

³ С позиции теории речевых актов точка зрения есть не что иное, как ассертив (утверждение). Так, в частности, Т. ван Дейк полагает, что ассертив является основой нарратива [van Dijk 1975: 285].

⁴ Дескриптивные высказывания, основу которых составляет описательная иллюкуция, отличаются от нарратива тем, что темпоральные и каузальные характеристики не релевантны для них [van Dijk 1975: 276].

своему роману «На Западном фронте без перемен» Э.М. Ремарк выделяет два ключевых концепта – «война» и «потерянное поколение»: *«Эта книга не является ни обвинением, ни исповедью. Это только попытка рассказать о поколении, которое погубила война, о тех, кто стал ее жертвой, даже если спасся от снарядов»*. По выражению Л.В. Татару, концепты являются отдельными ракурсами авторского мировидения в тексте мира истории [Там же: 14].

В интерпретативных высказываниях точка зрения позволяет автору построить субъективную аналитическую модель явлений действительности. Например, в телевизионной авторской передаче Михаила Леонтьева «Однако» собственная точка зрения журналиста на те или иные события в мире строится на основе интерпретативного анализа точек зрения других людей. Как правило, в начале передачи подается актуальная новость в интерпретации, идущей вразрез с мнением самого автора:

Однако, здравствуйте!

“И я просто не понимаю, зачем россиянам нужно отбрасывать весь этот прогресс, достигнутый за последние 20 лет, ради вот этой активности в Крыму. Как это отвечает национальным интересам России? Для меня это – просто загадка”, - сказал Майкл Макфол (эфир от 12 марта 2014 г.).

Далее журналист последовательно и аргументированно выстраивает собственную модель рассматриваемой ситуации, таким образом полемизируя с оппонентом:

Бывший посол США произнес слово «аннексия» в отношении Крыма и Севастополя. Вот кем надо быть? Инопланетянином, кретином... или послом США, чтобы назвать наше возвращение в Крым аннексией? Это освобождение: без одного выстрела сдали — без выстрела вернули. Это победа! Это первая русская Победа за 70 почти лет, и если мы от нее откажемся, она будет последней!

В силу своего косвенного и ненавязчивого характера подобная полемика относится к высказываниям, результат которых заключается в теоретическом преобразовании действительности, иначе говоря, в различных манипуляциях с фактами: изложении, интерпретации, описании.

Практическое преобразование действительности посредством речевых действий состоит в коммуникативной фактуализации явлений, иными словами, в конституировании фактов – высказываний, соответствующих уровням действия и поступка.

Рассмотренный выше эпиграф к роману Э.М. Ремарка «На Западном фронте без перемен» показывает, что роман мог бы быть примером практического освоения действительности, если бы автор представил его в качестве обвинения или исповеди: в таком случае они стали бы новыми фактами действительности, с одной стороны, и речевыми поступками – с другой.

Деятельность посредством действий меняет и преобразует не только окружающий мир, но и действующего индивида, поскольку меняется форма его «субъектности» [Большой психологический словарь www; Энциклопедия эпистемологии и философии науки www]. Идея о преобразовании природы человека через изменения, вносимые посредством его деятельности в окружающую среду, является основополагающей для диалектико-материалистического понимания деятельности К. Маркса и Ф. Энгельса [1960: 188].

Речевые действия дают возможность говорящему менять субъектность путем «проигрывания» различных ролей: «рассказчика» (нарратив), «активного созерцателя» (дескриптив), «аналитика» (интерпретативное высказывание), «подражателя» (миметив). Однако самый большой выбор коммуникативных ролей предоставляется говорящему в речевом поступке, который, кроме того, может вести к кардинальному изменению субъектности: совершая речевые поступки, адресант становится

«обвинителем», «судьей», «защитником», «спорщиком», «льстецом», «лжецом», «проповедником» и т.д.

Рассматривая далее событиеобразующие принципы, мы можем выявить еще ряд характеристик поступка, в том числе речевого. Так, к событиеобразующим принципам относятся следующие: принцип структурности, принцип имманентности и принцип каузальной независимости [Философская энциклопедия www].

Принцип структурности заключается в повторяемости содержания, охватываемого событием [Там же], или его прецедентности. Относительно речевого поступка данный принцип состоит в наличии определенного обязательного набора речевых актов в его структуре: для ссоры обязательны взаимные упреки, для пари – комиссивы (акты принятия обязательства), для шантажа – угрозы и т.д.

Принцип имманентности заключается в том, что всякое событие имманентно другому благодаря вводимому временному принципу, где будущее имманентно настоящему, а настоящее имманентно будущему в силу имманентности завершенным состояниям прошлого [Там же].

В концепции поступка М.М. Бахтина имманентность поступка понимается как его причастность к целому бытию-событию: «Между тем как действительный поступок мой на основе моего не-алиби в бытии, и поступок-мысль, и поступок-чувство, и поступок-дело действительно придвинуты к последним краям бытия-события, ориентированы в нем как едином и единственном целом, как бы ни была содержательна мысль и конкретно индивидуален поступок, в своем малом, но действительном они причастны бесконечному целому» [Бахтин www].

В детерминистской философии вместо термина «имманентность события» используется понятие диалектической взаимообусловленности событий: хотя волевое решение человека определяется в основном его внутренним миром, его сознанием, но этот внутренний мир является отражением внешнего объективного мира, и диалектическая

взаимообусловленность событий в этом внутреннем мире является отражением диалектической взаимообусловленности явлений в мире внешнем. Отсюда следует, что абсолютная свобода воли – это абстракция от реального процесса формирования волевого акта человека [Алексеев, Панин 2000: 519].

Имманентность речевого поступка заключается в его неотъемлемой связи с поступками того же порядка либо ассоциированными с ним. Например, раскаяние связано с грехом, прощением / просьбой о прощении:

They pass through the stages of sin, repentance, faith and prayer. – Они проходят сквозь грех, раскаяние, веру и молитву (<http://www.natcorp.ox.ac.uk>).

В романе «Искушение» речь идет о таких универсальных вопросах, как становление человека, любовь и война, раскаяние и прощение (<http://search.ruscorpora.ru>).

В русской патриархальной традиции раскаяние также связано со смирением и страданием:

Зато она славил смирение и раскаяние, спасение души в страданиях, предпочтение небесного торжества земному величию, слезно умиляясь мысленным созерцанием рубиц на теле, что некогда украшено было парчю, и тернового венца – на челе, прежде увенчанном короною (<http://search.ruscorpora.ru>).

Что касается принципа каузальной независимости, то благодаря ему события приобретают индивидуальность, новизну. Если имманентность событий обуславливает их взаимоограниченность, то каузальная независимость предопределяет все новшества в мире [Философская энциклопедия www]. На наш взгляд, разница между имманентностью поступка и его каузальной независимостью становится более очевидной относительно ситуации, в которой он совершается: в глобальном масштабе (в случае речевого поступка имеется в виду гиперконтекст) поступок обусловлен определенными причинами, поэтому следует говорить о его

имманентности; каузальная независимость проявляется в масштабе конкретной ситуации (в узком контексте осуществления речевого поступка), где поступок представляется не только новым, но и непредсказуемым. Кроме того, именно благодаря каузальной независимости поступка возможно рассмотрение его как проявления свободы воли и творчества. Проиллюстрируем данные утверждения на примере отрывка из романа С. Моэма «Луна и грош», в котором главный герой сообщает своей жене о решении покинуть семью:

My Dear Amy,

I think you will find everything all right in the flat. I have given Anne your instructions, and dinner will be ready for you and the children when you come. I shall not be there to meet you. I have made up my mind to live apart from you, and I am going to Paris in the morning. I shall post this letter on my arrival. I shall not come back. My decision is irrevocable.

Yours always,

Charles Strickland.

Дорогая Эми!

Надеюсь, что дома ты все застанешь в порядке. Я передал Энн твои распоряжения; тебя и детей будет ждать обед. Я вас не встречу. Я решил жить отдельно от вас и сегодня уезжаю в Париж. Это письмо я отправлю уже по приезде. Домой не вернусь. Мое решение непоколебимо.

Всегда твой Чарлз Стрикленд.

(W.S. Maugham «The Moon and Sixpence» / С. Моэм «Луна и грош» / Пер. с англ. Н. Ман).

Решение Чарльза Стрикленда стало полной неожиданностью для миссис Стрикленд. Как видно из письма, поступок Стрикленда нарушил привычную размеренность жизни всей семьи: в этом смысле он каузально независим. Однако, насколько известно из дальнейшего повествования, Стрикленд вынашивал свою идею бросить семью задолго до ее оглашения. Более того, эта идея не была самоцелью: заветным желанием Стрикленда

было свободное занятие живописью. Учитывая психологическую предопределенность данного поступка, следует говорить о его имманентности.

Обобщим все вышесказанное.

Философские деятельностные концепции дополняют значимые для настоящего исследования характеристики действия и поступка, прежде всего, за счет понятия свободы воли, которое обуславливает целесообразность дополнения ранее выделенного признака перформативности – наличия выбора – характеристикой «свободный выбор». Лингвистически релевантными также являются выделяемые в философии признаки событийности (статичность / динамичность, градуированность / неградуированность, кульминативность / некульминативность и др.), событиеобразующие принципы (структурность, имманентность, каузальная независимость), а также особый подход к пониманию результата действия / поступка как преобразования действительности посредством ее теоретического либо практического освоения.

1.4. Концепции действий в социологии

Социальный характер речевой деятельности требует рассмотрения социологических концепций действий. Теория социального действия представляет собой комплексно разработанную концепцию в трудах многих ученых-социологов, в частности, М. Вебера, Т. Парсонса, Э. Дюркгейма, Дж. Тернера и др.; те или иные положения данной теории интегрируются в лингвистические концепции [Карасик 1992; Конецкая 1997; Митягина 2007; Олянич 2007].

Одним из примеров такой интеграции, представляющих важность для настоящего исследования, является теория социокоммуникативного действия В.А. Митягиной [2007]. Взяв за основу интенциональную характеристику, базовую в типологии социального действия М. Вебера, В.А. Митягина

предлагает классифицировать коммуникативные действия в пределах четырех типов, выделенных М. Вебером [1990] (аффективные, традиционные, целерациональные, ценностно-рациональные действия), но при этом переименовывает ценностно-рациональное действие в ценностно-ориентированное, чтобы подчеркнуть, что следование ценностной установке выходит за рамки рационального [Митягина 2007]. Одно из достоинств теории социокоммуникативного действия В.А. Митягиной видится в том, что она раскрывает социокультурную обусловленность проявления дискурсивной перформативности (см. 2.2).

Социологические концепции действий дополняют лингвистически релевантные характеристики поступка. Так, в социальной психологии поступок определяется как единица социального поведения, сознательное действие, оцениваемое как акт нравственного самоопределения человека, поскольку в нем он утверждает себя как личность в своем отношении к себе, другим людям, обществу в целом и т.п. Выражением поступка могут служить: 1) действие или бездействие; 2) словесное высказывание; 3) невербально оформленное отношение к чему-либо [Анцупов, Шипилов www]. Данное определение, таким образом, не только уточняет признаки поступка, а значит, и перформативности, но и оправдывает выделение «нулевого» поступка.

Понимание перформативности становится более полным, если его расширить и уточнить за счет содержания понятия социального действия по М. Веберу: социальное действие – это такое действие, которое, во-первых, обладает смыслом для того, кто его совершает, а во-вторых, всегда ориентировано на других людей, соотносится с их действиями [Вебер 1990: 602-603]. Главная характеристика социального действия, выявляемая из данного определения, - осмысленность – тесным образом связана с понятием ценностной нагруженности действия – еще одного важного признака перформативности.

Следует согласиться с Е.И. Кравченко, что теория социального действия М. Вебера не сводится к теории рационального действия, а отражает все основные проблемы человеческого бытия: бремя свободы (целеполагание); бытие-с-другими как бытие-для-других (ориентация социального действия на других); осмысление жизни через осмысление своих поступков (субъективно полагаемый смысл социального действия). Развивая идею об осмысленности как ключевом свойстве социального действия, Е.И. Кравченко справедливо отмечает, что сообщение смысла одновременно есть придание ценности, поскольку смысл имеет только то, что значимо для человека, и, наоборот, незначимые вещи и события, не соотнесенные с требованиями и интересами других людей, не имеют для них никакой ценности [Кравченко www].

Механизм осмысления социального действия и ориентирования его на других людей раскрывается посредством понятия социальной рефлексии. Под социальной рефлексией понимается «способ осознания действия межличностных (в том числе межгрупповых) социокультурных механизмов любой целесообразной деятельности» [Ковшов 1999]. Сравнивая социальную рефлексия с познавательной, Е.М. Ковшов отмечает, что первой присуще доминирование аксиологического аспекта над гносеологическим, что проявляется в осознании субъектами мотивов и целей социальных действий [Там же].

В плане языковой экспликации социальной рефлексии наиболее иллюстративной является социальная реклама, поскольку она, как правило, представляет собой не просто набор остиновских перформативных высказываний, а продуцирует перформативный дискурс, в котором не только актуализируются коммуникативные интенции адресанта, но и происходит апелляция к ценностям адресата. Так, в надписи на стаканчике из Макдональдса: *«Вместе мы сделаем мир чище. Поддержите нас в борьбе за чистоту окружающей среды! Это несложно – просто выбросьте ваш мусор в контейнер»* (КЗУПР) - актуализируются такие ценности, как

общечеловеческая солидарность («вместе», «мы», «поддержите») и охрана окружающей среды.

Социальная рефлексия является разновидностью элементарной рефлексии – одного из трех видов рефлексии как деятельности самосознания, выделяемых А.А. Митюшиным наряду с рефлексией научной и философской: элементарная рефлексия заключается в анализе знаний и поступков; научная рефлексия состоит в критике и анализе теоретического знания, проводимых посредством тех методов и приемов, которые свойственны данной области научного исследования; философская рефлексия - это осознание и осмысление основ бытия, мышления, человеческой культуры в целом [Митюшин 1989: 555].

Е.М. Ковшов выделяет три функции социально-рефлексивной деятельности сознания социального субъекта: 1) функция смыслообразования, связанная с построением планов при формировании целей социального действия; 2) функция смыслоусвоения, связанная с оценкой уже свершившейся деятельности; 3) функция координации деятельности в соответствии с институциональными нормами поведения [Ковшов 1999].

По сути, социальная рефлексия есть не что иное, как рефлексия ценностей. Ценности играют большую роль в принятии решений, а систематическая рефлексия ценностей может существенно повлиять на поведение человека [Graaf 2006: 246]. Другими словами, в действии отражено соотношение того, что необходимо его субъекту и с чем субъект вынужден считаться и руководствоваться в своем действии [Общая социология 2000: 114].

Т. Парсонс объясняет это преобладанием ценностной ориентации действия над мотивационной: мотивационная ориентация связана с актуальным или потенциальным удовлетворением / неудовлетворенностью потребностей субъекта действия (актера), в то время как ценностная ориентация соотносится с понятием ценностных стандартов, где

определяющую роль играют моральные стандарты, посредством которых оцениваются последствия тех или иных действий на интеграцию собственной личностной системы актора и той социальной системы, в которой он участвует [Парсонс www].

Аналогичную идею высказывает П.К. Мозер, подчеркивая, что в рациональном действии ценностный компонент (*affective approach to value*) преобладает над стремлением к удовлетворению собственных желаний (*desire-satisfaction approach*), причем ценности составляют важную часть любой из трех групп причин рационального действия: мотивационной (*motivating*), эвиденциальной (*evidential*) и нормативной (*normative*) [Moser 1990].

Преобладание ценностной ориентации над мотивационной в речевом поступке может привести к запрету и дальнейшему его исчезновению из коммуникативного поведения языковой личности. Так, шантаж и клевета являются запрещенными и уголовно наказуемыми речевыми действиями. Примером речевого действия, устраненного из коммуникативного поведения, может служить вызов на дуэль: ценность человеческой жизни превзошла по значимости мотивационную ориентацию на соблюдение кодекса чести, обуславливающую вызов на дуэль.

Ценности, будучи абстрактными категориями, реализуются через нормы, трактуемые в качестве правил социального поведения [Бабаева 2004]. Социальные нормы не только обуславливают совершение поступка, но и учитываются при его оценке [Анцупов, Шипилов www].

Проиллюстрируем данные тезисы на примере речевого жанра «пари», актуализирующего соответствующий поступок. Что касается социокоммуникативных норм, обуславливающих процесс заключения пари, то в отношении русской лингвокультуры таковыми нам представляются некоторые параметры русского поведения, выделенные И.А. Стерниным [2006] и наиболее ярко проявляемые, на наш взгляд, именно в пари: 1) со стороны того, кто инициирует пари - повышенная коммуникативная

доминантность в общении с окружающими, заметное стремление к модификации картины мира собеседника; 2) со стороны того, кто поддерживает инициативу заключения пари - высокое доверие к устной речи, низкое прогнозирование результатов своей коммуникативной деятельности.

В английской лингвокультуре социокоммуникативные нормы, обуславливающие заключение пари / *betting* соответствуют, на наш взгляд, национально-специфическим поведенческим доминантам, выделенным Р.Д. Льюисом, таким как прагматизм, предприимчивость, деловитость, рациональность [Введенская, Павлова 2004: 155-163]. Не случайно *betting*, по словам героя рассказа М. Твена, «является у англичан обычным способом улаживать дело» (М. Твен «Банковый билет в 1000000 фунтов стерлингов»).

Говоря о социальных нормах, учитываемых при оценке пари, обратим внимание на тот факт, что в русской и английской лингвокультурах архаичное отношение к пари, отраженное в поговорках, однозначно отрицательное. Так, русские поговорки «Спорить спорь, а об заклад не бейся», «Бейся об заклад, на ком больше заплат!», «Когда у дурака нет доводов, он предлагает биться об заклад» и английская поговорка «None but fools and knaves lay wagers» («Только дураки и мошенники заключают пари») выражают суждения «*не стоит заключать пари*», «*пари заключают только неумные / нечестные люди*».

По-видимому, такое отношение к пари обусловлено его связью с игрой. В русской лингвокультуре негативное восприятие игры в разные исторические периоды объясняется разными факторами: после принятия христианства - этимологической связью игры с языческой сакральной сферой, в средневековый период – отрицательным отношением православной церкви к развлечениям, в настоящее время – восприятием игры со стороны общества как чего-либо социально не значимого [Балашова 2003].

В Британии и Северной Америке негативное отношение к игре как одному из способов получения удовольствия было продиктовано идеями пуританизма. Однако после того как пуританские ценности утратили свою

актуальность, изменилось и отношение к получению удовольствия, в частности, к развлечениям: они стали публичными и более неформальными [Плавинская 2008: 175-176].

Привлечение к пари материальных ценностей в качестве обязательства для проигравших превратило его, в сущности, в вид азартной игры. В обыденном сознании русских людей и носителей английской лингвокультуры пари, действительно, является разновидностью азартных игр. В целом положительное отношение к азартным играм в Британии и США противопоставлено неоднозначному их восприятию в России.

Как отмечает Л.В. Балашова, начиная с XVIII века, в обществе меняется отношение к азартным играм: быть азартным игроком уже не оценивается категорически плохо, хотя некоторый негативный оттенок за азартными играми сохраняется [Балашова 2003].

Следующую характеристику социального действия, представляющую значимость для настоящего исследования, находим в концепциях Т. Парсонса и Дж. Тернера. Т. Парсонс соотносит понятия «действие» и «ценность», встраивая действие в систему «субъект действия – ситуация» и говоря о том, что в любой ориентации действия есть оценочный компонент, поскольку действия совершаются в конкретной ситуации, а отношение субъекта к ситуации определяется системой культурных элементов: символическими элементами культурной традиции, идеями или убеждениями, экспрессивными символами или ценностными стандартами [Парсонс 1996].

Дж. Тернер, анализируя парсоновскую концепцию действия, отмечает, что действие включает принятие актором субъективных решений относительно средств достижения целей, причем все решения (относительно определения цели, выбора средств ее достижения) принимаются под давлением идей и условий ситуации [Тернер 1985: 61-62].

Определив в двух предыдущих параграфах ценностную нагруженность как характеристику поступка, отметим, что, по нашему мнению, встраивание

ценности в систему «субъект речевого поступка – ситуация» происходит посредством установки: речевой поступок направлен на реализацию субъектом ситуативно обусловленного выбора ценностей; речевой проступок в свою очередь направлен на реализацию антиценностей.

Далее, понятие перформативности значительно расширяется за счет концепции социальных фактов Э. Дюркгейма: действия становятся социальными фактами благодаря некоей принудительной силе, которой человек руководствуется в своих действиях. Наряду с действиями категорию социальных фактов составляют способы мышления и чувствования, находящиеся вне индивида и навязанные ему принудительно, независимо от его желания (обязанности брата, супруга, гражданина и т.п., установленные правом и обычаями; поведение верующего, обусловленное готовыми верованиями и религиозными обрядами). Эта сила есть не что иное, как коллективная привычка, существующая в виде свойства, имманентного ряду определяемых ею действий, и выраженная в какой-нибудь формуле, постоянно повторяющейся, передающейся воспитанием или закреплённой письменно (юридические и нравственные правила, народные афоризмы и предания, догматы веры) [Дюркгейм 1999а: 237-240].

Может сложиться впечатление, что действия, производимые под давлением социальной силы, - неосознанные, обладают определенной долей автоматизма, однако это опровергается в концепции Э. Дюркгейма: социальные факты продолжаются в психических фактах внутри сознаний [Дюркгейм 1999б: 235]. Концепция социальных фактов обосновывает введение в настоящей работе термина «фактогенная перформативность» (см. Глава 3).

Еще одним лингвистически релевантным термином социальных концепций действий представляется понятие «социальная реальность». Если действие в психологии и философии понимается как единица деятельности, то социальное действие является единицей и конституирующим элементом социальной реальности [Новейший философский словарь www]. По

замечанию М.А. Полищук, и в отечественной, и в западной философии социальная реальность рассматривается как нечто неоднородное, состоящее из отдельных частей [Полищук 2002].

Анализируя классические и неклассические концепции социальной реальности, И.А. Терентьев подчеркивает ее сложный двойственный характер: с одной стороны, социальная реальность является средой формирования социального субъекта, непосредственным предметом социального творчества, а с другой стороны, социальная реальность есть результат деятельности социального субъекта [Терентьев www].

По словам И. Маринич, в интерпретации таких социологов, как Э. Дюркгейм, М. Вебер, Ф. Теннис, Г. Зиммель и В. Парето, социальная реальность предстает в единстве своих объективных и субъективных измерений – как совокупность человеческих действий, взаимодействий, норм и т.п. и приписываемых им смыслов и значений [Маринич 2001: 76].

Формирование социальной реальности рассматривается в настоящей работе как результат речевого поступка. Так, например, говоря о результате раскаяния как перформативного жанра, необходимо отметить, что его последствием может стать формирование как объективной, так и субъективной социальной реальности. Формированием новой объективной социальной реальности можно считать случаи смягчения наказания преступнику или правонарушителю при условии его (деятельного) раскаяния в соответствии с законом:

Учитывая его раскаяние, помощь следствию и психогенный клаустрофобический фактор преступления, высшую меру заменили пятнадцатью годами строгого режима (<http://search.ruscorpora.ru>).

Формирование новой субъективной социальной реальности – это случаи, когда раскаяние ведет к переоценке ценностей и жизненных принципов. В нижеследующем примере раскаяние гипотетически представляется необходимым условием счастья в жизни:

Проститутке Ненси, попытавшейся спасти Оливера, под звуки этой мелодии на миг кажется, что раскаяние, чистота и счастье в ее жизни еще возможны (<http://search.ruscorpora.ru>).

По заключению И. Маринич, наличие двух измерений социальной реальности – объективного и субъективного - означает, что социальная реальность создается под влиянием не только причинных, но и целевых (значимых, ценностных) факторов, и проявляется на двух уровнях: наблюдаемых событий и фактов и приписываемых им смыслов и значений, нуждающихся в интерпретации [Маринич 2001: 76]. При этом, по утверждению Е.И. Кравченко, интерпретировать - значит не просто следовать предложенному обществом образцу, а наделять происходящее смыслом, исходя как из личного опыта социальной жизни, так и особенностей взаимодействия в данной конкретной ситуации [Кравченко www].

Очевидно, что разность в поведении людей в той или иной ситуации обусловлена субъективностью интерпретационного процесса, которая в свою очередь влияет на социальное поведение субъекта в целом.

Итак, обращение к социологическим концепциям действий обусловлено социальным характером речевой деятельности. Концепции действий в социологии расширяют и уточняют понятие перформативности за счет терминов «социальная рефлексия», «социальный факт», «социальная реальность», а также рассмотрения речевого поступка как акта социального поведения.

Выводы по Главе 1

1. Существующие подходы к пониманию перформативности могут быть сведены к следующим: 1) перформативность действия / текста / дискурса как его способность осуществлять действия, совершать поступки, создавать факты или новую лингвальную реальность, а не просто описывать

или обозначать их; 2) перформативность как один из конструктивных признаков культуры, как акциональный процесс исполнения, посредством которого ситуативно и неповторимо осуществляется культурное событие; 3) перформативность как вариант саморепрезентации языковой личности отправителя; 4) перформативность как декларация, декларативность, риторика.

2. Основания для изучения феномена дискурсивной перформативности в силу его деятельностного характера находятся в психологических теориях действий.

Лингвистически релевантными представляются следующие тезисы, выделяемые в рамках психологических концепций действий:

- структура деятельности представлена триадой «операция - действие – поступок»;

- операции соотносимы с целями, данными в определенных условиях, т.е. с задачами; в зависимости от изменяющихся условий операции могут варьироваться; операции формируются путем подражания и автоматизации действий; операции могут включаться в другие действия; действие при изменении его цели может стать операцией;

- действия характеризуются целенаправленностью и осознанностью; включение действия в более широкий контекст придает ему большую внутреннюю содержательность; для оценки успешности действия используются процессуально-целевые критерии;

- поступки выявляют и формируют личность человека; основой для оценки поступка служит морально-этическая сфера; поступок является единицей поведения, т.е. деятельности, детерминированной общественными нормами нравственности и права; поступок соотносится с мотивом-целью, или установкой; категория поступка тесно связана с такими понятиями, как «воля», «выбор» и «ответственность».

3. Философские деятельностные концепции дополняют значимые для настоящего исследования характеристики действия и поступка следующим образом:

- понятие свободы воли обуславливает целесообразность дополнения ранее выделенного признака перформативности – наличия выбора – характеристикой «свободный выбор»;

- показателем свободы выбора при совершении речевого поступка является искренность;

- волевое действие, совершенное по принуждению, не является поступком;

- показателем свободы выбора в речевых поступках, предполагающих неискренность, является намеренное выражение ложной пропозиции; такие поступки относятся нами к разряду квази-поступков, находящихся на стыке между поступком и проступком;

- «нулевой» поступок - такое речевое действие, несовершение которого представляется одной из альтернатив свободного выбора;

- свобода выбора обуславливает проявление лингвокреативности;

- речевые поступки характеризуются признаками событийности: статичность / динамичность, градуированность / неградуированность, кульминативность / некульминативность, гомогенность / гетерогенность, счетность / несчетность, результативность / нерезультативность;

- к речевому поступку приложимы событиеобразующие принципы: структурность, имманентность, каузальная независимость;

- результат действия / поступка состоит в преобразовании действительности посредством ее теоретического либо практического освоения.

4. Обращение к социологическим концепциям действий обусловлено социальным характером речевой деятельности. Концепции действий в социологии расширяют и уточняют понятие перформативности следующим образом:

- речевой поступок следует понимать как акт социального поведения;
- осмысленность действия тесным образом связана с его ценностной нагруженностью;
- механизм осмысления поступка и ориентирования его на других людей раскрывается посредством понятия социальной рефлексии, представляющей, по сути, рефлексии ценностей;
- социальные нормы, в которых реализуются ценности, не только обуславливают совершение поступка, но и учитываются при его оценке;
- встраивание ценности в систему «субъект речевого поступка – ситуация» происходит посредством установки: речевой поступок направлен на реализацию субъектом ситуативно обусловленного выбора ценностей / антиценностей;
- концепция социальных фактов обосновывает введение в настоящей работе термина «фактогенная перформативность»;
- результатом речевого поступка является формирование объективной и/или субъективной социальной реальности.

Проанализированные концепции действий позволяют выделить такие конститутивные признаки дискурсивной перформативности, как: а) ситуация личностно обусловленного волевого принятия решений, б) осуществление свободного выбора, в) ответственность за совершенное действие, г) преобразующий характер деятельности, д) ценностная детерминация действия.

Глава 2. Когнитивно-дискурсивные характеристики перформативности

2.1. Лингвокогнитивный подход к изучению действий

Категоризация человеческого опыта связана с его когнитивной деятельностью, иными словами, результаты познавательной деятельности находят свое выражение в языковых формах [Маслова 2006: 9]. В связи с этим мы считаем целесообразным построить фреймы концептов «действие» / «поступок», которые в свою очередь будут являться лингвокогнитивными моделями структурных элементов перформативности.

При построении фреймов концептов «действие» и «поступок» мы опираемся, во-первых, на понятие концепта как некоторой совокупности закрепленных признаков, используемых для описания фрагмента мира или части такого фрагмента [Пименова 2011: 75; Колесов, Пименова 2012: 152], а во-вторых, на понятие фрейма как когнитивной структуры, или когнитивного контекста, модели обыденного знания, общего, по крайней мере, для части говорящего сообщества [Болдырев 2001]. Фрейм, как правило, организован вокруг какого-нибудь концепта и содержит самую существенную информацию, связанную с ним [Макаров 2003: 153].

2.1.1. Лингвокогнитивная модель действия

Мы представляем основные вершинные узлы фрейма концепта «действие» следующим образом:

1) Совершение акта какой-либо деятельности:

Существительное «действие» является главным репрезентантом исследуемого концепта в русском языке. Данное существительное многозначно. Так, в «Словаре русского языка XVIII в.» выделяются пять значений: 1. Форма активного бытия живого существа, явления, предмета; 2. Событие, происшествие; 3. Театральное представление, а также сочинение

для театра, пьеса; 4. Исполнение, совершение, осуществление; 5. Воздействие, влияние; результат, эффект [Словарь русского языка XVIII в. www].

В современных толковых словарях вышерассмотренные дефиниции получают несколько иную формулировку, и к ним добавляются дефиниции трех других значений: 1. Проявление какой-нибудь энергии, обнаружение деятельности; 2. Работа, состояние действующего; 3. Обладание действующей силой, пребывание в силе (книжн. офиц.); 4. Воздействие, влияние || Впечатление; 5. Поступок, поведение; 6. События, излагаемые в повествовании или в театральной пьесе || Развитие событий в литературном произведении; 7. Одна из главных частей в строении драматического произведения, акт; 8. Основная математическая операция (мат.) [Ушаков 1996; Ефремова www; Ожегов, Шведова www].

Глагол «действовать» имеет пять значений: 1. Совершать поступки, проявлять деятельность; 2. Быть в исправности, работать; 3. Производить движения (разг.); 4. Воздействовать, влиять || Производить впечатление; 5. Применяться, иметь действие [Ушаков 1996; Ефремова www; Ожегов, Шведова www].

Этимологически глагол «действовать» восходит к глаголу «делать»: делать - делаю, укр. *dilati*, ст.-слав. *дѣлати*, болг. *дѣлам* («обтесываю»), сербохорв. *djelati* («делать, работать, строгать»), словен. *dělati*, чеш. *dělati* («делать, работать»), польск. *działać* («действовать»), в.-луж. *dźěłać*, н.-луж. *žěłaś* [Фасмер 1987].

Исконная форма слова «делать» - «деть» - является общеславянской формой и считается родственной индоевропейскому корню **dhē-* : латышск. *dēt* «класть», лат. *facio* «делаю», хеттск. *te* «ставить, класть, говорить» и др. [Шанский www; Фасмер 1987]. Как отмечается в этимологическом словаре Н.М. Шанского, первоначальное значение слова «деть» - «класть, ставить», затем появились значения «делать, действовать» и «говорить». Отсюда образовалось слово «дескать» путем сложения частицы «де-» (от глагола

«деет» в значении «говорит») и скороговорочной формы глагола «сказать» - «скать» [Шанский [www](#)]. Данное слово является своеобразным доказательством тесной этимологической связи глаголов «делать» и «говорить».

Таким образом, главный семантический признак глагола «действовать» можно определить как «проявлять деятельность, делать», а существительного «действие», соответственно, – как «проявление деятельности, дело».

Существительное «дело» представляет собой общеславянское суффиксальное производное (суффикс *-ло*) от *děti* «делать»: укр. *dílo*, ст.-слав. *дѣло*, род. п. *дѣлесе*, болг. *дѣло*, сербохорв. *djèlo*, словен. *délo*, чеш. *dílo*, польск. *działo, dzieło*, в.-луж. *dźěło*, н.-луж. *žěło* [Фасмер 1987]. Если принять во внимание возможное сравнение славянского слова *dělo* с литовскими словами *dailė* «искусство, ремесло» и *rāta-dailė* «колесник», а также со старо-славянским *дрѣводѣльа* «плотник» [Там же], можно предположить, что мотивирующим признаком концепта «действие» является «дело как работа, выполняемая руками».

В словарях синонимов русского языка приведен 51 синоним слова «действие» [Словарь синонимов русского языка онлайн [www](#); Абрамов [www](#)]. Однако мы считаем, что только шесть из них имеют единственный общий с ним семантический признак «проявление деятельности, дело», а именно: *акт* – единичное действие, отдельное проявление какой-нибудь деятельности (книжн.); *акция* – (дипл., газет.) действие, поступок, замысел; *дело* – то же, что поступок; *деяние* – (церк.-книжн. офиц. устар./ высок., спец.) поступок, дело, действие; *свершение*; *поступок* – действие, совершенное кем-нибудь; *решительное, активное действие* в сложных обстоятельствах; *намеренное действие человека*; *шаг* (перен.) – действие, поступок [Ушаков 1996; Ожегов; Ефремова [www](#); Ожегов, Шведова [www](#)].

Все остальные слова синонимичны слову «действие» в периферийных значениях и содержат общие с ним дифференциальные семы: «прием» - *маневр, манипуляция, махинация, мера, операция, прием, способ*;

«математическое действие» - *вычитание, деление, сложение, умножение*;
 «драматическое действие» - *действие, произведение, событие, экшен, явление*;
 «воздействие» - *влияние, воздействие, впечатление, эффект*;
 «функционирование» - *деятельность, жизнедеятельность, поведение, работа, функционирование*; «специфические действия» - *баратрия* (повреждение, умышленные действия капитана или членов судовой команды, осуществляемые без ведома судовладельца, вследствие которых причиняется ущерб судну или судовому грузу), *выходка, единодействие* (общее действие), *перфект* (завершенное действие), *подвиг*; «совокупность действий» - *мероприятие, процедура, процесс*; «делание» - *делание, действование, выделка, изготовление, исполнение, выполнение, осуществление, реализация, практика, применение, производство, фабрикация* [Ушаков 1996; Ожегов 2004; Ефремова www; Ожегов, Шведова www; Экономический словарь www; Брокгауз и Ефрон www].

По мнению Ю.С. Степанова, действия в языке концептуализируются как упорядочивающие, обрабатывающие и добывающие: «действия упорядочивающие» обозначаются лексемами с семантическим признаком «быть в активном состоянии»; «действия обрабатывающие» объективируются посредством лексем с семантическим признаком «оказывать воздействие»; «действия добывающие» обозначаются лексемами с семантическим признаком «достигать результата» [Степанов 2001а: 315, 337].

Действительно, все вышеперечисленные действия так или иначе встраиваются в тройную систему концептуализированных действий: упорядочивающие действия - *деятельность, жизнедеятельность, мероприятие, операция, поведение, процедура, процесс, работа, функционирование*; обрабатывающие действия - *влияние, воздействие, впечатление, действие, произведение, событие, экшен, эффект, явление*; добывающие действия - *акт, акция, баратрия, выделка, выполнение, выходка, вычитание, делание, деление, дело, действование, деяние,*

единодействие, изготовление, исполнение, маневр, манипуляция, махинация, мера, осуществление, перфект, подвиг, поступок, практика, прием, применение, производство, реализация, сложение, способ, умножение, фабрикация. Таким образом, самую большую номинативную плотность в русском языке имеет концепт добывающего действия.

Ю.С. Степанов также подчеркивает, что в русском языке – в единственном среди великих языков Европы - вся тройная система концептуализированных действий обобщена в одной форме – «действие, действовать» [Степанов 2001а: 337].

Можно поспорить с данным утверждением. Так, например, в английском языке ближайшие соответствия русскому обозначению концепта «действие, действовать» - лексемы «action, act» могут обозначать все три вида действий, поскольку имеют, в частности, следующие значения: 1) «*the way in which something works or moves*» / «действие; работа (механизма); деятельность» (упорядочивающие действия), 2) «*the way in which something such as a chemical has an effect or influence*» / «воздействие, действие» (обрабатывающие действия), 3) «*the fact or process of doing something, typically to achieve an aim*» / «действие, поступок; акция, выступление» (добывающие действия) [OxfordDictionary (En-En) 2005; LingvoUniversal (En-Ru) 2008].

Как и в русском, в английском языке лексема, обозначающая концепт «действие, действовать», имеет синонимы в каждом из своих значений. Синонимами существительного «action» в первом значении, объективирующем упорядочивающие действия, являются лексемы «*activity*», «*behavior*», «*operation*», «*process*», «*proceeding*», «*procedure*», «*reaction*», «*work*». Глагол «to act», соответственно, в первом значении имеет синонимы «*to behave*», «*to function*», «*to operate*», «*to react*», «*to work*» [WDS; LingvoUniversal (En-Ru) 2008].

Во втором значении, объективирующем обрабатывающие действия, существительное «action» имеет синонимы «*effect*», «*effectiveness*», «*efficacy*»,

«*influence*». Синонимами глагола «to act» в данном значении являются лексемы «*affect*», «*impress*», «*influence*», «*move*», «*strike*», «*sway*», «*touch*» [WDS; LingvoUniversal (En-Ru) 2008].

В третьем значении, объективирующем добывающие действия, существительное «action» имеет синонимы, которые можно объединить в следующие лексико-семантические группы:

«*an action that is performed intentionally or consciously*» / «действие, совершенное намеренно или осознанно»: «*act*» (дело, поступок, деяние), «*deed*» (действие, деяние; (геройский) поступок), «*feat*» (подвиг), «*exploit*» (деяние, подвиг) [WDS; OxfordDictionary (En-En) 2005; LingvoUniversal (En-Ru) 2008];

«*the action or process of performing a task or function*» / «действие или процесс выполнения задания или работы»: «*accomplishment*» (выполнение; исполнение, завершение; достижение, успех), «*achievement*» (достижение, успех; выполнение, исполнение, завершение), «*execution*» (выполнение (работ, обязанностей, функций); свершение, достижение; использование), «*fulfillment*» (выполнение), «*performance*» (исполнение, выполнение) [WDS; OxfordDictionary (En-En) 2005; LingvoUniversal (En-Ru) 2008].

Глагол «to act» в третьем значении имеет синонимы, объединенные только семантическим признаком «*carry out, accomplish, or fulfil (an action, task, or function)*» / «исполнять, выполнять; делать, совершать (действие, задание, работу)»: *achieve* (добиваться, достигать; доводить до конца, завершать), *accomplish* (совершать, выполнять; достигать; доводить до конца, завершать), *discharge* (выполнять, осуществлять (обязанности)), *effect* (осуществлять, совершать, выполнять (обычно подразумевается преодоление каких-л. препятствий)), *fulfill* (выполнять; делать, исполнять, осуществлять, совершать что-либо желаемое, обещанное или предсказанное), *perform* (исполнять, выполнять; делать, совершать) [WDS; OxfordDictionary (En-En) 2005; LingvoUniversal (En-Ru) 2008]. Таким образом, концепт добывающего действия в английском языке имеет большую номинативную плотность.

Итак, концептуализация действия в языке происходит по линиям «упорядочивание», «обработывание» и «добывание». Данная концептуальная система действий может быть обобщена в языке в одной номинации (рус. «действие, действовать», англ. – «action, act»).

2) Субъект действия - индивид:

Развивая концепцию Ю.С. Степанова о трех видах действий и опираясь на дефиниции их слов-репрезентантов, отметим, что субъект упорядочивающих и обрабатывающих действий может быть как одушевленным, так и неодушевленным; субъект добывающих действий всегда одушевленный.

Показательной в этом отношении является лексема «actant» в английском языке – производное от глагола «to act», являющегося общим обозначением для всех трех видов действий:

Actant - 1) «*a noun or noun phrase involved in the action expressed by a verb*» / «существительное или номинативная фраза, вовлеченная в действие, выраженное глаголом»; 2) (in literary theory) «*a person, creature, or object playing any of a set of active roles in a narrative*» / (лит.) «человек, существо или объект, играющий активную роль в повествовании» [OxfordDictionary (En-En) 2005; OxfordAmericanDictionary (En-En) 2005].

Помимо семантического признака «одушевленный / неодушевленный, субъект» в значениях лексемы «actant» имеется признак «активность».

Лексема «agent» также может служить обозначением субъекта любого из трех видов действий, поскольку обозначает человека или неодушевленный объект:

Agent - 1) «*a person who acts on behalf of another*», in particular: a) «*a person who manages business, financial, or contractual matters for an actor, performer, writer, etc.*», b) «*a person or company that provides a particular service, typically one that involves organizing transactions between two other parties*», c) «*a person who works secretly to obtain information for a government or other official body a trained intelligence agent*» / «человек, который

действует от другого лица», в особенности: а) «человек, который заведует деловыми, финансовыми или договорными вопросами в интересах актера, исполнителя, писателя и т.п.» (агент, доверенное лицо, представитель, уполномоченный); б) «человек или компания, предоставляющие определенную услугу, в основном заключающуюся в организации сделок между сторонами» (агент, комиссионер, посредник); в) «человек, добывающий секретную информацию для правительства или другого официального органа» (агент, сотрудник спецслужб, разведчик, шпион (неод.), лазутчик (уст.), резидент (оф.), соглядатай, сыщик, филер, шпик, ищейка, осведомитель, контрразведчик); 2) «*a person or thing that takes an active role or produces a specified effect*» / «человек или неодушевленный объект, принимающий активное участие в чем-либо или осуществляющий определенное действие» (агент, активист; действующая сила, фактор, средство) [OxfordDictionary (En-En) 2005; LingvoUniversal (En-Ru) 2008; Law (Ru-En) 2006].

В первом значении слова «agent» выделяется важный семантический признак – «направленность действия на других субъектов» / «связь действия с другими субъектами».

В то же время английские слова «executive», «executor», «performer», производные от наименований добывающих действий, обозначают только одушевленного субъекта действия:

Executive – 1) «*a person with senior managerial responsibility in a business*» / «лицо, наделенное главной административной ответственностью на промышленном или торговом предприятии, в фирме, компании» [OxfordDictionary (En-En) 2005]; (упр.) «администратор, руководитель, руководящий работник (осуществляет управление организацией в соответствии с решениями, принятыми на более высоком уровне (напр., советом директоров))»; 2) (гос. упр., амер.) «чиновник высокого ранга; глава исполнительной власти; президент (с определенным артиклем и с капитализацией)» [Management (En-Ru) 2006];

Executor - 1) (Law) «*a person or institution appointed by a testator to carry out the terms of their will*» / (юрид.) «исполнитель завещания, душеприказчик» [OxfordDictionary (En-En) 2005; Law (En-Ru) 2003]; 2) «*a person who produces something or puts something into effect*» / «лицо, осуществляющее что-либо» [OxfordDictionary (En-En) 2005];

Performer – «*a person who acts, sings, or does other entertainment in front of audiences*» / «лицо, которое играет на сцене, поет или выполняет другие развлекательные действия перед публикой» [CollinsCobuild (En-En) 2008]. Лексема «performer» также употребляется для обозначения исполнителя в политической сфере, в частности, в выражениях «*ordinary performer*» / «рядовой исполнитель» и «*perfect performer*» / «безупречный исполнитель» [Politics (En-Ru) 2005].

В значении слова «executive» выделяется семантический признак «ответственность», который является отличительным признаком добывающих действий.

Итак, субъект действия концептуализируется в языке как одушевленный либо неодушевленный объект, проявляющий внешнюю активность, направленную на других субъектов / связанную с действиями других субъектов (в случае добывающих действий субъект несет ответственность за то или иное проявление своей активности). Поскольку в настоящей работе рассматриваются речевые действия, субъектом действия в полученном фрейме является индивид.

3) Мотив действия – реализация какой-либо потребности:

Понятие мотива является одним из базовых понятий психологии. Д.А. Леонтьев указывает на его многозначность: термин «мотив» используется в теоретической литературе для обозначения любых психологических образований, имеющих отношение к побуждению, порождению и определению направленности активности субъекта [Леонтьев 2003: 190].

С другой стороны, понятие мотива в психологии так или иначе коррелирует с термином «потребность». А.Н. Леонтьев видит эту связь

опосредованной, понимая под мотивом «то объективное, что отвечает потребности, побуждает и направляет деятельность» [Леонтьев 2000]. Д.А. Леонтьев вносит уточнение в данное определение, понимая мотив как системное образование: под мотивом деятельности ученый подразумевает «предмет, включенный в систему реализации отношения субъект – мир как предмет потребности и приобретающий в этой системе свойство побуждать и направлять деятельность субъекта» [Леонтьев 2003: 190].

Таким образом, мотив – это осознанная и «опредмеченная» потребность [Тертель 2008: 84].

Мотивирующим признаком слова «мотив» является «движение / приведение в движение» (от позднелат. *«motives < movere»* - «двигаться» [OxfordDictionary (En-En) 2005]). Очевидно, что в результате метонимического переноса у существительного «мотив» появилось причинное значение: «побудительная причина, повод к какому-н. действию» (книжн.) [Ушаков 1996].

Наряду со словосочетанием «мотивировать к действию» в русском языке связь мотива действия и потребности в нем отражена в синонимических словосочетаниях «понудить к действию» и «побудить к действию». Глагол «понудить» имеет значение «заставить что-н. сделать, принудить, побудить»; у глагола «побудить» - сходное значение «заставить, вызвать желание сделать что-н., понудить чем-н. к какому-н. действию» [Ушаков 1996].

С одной стороны, в значениях глаголов «понудить» / «побудить» выявляется семантический признак «вызвать побуждение в каком-нибудь действии», с другой стороны – семантический признак «вызвать нужду в каком-нибудь действии»; в свою очередь семы «побуждение» и «нужда» составляют основу лексических значений слов «мотив» и «потребность»: ср. «мотив - побудительная причина, повод к какому-н. действию»; «потребность - надобность, нужда в чем-н., требующая удовлетворения / без удовлетворения которой невозможно обойтись» [Ожегов 2004; Ушаков

1996]. При этом «побуждение» и «нужда» – это внутренние мотивы, поскольку «побуждение» соотносится с эмоциональной сферой, а «нужда» – со сферой потребностей человека, в том числе естественных: ср. «Побуждение – желание или намерение сделать что-н.» [Ушаков 1996]; «Нужда – потребность, необходимость, надобность в чем-либо; (разг.-сниж.) потребность в естественном отпращивании» [Ефремова www; Ушаков 1996].

Синонимические словосочетания «заставить / принудить / вынудить что-нибудь делать» отличаются от вышерассмотренных словосочетаний семами «неодобрительное отношение субъекта к выполняемому действию» и «формирование мотива извне». Рассмотрим следующие примеры:

Девушка как-то странно изменилась после путешествия в космос: как-то сжималась, втягивала голову в плечи, словно стараясь побудить его к защите, к нежности, а вовсе не к тому, что раньше у них было в обиходе: «наказание паршивки» (<http://search.ruscorpora.ru>).

Если человека без подготовки привести в цирк и заставить показывать номер на трапеции, он скорее всего погибнет (<http://search.ruscorpora.ru>).

Павел Алексеевич смотрел на неё с горделивой нежностью: вот какая у него жена – тихая, молчаливая, говорит только по необходимости, но если уж принудить её высказаться, суждения её умны и тонки, и глубокое понимание... (<http://search.ruscorpora.ru>).

В первом примере потенциальная мотивация, выраженная глаголом «побудить», равнозначна желанию субъекта выполнить действие – защитить девушку и выказать к ней нежные чувства. Во втором и третьем примерах мотивация, выраженная глаголами «заставить» и «принудить», не является внутренней: она «навязана извне» как понимание необходимости действовать тем или иным образом в сложившихся обстоятельствах.

В языке зафиксирована не только связь мотива действия и потребности в нем, но и динамичность мотивации. Так, в русском языке можно найти глаголы, выражающие подталкивание адресата к тому, чтобы он стал

субъектом действия: «склонять», «подстрекать», «науськивать», «направливать», «поощрять», «воодушевлять», «вдохновлять». В английском языке список глаголов с аналогичным значением («*to stir up (against)*», «*to set against / on*», «*to incite (to)*», «*to instigate (to)*», «*to inspire*», «*to encourage*») расширяется за счет глаголов, употребляемых в значении «подстрекать» в разных сферах общения: в сфере экономики – «*to agitate*», «*to bolster*», «*to foment*», «*to solicit (to)*» [LingvoEconomics (Ru-En) 2001]; в сфере политики – «*to abet*», «*to agitate*», «*to foment*», «*to incite*» [Politics (Ru-En) 2005]; в сфере закона – «*to abet*»; «*to incite (to)*»; «*to induce (to)*»; «*to instigate (to)*»; «*to set on (to)*» [Law (Ru-En) 2006].

Мотивирование действия равнозначно наделению его смыслом, т.е. можно сказать, что мотив действия равен смыслу действия:

— Я, доб... — тут ужас мелькнул в глазах арестанта оттого, что он едва не оговорился, — я, игемон, никогда в жизни не собирался разрушать здание храма и никого не подговаривал на это бессмысленное действие (М.А. Булгаков «Мастер и Маргарита»).

Речь уже не служила людям, действие было бессмысленно — оно направлено к будущему, а в газовой камере будущего не было (В. Гроссман «Жизнь и судьба»).

Итак, концептуализация мотива в языке происходит по признаку «движение», причем в нем отражена связь мотива действия и потребности в нем.

4) Цель действия – достижение определенного результата:

Цели действий, наряду с потребностями и мотивами человека, обуславливают субъектный характер деятельности и определяют ее направленность и избирательность [Тертель 2008: 62].

Рассматривая детально процессы целеполагания и целеосуществления, А.В. Олянич определяет цель как мотивированное, осознанное, вербально выраженное предвосхищение результата действия [Олянич 2007: 31].

В русском языке цель действия концептуализируется следующим образом: 1) как «вершина / нечто вершинное», о чем свидетельствует словосочетание «*совершать действие*» (мотивирующим признаком глагола «совершать» является «движение вверх, к вершине»); 2) как «нечто полное» - «*выполнить действие*» (мотивирующим признаком глагола «выполнить» является «стремление к полноте в чем-л.»); 3) как «нечто существующее, реальное» - «*осуществить действие*», «*реализовать действие*» (мотивирующие признаки, соответственно, - «существующий / существенный» и «реальный»).

Вероятно, концептуализация цели действия по второму признаку – «нечто полное» - объясняется наличием аналогичного признака у концепта «цель» в русском языке, свидетельством чему является внутренняя форма слова «цель» - «цельность, полнота».

В английском языке находим еще два признака концептуализации цели действия: «оформление, придание формы» - «*to perform an action*» (внутренняя форма глагола «*to perform*» - от латинского «*forma*» - «*a mould or form*» / «(литейная) форма»); «нечто приведенное в движение / передвинутое» - «*to carry out an action*» (от латинского «*carrus*» - «*wheeled vehicle*» / «транспортное средство на колесах»).

Возможно, концептуализация по признаку «передвижение» в английском языке обусловлена тем, что концепт «цель» в нем имеет локативный признак: внутренняя форма лексемы «*purpose*» / «цель» - «*to place*» / «помещать, размещать (в пространстве); класть, ставить» (от старофранцузского «*poser*» - «*to place*», возникшего под влиянием латинского «*propositus*» - «*put or set forth*» / «отправляться (в путь)»).

Таким образом, цель действия концептуализируется в языке по признакам, характеризующим движение, например: «движение вверх», «стремление к чему-то полному», «стремление к чему-то реальному», «стремление к приданию формы», «приведение в движение».

Не всем действиям свойственно целеполагание. Так, действия упорядочивающие могут характеризоваться как «бесцельные»:

С каждым днем она видела все яснее и яснее, что холопство, его окружающее, уверило его в том, что он что-то значит такое, чего другой значить никоим образом не может, и что его пустая работа – занятие довольно серьезное (<http://search.ruscorpora.ru>).

5) Формальные характеристики действия – осознанное / неосознанное:

Общий для лексем-номинаций упорядочивающих действий семантический признак «быть в активном состоянии» позволяет предположить, что данные действия могут быть как осознанными, так и неосознанными. Это подтверждается контекстуальным анализом значений некоторых лексем, в частности, лексемы «поведение»:

И сегодня поведение Кириенко по отношению к Ельцину выглядит предательством (<http://search.ruscorpora.ru>).

The Labour party had been created for the purpose of ensuring working-class representation in Parliament, and from 1906 onward class became a significant influence in voting behavior. - Лейбористская партия была создана, с тем чтобы представлять рабочий класс в Парламенте, и с 1906 года она оказывала заметное влияние на процесс голосования (<http://www.natcorp.ox.ac.uk>).

В вышеприведенных примерах эксплицируется осознанное поведение людей.

Может быть, со временем ученые откроют возможность передавать импульсы, регулирующие поведение и жизнедеятельность микробных ассоциаций, не вторгаясь в организм: через кожу, мышечные ткани, кости, жир и внеклеточные жидкости? (<http://search.ruscorpora.ru>). В данном случае поведение и жизнедеятельность – неосознанные действия, так как речь идет о микроорганизмах.

The behavior of light or radio waves is similar. - *Поведение световых и радиоволн схоже* (<http://www.natcorp.ox.ac.uk>). В данном примере также объективируется неосознанное поведение, поскольку речь идет о световых и радиоволнах.

Семантический признак «оказывать воздействие», объединяющий лексемы-репрезентанты обрабатываемых действий, свидетельствует о том, что данные действия, как и действия упорядочивающие, могут быть осознанными либо неосознанными:

It's argued that psychoanalysts are motivated by the need to influence and control. - *Думается, что психоаналитиков мотивирует потребность влиять и контролировать* (<http://www.natcorp.ox.ac.uk>). В данном примере объективируется осознанное воздействие.

Воздействие на р. Москву осуществляется через очистные сооружения г. Жуковского, ливневые канализации г. Жуковского, ЛИИ, ЦАГИ, АНТК (<http://search.ruscorpora.ru>). В словосочетании «осуществлять воздействие» заложен семантический признак «осознанность воздействия».

С одной стороны, согласно поэме Некрасова «Мороз, Красный нос» (1863), где Мороз представлен злой силой, любящей «кровь вымораживать в жилах / И мозг в голове леденить», он изображается как зловредный атмосферный дух, которому приписывается способность оказывать пагубное воздействие на человека... (<http://search.ruscorpora.ru>). Словосочетание «оказывать воздействие» имеет семантический признак «осознанность / неосознанность воздействия».

Что касается добываемых действий, репрезентанты которых объединяются семантическим признаком «достигать результата» / «to achieve a goal», то они могут быть только осознанными (признак «осознанность» заложен в значениях глаголов «достигать» / «to achieve»). Данный аспект добываемых действий освещен в п. 4 нижеследующего фрейма концепта «поступок».

б) Онтологические характеристики – рациональное / нерациональное, истинное / ложное:

Диада «рациональное / нерациональное» описывает действия с точки зрения их целесообразности, диада «истинное / ложное» характеризует их с точки зрения подлинности:

- упорядочивающие действия:

Участники сделки могут реализовать рациональное поведение только в ограниченной степени, что связано с политической и экономической нестабильностью в стране (<http://search.ruscorpora.ru>).

The presumption of rational behavior underlies most economic analysis, especially that applied to consumer demand theory. - На пресуппозиции рационального поведения основываются многие методы экономического анализа, особенно те, которые применяются в теории потребительского спроса (<http://www.amosweb.com>).

Если там есть истинное поведение, оно не прямым средством информации – ни через газеты, а через другой тип информации – астральной – все равно дойдет до мира (<http://search.ruscorpora.ru>).

More commonly, you can rescue the situation by employing a few facilitation tricks to encourage authentic behavior. - В большинстве случаев ситуацию можно спасти, прибегнув к нескольким приемам, которые могут способствовать проявлению истинного поведения (<http://www.nngroup.com>).

- обрабатывающие действия:

Особенность информационной реализации этих принципов – первичное, разумное воспитательное воздействие на личность. (<http://www.coolreferat.com>).

Reasonable influence. The only reason people give you any kind of opinion is that they believe they can influence you. - Разумное влияние. Единственная причина, по которой люди выражают свое мнение, - это то, что они полагают, будто с помощью него они могут оказывать на кого-либо влияние (<http://reason-ability.org>).

Из этих комитетов захватили и разделили между собой [силу] истинное влияние на публику только два: *Comité central* под влиянием партии «*National*» и *Comité révolutionnaire* под влиянием Барбеса и Бланки и составленный из депутатов Люксембургской комиссии (работников), депутатов самых жарких клубов и ультра-демократов (<http://search.ruscorpora.ru>).

- добывающие действия:

При объеме капитальных затрат в сумме свыше полмиллиарда рублей, экономное и целесообразное производство всех работ в этой области сможет сберечь от непроизводительного расходования многомиллионные средства (<http://search.ruscorpora.ru>).

А.И. Иоффе после войны говорил, что Шишмарева совершила истинный подвиг (<http://search.ruscorpora.ru>).

How authentic is a deed? Acte 1. - Насколько подлинен поступок? Акт 1 (<http://www.step.org>).

7) Оценочные характеристики действия – успешное / неуспешное:

Действия оцениваются как успешные / неуспешные с точки зрения осуществления либо неосуществления цели. Внутри этой оценки могут выявляться другие оценочные признаки, например: оценка по шкале «хорошо / плохо» («*xoroxee / ploxoee* поведение» / «*good / bad behavior*» / «*misbehavior / misdemeanor*», «*blagotvornoe / durnoe* влияние» / «*good / harmful impact*», «*postupok / prostupok*» / «*deed / misdeed*»), оценка по шкале «правильно / неправильно» («*pravilnoe / nepravilnoe* поведение» «*decent / indecent behavior*», «*pravilnoe / nepravilnoe* влияние» / «*good / harmful impact*», «*pravilnyy / nepravilnyy* поступок» / «*good / bad deed*»), квантитативная оценка («*bolshaya* работа» / «*profound work*», «*bezmernoe* влияние» / «*great influence*», «*ogromnyy* подвиг» / «*huge feat*») и т.п.

8) Результат – практическое либо теоретическое освоение действительности:

Как было отмечено ранее, не всем действиям свойственно целеполагание. Следовательно, не все действия нацелены на результат. Это касается, в частности, упорядочивающих действий. Они, согласно Ю.С. Степанову, ничего не обрабатывают и не добывают, а лишь вносят в окружающее некоторый порядок [Степанов 2001а: 317]. Иными словами, упорядочивающие действия являются средством взаимодействия с окружающей действительностью.

Собственно освоение действительности – практическое либо теоретическое – есть результат обрабатывающих и добывающих действий: «обработка» объекта и «добывание» продукта – материального либо идеального.

Итак, лингвокогнитивная модель действия выглядит следующим образом: 1) совершение акта какой-либо деятельности; 2) субъект действия - индивид; 3) мотив действия – реализация какой-либо потребности; 4) цель действия - достижение определенного результата; 5) формальные характеристики действия – осознанное / неосознанное; 6) онтологические характеристики – рациональное / нерациональное, истинное / ложное; 7) оценочные характеристики действия – успешное / неуспешное; 8) результат – практическое либо теоретическое освоение действительности.

Лингвокогнитивная модель операции представляет собой упрощенный вариант полученной модели действия и сводится к следующим компонентам:

1) совершение акта какой-либо деятельности:

Как правило, в русском и английском языках операция концептуализируется как акт военной, технической или медицинской деятельности:

Причем легитимизировать боевые действия необходимо в общественном сознании как собственных граждан, так и населения нейтральных стран, а также страны, против которой начата военная операция (<http://search.ruscorpora.ru>).

Вчера в подмосковном поселке Толстопальцево, что недалеко от Внуково, успешно завершилась операция спецслужб по обезвреживанию взрывных устройств, предназначенных для терактов (<http://search.ruscorpora.ru>).

For more than 2 years, Richard Goodsell, from Henley, has been waiting for an operation on an arthritic finger. – Ричард Гудселл из Хенли ожидает операции на пальце, пораженном артритом, больше двух лет (<http://www.natcorp.ox.ac.uk>).

2) субъект деятельности – индивид (совпадает с аналогичным слотом фрейма концепта «действие»);

3) включенность в состав более сложного действия:

Как стало известно «ВМ», операция по задержанию организаторов и участников Интернет-шоу была очень тщательно спланирована, поскольку «подобраться» к торговцам живым товаром было непросто (<http://search.ruscorpora.ru>). В данном примере операция является частью деятельности по борьбе с преступностью.

4) автоматизированность:

The same is true today - and that's where automated computer operations come in. – То же самое истинно и сегодня – и именно здесь имеют место автоматические компьютерные операции (<http://www.helpsystems.com>).

Автоматизированность операции состоит в ее характеристике как несложного действия:

Замена фильтра – операция несложная, тем не менее невнимательные и здесь допускают ошибки (<http://search.ruscorpora.ru>).

Автоматизированность операции также подразумевает безупречное ее выполнение:

Весь цикл грызения составлялся из ряда операций, безукоризненно выполняемых органами тела, причем каждая последующая операция по отшлифованности и точности превосходила предыдущую, замыкаясь в нерасчленимое единство (<http://search.ruscorpora.ru>).

5) повторяемость в типичной ситуации:

Повторяемые в типичных ситуациях операции концептуализируются как стандартизированные действия:

При использовании современных технологий стандартная операция в случае повреждения мениска предполагает его удаление (<http://search.ruscorpora.ru>).

Итак, лингвокогнитивная модель операции включает пять основных слотов: 1) совершение акта какой-либо деятельности; 2) субъект действия - индивид; 3) включенность в состав более сложного действия; 4) автоматизированность; 5) повторяемость в типичной ситуации.

2.1.2. Лингвокогнитивная модель поступка

Фрейм концепта «поступок» представляется нам следующим образом:

1) Совершение акта социального поведения:

В языке поступок концептуализируется как добывающее действие, что отражено в первом слоте фрейма концепта «действие» (п. 2.1.1).

В русском языке слово «поступок» имеет следующие значения: 1. Совершенное кем-н. действие. 2. Решительное, активное действие в сложных обстоятельствах [Ожегов, Шведова www].

Таким образом, в русском языке «поступок» понимается либо как синоним слова «действие», либо как «действие, приобретающее особые характеристики, обусловленные сложной ситуацией».

Внутренняя форма слова «поступок» - «ступать» - позволяет определить мотивирующий признак соответствующего концепта как «осознанный шаг». Признак «шаг» обусловлен ближайшей этимологией слова «ступать», имеющего значение «передвигаться, делая шаги; идти» [Кузнецов 2000] в разных славянских языках: укр. *ступати*, *ступити*, др.-русс. *ступити*, ст.-слав. *стѣпѣти ꙗѣѣѣ* (Супр.), болг. *стъпям*, сербохорв. *стѹпати*, *стѹпѣм*, *стѹпити*, *стѹпѣм*, словен. *stópati*, *stópat*, *stópiti*, *stópit*,

чеш. *stoupati, stoupiti*, словц. *stúpat', stúpit'*, польск. *stapać, stąpić*, в.-луж. *stupać, stupić*, н.-луж. *stupaś, stupiś* [Фасмер 1987]. Признак «осознанный» может быть обусловлен дальнейшей этимологией слова «ступать»: родственно - расширение на *-p-* греч. *στέμβω* «топчу, жестоко обращаюсь, хую», др.-исл. *stappa* «трамбовать, толкать вниз» [Там же].

Другими именами концепта «по поступок» в русском языке являются следующие существительные:

Акт – поступок, проявление в действии. *Террористический акт. Акт безумия* [Ушаков 1996].

Акция – действие, поступок, замысел [Ушаков 1996]; (офиц.) действие, выступление кого-л., предпринимаемое для достижения какой-л. цели *Дипломатическая акция. Политическая, террористическая акция. Акция милосердия* [Кузнецов 2000].

Выходка – поступок, противоречащий общепринятым правилам поведения [Кузнецов 2000]. В «Толковом словаре русского языка» Д.Н. Ушакова «выходка» характеризуется как «неожиданный, необычный, дерзкий поступок». *Злая выходка. Глупая выходка. Недопустимая выходка против хороших знакомых* [Ушаков 1996].

Дело – (в сочет. с прил.) поступок. *Сделать доброе дело. Грязное, черное, темное дело* (о злом, коварном, безнравственном поступке) [Кузнецов 2000].

Демарш – (перен.) выпад, неожиданный, резкий поступок [Политический словарь www].

Деяние - (церк.-книж. офиц. устар.) поступок, дело, действие. *Преступные деяния* [Ушаков 1996]. В [Ожегов, Шведова www] слово «деяние» имеет пометку «высок. и спец.»: *Великие деяния. Противоправные деяния.*

Жест – (перен.) поступок, совершаемый с каким-н. умыслом, с показной целью; поведение, продиктованное какими-н. целями, выгодами (преимущ. шутл. или ирон.). *Благородный жест* [Ушаков 1996]; поступок,

совершаемый в знак чего-н.; поступок, который будет замечен, отмечен окружающими. *Этот богатый дар – широкий жест скупающего мецената* [Кузнецов 2000].

Подвиг – доблестный, героический поступок, важное по своему значению действие, совершенное в трудных условиях. *Военные подвиги. Гражданский подвиг. Подвиг ученого.* || Беззаветный, бескорыстный поступок, вызванный чем-н. (книжн.). *Подвиг любви* [Ушаков 1996].

Проделка – действие, поступок, обычно предосудительного характера. *Хитроумные проделки шалуна. Мошеннические проделки* [Ушаков 1996]. В [Ожегов, Шведова www] «проделка» понимается еще и как «шутливый поступок».

Проступок – поступок, являющийся нарушением каких-н. норм, правил поведения [Ушаков 1996].

Свершение - Осуществление больших замыслов, высоких стремлений. *Эпоха неслыханных свершений. Высокие, великие свершения* [Кузнецов 2000].

Шаг – (перен.) действие, поступок. *Правильный шаг. Необдуманый шаг* [Ушаков 1996].

Во всех именах концепта «поступок» в русском языке можно выделить такие семантические признаки, как «ценностная значимость» и «наличие особой цели».

Что касается оценочного значения вышеперечисленных имен, то однозначно отрицательным значением обладают лексемы «выходка», «проделка» и «проступок», остальные лексемы могут иметь как положительную, так и отрицательную коннотацию в зависимости от контекста:

По сути это был научный подвиг – мы даже представить себе не можем, сколько терпения, настойчивости, сколько труда было положено в создание этого чуда (<http://search.ruscorpora.ru>).

Очередной подвиг представителя огромной плеяды наших воров был совершен в Москве (<http://search.ruscorpora.ru>).

В первом примере слово «подвиг» употреблено в положительном значении, во втором оно приобретает иронический оттенок.

В английском языке наиболее полным семантическим соответствием русской лексеме «поступок» является слово «deed»: «*an action that is performed intentionally or consciously*» / действие, совершаемое намеренно или осознанно [OxfordDictionary (En-En) 2005]; «*A deed is something that is done, especially something that is very good or very bad*» / Поступок – это то, что совершается, особенно что-то очень хорошее или очень плохое [CollinsCobuild (En-En) 2008].

Для обозначения героического поступка в английском языке служат лексемы «feat» и «exploit»: «*exploit - a bold or daring feat*» / смелый, отважный подвиг [OxfordDictionary (En-En) 2005]; «*feat - an achievement that requires great courage, skill, or strength*» / достижение, которое требует огромной смелости, умения или силы [OxfordDictionary (En-En) 2005]; «*If you refer to an action, or the result of an action, as a feat, you admire it because it is an impressive and difficult achievement*» / Если вы обозначаете действие или его результат словом «feat», вы им восхищаетесь, так как это - впечатляющее и трудное достижение [CollinsCobuild (En-En) 2008].

Нейтральным обозначением отрицательного поступка в английском языке служит лексема «misdeed»: «*a wicked or illegal act*» / злой или противозаконный поступок [OxfordDictionary (En-En) 2005]; «*a bad or evil act*» / плохой или злой поступок [CollinsCobuild (En-En) 2008].

Итак, в английском языке, как и в русском, поступок воспринимается как серьезное достижение человека, требующее от него особых моральных или физических качеств.

Таким образом, можно сделать вывод, что поступок концептуализируется в языке как действие более высокого порядка, нежели обычное действие, в силу своей ценностной значимости.

2) Субъект поступка – личность:

Психологическая теория деятельности постулирует, что способность совершать поступки является показателем становления человека как личности.

В русском языке нет лексемы, однокоренной со словом «поступок», которая служила бы обозначением субъекта поступка. Принимая во внимание другие лексемы, обозначающие субъекта поступка, - «герой» и «подвижник» - можно предположить, что данный слот фрейма «поступок» концептуализируется в русском языке как «человек, проявляющий смелость / самоотверженность»:

Герой – исключительный по смелости или по своим доблестям человек.
|| *Выделившийся своей храбростью на войне. Герой гражданской войны*
[Ушаков 1996].

Подвижник – (перен.) лицо, в своих поступках и занятиях проявляющее героизм, самоотверженность. *Подвижники науки* [Ушаков 1996]; (высок.) человек, героически принявший на себя тяжелый труд или лишения ради достижения высокой цели [Ожегов, Шведова www].

По семантическому признаку «человек, проявляющий смелость» находим синонимы слова «герой» - «смельчак», «храбрец», «удалец», «молодец», «сорви-голова», «ухарь». По признаку «человек, проявляющий самоотверженность» выделяем синонимы «самоотверженник», «альтруист» и «рыцарь».

Таким образом, в русском языке больше номинаций для обозначения человека, совершающего смелые поступки.

В английском языке ближайшее соответствие слову «герой» - «hero» - имеет следующее значение: «*a person, typically a man, who is admired for their courage, outstanding achievements, or noble qualities*» / человек, в основном, мужчина, которым восхищаются за его смелость, выдающиеся достижения или благородные качества [OxfordDictionary (En-En) 2005]; «*A hero is someone, especially a man, who has done something brave, new, or good, and who is therefore greatly admired by a lot of people*» / «Герой – это некто, в

особенности мужчины, совершивший что-нибудь смелое, новое или хорошее, за что многие люди восхищаются им» [CollinsCobuild (En-En) 2008].

Главное отличие русского «герой» от английского «hero» заключается в том, что значение последнего, наряду с семами «смелость», «благородство», «достижение», включает семантический признак «восхищение». Таким образом, можно предположить, что для английского «героя» чрезвычайно важно всеобщее признание его героических качеств.

3) Установка – реализация определенной ценности / антиценности:

Анализируя дефиницию лексемы «поступок» и ее синонимов, мы выявили общий для них семантический признак – «ценностная значимость». Ценности / антиценности, реализуемые в поступке, выявляются при анализе атрибутивных словосочетаний со словом «поступок». Итак, в поступке могут реализовываться следующие общечеловеческие и социальные ценности:

- *доброта* – «великодушный / добрый поступок»; «good / kind / generous deed»; «deed of benevolence»;
- *нравственность* – «благовидный / высоконравственный / праведный поступок»; «moral deed»;
- *честность* – «честный поступок»; «honest deed»;
- *милосердие* – «гуманный / милосердный / душеспасительный поступок»; «deed of mercy / merciful deed»;
- *героизм, смелость* – «героический / геройский / бесстрашный / мужественный / смелый / храбрый поступок»; «brave / daring / heroic deed»; «brave feat»;
- *самоотверженность* – самоотверженный / бескорыстный / благородный / рыцарский поступок»; «noble / chivalrous deed»;
- *справедливость* – «справедливый / честный поступок»; «deed of justice»;
- *ответственность* – «гражданский поступок»; англ. – (отсутств.);
- *благоразумие* – «(благо)разумный поступок»; англ. – (отсутств.);

Общечеловеческие и социальные антиценности, реализуемые в поступке, таковы:

- *безнравственность* – «аморальный / безнравственный / неблагоприятный / непорядочный / непристойный / неприличный / авантюристический / авантюрный / преступный / хулиганский поступок»; «immoral / dirty / shameless deed»;
- *бесчестность* – «бесчестный / нечестный / нечистоплотный / вероломный поступок»; «dishonest deed»;
- *хитрость* – «жульнический / мошеннический / коварный поступок»; «roguish deed»;
- *предательство* – «предательский / вероломный / подлый поступок»; «mean feat»;
- *лицемерие* – «лицемерный поступок»; «deed of hypocrisy»;
- *безответственность* – «безответственный / головотяпский поступок»; англ. – отсутств.;
- *зло, жестокость* – «вредный / злонамеренный / грубый / дурной поступок»; «wicked / harmful / evil deed»; «deed of violence»;
- *риск* – «рискованный поступок»; «risky deed»;
- *невоспитанность* – «дерзкий / бестактный поступок»; «uncouth deed»;
- *антиобщественное поведение* – «антиобщественный поступок»; англ. - отсутств.

Итак, следует констатировать, что в поступке реализуются как ценности, так и антиценности. В ряде случаев отмечается большее число русскоязычных словосочетаний, обозначающих антиценности.

4) Формальная характеристика поступка – осознанное, осмысленное и волевое действие:

Осознанность поступка обусловлена наличием у его субъекта цели действия. Осмысленность поступка объясняется тем, что он является

единицей социального поведения и поэтому «заимствует» некоторые характеристики социального действия, в том числе наличие смысла. Отнесенность поступка к волевым действиям есть следствие того, что он всегда ассоциируется с борьбой мотивов.

В русском и английском языках осознанность поступка отражена в словосочетаниях «совершить поступок» / «to perform a deed / to accomplish a feat» (глаголы «совершить» / «to perform, to accomplish» предполагают наличие цели действия), «осознанный / намеренный / целенаправленный шаг», «намеренная / целенаправленная выходка», «осознанный жест», «спланированный демарш», «difficult / no mean / no small feat» / нелёгкое дело. Следует также отметить наличие данного признака со знаком «-» в словосочетаниях «необдуманный / непродуманный поступок».

Семантический признак «осмысленность поступка» присутствует во всех вышерассмотренных атрибутивных словосочетаниях, отражающих реализуемые в поступке ценности / антиценности («великодушный поступок», «злонамеренный поступок» и т.п.). Данный признак со знаком «-» присутствует в словосочетаниях «бессмысленный / неоправданный поступок».

Поступок как волевое действие наиболее явно отражается в русскоязычном словосочетании «самоотверженный поступок» (английский эквивалент – «selfless deed»), поскольку в семантике слова «самоотверженность» заложен признак «борьба мотивов»: «самоотверженность – отказ от своих личных интересов для общего блага, для блага других» [Ушаков 1996].

5) Оценочная характеристика поступка – положительное / отрицательное действие:

Поскольку слово «поступок» может означать как положительное, так и отрицательное действие, дифференциация этих значений проявляется в атрибутивных оценочных словосочетаниях.

Опираясь главным образом на данные из «Словаря ассоциаций» [www], мы выявили три группы оценочных прилагательных, определяющих слово «поступок» в русском языке:

1) Положительное оценочное значение слово «поступок» приобретает в сочетании со следующими прилагательными:

- *безобидный, бескорыстный, бесстрашный, благовидный, благоразумный, благородный, богоугодный, великодушный, великий, великолепный, высокий, высоконравственный, героический, геройский, гражданский, гуманный, доблестный, добродетельный, добрый, донкихотский, достойный, душевный, душеспасительный, замечательный, изумительный, королевский, красивый, милосердный, молодецкий, моральный, мудрый, мужественный, мужской, настоящий, неплохой, нормальный, нравственный, осмотрительный, остроумный, отважный, отличный, патриотический, полезный, похвальный, праведный, правильный, правый, превосходный, прекрасный, приятный, разумный, рассудительный, решительный, рыцарский, самоотверженный, светлый, серьезный, сильный, славный, смелый, совершенный, сознательный, справедливый, тактичный, толковый, хороший, храбрый, христианский, царский, человеческий, честный* (всего 71 единица).

2) Отрицательное оценочное значение слово «поступок» приобретает в сочетании с такими прилагательными, как:

- *авантюристический, авантюрный, аморальный, антиобщественный, антисоциальный, бездельный, безнравственный, безобразный, безответственный, безрассудный, безумный, бесполезный, беспредметный, бесстыдный, бестактный, бесцельный, бесчеловечный, бесчестный, вероломный, верноподданический, возмутительный, вредный, вредоносный, гадкий, глупый, гнусный, головотяпский, грубый, грязный, дерзкий, детский, дикий, дурацкий, дурной, жульнический, злодейский, злонамеренный, идиотский, коварный, кошмарный, легкомысленный, лицемерный, мерзкий, мошеннический, наглый, насильный, насильственный,*

неблаговидный, неблагопристойный, негативный, невежливый, невысокий, неделикатный, недостойный, некрасивый, нелепый, ненужный, неосмотрительный, неосторожный, непорядочный, непотребный, неправильный, неприглядный, неприличный, непристойный, неразумный, несправедливый, нехороший, нечестный, нечистоплотный, неэтичный, низкий, ничтожный, опрометчивый, отвратительный, пагубный, пакостный, плохой, подлый, позорный, порочный, (по)стыдный, предательский, преступный, противозаконный, уголовный, ужасный, рискованный, своевольный, скверный, смешной, страшный, трусливый, тяжкий, хамский, худой, хулиганский, чудовищный (всего 99 единиц).

3) Амбивалентное значение характерно для слова «поступок», когда оно определяется следующими прилагательными:

- *беспрецедентный, внезапный, вчерашний, главный, данный, девичий, единичный, единственный, единый, желаемый, значительный, книжный, лихой, невинный, невообразимый, незначительный, необъяснимый, необычный, неожиданный, неординарный, непонятный, неприкрытый, несложный, нетривиальный, неумышленный, определенный, отдельный, отчаянный, первоначальный, последний, подобный, сегодняшний, символический, собственный, странный, телесный, удивительный, характерный, экстравагантный, эксцентричный (всего 40 единиц).*

Итак, в русском языке превалирует число прилагательных, в сочетании с которыми слово «поступок» приобретает отрицательное оценочное значение.

Для проведения аналогичного исследования в английском языке мы воспользовались сплошной выборкой из словарей [OxfordDictionary (En-En) 2005; LingvoUniversal (En-Ru) 2008; CollinsCobuild (En-En) 2008] и Британского национального корпуса (<http://www.natcorp.ox.ac.uk>). Всего было выявлено 45 атрибутивных оценочных словосочетаний с лексемами «*deed*», «*exploit*» и «*feat*».

1) Положительное оценочное значение слова «deed», «exploit» и «feat» приобретают в сочетании со следующими прилагательными:

- *benevolent / generous / good, kind* (deed) / доброе дело, благодеяние, *big, considerable, enormous, great, huge, no mean, no small, weighing* (feat) / значимый поступок, *brave, daring, heroic* (deed, exploit, feat) / смелый, героический поступок, подвиг, *brilliant, illustrious, notable, noteworthy, outstanding, remarkable* (feat) / выдающийся поступок, *chivalrous, noble* (deed) / благородный, рыцарский поступок, *fantastic* (exploits) / фантастические, сказочные похождения, *honest* (deed) / честный поступок, *incredible, record-breaking* (feat) / невероятный поступок, *interesting* (feat) / интересный поступок, *marvelous* (feat) / прекрасный поступок, *merciful* (deed) / милосердный поступок, *moral* (deed) / нравственный поступок, *selfless* (deed) / самоотверженный поступок (всего 32 единицы);

2) Отрицательное оценочное значение слова «deed» и «feat» приобретают в сочетании с такими прилагательными, как:

- *dirty* (deed) / грязный, мерзкий поступок, *evil, harmful, wicked* (deed) / вредный / злонамеренный / дурной безнравственный поступок, *hypocritical* (deed) / лицемерный поступок, *immoral, shameless* (deed) / безнравственный поступок, *mean* (feat) / подлый поступок, *roguish* (deed) / мошеннический поступок, *violent* (deed) / жестокий поступок (всего 10 единиц).

3) Амбивалентным значением отмечены такие словосочетания, как *no huge* (feat), *praiseworthy* (feat) / похвальный поступок, *prodigious* (feat), чудовищный / непомерный поступок, *risky* (deed), *unique* (feat), *unseen* (feat) / невиданный поступок (всего 3 единицы).

В отличие от русского языка, в английском преобладает количество словосочетаний, в которых слова «deed», «exploit» и «feat» имеют положительное оценочное значение. Вероятно, это обусловлено тем, что в английском языке имеется целый ряд отдельных синонимических лексем, обозначающих отрицательный поступок: «*delinquency*» (нарушение закона),

«*dereliction*» (служебный / должностной проступок), «*fault*», «*infracation*», «*misbehaviour*», «*misconduct*», «*misdeed*», «*misdemeanour*», «*offence*», «*shortcoming*», «*transgression*» (правонарушение), «*wickedness*», «*wrongdoing*» [LingvoUniversal (En-Ru) 2008; Law (Ru-En) 2006].

б) Онтологические признаки поступка – событийность, структурность, имманентность, каузальная независимость:

Событийность поступка состоит в его свершении как индивидуального явления с собственным именем и такими характеристиками, как статичность / динамичность, градуированность / неградуированность, кульминативность / некульминативность, результативность / нерезультативность, гомогенность / гетерогенность, счетность / несчетность и др.; структурность поступка заключается в повторяемости его содержания; под имманентностью поступка понимается его неотъемлемая связь с поступками того же порядка; каузальная независимость обуславливает его новизну.

Событийность поступка выявляется в таких предложениях и словосочетаниях, как, например: «хулиганская выходка привела к тому, что...» (здесь есть наименование поступка – «хулиганская выходка» – и указание на его результативность), «бессчетное количество героических подвигов» (оценка по параметру «счетность / несчетность»), «главный поступок», «*his most notable feat*» / его самый заметный подвиг (оценка по параметру «кульминативность / некульминативность»), «несложный поступок», «*difficult feat*» / сложный поступок (оценка по параметру «градуированность / неградуированность»), «дикая выходка» (оценка по параметру «статичность / динамичность») и т.п.

Структурность поступка отражается в словосочетаниях, передающих семантику повтора его содержания:

Университетская группировка могла выдвинуть несколько кандидатур, готовых повторить подвиг Лысенко, штурмом, без разбора в средствах захватить власть в физике для себя и своего понимания этой науки (<http://search.ruscorpora.ru>).

Тот же самый поступок, при одинаковой комбинации своих факторов, будет, по этой норме, казаться и бесчестным и честным, смотря по тому, какой он будет иметь вид, мелкий или крупный, какое он будет производить впечатление, презрительной мелочи или уважительного события, водевильного фарса или эпической рапсодии (<http://search.ruscorpora.ru>).

Люди они были не жестокие, а относительно добрые, но между тем на их душе лежит не одна дикая выходка самодурного произвола (<http://search.ruscorpora.ru>).

Another feat of walking was undertaken by Harry Baker, who having a brother in Hastings would, at the turn of the century, visit his brother walking there and back over a weekend. - Еще один подвиг пешей прогулки был совершен Гарри Бейкером, который, имея брата в Гастингсе, в начале столетия, обычно навещал его по выходным, проходя путь пешком туда и обратно (<http://www.natcorp.ox.ac.uk>).

Имманентность поступка отражается в языке при раскрытии логической обусловленности, закономерности поступка:

Моя Мура, трех с половиною лет, совершила такой же безумный (и в то же время вполне закономерный) поступок, который я тогда же попытался прославить в стихах (<http://search.ruscorpora.ru>).

Один её поступок обязательно связан с последующим (<http://search.ruscorpora.ru>).

Liz won the chance to make a bungee jump after an equally brave feat — standing up at a karaoke night and singing Tie a Yellow Ribbon Round the Old Oak Tree. - Лиз выиграла возможность совершить прыжок с помощью эластичного троса после того, как совершила не менее отважный поступок, выстояв ночь в караоке-клубе, напевая песню “Tie a Yellow Ribbon Round the Old Oak Tree” (<http://www.natcorp.ox.ac.uk>).

Каузальная независимость поступка выявляется в словосочетаниях, раскрывающих его новизну:

Десятки раз перечитывал он эти строки: «Я осознал, что, высказав недоверие к партийному руководству, я совершил поступок, несовместимый с нормами поведения советского человека, а потому...» (<http://search.ruscorpora.ru>).

One becomes accustomed to constantly ringing church bells and clocks — our local church clock chimes up to six, then at 7 o'clock it begins again, requiring a mathematical feat to work out the correct time. - Люди привыкают к постоянному звону церковных колоколов и часов – наши церковные часы бьют до шести, затем опять начинают бить в семь; требуется математический подвиг, чтобы выработать точное время (<http://www.natcorp.ox.ac.uk>).

7) Ситуация – ответственный выбор между двумя (или более) мотивами:

Характерной чертой поступка является необходимость выбора между двумя (или более) мотивами, за который субъект несет ответственность. В языке данный аспект поступка отражен в таких словосочетаниях, как «отвечать за поступок», «нести ответственность за поступок» и т.п.:

Но есть Бог, моральные ценности, и за каждый бредовый жизненный поступок рано или поздно надо отвечать (<http://search.ruscorpora.ru>).

Может, Достоевский и воображал себя убийцей, иначе он не написал бы романа, но ведь это же не есть реальный поступок, за который он несёт юридическую и моральную ответственность (<http://search.ruscorpora.ru>).

8) Результат – формирование новой социальной реальности:

По С.Л. Рубинштейну, посредством поступка человек устанавливает свое отношение к другим и сознательно изменяет окружающую действительность [Рубинштейн 2007: 602].

Любое, даже незначительное, на наш взгляд, изменение окружающей действительности, можно трактовать как формирование новой социальной реальности. Следовательно, можно заключить, что поступок ведет к

формированию новой объективной / субъективной социальной реальности. В языке это отражается при описании последствий поступка:

Суд приходит к каждому человеку, не только верующему, но и неверующему; есть моменты в жизни, когда мы вдруг оказываемся перед лицом последствий своих слов или своих поступков и видим, во что вылилось праздное слово, легкомысленный поступок, какие страшные последствия бывают из него (<http://search.ruscorpora.ru>).

— У вашего сына дурное сердце: он сделал поступок, за который бедного мальчика высекли и заставили налгать на себя... (<http://search.ruscorpora.ru>).

As he approaches the garage door it swings open as if by magic — in fact by electricity, activated by a remote-control device in Vic's pocket — a feat that never fails to give him a deep, childlike pleasure. - Как только он подходит к гаражной двери, она распаивается, как будто по мановению волшебной палочки, а на самом деле приводится в действие с помощью прибора на дистанционном управлении, находящегося в кармане Вик, - достижения, постоянно приводящего его в бурный детский восторг (<http://www.natcorp.ox.ac.uk>).

I had achieved the remarkable feat of uniting the two factions at the party in mockery of me. - Я совершил замечательный подвиг – объединил на вечеринке две стороны в общих насмешках надо мной (<http://www.natcorp.ox.ac.uk>).

Итак, лингвокогнитивная модель поступка выглядит следующим образом: 1) совершение акта социального поведения; 2) субъект поступка – личность; 3) установка – реализация определенной ценности / антиценности; 4) формальная характеристика поступка – осознанное, осмысленное и волевое действие; 5) оценочная характеристика поступка – положительное / отрицательное действие; 6) онтологические признаки поступка - событийность, структурность, имманентность, каузальная независимость; 7) ситуация – ответственный выбор между двумя (или более) мотивами; 8) результат – формирование новой социальной реальности.

2.2. Манифестация перформативности в дискурсе

Всю систему действий человека можно представить в виде триады «операция – действие – поступок». Рассмотрим, как данная система проецируется на речевом уровне.

Являясь способом выполнения действий, их инструментальной основой, *операции*, тем не менее, сохраняют осознанность, однако не всегда характеризуются осмысленностью. Операции, на наш взгляд, соотносятся с концептом упорядочивающих действий, а на речевом уровне соответствуют следующим единицам:

- эмотивным речевым действиям:

Эмотивные речевые действия соответствуют аффективным социальным действиям, которым М. Вебер приписывает самую малую степень рациональности из всех выделяемых им социальных действий.

Описывая аффективные действия с точки зрения коммуникативного процесса, В.А. Митягина утверждает, что они выполняют три функции: социокультурную семантическую функцию «презентации» определенной эмоции, прагматическую функцию «симптома» состояния коммуниканта и апеллятивную функцию «сигнала» партнеру изменить отношение к ситуации [Митягина 2008].

Следует, однако, подчеркнуть, что, выполняя апеллятивную функцию, аффективные коммуникативные действия, по нашему мнению, перестают быть действиями-операциями и переходят в разряд собственно действий или поступков. В.И. Шаховский характеризует похожее явление как интеллектуальность коммуникативной эмоциональности, иными словами – способность человека «управлять вербальным выражением эмоций и пропускать их через ситуативные, социальные и пр. фильтры в процессе общения и, в зависимости от них, “упаковывать” одни и те же эмоции в различные языковые формы или вообще не “пропускать” их в язык»

[Шаховский 2008: 23]. Рассмотрим пример проявления интеллектуальной эмоциональности в речи героини рассказа Ф.С. Фицджеральда «Семья на ветру»:

Suddenly Rose Janney came close to him, her eyes straining and burning with animal maternalism. She seized his coat where it hung open.

“Doc, you do it! You can do it. You know you were as good a surgeon as any of em once. Please, doc, you go on do it.” <...>

The doctor shook his head and said, looking at Rose: “No. You see, my decisions are not reliable, and if anything went wrong, it would seem to be my fault.” He was acting a little now – he chose his words carefully. “I hear that when I found that Mary Decker died of starvation, my opinion was questioned on the ground that I was a drunkard.”

“I didn’t say that,” lied Rose breathlessly.

“Certainly not. I just mention it to show how careful I’ve got to be.” He moved down the steps. “Well, my advice is to see Behrer again, or, failing that, get somebody from the city. Good night.”

But before he had reached the gate, Rose came tearing after him, her eyes white with fury.

“I did say you were a drunkard!” she cried. –

Роза Джанни вдруг вплотную подошла к нему, глаза ее горели звериной материнской страстью. Она схватила доктора за лацкан пиджака.

- Ты сделаешь операцию. Ты можешь. Ты был такой хороший хирург. Лучшие всех. Прошу тебя, Форрест! <...>

Доктор покачал головой, глядя на Розу.

- Нет. Мне как врачу не доверяют. Что будет не так, обвинят меня. – Доктор немного рисовался и тщательно выбирал слова. - Мое заключение, что Мэри Деккер умерла с голоду - я слышал, - подвергают сомнению. Его ведь дал человек, который пьет.

- Я этого не говорила, - солгала одним духом Роза.

- Конечно, нет. Я упомянул об этом, чтобы вы поняли всю сложность моего положения: я должен быть предельно осторожен. - Он сошел по ступенькам вниз. - Советую вам, поговорите еще раз с Берером. Если он откажется, привезите кого-нибудь из города. До свидания.

С побелевшими от ярости глазами Роза бросилась за ним и догнала у калитки.

- Да, я говорила, что ты пьяница! – кричала она. (F.S. Fitzgerald «Family in the Wind» / Ф.С. Фицджеральд «Семья на ветру» / Перевод с англ. М. Литвиновой).

В данном примере Роза Джанни, уговаривая Форреста сделать сложную операцию ее сыну, дважды проявляет интеллектуальную эмоциональность: в первый раз, когда сдерживает негативные эмоции и говорит неправду («*I didn't say that*»), что позволяет ей на какое-то время сохранить ровные отношения с доктором и надежду на удовлетворение своей просьбы, во второй раз – когда, напротив, дает волю гневу и произносит фразу, раскрывающую ее озлобленность на доктора («*I did say you were a drunkard!*») и ставшую индикатором сознательного разрыва отношений с ним.

Интеллектуальная эмоциональность носит осмысленный характер. В связи с этим мы вносим уточнение в утверждение о том, что операции на речевом уровне соответствуют эмотивным речевым действиям: в качестве операций выступают только эмотивные речевые действия, выполняющие функцию идентификатора той или иной эмоции и связанную с ней функцию индикатора эмоционального состояния говорящего.

- этикетным высказываниям:

Главная особенность речевого этикета – его стереотипность: речевой этикет представляет собой функционально-семантическую микросистему национально специфичных стереотипных единиц, привязанных к шаблонным ситуациям этикета поведения [Формановская 2006: 9, 24]. Н.И. Формановская отмечает, что иногда стереотипность ситуации и единиц

речевого этикета, связанных с ней, приводит к автоматическому их употреблению [Там же: 24]. В результате этого происходит еще большее «семантическое выветривание» их содержания, а это, в свою очередь, обуславливает такие признаки речевого этикета, как обыденность, индивидуальность, вариативность и фрагментарность [Байбурин 1988].

Несмотря на этимологическую «прозрачность» этикетных формул «Благодарю», «Извините», «Спасибо», «Прощайте» и т.д., их мотивированность для современного употребления неактуальна [Формановская 2006: 24]. Так, превентивное извинение в предложении *«Извините за беспокойство, не подскажете ли, как пройти к ближайшей станции метро?»* не является актуализацией чувства вины адресанта; оно, скорее, служит проявлением потенциального уважения к адресату, выражением вежливости.

И. Гоффман называет подобные речевые действия межличностными вербальными ритуалами (interpersonal verbal rituals) – действиями, ритуализованными в этологическом смысле, - и выделяет такие их функции, как объединительную (bracketing), состоящую в условном объединении участников разговора в понятных друг для друга ситуативных условиях, и функцию внесения эпизодичности в разговор (episoding) [Goffman 1981: 20-21].

Этикетные высказывания соответствуют традиционным социальным действиям в классификации М. Вебера. Степень рациональности в них выше, нежели в аффективных действиях, однако ниже, чем в целерациональных и ценностно-рациональных действиях. Рассматривая традиционные действия в качестве коммуникативных, В.А. Митягина характеризует их как маркеры принадлежности индивида к определенной этнокультурной общности на уровне «условного рефлекса». Традиционные коммуникативные действия, таким образом, отличаются «автоматическим режимом» проявления вежливости [Митягина 2008]. Данное утверждение помогает убедиться в том, что этикетные высказывания представляют собой действия-операции.

Вывод об операционной природе этикетных речевых действий подтверждается также их принадлежностью к дейктическим знакам – лингвистическим переменным, о чем говорит В.В. Дементьев, раскрывая разницу между этикетом и вежливостью: если вежливость – это явление косвенно-речевое, предполагающее свободное и факультативное выражение, то знаки этикета обязательны, они транслируют определенные смыслы точно и однозначно, будучи включены в конкретную ситуацию общения [Дементьев 2010: 202] (ср. операции варьируются в зависимости от условий их выполнения).

Однако единицы речевого этикета приобретают качество собственно действия или поступка, когда актуализируется их внутренняя форма:

Лиза побежала вслед за ним. Она догнала его на крыльце.

- Христофор Федорыч, послушайте, - сказала она ему по-немецки <...>

- я виновата перед вами – простите меня.

Лемм ничего не отвечал.

- Я показала Владимиру Николаевичу вашу кантату; я была уверена, что он ее оценит, - и она, точно, очень ему понравилась.

Лемм остановился.

- Это ничего, - сказал он по-русски и потом прибавил на родном своем языке: - Но он не может ничего понимать; как вы этого не видите? Он дилетант – и все тут! <...>

- Простите меня, Христофор Федорыч, - проговорила снова Лиза.

- Ничего, ничего, - повторил он опять по-русски, - вы добрая девушка...

(И.С. Тургенев «Дворянское гнездо»).

В представленном примере извинение девушки подкреплено аргументацией в виде оправдания, что актуализирует внутреннюю форму данного этикетного высказывания и сигнализирует его переход из разряда операционного действия в собственно действие.

Актуализация внутренней формы этикетного высказывания в совокупности с его ироническим переосмыслением также ведет к изменению

категориального статуса данного высказывания – из операции в собственно действие либо поступок:

- Вы продолжаете шутить, - произнес, вставая со стула, Павел Петрович. – Но после любезной готовности, оказанной вами, я не имею права быть на вас в претензии... Итак, все устроено... Кстати, пистолетов у вас нет?

- Откуда у меня пистолеты, Павел Петрович? Я не воин.

- В таком случае предлагаю вам мои. Вы можете быть уверены, что вот уже пять лет, как я не стрелял из них.

- Это очень утешительное известие.

Павел Петрович достал свою трость...

- Засим, милостивый государь, мне остается только благодарить вас и возвратить вас вашим занятиям. Честь имею кланяться.

- До приятного свидания, милостивый государь мой, - промолвил Базаров, провожая гостя (И.С. Тургенев «Отцы и дети»).

В данном примере Базаров актуализирует внутреннюю форму этикетного действия прощания, добавляя эпитет, придающий ироническое звучание всему высказыванию («До приятного свидания»), благодаря чему оно приобретает качество собственно действия.

Намеренное опущение этикетных формул в ряде случаев можно расценивать как совершение «нулевого» поступка: оно может привести к конфликту во взаимоотношениях между коммуникантами или стать средством проявления уже существующего конфликта. Рассмотрим пример:

Тальберг все рассказал тут же у пианино. Братья вежливо промолчали, стараясь не поднимать бровей. Младший из гордости, старший потому, что был человек-тряпка. Голос Тальберга дрогнул.

- Вы же Елену берегите, - глаза Тальберга в первом слове посмотрели просительно и тревожно. Он помялся, растерянно глянул на карманные часы и беспокойно сказал: - Пора (М.А. Булгаков «Белая гвардия»).

В рассмотренном отрывке из романа описывается сцена прощания Тальберга с братьями его жены Елены – Алексеем и Николаем Турбиными. Молчание братьев демонстрирует их неприятие поведения Тальберга.

- клишированным десемантизированным перформативам, этимологически восходящим к ритуальным действиям:

Десемантизация ритуальных речевых действий приводит к утрачиванию ими признаков ритуала, которые выделяет А.К. Байбурин: сакральности, коллективности, ригидности и сюжетности [Байбурин 1988], - и изменению иллокутивной силы: комиссивы переходят в класс ассертивов («Клянусь, что это правда!», «Держу пари, это так»), бехабитивы транслируют противоположный смысл в иронических или саркастических высказываниях («Мы проиграли. – Поздравляю!»; «Мы не договорили, нас прервали. – Сочувствую!»).

- клишированным недесемантизированным перформативам, посредством которых говорящий реализует полномочные функции как часть ритуала:

Примером такого рода перформативов являются клишированные формулы, сопровождающие «рутинные» ритуалы: «*Всем встать, суд идет!*» (реплика секретаря в суде), «*Собрание объявляется открытым*», «*Просьба соблюдать регламент*», «*Прошу тишины*», «*Обвиняемый, вам есть что сказать?*» (обращение судьи) и т.п. Все эти перформативы не влияют на содержательную сторону ритуала, но способствуют его регулированию, соблюдению норм его выполнения.

Второй элемент в рассматриваемой иерархии действий – **собственно действие** – соотносится с концептом обрабатывающих и добывающих действий. На речевом уровне собственно действие соответствует следующим единицам:

- перформативным действиям с эксплицитно выраженной перформативностью (кроме вышеперечисленных этикетных и клишированных перформативов):

Символическую запись эксплицитных перформативов, уже ставшую канонической, приводит И.П. Сусов:

I verb Perform., 1st Pers., Pres. Indef., Indicat., Active you p,

где местоимение *I / я* выражает актанта, глагол употребляется в первом лице единственного числа настоящего времени изъявительного наклонения действительного залога, а *p* – пропозициональное содержание; различные варианты данной формулы образуют парадигму в соответствии с грамматическими нормами языка [Сусов *www* (1)].

Согласно В.А. Митягиной, целерациональное коммуникативное действие (а собственно действие и есть по сути целерациональное действие) ориентировано на презентацию рациональных интенций коммуникантов и достигает нужный коммуникативный эффект путем направленного применения когнитивной составляющей социокоммуникативной компетенции [Митягина 2008]. Перформативные действия с эксплицитно выраженной перформативностью идеально подпадают под данное определение благодаря ряду характеристик [Богданов 1990]: эквивалентность (равнозначность действию), неверифицируемость (отсутствие необходимости оценивать их по критерию «истинно / ложно» в виду самого их произнесения), автореферентность (речевые действия отсылают сами к себе), автономинативность (речевые действия называют сами себя), эквитемпоральность (речевые действия совершаются в момент произнесения), компетентность (наличие полномочий у говорящего), определенное лексическое и грамматическое выражение (символическая запись приведена выше).

Нельзя не согласиться с В.И. Тюпой в том, что, пожалуй, главной характеристикой из всех вышеуказанных является автореферентность и что она вбирает в себя остальные характеристики [Тюпа 2013: 36]. Действительно, в силу своей автореферентности перформативные действия типа «*Я советую...*», «*Я запрещаю...*», «*Я отказываюсь...*» и т.п. являются не просто действием, совершаемым в акте высказывания, но в первую очередь

позволяют субъекту однозначно выразить цель высказывания и тем самым снять возможные трудности адресата в ее декодировании, что, безусловно, способствует достижению намеченного перлокутивного эффекта.

- перформативным действиям с имплицитно выраженной перформативностью:

Имплицитные перформативы несколько уступают эксплицитно выраженным перформативным действиям в рациональности. Однако вряд ли им можно отказать в выполнении перформативной функции: недескриптивность высказывания типа *«Вам необходимо это сделать»* очевидна, поскольку его можно трансформировать до эксплицитного перформатива *«Я настоятельно советую / рекомендую / приказываю это сделать»*.

М.Л. Макаров считает, что подобные высказывания отвечают главному критерию перформативности – эквивалентности: высказывания типа *«Хорошо! Well done!»* грамматически не соответствуют эксплицитному перформативу *«Я одобряю то, что ты сделал! I approve what you have done!»*, но замещают его на уровне действия, выполняя перформативную функцию [Макаров 2003: 165].

- транспонированным перформативным действиям:

Поскольку имплицитные перформативы относятся к косвенным высказываниям конвенционального характера, возникает вопрос: могут ли косвенные неконвенциональные (транспонированные) высказывания выступать в качестве целерациональных действий?

С одной стороны, если учесть, что рациональность есть единство осознанной и осмысленной цели и адекватных средств ее реализации, то транспонированные высказывания вряд ли отвечают требованию рациональности: высказывание типа *«Вы еще услышите обо мне, обещаю!»* совмещает в себе иллокуции обещания и угрозы, поэтому «идентификация» истинной коммуникативной цели в большой степени зависит от интерпретативных способностей адресата.

С другой стороны, подобные высказывания никогда не употребляются в отрыве от контекста. Как правило, использование косвенных высказываний необходимо и неизбежно и может быть обусловлено рядом причин: если косвенные высказывания непланируемы (первый тип не прямой коммуникации по В.В. Дементьеву [2010]), неточность в передаче смыслов объясняется непредсказуемостью коммуникации, интерпретативной деятельности адресата, а также пронизанностью языка не прямой коммуникацией [Там же: 206]; косвенные высказывания планируемы (второй тип не прямой коммуникации, по В.В. Дементьеву) с целью запрограммировать интерпретацию адресата в направлении, желательном для адресанта [Там же]. Кроме того, в любой коммуникации существует допустимый предел неточной интерпретации коммуникативных намерений – по И. Гоффману, «normatively residual» ambiguity [Goffman 1981: 11].

Третий элемент в изучаемой иерархии действий – *поступок* – соотносится с концептом добывающих действий и соответствует ценностно-рациональным действиям в классификации М. Вебера. Его коммуникативная проекция – ценностно-ориентированное действие – самим фактом свершения выражает приверженность адресанта определенным идеям, канонам, требованиями, - всему, что является ценностной составляющей социокоммуникативной компетенции [Митягина 2008].

Поступок – это единица более высокого порядка, нежели операция или целерациональное действие, поэтому коммуникативный поступок объективируется высказыванием не на уровне речевого действия или жанра, а на уровне целого дискурса, т.е. текста в ситуации личностно обусловленного волевого принятия решений и осуществления свободного ответственного выбора, актуализирующего смысл реального общения посредством одного или нескольких ценностно-нагруженных коммуникативных действий.

Если речевые операции и действия могут быть выделены на основе формально-функционального критерия, то для выделения речевого поступка

применим функционально-семантический критерий: наличие ценностно-нагруженных коммуникативных действий как необходимого условия осуществления коммуникативного поступка позволяет говорить о присущей ему аксиологической модальности, которая и является его маркером.

Мы выделяем две основополагающие аксиологические модальности, маркирующие коммуникативный поступок: модальности одобрения и неодобрения. В поступках, характеризующихся модальностью одобрения, субъект выступает либо генератором положительных оценочных пресуппозиций, либо медиатором уже имеющихся пресуппозиций. Аналогичные роли, только в отношении отрицательных оценочных пресуппозиций, исполняются субъектом поступков, маркированных модальностью неодобрения.

Аксиологическая модальность в коммуникативных поступках может сочетаться с деонтическими модальностями, т.е. такими модальностями, которые, как отмечено в [Нап www], указывают на то, что пропозициональное содержание высказываний соотносится с различными нормами (законами, моралью, условностями и т.п.). Аксиологическая модальность в речевых поступках сочетается со следующими видами деонтической модальности:

- модальностью долженствования:

Как отмечает Е.М. Вольф, аксиологическая модальность соотносится с модальностью долженствования путем отражения принятых социальных стереотипов, и в этом случае субъект может рассматриваться как источник предписаний [Вольф 2009: 122-124]. Рассмотрим пример:

В это время старый есаул подошел к двери и назвал его по имени; тот откликнулся.

- Согрешил, брат Ефимыч, - сказал есаул, - так уж нечего делать, покорись!

- Не покорюсь! – отвечал казак.

- Побойся бога! Ведь ты не чеченец окаянный, а честный христианин; ну, уж коли грех твой тебя попутал, нечего делать: своей судьбы не минувешь! (М.Ю. Лермонтов «Герой нашего времени»).

В рассмотренном примере есаул, уговаривая казака, который убил Вулича, сдать офицерам, использует императивные формы глаголов («покорись!», «побойся Бога!») – самый распространенный способ экспликации модальности долженствования. Данный вид модальности сочетается с обеими аксиологическими модальностями – одобрения («честный христианин») и неодобрения («чеченец окаянный»), - которые, с одной стороны, являются аргументацией императивов, а с другой стороны – своеобразными манипуляциями, призванными наилучшим образом воздействовать на сознание адресата.

- модальностью запрета:

Модальность запрещения является противоположной модальности долженствования. По замечанию Е.М. Вольф, модальность запрещения и близкая ей модальность предостережения имеют отрицательный знак с точки зрения субъекта, причем оценочный смысл приобретают только те высказывания, где сама ситуация оценивается как отрицательная [Вольф 2009: 127]. Таким образом, модальность запрещения всегда сочетается с модальностью неодобрения:

- Мари, я запрещаю тебе раз и навсегда смотреть эти поганые сериалы! (<http://search.ruscorpora.ru>).

Неодобрительной оценке в данном случае подвергается просмотр определенных сериалов, что выражено эпитетом с отрицательной коннотацией «поганые». Сочетание перформативного глагола «запрещаю» со словосочетанием «раз и навсегда» делает запрет крайне категоричным.

- модальностью желания:

Модальность желания эксплицируется по-разному в зависимости от того, кто является потенциальным бенефициаром. Рассмотрим пример из рассказа Ф.С. Фицджеральда «Снова в Вавилоне», где главный герой

высказывается о своем желании вернуть дочь после нескольких лет разлуки с ней, таким образом выступая бенефициаром желания:

“I’m awfully anxious to have a home,” he continued. “And I’m awfully anxious to have Honoria in it. I appreciate your taking in Honoria for her mother’s sake, but things have changed now” – he hesitated and then continued more forcibly – “changed radically with me, and I want you to reconsider the matter. It would be silly for me to deny that about three years ago I was acting badly ----” – Мне очень хочется завести себе настоящий дом, — продолжал он. — И очень хочется, чтобы в нём жила Гонория. Я очень благодарен вам за то, что вы взяли к себе Гонорию и стали ей вместо матери, но теперь моё положение изменилось, — он помолчал и затем продолжил более напористо, — очень сильно изменилось, поэтому мне бы хотелось снова вернуться к этому вопросу. Было бы глупо отрицать, что три года назад я вёл себя неподобающе... (F.S. Fitzgerald «Babylon Revisited» / Ф.С. Фицджеральд «Снова в Вавилоне» / Пер. с англ. А. Руднева).

В данном отрывке модальность желания, эксплицированная посредством предиката желания «*I’m anxious*» с интенсификатором «*awfully*», сочетается с модальностью одобрения (герой прямо выражает свое признание посредством глагола «*appreciate*») и модальностью неодобрения (герой осуждает свое поведение в прошлом, используя оценочный предикат «*it would be silly*» и наречие «*badly*»). В речевом поступке, маркированном модальностью желания, должно содержаться обоснование того, почему субъект считает, что заслуживает его исполнения. В представленном примере таким обоснованием является утверждение о коренных изменениях, произошедших в жизни героя, - «*but things have changed now*».

Если потенциальным бенефициаром желания является адресат, то со стороны адресанта речевого поступка может наблюдаться выражение жертвенности типа «*Я уже свое пожил, а теперь хочу, чтобы ты жил лучше, чем я*».

- модальностью просьбы:

Модальность просьбы близка модальности желания, поскольку просьба мотивируется желанием:

- *Прошу вас*, - продолжал я тем же тоном, - *прошу вас сейчас же отказать от ваших слов; вы очень хорошо знаете, что это выдумка. Я не думаю, чтоб равнодушие женщины к вашим блестящим достоинствам заслуживало такое ужасное мщение. Подумайте хорошенько: поддерживая ваше мнение, вы теряете право на имя благородного человека и рискуете жизнью* (М.Ю. Лермонтов «Герой нашего времени»).

В данном примере Печорин уговаривает Грушницкого отказаться от клеветнических слов в свой адрес. Модальность просьбы эксплицируется перформативным глаголом «*прошу*», а его повторение придает просьбе характер требования. Модальность просьбы сочетается с аксиологической модальностью неодобрения: Печорин дает отрицательную оценку ситуации, характеризуя ее как «*ужасное мщение*». Данная экспликация модальности неодобрения является одновременно обоснованием мнения Печорина о незаслуженной для него клевете.

- модальностью предостережения:

“*Считаю своим долгом предостеречь от «звездной болезни», признаки которой наблюдаются у «легендарного» Ивана*”, - пишет автор (<http://search.ruscorpora.ru>).

Модальность предостережения сочетается с аксиологической модальностью неодобрения: знаком «-» оценивается непосредственный предмет предостережения, в данном случае – «звездная болезнь».

- модальностью угрозы:

Угроза никогда не выражается эксплицитными перформативными глаголами во избежание «иллокутивного самоубийства» (по З. Вендлеру [1985]). Обычной формулой выражения угрозы является форма ультиматума:

“*Hi, Butch.*”

“*I want to tell you, Uncle Forrest, you can't talk to my mother thataway, I'll kill you, you talk to my mother like that!*”

“Now shut up, Butch, and sit down,” said the doctor sharply.

“She’s already bout sick on account of Pinky, and you come over and talk to her like that.”

– *Привет, Бэч.*

– *Я хочу тебе сказать, дядя Форрест, чтобы ты не смел так разговаривать с моей матерью. Еще раз услышу – убью.*

– *Кончай, Бэч, – обрезал его доктор, – и садись.*

– *Она и так вся извелась из-за Пинки. А тут еще ты* (F.S. Fitzgerald «Family in the Wind» / Ф.С. Фицджеральд «Семья на ветру» / Пер.с англ. М. Литвиновой).

Модальность угрозы сочетается с аксиологической модальностью неодобрения. В представленном примере отрицательно оценивается ситуация, созданная Форрестом и спровоцировавшая его племянника Бэча на угрозу.

- модальностью совета:

Согласно Е.М. Вольф, совет предполагает оценку события знаком «+» для адресата, поскольку он становится субъектом «пользы» [Вольф 2009: 126].

Модальность совета прямо или имплицитно сочетается с обеими аксиологическими модальностями – одобрения и неодобрения: одобрительную оценку получает предмет совета, неодобрительную – сама ситуация, явившаяся «катализатором» совета. Рассмотрим пример:

- Иван Денисыч! Молиться не о том надо, чтобы посылку прислали или чтоб лишняя порция баланды. Что высоко у людей, то мерзость перед Богом! Молиться надо о духовном: чтоб Господь с нашего сердца накипь злую снимал... (А. Солженицын «Один день Ивана Денисовича»).

Сосед Ивана Денисовича по камере – баптист Алешка – советует молиться о духовном благе, чтобы молитва достигла своего адресата. Модальность неодобрения эксплицирована посредством антитезы «Что высоко у людей, то мерзость перед Богом!» и метафоры «снимать злую

накись с сердца». Модальность одобрения не эксплицирована, но по контексту понятно, что положительно здесь оценивается ситуация, противоположная той, которая оценивается Алешкой со знаком «-».

- модальностью разрешения:

Модальность разрешения сочетается с обеими аксиологическими модальностями – маркерами речевого поступка, поскольку разрешение как речевой поступок предполагает оценку разрешаемой ситуации знаком «-» для субъекта, знаком «+» для адресата, т.е. со стороны субъекта разрешения наблюдается выражение жертвенности, как в нижеследующем примере:

- Отрекись от меня, обругай перед Голицыным, разрешаю, - сказал Тулин (Д. Гранин «Иду на грозу»).

Итак, операции соотносятся с концептом упорядочивающих действий и на речевом уровне соответствуют эмотивным речевым действиям (кроме действий, выражающих интеллектуальную эмоциональность), этикетным высказываниям, клишированным десемантизированным перформативам, этимологически восходящим к ритуальным действиям, клишированным недесемантизированным перформативам, посредством которых говорящий реализует полномочные функции как часть ритуала. Собственно действия соотносятся с концептом обрабатывающих и добывающих действий. На речевом уровне им соответствуют перформативные действия с эксплицитно выраженной перформативностью (кроме этикетных и клишированных перформативов, имеющих свойство операционных действий), перформативные действия с имплицитно выраженной перформативностью, транспонированные перформативные действия. Поступок соотносится с концептом добывающих действий. Коммуникативный поступок реализуется посредством целого дискурса. Критерием выделения коммуникативного поступка является наличие аксиологической модальности, сочетающейся с деонтическими модальностями.

2.3. Перформативные характеристики языковой личности

В центре внимания антропоцентрической лингвистики находится языковая личность – человек в его способности совершать речевую деятельность. На отношении языковой личности к языку в настоящее время построены различные лингвистические классификации: в зависимости от уровня коммуникативной компетенции, от способности к языковому творчеству, от количества языков, которыми владеет языковая личность, от канала общения (устного или письменного) и т.д. [Карасик 2007: 225]. Очевидно, возможна классификация языковых личностей в зависимости от предпочитаемых коммуникативных средств в рамках того или иного вида дискурса, например: а) информативная vs. фатическая языковая личность (в соответствии с коммуникативными функциями, по Т.Г. Винокур); б) ассертивная vs. директивная vs. декларативная vs. комиссивная vs. экспрессивная и т.д. языковая личность (в зависимости от иллокутивных функций речевых действий, порождающих соответствующий вид дискурса, по Д. Остину, Д. Серлю и др.); в) перформативная vs. неперформативная языковая личность (на основании преобладающей перформативной / дескриптивной или нарративной функции дискурса).

Принимая во внимание психологическую концепцию деятельности и учитывая то, что структуру деятельности можно представить в виде триады «операция – действие – поступок», предлагаем выделять три типа перформативной языковой личности соответственно: 1) инстинктивная языковая личность; 2) рефлексирующая языковая личность; 3) интуитивная языковая личность.

Инстинктивная языковая личность. К сфере инстинктивной, неотрефлексированной деятельности относятся автоматические действия, безотчетные и не поддающиеся, по крайней мере, в момент действия, контролю со стороны сознания. Автоматизмы – достаточно сложные действия человека, поскольку первоначально они осуществляются под контролем сознания, но в результате длительной тренировки и

многократного повторения приобретают бессознательный характер, выходят из-под контроля сознания [Алексеев, Панин 2000: 266].

К автоматическим речевым действиям относятся операции: эмотивы, этикетные действия и клишированные перформативы, сопровождающие «рутинные» ритуалы.

Эмоция является ядром языковой личности. Более того, по утверждению В.И. Шаховского, баланс между *ratio* и *emotio* часто нарушается эмоциональным перевесом. Языковых личностей всех культур объединяют универсальные эмоции, однако распределение и интенсивность этих эмоций, их акцентирование в речевых действиях различно как на национально-культурном, так и на индивидуальном уровне. Это объясняется тем, что референции эмоций – определенные эмоциональные ситуации – регулируются когнитивным опытом конкретного этноса (знанием-рецептом) и варьируются индивидуально-личностным когнитивным опытом (знанием-ретушем), с помощью которого формируется эмоциональный дейксис языковой личности [Шаховский 2008: 22, 46-48].

В.И. Шаховский указывает на типизированность социологизированных эмоций, составляющих эмоциональный дейксис языковой личности, т.е. на их определенным образом складывающуюся объективизацию в виде определенных эмотивов [Там же: 47].

Таким образом, за исключением ситуаций, в которых имеет место интеллектуальная эмоциональность (см. 2.2), выражение эмоций по большей части происходит на уровне автоматизмов, рефлексов, если не биологических, то культурно обусловленных, и оперирование эмотивами на таком уровне характеризует языковую личность как инстинктивную.

В отношении этикетных высказываний также можно сказать, что они в определенной степени автоматизированы, поскольку реализуются на уровне речевого навыка: в определенных ситуациях репродуцируются готовые формулы. Пять ситуаций речевого этикета – «Приветствие», «Прощание», «Извинение», «Благодарность» и «Обращение» - в большинстве случаев

допускают полностью автоматизированные действия и соответствующие «усредненные» стилистически нейтральные единицы [Формановская 2006: 124-125].

Очевидно, возможность автоматизации этикетных действий и, следовательно, формирования этикетного дейксиса языковой личности обусловлена типизированной закрепленностью тех или иных единиц за определенной группой носителей языка. Намеренное опущение этикетных формул, что является значимым и понимается однозначно [Дементьев 2010: 201], а также не машинальное, а нарочитое их употребление с целью создания определенного эффекта [Формановская 2006: 129], свидетельствуют об изменении перформативного типа языковой личности: она перестает быть инстинктивной и становится рефлексивной.

Использование клишированных перформативов в «рутинных» ритуалах, как институциональных, так и обиходных, обусловлено жанровыми нормами этих высказываний. По выражению К.Ф. Седова, жанровые нормы «врастают» в сознание индивида по мере его социализации, определяя уровень его коммуникативной компетенции [Седов 2004: 70]. Очевидно, что при многократном воспроизведении языковых единиц, реализующих тот или иной жанровый фрейм, «врастание» жанровых норм в сознание усиливается и их употребление осуществляется на уровне речевых рефлексов. Таким образом, свободное использование клишированных перформативов в «рутинных» ритуалах, с одной стороны, свидетельствует о жанровой компетенции языковой личности, а с другой – идентифицирует данную языковую личность как инстинктивную.

Рефлексирующая языковая личность. Речевая деятельность рефлексирующей языковой личности выстраивается осознанно, на основе идеального образа самой деятельности.

Наличие у индивида идеального плана его собственной деятельности позволяет ему рефлексировать и формулировать высказывания в соответствии с конкретной ситуацией [Давыдов 1999: 404], в виде

определенных речевых актов / жанров. Как утверждает К.Ф. Седов, жанры речи присутствуют в сознании языковой личности в виде фреймов, влияющих на процесс речевого кодирования, причем уже на стадии внутреннего планирования дискурса. Вообще, дискурсивное мышление имеет принципиально жанровый характер, и овладение навыками жанрового мышления влияет на уровень коммуникативной компетенции говорящего [Седов 2004: 70]. Таким образом, рефлексирующая языковая личность должна предположительно характеризоваться довольно высоким уровнем коммуникативной, или жанровой, компетенции.

Однако осознание деятельности не ограничивается воспроизведением ее идеального, внутреннего плана: сознательная деятельность человека опосредована коллективом – при ее осуществлении индивид учитывает позиции других участников [Давыдов 1999: 404]. Эта мысль находит подтверждение в идее М.М. Бахтина о том, что «высказывание занимает какую-то определенную позицию в данной сфере общения, по данному вопросу, в данном деле и т.п. Определить свою позицию, не соотнося ее с другими позициями, нельзя» [Бахтин 1979: 271]. Эта характеристика дискурса называется фактором развернутости на слушателя [Седов 2004: 30].

При соотношении позиций адресанту важно не только правильно отрефлексировать цель действия, но и убедиться, что его смысл адекватно воспримется адресатом. По мнению В.А. Митягиной, адресант стратегически использует определенные средства, чтобы добиться адекватного восприятия данного действия, вне рефлексии получателя невозможно достижение основной цели социокоммуникативного действия. Более того, действие реализуется при условии, что убежденность адресанта в его успехе базируется на знании о том, что его смысл доступен адресату. Таким образом, субъективный смысл связан с адекватным толкованием адресатом коммуникативного намерения отправителя, он соотносится с объективным смыслом, который вытекает из коллективного знания коммуникантов [Митягина 2008]. Для успеха коммуникации, следовательно, важна не только

языковая компетенция говорящих, но и их социальный кругозор. Незнание фактов действительности, которая стоит за высказыванием, ведет к коммуникативным неудачам [Седов 2004: 44].

В связи с важностью адекватного понимания адресатом коммуникативного намерения адресанта возникает вопрос о том, как происходит декодирование косвенных, в особенности, транспонированных речевых актов / жанров.

К.Ф. Седов считает, что понимание реального дискурса направлено не на дешифровку языковых знаний, а на постижение интенций говорящего, иллокутивной силы текста. Дискурс осложнен наличием множества разнообразных интенций и оттенков неявно выраженного смысла. Поэтому смысловое восприятие текста – многогранный речемыслительный процесс, включающий сложные операции по перекодированию чужой речи на код индивидуальных смыслов [Там же].

Более или менее адекватное восприятие косвенных высказываний обеспечивается правилами соответствующего жанра, вышеупомянутым жанровым фреймом, которым владеет и адресат (а не только адресант). Полагаем, что рефлексия языковой личности проявляется как в выборе адекватных ее коммуникативным интенциям средств, так и в выборе адресата, способного правильно интерпретировать эти интенции.

Интуитивная языковая личность. Феномен интуиции чрезвычайно широк и недостаточно изучен, поэтому за интуицию ошибочно принимают, например, то, что относится к области инстинктов, характеризуется автоматизмом реакций в сходных ситуациях, имеет физиологические механизмы в подсознательной или бессознательной сфере субъекта [Алексеев, Панин 2000: 320-321].

Интуиция в философии и психологии рассматривается в основном как способ познания действительности, производства новой информации: в философии - это интуиция как 1) интеллигибельное явление, внечувственное восприятие особой (не тождественной эмпирической) действительности

(Платон, Аристотель, Фома Аквинский, Николай Кузанский); 2) высший вид интеллектуального познания, достижения нового знания непосредственным, не опирающимся на доказательство усмотрением ума (Р. Декарт, Б. Спиноза, Г.-В. Лейбниц) [Новейший философский словарь 1998]; 3) созерцание (*Anschauung*), чувственное восприятие действительности (И. Кант, И.-Г. Фихте, Ф.-В.-И. Шеллинг, Г.-В.-Ф. Гегель) [Асмус www]; 4) мистическая целостность проникновения в глубины индивидуального сознания, постижение сущности «Я», воли, жизни, экзистенции и т.п. (И.-Г. Фихте, Ф.-В.-И. Шеллинг, А. Бергсон, Э. Гуссерль, Н.О. Лосский, представители экзистенциализма, неотомизма, реализма, прагматизма) [Новейший философский словарь 1998]; в психологии под интуицией понимается мыслительный процесс, состоящий в нахождении решения задачи на основе не связанных логически ориентиров поиска [Большой психологический словарь 2003].

А.В. Машенцев видит причину многоаспектности понимания интуиции в том, что она имеет много форм проявления: поскольку объектом интуитивного постижения являются различные по смысловому содержанию предметы, это обуславливает многообразные феноменальные проявления интуиции. Далее А.В. Машенцев высказывает предположение о том, что в свою очередь «причина многообразных феноменальных проявлений интуиции находится в самом субъекте познания, в неисчерпаемости его внутреннего *cogito*, которое проявляется в форме волевой актуализации какой-либо ценности, как ценностное отношение к какой-либо части мира, который, в свою очередь, гносеологически, онтологически и аксиологически структурирован, и который проявляет себя каждый раз во все новых и новых формах» [Машенцев 2003].

На речевом уровне волевая актуализация ценностей осуществляется посредством коммуникативного поступка, т.е. перформативного дискурса. Отсюда языковую личность, продуцирующую перформативный дискурс, можно назвать интуитивной.

Учитывая то, что на разных основаниях выделяются различные виды интуиции (чувственная, интеллектуальная, творческая, эмоциональная, научная, мистическая, физическая, архетипическая, эмпирическая и т.д.), необходимо отметить особый тип интуиции, присущий интуитивной языковой личности, - аксиологическая интуиция.

Аксиологическая интуиция – это ценностно-познавательный процессуальный акт, благодаря которому субъект познания обнаруживает идеально-ценностную структурированность бытия [Машенцев 2003] (ср. концепция этического интуиционизма [Huemer 2005; Nelson 1991; Oppenheim 1998; Stratton-Lake 2002]). Возможность выделения аксиологической интуиции как особого вида интуитивного акта обусловлена тем, что сознание не может воспринимать предметы как значимые без аппроксимативно заданного идеала, которым выступает та или иная ценность; сознание, таким образом, всегда имеет свою самоконституцию, поэтому все интеллектуальные процессы фиксируются относительно сознательно выбранных ценностей. Аксиологическая интуиция, следовательно, позволяет задать более верный аппроксимативный идеал [Там же]. При этом ученые подчеркивают, что интуиция – «не всегда надежный гид на пути к истине» («intuition is not always a reliable guide to truth») [Symon 2008].

Данная идея вполне вписывается в теорию социального действия М. Вебера: ценность, по Веберу, как отмечает Е.И. Кравченко, - это форма человеческого мышления, способ умозаключений, соотносительность человека с миром вещей и духовных явлений; личность, являющаяся носителем ценностей, постигает их в опыте внутреннего принятия или отталкивания [Кравченко www]. В том, как происходит ценностное ориентирование, есть определенная доля иррациональности, свойственной интуиции, однако, не лишаящей интуитивно выраженные моральные суждения эпистемической ценности [Lillehammer 2011; Musschenga 2011].

Выделяя три перформативных типа языковой личности, мы, тем не менее, считаем, что нельзя говорить об их абсолютном выражении в

дискурсе: каждая языковая личность в своем коммуникативном поведении, как правило, совмещает данные типы, что обусловлено сложным характером коммуникативного процесса. Однако нам представляется возможным характеризовать ту или иную языковую личность как преимущественно инстинктивную, рефлексивную либо интуитивную.

Рассмотрим проявления перформативных типов языковой личности в аналогичных ситуациях общения:

Закончив, он хотел на канате спуститься на землю, но старшина крикнул: — Не смей, запрещаю! Юноша послушно спустился по краю стены (<http://search.ruscorpora.ru>).

В представленном примере старшина проявляет себя как инстинктивная языковая личность, поскольку запрет здесь теряет статусную маркированность, присущую ему как речевому жанру, а служит средством выражения достаточно сильной эмоции – испуга.

- В качестве кого ты можешь нам что-нибудь запретить?

- Запрещаю и все, — прорычала Марья. — Петров мой, и вам к нему нечего соваться! (<http://search.ruscorpora.ru>).

В данном примере субъект запрета выступает как рефлексивная языковая личность, выбирая адекватное своему коммуникативному намерению, статусу и ситуации средство. Полагаем, что главным отличительным признаком рефлексивной языковой личности является действие «по ситуации» / «здесь и сейчас», обусловленное стереотипностью мышления.

Вы не смее так разговаривать с моей дочерью! Я вам запрещаю это! – вмешался Илья (<http://search.ruscorpora.ru>).

В рассмотренном примере субъектом запрета является интуитивная языковая личность, отличающаяся нестереотипным действием «наперекор ситуации». Как правило, интуитивная языковая личность просчитывает свои коммуникативные шаги наперед, руководствуясь не стереотипами, а ценностными установками (в данном случае запрет продиктован

стремлением субъекта реализовать ценность семейных уз). Интуитивную языковую личность, таким образом, можно охарактеризовать, используя выражения «слов на ветер не бросает» и «отвечает за свои слова».

Итак, на основе триады «операция – действие – поступок» можно выделить соответственно три типа перформативной языковой личности: инстинктивная языковая личность, рефлексирующая языковая личность, интуитивная языковая личность. Инстинктивная языковая личность оперирует эмоциями, этикетными действиями и клишированными перформативами, сопровождающими «рутинные» ритуалы, на уровне автоматизмов. Рефлексия языковой личности проявляется как в выборе адекватных ее коммуникативным интенциям средств, так и в выборе адресата, способного правильно интерпретировать эти интенции. Интуитивная языковая личность – это та, которая на речевом уровне осуществляет волевою актуализацию ценностей посредством коммуникативного поступка, т.е. перформативного дискурса.

Выводы по Главе 2

1. Лингвокогнитивными моделями структурных элементов перформативности являются фреймы концептов «операция», «действие» и «поступок».

Концептуализация действий в языке происходит по линиям «упорядочивание», «обработка» и «добывание» (по Ю.С. Степанову): операции соотносятся с концептом упорядочивающих действий и обозначаются лексемами с семантическим признаком «быть в активном состоянии» (*деятельность, жизнедеятельность, мероприятие, операция, поведение, процедура, процесс, работа, функционирование; activity, behavior, operation, process, proceeding, procedure, reaction, work*); собственно действия соотносятся с концептом обрабатывающих и добывающих действий и объективируются посредством лексем с семантическим признаком

«оказывать воздействие» (*влияние, воздействие, впечатление, действие, произведение, событие, экшн, эффект, явление; effect, effectiveness, efficacy, influence*); поступок соотносится с концептом добывающих действий и обозначается лексемами с семантическим признаком «достигать результата» (*акт, акция, выходка, дело, действование, деяние, манипуляция, махинация, подвиг, поступок, производство и др.; act, deed, feat, exploit, accomplishment, achievement, execution, performance* и др.).

Лингвокогнитивная модель операции является упрощенным вариантом лингвокогнитивной модели действия и сводится к следующим компонентам: 1) совершение акта какой-либо деятельности, 2) субъект деятельности - индивид, 3) включенность в состав более сложного действия, 4) автоматизированность, 5) повторяемость в типичной ситуации.

Лингвокогнитивная модель действия выглядит следующим образом: 1) совершение акта какой-либо деятельности: концептуальная система действий может быть обобщена в языке в одной номинации (рус. «*действие, действовать*», англ. – «*action, act*»); 2) субъект действия – индивид: субъект действия концептуализируется в языке как одушевленный либо неодушевленный объект, проявляющий внешнюю активность, направленную на других субъектов / связанную с действиями других субъектов (в случае добывающих действий субъект несет ответственность за то или иное проявление своей активности); поскольку в настоящей работе рассматриваются речевые действия, субъектом действия в полученном фрейме является индивид; 3) мотив действия – реализация какой-либо потребности: концептуализация мотива в языке происходит по признаку «движение», причем в нем отражена связь мотива действия и потребности в нем; 4) цель действия - достижение определенного результата: цель действия концептуализируется в языке по признакам, характеризующим движение, например: «движение вверх», «стремление к чему-то полному», «стремление к чему-то реальному», «стремление к приданию формы», «приведение в движение»; 5) формальные характеристики действия – осознанное /

неосознанное; 6) онтологические характеристики – рациональное / нерациональное, истинное / ложное: Диада «рациональное / нерациональное» описывает действия с точки зрения их целесообразности, диада «истинное / ложное» характеризует их с точки зрения подлинности; 7) оценочные характеристики действия – успешное / неуспешное: действия оцениваются как успешные / неуспешные с точки зрения осуществления либо неосуществления цели; 8) результат – практическое либо теоретическое освоение действительности: собственно освоение действительности есть результат обрабатывающих и добывающих действий («обработка» объекта и «добывание» продукта – материального либо идеального), в то время как упорядочивающие действия, являясь средством взаимодействия с окружающей действительностью, не обязательно нацелены на результат.

Лингвокогнитивная модель поступка включает следующие компоненты:

1) совершение акта социального поведения: в русском и английском языках поступок концептуализируется как серьезное достижение человека, требующее от него особых моральных или физических качеств; 2) субъект поступка – личность: в русском языке данный слот фрейма концептуализируется как «человек, проявляющий смелость / самоотверженность» (*герой, смельчак, храбрец; подвижник, альтруист, рыцарь* и др.), для английского «героя» чрезвычайно важно всеобщее признание его геройских качеств, так как наряду с семами «смелость», «благородство», «достижение» лексема «hero» включает семантический признак «восхищение»; 3) установка – реализация определенной ценности / антиценности: в поступке могут реализовываться общечеловеческие и социальные ценности (доброта, нравственность, героизм, самоотверженность, благоразумие и др.) и антиценности (безнравственность, бесчестность, хитрость, предательство, лицемерие, зло и др.); 4) формальная характеристика поступка – осознанное, осмысленное и волевое действие; 5) оценочная характеристика поступка – положительное / отрицательное

действие: в русском языке превалирует число прилагательных, в сочетании с которыми слово «поступок» приобретает отрицательное оценочное значение; в английском языке преобладает количество словосочетаний, в которых слова «*deed*», «*exploit*» и «*feat*» имеют положительное оценочное значение; б) онтологические признаки поступка - событийность, структурность, имманентность, каузальная независимость: структурность поступка отражается в словосочетаниях, передающих семантику повтора его содержания («*повторить подвиг*»), имманентность поступка отражается в языке при раскрытии логической обусловленности, закономерности поступка («*закономерный поступок*»), каузальная независимость поступка выявляется в словосочетаниях, раскрывающих его новизну («*поступок, несовместимый с нормами поведения*»); 7) ситуация – ответственный выбор между двумя (или более) мотивами: в языке данный аспект отражен в таких словосочетаниях, как «*отвечать за поступок*», «*нести ответственность за поступок*» и т.п.; 8) результат – формирование новой социальной реальности (отражается в языке при описании последствий поступка).

2. Перформативность манифестируется в дискурсе определенным образом.

Операции соответствуют следующим дискурсивным единицам: 1) эмотивным речевым действиям, выполняющим функцию идентификатора той или иной эмоции и связанную с ней функцию индикатора эмоционального состояния говорящего (за исключением эмотивных действий, выражающих интеллектуальную эмоциональность); 2) этикетным высказываниям; 3) клишированным десемантизированным перформативам, этимологически восходящим к ритуальным действиям («*Клянусь, что это правда!*», «*Держу пари, это так*»); 4) клишированным недесемантизированным перформативам, посредством которых говорящий реализует полномочные функции как часть ритуала («*Собрание объявляется открытым*», «*Просьба соблюдать регламент*» и т.п.).

Собственно действиям на речевом уровне соответствуют такие дискурсивные единицы, как: 1) перформативные действия с эксплицитно выраженной перформативностью, кроме этикетных и клишированных перформативов, имеющих свойство операционных действий («*Я советую...*», «*Я запрещаю...*», «*Я отказываюсь...*» и т.п.); 2) перформативные действия с имплицитно выраженной перформативностью (высказывание «*Вам необходимо это сделать*» можно трансформировать до эксплицитного перформатива «*Я настоятельно советую / рекомендую / приказываю это сделать*»); 3) транспонированные перформативные действия (высказывание типа «*Вы еще услышите обо мне, обещаю!*» совмещает в себе иллокуции обещания и угрозы).

Коммуникативный поступок реализуется посредством целого дискурса в ситуации лично обусловленного волевого принятия решений и осуществления свободного ответственного выбора, актуализирующего смысл реального общения посредством одного или нескольких ценностно-нагруженных коммуникативных действий. Критерием выделения коммуникативного поступка является наличие аксиологической модальности (одобрения либо неодобрения), сочетающейся с деонтическими модальностями (долженствования, запрета, желания, просьбы, предостережения, угрозы, совета, разрешения).

3. На основе триады «операция – действие – поступок» можно выделить соответственно три типа перформативной языковой личности: инстинктивная языковая личность, рефлексирующая языковая личность, интуитивная языковая личность. Инстинктивная языковая личность оперирует эмоциями, этикетными действиями и клишированными перформативами, сопровождающими «рутинные» ритуалы, на уровне автоматизмов, что обусловлено их типизированным употреблением и, следовательно, усилением «врастания» жанровых норм данных единиц в сознание.

Речевая деятельность рефлексирующей языковой личности выстраивается осознанно, на основе идеального образа самой деятельности. Рефлексирующая языковая личность характеризуется довольно высоким уровнем коммуникативной, или жанровой, компетенции. Рефлексия языковой личности проявляется как в выборе адекватных ее коммуникативным интенциям средств, так и в выборе адресата, способного правильно интерпретировать эти интенции.

Интуитивная языковая личность – это та, которая на речевом уровне осуществляет волевою актуализацию ценностей посредством коммуникативного поступка, т.е. перформативного дискурса. Интуитивной языковой личности присуща аксиологическая интуиция, позволяющая говорящему выстраивать речевую деятельность относительно сознательно выбранных ценностей.

Глава 3. Фактогенная перформативность как тип дискурсивной перформативности в широком понимании

Дискурсивная перформативность в широком смысле есть коммуникативная фактуализация явлений, обусловленная способностью высказывания конституировать факты, т.е. совмещать в акте обозначения явлений действительности собственно номинативную и перформативную функции⁵. Данную способность мы называем **фактогенностью**. Фактогенность является шестым конститутивным признаком дискурсивной перформативности, выявленным нами.

В научной литературе изучаются смежные с фактогенностью понятия: *фактологичность* как особенность публицистического стиля, способствующая проявлению информирующей функции в публицистических текстах [Стилистический энциклопедический словарь русского языка www]; фактологичность, таким образом, можно определить как соответствие фактам; *фактуальный текст* как такой текст, где истинность факта является значимой характеристикой, в отличие от художественного текста, в котором истинность факта не проверяется и не оценивается [Ерохина 2013]; *субъективная фактуальность* как языковая концептуализация интеракциональности и ситуативной обусловленности когнитивных процессов [Клепикова www]; *персонализирующая стратегия фактуальности* как стратегия, позволяющая перформативным высказываниям реализовать функцию обозначения объективности [Шемякина 2004] и др.

Родовое для всех вышеперечисленных терминов понятие «факт» в современной философии трактуется как синоним понятий «истина», «событие», «результат», и характеризуется такими признаками, как

⁵ При помощи собственно номинативной функции субъект пытается описать внеязыковой мир, осуществляя его референцию; при помощи перформативной функции «данный внеязыковой мир становится объективной реальностью языка (категоризация и концептуализация)» [Теркулов 2010: 121].

реальность (в противоположность вымышленному), конкретность (в противоположность абстрактному) и единичность (в противоположность общему) [Ивин 2004]. В отечественной и зарубежной философии наблюдается некоторое разногласие по поводу конкретности / абстрактности факта. Так, F.P. Ramsey, говоря о соотношении понятий «факт» и «событие», наделяет первое абстрактностью и атемпоральностью: если смерть Цезаря – это событие, которое произошло в 44 в. до н.э. в Риме, то факт его смерти остается таким же фактом здесь и сейчас, как и в 44 в. до н.э. в Риме [Stanford Encyclopedia of Philosophy www].

В этой связи нам представляется убедительной точка зрения Л.Я. Аверьянова, согласно которой факт, став понятием и формой абстрактного отвлеченного мира, описывает предметную область деятельности человека, в отличие от понятий, которые описывают только абстрактно-отвлеченную область [Аверьянов www].

Н.Л. Уилсон соотносит факты и события таким образом, что событие в концепции ученого представляется как усеченный факт (*truncated fact*), отсюда два события считаются идентичными, если они выделяются (*carved out*) из одного факта [Wilson 1974: 304].

В [Faye, Urchs, Scheffler 2000] факты определяются через их соотношение с понятиями «события» и «вещи»: конкретные факты слагаются событиями и вещами; другими словами, если для определения фактов нужны события, то для определения событий (действий) необходимы люди и вещи. Для иллюстрации данного тезиса ученые приводят пример:

'AS Roma has played a soccer match on Sunday 23.11.1997' / Футбольный клуб «Рома» сыграл матч в воскресенье 23.11.1997.

В вышеприведенном примере конкретный факт – факт состоявшегося футбольного матча – конституируется соответствующим событием, которое, в свою очередь, есть слагаемое действий одиннадцати футболистов, играющих против другой команды на определенном поле в определенное время [Faye, Urchs, Scheffler 2000: 345-346].

Так или иначе, при определении понятия «факт» ученые не обходятся без понятия «событие». Н.Д. Арутюнова разграничивает факт и событие на основании их природы: факт имеет семиотическую природу, событие – онтологическую. Отсюда факт характеризуется непроцессуальностью, в то время как событие процессуально. Принимая во внимание семиотическую природу факта, Н.Д. Арутюнова определяет его как соотношение с истинной пропозицией, отвлеченной от субъектного модуса и вводимыми им в высказывание элементами и коннотациями [Арутюнова 1988: 152-169]. А.М. Ерёменко вносит уточнение в данную концепцию, характеризуя факт как феномен, имеющий гносеологически-семиотическую природу, поскольку он отражает в нашем сознании не только события, но и вещно-предметные аспекты действительности [Ерёменко www].

В лингвистике и лингвофилософии в основном изучаются факты, конституируемые перформативными речевыми действиями, которые соотносятся с деонтической модальной пропозицией. Так, например, Ф. Мольтманн, разграничивая действия и их продукты, или «артефакты», в качестве примера приводит речевые действия «обещание» (act of promising), «разрешение» (act of permitting) и «предложение» (act of offering), «артефактами» которых являются нормативные продукты (normative products) – законы, обязательства, обязанности, предложения (оферты) [Moltmann www], а это и есть не что иное, как составляющие деонтической (нормативной) модальности [Словарь терминов логики www; Bronfman, Dowell www; Bryant 1980; Charlow 2013; Dowell 2013; Mastop 2011; Ninan 2005; Silk 2014; Rullmann et al. 2008; Zvolenszky 2007].

Если вышеперечисленные авторы сосредоточивают свои исследования, главным образом, на модальных глаголах и выражениях («must», «ought to», «should» и т.п.), то А. Брозек выделяет так называемые перформативы-генеративы (generatives), т.е. выражения, способные создавать новые деонтические смыслы на основе экстралингвистических условностей. При этом А. Брозек распространяет генеративную способность только на

императивы, продуцируемые коммуникантами, у которых есть соответствующие полномочия (deontic authorities), хотя необходимо отметить, что исследователь рассматривает императивы в их широком значении [Brożek 2011].

Все вышесказанное позволяет заключить, что ***прагматической основой перформативности в широком понимании является фактогенность.***

В.И. Карасик подчеркивает ценностную составляющую факта, рассматривая его как оценочно-квалификативное действие, как фокусировку на актуальных моментах действительности и как феномен культуры, обусловленный ее ценностями [Карасик 2007: 377]. В философии и философии науки также высказывается мнение о неотделимости факта от ценности [Angelides 2004; Hume 2000; Livnat 2009; Putman 1985; Putman 2002; Rolston 2004; Ronnow-Rasmussen 2011], равно как и о существовании дихотомии «факт / ценность» («fact / value», или «is / ought» dichotomy) [Bergström 2002; Goldthwait 2005; Smart 1999; Zammito 2012].

Полагаем, что два аспекта факта, разграниченные В.И. Карасиком, позволяют выделить два типа фактогенной перформативности: 1) актуализация смысла реального общения (т.е. конституирование факта как фокусировки на актуальных моментах действительности), осуществляемая посредством коммуникативных целерациональных действий, или перформативных действий, – ***фактуальная перформативность***; 2) затрагивание ценностной картины мира людей (т.е. конституирование факта как культурного явления), осуществляемое посредством перформативного дискурса, – ***фактуально-событийная перформативность.***

По утверждению В.И. Тюпы, многие перформативные дискурсы укоренены в культуре магических заклинаний [Тюпа 2013: 37]. Мы полагаем, что магические заклинания являются прототипными действиями именно фактогенного перформативного дискурса. Действием того же порядка представляется магический заговор: «Заклинание – магические слова,

формула, которую заклинают» (от глагола «заклинать – ворожбой, колдовством подчинять магической силе, делать покорным тому, кто обладает тайными знаниями»); «Заговор – заклинание, магические слова, обладающие, по поверью, волшебной или целебной силой» [Ушаков 1996]. Как видно из дефиниций, слова «заклинание» и «заговор» имеют синонимические значения.

И.Н. Борисова и С.С. Корх считают текст заговора своеобразным «коммуникативным посредником» между заговаривающим и трансперсональной силой [Борисова, Корх 2007: 333]. Однако нам кажется, что в такой трактовке заговор ограничивается выполнением коммуникативной функции, в то время как его перформативная функция снижается или вообще отсутствует. В связи с этим мы склонны согласиться с В.И. Теркуловым [2010: 28], трактующим перформативность языкового мира как средство организации реального мира, и, продолжив данную мысль, охарактеризовать заговор / заклинание как одно из таких средств, направленных не просто на создание новой языковой реальности, но, скорее, на формирование нового языкового сознания.

Подтверждением этому может служить следующее описание подготовки к заговору на исполнение желания: *«Еще одним важным моментом является визуализация исполнения желания, вы должны искренне верить в то, что с помощью магии вы получите то, что хотите, что ваши желания исполнятся. Более того, вы должны чувствовать себя так, будто уже получили то, что хотели, остается лишь немного подождать, и это нечто будет у вас в руках»* (<http://vseprivoroty.ru>). Как видно из описания, человек, прибегающий к заговору, должен сначала «создать» желаемый мир в своем сознании, а затем «творить» его словами.

Рассмотрим способы актуализации фактогенной перформативности в разных видах дискурса. Следует отметить, что фактогенность определяется видом дискурса, выделенного с позиции социолингвистики. В институциональном дискурсе она выше, нежели в персональном, благодаря

таким характеристикам институционального дискурса, как статусная маркированность, конвенциональность, протокольность, преимущественно прямой способ актуализации намерений коммуникантов. В свою очередь, неодинаковая степень выраженности данных характеристик в разных институциональных видах дискурса обуславливает специфику актуализации в них фактогенной перформативности.

3.1. Фактогенная перформативность в юридическом дискурсе

Самым фактогенным из всех видов институционального дискурса нам представляется юридический дискурс, поскольку наряду с клишированными формулами как письменных документов, так и устных высказываний некоторых представителей закона, конституирующими факты первого типа (фактуальная перформативность), в юридическом дискурсе конституируются также факты второго типа (фактуально-событийная перформативность). Фактогенная перформативность в юридическом дискурсе выражается в фактуализации явлений, представляющих собой юридические акты. Под юридическим актом понимаются: 1) составленный в соответствии с законом официальный письменный документ, содержащий общенормативные или индивидуальные предписания; 2) такое правомерное действие, которое специально совершается субъектом права с целью создания, изменения или прекращения определенных правоотношений [Экономика и право www].

Фактуальная перформативность обуславливает одну из главных функций юридического дискурса – перформативную, которая, по словам И.В. Палашевской, выражается в коммуникативных практиках, организующих мир права и сопровождающих его символические структуры: символические действия и словесные формулы, воспринимающиеся как публичные свидетельства сторон и обладающие юридической силой. Перформативность создает и организует факты в сознании участников юридического дискурса в соответствии с его ценностно-нормативными

доминантами [Палашевская 2010: 536, 538; 2012: 78-79]. Л. Аквист выделяет так называемые юридические перформативы (legal performatives), которые обладают самоверификацией и способностью провозглашать нормы (norm-promulgating character) [Aqvist 2003].

В юридическом дискурсе факт настолько тесно коррелирует с законом, что существует проблема разграничения понятий «фактуальный» и «законный», как в отношении терминов, так и в отношении заявлений юридического характера. Л. Моравски указывает на отсутствие абсолютной разницы между данными понятиями, но проводит методологическую аналогию между ними, как между наблюдаемым и теоретическим [Morawski 1999].

Фактуальная перформативность актуализируется в различных юридических актах (заключение и расторжение сделки, взыскание штрафа, свидетельство о заключении / расторжении брака и т.п.), соответствующих уровню перформативных действий (операций), выраженных клишированными недесемантизированными перформативами и позволяющими адресанту реализовать полномочные функции как часть ритуала, либо перформативными действиями с эксплицитно выраженной перформативностью:

«Уважаемые новобрачные, с полным соответствием по Российским законодательствам ваш брак зарегистрирован. Объявляю вас мужем и женой!»;

«Брак между гражданином ___ и гражданкой ___ расторгнут, о чем в книге регистрации актов о расторжении брака <...> произведена запись за № ___»;

«Административный штраф в размере ___ должен быть внесен не позднее 30 (тридцати) дней с момента вступления в законную силу ПОСТАНОВЛЕНИЯ по делу об административном правонарушении № ___ <...>»;

«The following real state property or properties owned jointly by Husband and Wife shall be divided as follows <...>» - Недвижимое имущество, находящееся в совместном владении Мужем и Женой, будет поделено следующим образом <...> (from «Prenuptial Agreement» / Из «Добрачного контракта»).

The Cohabitants wish to establish their respective rights and responsibilities regarding each other's income and property and the income and property that may be acquired, either separately or together, during the period of cohabitation. – Супруги желают установить свои права и обязанности относительно дохода и собственности друг друга, а также доходов и собственности, которые могут быть нажиты, совместно либо раздельно, в период совместного проживания (from «Cohabitation Agreement» / Из «Брачного соглашения») (КЗУПР).

Некоторые реплики судьи во время судебного заседания, которые соответствуют уровню действий (операций), также являются примером актуализации фактуальной перформативности:

- Несогласие:

The young men and women of Hazelwood East expected a civics lesson, but not the one the Court teaches them today. I dissent - Молодые люди школы Хейзелвуда ожидали получить урок по основам гражданственности, но не тот, который сегодня преподается судом. Я возражаю (Hazelwood School district v. Kuhlmeier // The First Amendment).

- Согласие:

I agree that the judgement of the Court of Appeal must be reversed. (Barnes v. Glen Theatre, Inc.) - Я согласен, что решение апелляционного суда должно быть отменено; In arriving at the conclusion, the plurality concedes that nude dancing conveys an erotic message... - Придя к заключению, большинство согласно, что танцы в обнаженном виде имеют эротический подтекст (Barnes v. Glen Theatre, Inc. // The First Amendment).

- Отказ:

The judgment of the Court of Appeal <...> is therefore reversed. - Решение апелляционного суда <...> таким образом отменено (Hazelwood School district v. Kuhlmeier // The First Amendment).

- Просьба:

«*The defense will please confine itself a little more closely to the letter of the testimony*» – «Попрошу защиту при допросе свидетеля держаться ближе к делу»; «*The prosecution will confine itself more closely to the case in hand*» - «Попрошу обвинителя держаться ближе к делу» (Т. Dreiser «An American Tragedy»).

- Совет:

«*While I do not say that you must agree upon your verdict, I would suggest that you ought not, any of you, place your minds in a position which will not yield if after careful deliberation you find you are wrong*» - «Я не настаиваю, чтобы вы обязательно вынесли единогласное решение, но я советовал бы каждому из вас не проявлять чрезмерного упорства и несговорчивости, если при тщательном размышлении он найдет, что заблуждался» (Т. Dreiser «An American Tragedy»).

- Вердикт:

«*We find the defendant guilty of murder in the first degree*» – «Мы признаем подсудимого виновным в убийстве с заранее обдуманном намерением» (Т. Dreiser «An American Tragedy»).

Спектр средств актуализации фактуальной перформативности в речах обвинителя и защитника меньше по сравнению с речью судьи в силу дискурсивной иерархии и меньшего количества полномочий, которыми они наделены. Как правило, фактуальная перформативность актуализируется в обращенных к судье репликах, содержащих возражение против тех или иных аспектов ведения дела оппонировавшей стороной: «*Возражаю, Ваша Честь!*» / «*Протестую!*» / «*Object!*».

Фактуально-событийная перформативность актуализируется в следующих жанрах юридического дискурса: в адвокатской (защитительной)

речи, в обвинительной речи прокурора и речи судьи. Во всех этих жанрах происходит апелляция к разным ценностям, поэтому они приобретают свойство факта как культурного события.

Актуализация фактуально-событийной перформативности в дискурсе адвоката осуществляется посредством ценностно нагруженных коммуникативных действий, объединенных в гипержанре «оправдание».

В следующем примере репрезентируется такая ценность, как свобода самовыражения (адвокат выступает в защиту двух девушек, работающих в стриптиз-баре и обвиненных в том, что их выступления в обнаженном виде способствуют процветанию проституции):

Ennis: Mr. Chief Justice, and may it please the Court. Nude dancing is sufficiently expressive to at least trigger First Amendment analysis for two independent reasons. First, nude dancing is expressive, because performance dance is inherently expressive of emotions and ideas, and second, because nude dancing communicates a particularized message of sensuality and eroticism. First, performance dance, like music, is one of the oldest forms of human communication and is inherently expressive of emotions and ideas. This Court found that music is expressive without bothering to determine whether the music at issue did or did not communicate a particularized message. A particularized message test applied only to conduct that is not ordinarily expressive, such as flag burning. Even that kind of conduct can be found expressive if in context it communicates a particularized message. – Уважаемый председатель Верховного суда и почтенный суд! Танцы в обнаженном виде достаточно выразительны и, по крайней мере, по двум независимым причинам инициируют обращение к Первой поправке. Танцы в обнаженном виде выразительны, во-первых, потому, что любой танец выражает какую-нибудь эмоцию или идею, а во-вторых, танцы в обнаженном виде передают особенную идею чувственности эротизма. Во-первых, танец, как музыка, - это одна из древнейших форм человеческого общения, и ему присуще выражать эмоции и идеи. Этот суд считает музыку выразительным средством, не важно – передает она какую-либо

идею или нет. Даже в отношении поведения, которое обычно не представляется выразительным, например, сжигание флага, можно сказать, что становится выразительным, если передает какую-то идею (Barnes v. Glen Theatre, Inc. // The First Amendment).

Адвокат посредством ассертивов пытается доказать, что танцы в обнаженном виде – это форма (само)выражения и (со)общения. Для более эффективного «переформатирования» взглядов судей на танцы в обнаженном виде адвокат использует множественный лексический повтор («*expressive*», «*a particularized message*», «*communicate (-ion)*»), интенсификаторы («*sufficiently*», «*inherently*»), средства логической связи («*first*», «*second*»), метафору («*trigger ... analysis*»). Кроме этого, адвокат проводит аналогию между стрип-танцами и сжиганием флага как необычными способами самовыражения («*conduct that is not ordinarily expressive, such as flag burning*»). Наречие «*even*» («*Even that kind of conduct can be found expressive...*») создает эффект неожиданности приводимой аналогии и акцентирует на ней внимание.

В следующем примере из романа Х. Ли «Убить пересмешника» адвокат Аттикус Финч репрезентирует ценность человеческого равноправия, в данном случае – расового, проводя аналогию между неграми и белыми и пытаясь внушить присяжным, что совершение преступлений и грехов – это не характеристика какой-то определенной человеческой расы, что безгрешных людей нет ни в какой расе, в том числе среди присутствующих на заседании представителей белой расы:

You know the truth, and the truth is this: some Negroes lie, some Negroes are immoral, some Negro men are not to be trusted around women – black and white. But this is a truth that applies to the human race and to no particular race of men. There is not a person in this court-room who has never told a lie, who has never done an immoral thing, and there is no man living who has never looked upon a woman without desire. – А между тем Вам известна и правда, вот она: некоторые негры лгут, некоторые негры безнравственны, некоторых негров

должны опасаться женщины – и белые и черные. Но ведь то же самое можно сказать обо всем человечестве, а не только об одной какой-то расе. В этом зале не найдется ни одного человека, который бы ни разу за свою жизнь не солгал, ни разу не поступил безнравственно, и нет на свете мужчины, который хоть раз не посмотрел бы на женщину с вожделением (Н. Ли «To Kill a Mocking Bird» / Х. Ли «Убить пересмешника» / Пер. с англ. Н. Галь, Р. Облонской).

Аттикус Финч в данном примере не противопоставляет две расы, а проводит аналогию между ними посредством ассертивно-декларативных речевых действий, постулируя тем самым идею расового равноправия, о чем свидетельствует анафорический повтор местоимения «*some*» в первом предложении и параллельная конструкция «*who has never told / who has never done / who has never looked*» в последнем предложении.

В следующей речи адвоката репрезентируется антиценность гражданского общества – *вмешательство государства в дела церкви*. Адвокат защищает интересы Союза Гражданских Свобод Америки, выступающих против вывешивания на общественных зданиях или экспозиции атрибутов той или иной религии (в данном случае – яслей Христа и ханукальной меноры), поскольку это является нарушением Первой поправки к Конституции США, декларирующей отделение церкви от государства:

Litman: I think, Justice Kennedy, that there comes a point at which this Court must say that the Establishment Clause does prohibit government from making certain religious pronouncements. That point is not always easy to reach. In this case it is because it is so far to whatever the point should be. But, obviously, in cases there are balances required between free exercise and establishment. In this case, this is not accommodation. This is promotion. This is not neutrality. This is favoritism. And to address the question of would the government have to put up a menorah of a certain size, or the question of Justice Scalia of what does the government do for Moslems, the answer is the government does nothing for

Moslems. And even the – that is, the county, and the city of Pittsburgh doesn't either. – Литман: Я думаю, судья Кеннеди, что наступает момент, когда этот Суд должен сказать, что Первая поправка действительно запрещает правительству делать заявления относительно религии. Этого нелегко добиться. В данном случае – из-за отдаленности момента. Но, очевидно, иногда можно найти баланс между законом и его свободным выполнением. В данном случае - это не компромисс. Это – раскрутка. Это не нейтралитет. Это - фаворитизм. И если ответить на вопрос о том, смирилось бы правительство с менорой определенных размеров, или на вопрос судьи Скалии о том, что правительство делает для мусульман, ответ будет таков: правительство ничего не делает для мусульман. И даже этот округ, и город Питтсбург ничего не делают (County of Allegheny v. ACLU // The First Amendment).

В своей речи адвокат напоминает о поправке об отделении церкви от государства, отмечает, что добиться полного невмешательства в вопросы религии со стороны государства нелегко, особенно в данном случае (адвокат подчеркивает серьезность дела, употребляя анафорический повтор («*In this case*»)). Далее адвокат критикует политику местных властей в отношении религиозного вопроса: используя антитезу, он противопоставляет ожидаемые действия властей актуальным действиям («*In this case, this is not accommodation. This is promotion. This is not neutrality. This is favoritism*»)). Фактически адвокат в декларативной форме уличает правительство в продвижении и фаворитизме в отношении одного вероисповедания в ущерб другому.

Все же главной ценностью, к которой апеллирует адвокат, является справедливость. Тактика апелляции к принципу справедливости в защитительной речи может реализовываться как предложение адвоката, заключающееся в том, чтобы присяжные представили себя на месте его подзащитного или попробовали предложить другое решение проблемы и убедились, что такового не может быть. Именно с таким предложением к

присяжным обращается адвокат Белнеп в следующем отрывке из романа Т. Драйзера «Американская трагедия»:

Yet, will you slay a man because he is the victim of fear? And again, after all, if a man has once and truly decided that he cannot and will not endure a given woman, or a woman a man - that to live with her could only prove torturesome - what would you have that person do? Marry her? To what end? That they may hate and despise and torture each other forever after? Can you truly say that you agree with that as a rule, or a method, or a law? - Но не приговорите же вы человека к смерти за то, что он оказался жертвой страха? Ведь в конце концов, если мужчина твердо решил, что ему невыносима близость данной женщины (или женщине – близость данного мужчины) и их совместная жизнь будет просто пыткой, - скажите, что должен делать этот человек? Жениться на ней? Зачем? Чтобы им вечно ненавидеть, презирать и мучить друг друга? Можете ли вы искренне сказать, что признаете это разумным образом действий, правилом или законом? (Т. Dreiser «An American Tragedy» / Пер. с англ. З. Вершининой и Н. Галь).

Сначала адвокат апеллирует к чувствам присяжных, выставляя своего подзащитного жертвой собственных страхов и пытаясь таким образом вызвать жалость к нему («*Yet, will you slay a man because he is the victim of fear?*»). Далее следует серия вопросов к присяжным: адвокат спрашивает присяжных, к чему бы они склонили Клайда, и одновременно пытается оправдать своего подзащитного, говоря о женитьбе как абсолютно неверном и несправедливом по отношению к обеим сторонам (Клайду и Роберте) решении.

Как правило, справедливость как ценностная доминанта в дискурсе адвоката представлена посредством постулирования права подзащитного на справедливое решение суда. Так, в следующем примере из романа Х. Ли «Убить пересмешника» адвокат Аттикус Финч апеллирует к разуму присяжных, призывая их принять справедливое решение и тем самым вернуть подзащитного его семье, причем этот призыв выражается не в форме

императива, а посредством ассертива - утверждения, что присяжные так и поступят, потому что они представляются ему разумными и справедливыми людьми:

Gentlemen, a court is no better than each man of you sitting before me on this jury. A court is only as sound as its jury, and a jury is as sound as the men who make it up. I am confident that you, gentlemen, will review without passion the evidence you have heard, come to a decision, and restore this defendant to his family. In the name of God, do your duty. - Суд в целом, джентльмены, не лучше, чем каждый из вас, присяжных. Суд разумен лишь постольку, поскольку разумны присяжные, а присяжные в целом разумны лишь постольку, поскольку разумен каждый из них. Я уверен, джентльмены, что вы беспристрастно рассмотрите показания, которые вы здесь слышали, вынесете решение и вернете обвиняемого его семье. Бога ради, исполните свой долг. (Н. Lee «To Kill a Mocking Bird» / Пер. с англ. Н. Галь, Р. Облонской).

В речи адвоката Белнепа из романа Т. Драйзера «Американская трагедия» эксплицируется антиценность судебного дискурса – несправедливое отправление правосудия:

<...> There have been many very pathetic and very terrible instances of miscarriages of justice through circumstantial evidence alone. Be sure! Oh, be very sure that no such mistaken judgment based on any local or religious or moral theory of conduct or bias, because of presumed irrefutable evidence, is permitted to prejudice you <...> – Известно немало трагических, ужасных случаев, когда суд принимал ошибочные решения, руководствуясь исключительно косвенными уликами. Будьте осторожны! Будьте очень осторожны! Пусть никакое ошибочное суждение, основанное на каких-либо теориях о поведении человека или на предубеждениях чисто местного, религиозного или морального порядка, суждение, подкрепленное неопровержимыми, казалось бы, уликами, не повлияет на вас! (Т. Dreiser «An American Tragedy» / Пер. с англ. З. Вершининой и Н. Галь).

Используя лексику с семами «ошибка», «просчет», «предубеждение» («*miscarriages of justice*», «*mistaken judgment*», «*to prejudice*»), а также повтор императива («*Be sure!*»), адвокат создает впечатление, что хочет предостеречь присяжных от принятия несправедливого решения, призывает их быть уверенными в том, что они беспристрастны в своих суждениях.

Ценность справедливости, но уже в ее преломлении относительно наказания, является главной доминантой *речи обвинителя*. В ней апелляция к принципу справедливости может звучать как призыв к присяжным:

Товарищи судьи, за те преступления, которые совершил Топильский против республики, в законе назначено самое суровое наказание. Топильский хотел предвосхитить события. Свой приговор над собой он сам произнес, он сам хотел и привести его в исполнение. Ему это не удалось. Теперь он предстал перед судом, и во имя блага республики я требую для него высшей меры наказания. Пусть справедливый приговор свершится... (А.Я. Вышинский).

Справедливости нельзя добиться, не будучи объективным. Объективность – это, скорее, ценностная доминанта данного дискурса, к ней апеллирует обвинитель в нижеследующем примере:

Вот почему это дело представляет такую исключительную важность. Мы, стороны, обязаны в процессе быть наиболее осторожными, мы обязаны быть наиболее объективными, мы не должны забывать того, что наша роль есть роль помощников ваших, помощников судей, которые в этом деле держат в своих руках судьбу 42 человеческих жизней. С этой точки зрения подходя к своей задаче, я должен сказать, что первое требование, которое я сам, как государственный обвинитель, ставлю себе, — это полное спокойствие, полная объективность, беспристрастность, но не бесстрастность. Я должен заранее сказать, я должен заранее перед вами, товарищи судьи, повиниться, — бесстрастным в этом деле быть нельзя, невозможно (А.Я. Вышинский).

В данном отрывке обвинитель пять раз прибегает к синонимическому и морфологическому повтору слов с семантическим признаком «объективность»: «*объективный*», «*объективность*», «*беспристрастность*», «*бесстрастность*», «*бесстрастный*». Этим подчеркивается особая значимость данной ценности для обвинителя. Более того, ценность объективности возводится в ранг обязанности всех, кто имеет отношение к отправлению правосудия, посредством употребления модальных слов со значением долженствования («*мы обязаны*», «*мы не должны*») и их повтора. С другой стороны, антитеза «беспристрастность, но не бесстрастность» показывает заинтересованность обвинителя в деле не только как представителя института правосудия, но и как человека, личности.

Справедливость как высшая ценность может возводиться в ранг истины – еще одной ценности, к которой в нижеследующем примере апеллирует обвинитель:

В борьбе за истину мы и защита встретимся еще в схватках. Мы еще поборемся, и истина восторжествует. Восторжествует, несмотря на то, что в этом зале в течение всех этих восьми дней мы слышали столько лжи, мы видели столько гнусных преступлений, столько безобразных и отвратительных картин человеческих пороков (А.Я. Вышинский).

Актуализация фактуально-событийной перформативности *в дискурсе судьи* происходит посредством гипержанра «вердикт».

Одна из главных ценностей, к которым апеллирует судья в своей речи, - это следование закону. Рассмотрим пример из проанализированного выше дела округа Аллегейни, Пенсильвания, и иудейской группы Chabad против Американского союза защиты гражданских свобод (ACLU) об экспозиции религиозных атрибутов в общественных местах:

The majority holds that the County of Allegheny violated the Establishment Clause by displaying a crèche in the county courthouse, because the “principal or primary effect” of the display is to advance religion within the meaning of Lemon v. Kurtzman, 403 U.S. 602, 612-613 (1971). This view of the Establishment Clause

reflects an unjustified hostility toward religion, a hostility inconsistent with our history or our precedents, and I dissent from this holding. The crèche display is constitutional, and, for the same reason, the display of menorah by the city of Pittsburgh is permissible as well... – Большинство считает, что округ Аллегейни нарушил пункт Первой поправки, выставляя ясли Христа в здании окружного суда, поскольку «принцип первичного эффекта» экспозиции, если вспомнить дело Лэмона против Куримана, заключается в продвижении религии. Такой взгляд на поправку есть выражение несправедливой враждебности в отношении религии, враждебности, несовместимой с нашей историей и нашими предшественниками, и я не поддерживаю мнение большинства. Экспозиция яслей законна, а значит, по той же причине, экспозиция меноры в Питтсбурге также допустима (County of Allegheny v. ACLU // The First Amendment).

Судья опровергает точку зрения ответчика (ACLU), уверяющего, что общественная экспозиция яслей Христа и ханукальной меноры нарушает Конституцию США. Посредством прямо выраженного несогласия («*dissent*») судья осуществляет содействие в соблюдении закона. Прилагательные «*constitutional*» / «конституционный» и «*permissible*» / «допустимый» являются средством апелляции судьи к ценности соблюдения закона. Чтобы сделать высказывание более убедительным, судья апеллирует к социальной антиценности – враждебному отношению к религии. Ценность дискурса – соблюдение закона – коррелирует в данном примере с социальной ценностью – религиозной толерантностью.

Еще одной ценностью, к которой апеллирует в своей речи судья, является верховенство закона. Данная ценность поддерживается другой ценностной доминантой судебного дискурса – беспристрастностью суда:

To place these religious symbols in a common hallway or sidewalk, where they may be ignored or even insulted, must be distasteful to many who cherish their meaning. For these reasons, I might have voted against installation of these particular displays were I a local legislative official. But we have no jurisdiction

over matters of taste within the realm of constitutionally permissible discretion. Our role is enforcement of a written Constitution. - То, что эти религиозные символы размещаются в обычном вестибюле или на тротуаре, где их могут не заметить или осквернить, должно быть, внушает отвращение тем многим, кто дорожит ими. Поэтому я проголосовал бы против их экспозиции, если бы я был представителем местной законодательной власти. Но у нас нет конституционной юрисдикции относительно подобных вопросов, а наша роль состоит в соблюдении именно письменно зафиксированной Конституции (County of Allegheny v. ACLU // The First Amendment).

В данном примере посредством декларативных речевых актов («*But we have no jurisdiction over matters of taste within the realm of constitutionally permissible discretion*»; «*Our role is enforcement of a written Constitution*») судья не только постулирует важность закона, но и исключает любое проявление личной предвзятости и предубеждения.

Нельзя не отметить еще одну ценность юридического дискурса, к которой судья апеллирует в своей речи, – конституционность, валидность закона:

Several of our cases contain language suggesting that nude dancing of the kind involved here is expressive conduct protected by the First Amendment... Indiana, of course, has not banned nude dancing as such, but has proscribed public nudity across the board. The Supreme Court of Indiana has construed the Indiana statute to preclude nudity in what are essentially places of public accommodation such as the Glen Theatre and the Kitty Kat Lounge. <...> This public indecency statute is clearly within the constitutional power of the State and further substantial governmental interests. <...> the statute's purpose of protecting societal order and morality is clear from its text and history. Public indecency statutes of this sort are of ancient origin and presently exist in at least 47 States. Public indecency statutes such as the one before us reflect moral disapproval of people appearing in the nude among strangers in public places. – B

нескольких наших случаях утверждается, что подобные танцы в обнаженном виде представляют собой выразительное поведение, запрещенное Первой поправкой. Конечно, Индиана не запрещает танцы в обнаженном виде как таковые, но осуждает публичную наготу в равной степени для всех. Верховный суд штата Индиана истолковал закон Индианы о запрете на появление в обнаженном виде в общественных местах, таких как театр Глена и Китти-Кат Холл. <...> Этот запрет, безусловно, находится в юрисдикции штата и отвечает интересам правительства. <...> Из его контекста и истории понятно, что его цель – защитить общественный порядок и мораль. Подобного рода запреты имеют давнее происхождение и существуют, по меньшей мере, в 47 штатах. Подобные запреты отражают то, что с точки зрения морали люди не одобряют появление в обнаженном виде в общественных местах (Barnes v. Glen Theatre, Inc. // The First Amendment).

В данном примере из рассматриваемого выше дела о девушках, работающих в стриптиз-баре, судья подтверждает валидность законов штата Индиана посредством утвердительных речевых актов: во-первых, он говорит об их легальности («*This public indecency statute is clearly within the constitutional power of the State and furthers substantial governmental interests*»); во-вторых, он выявляет в них соответствие цели и моральной основы («*...the statute's purpose of protecting societal order and morality is clear from its text and history*»); наконец, судья подчеркивает, что подобные законы проверены временем и действуют в большом количестве штатов («*Public indecency statutes of this sort are of ancient origin and presently exist in at least 47 States*»).

Итак, фактуальная перформативность в юридическом дискурсе актуализируется в различных юридических актах (заключение и расторжение сделки, взыскание штрафа, свидетельство о заключении / расторжении брака и т.п.), соответствующих уровню перформативных действий (операций), выраженных клишированными недесемантизированными перформативами, позволяющими адресанту реализовать полномочные функции как часть

ритуала, либо перформативными действиями с эксплицитно выраженной перформативностью. Некоторые реплики судьи во время судебного заседания (согласие, несогласие, отказ, просьба, совет, вердикт), которые соответствуют уровню действий (операций), также являются примером актуализации фактуальной перформативности. Фактуально-событийная перформативность актуализируется в таких жанрах юридического дискурса, как адвокатская (защитительная) речь, обвинительная речь прокурора и речь судьи. Во всех этих жанрах происходит апелляция к разным ценностям, поэтому они приобретают свойство факта как культурного события.

3.2. Фактогенная перформативность в рекламном дискурсе

Рекламный дискурс – это институциональный тип дискурса, сложный социокультурный феномен, охватывающий многие сферы социальной жизни и ориентированный на продвижение товаров и услуг на рынке. Рекламный дискурс создается с конкретной прагматической целью – побудить адресата приобрести товар или воспользоваться услугой [Олянич 2007: 320; Рекламный дискурс и рекламный текст 2011: 5, 7].

По мнению А.В. Олянича, перформативность рекламного дискурса заключается в том, что он вызывает реальные (экономические, социальные и т.п.) изменения у отдельных адресатов либо в обществе в целом и модифицирует глобальные и частные ценностные установки в сознании адресата [Олянич 2011:16]. Данное утверждение созвучно тому, как трактуется перформативность манипулятивных текстов в концепции В.И. Теркулова: манипулятивный текст создает лингвальную реальность, направленную на формирование нового лингвального сознания у адресата, причем созданная адресантом лингвальная реальность выгодна ему самому [Теркулов 2010: 28]. Таким образом, можно предположить, что фактогенность в рекламном дискурсе выражается в фактуализации явлений, представляющих собой акты продвижения рекламного продукта на рынке.

В рекламном дискурсе актуализируются оба вида фактогенной перформативности: фактуальная и фактуально-событийная перформативность. Так, свойством факта как актуального момента действительности (*фактуальная перформативность*) обладают рекламные объявления, соответствующие информационным сообщениям: «10% на все и сразу! До 4 февраля вернем 10% от покупки в магазинах Эльдорадо бонусами на карту сразу! Детали на www.eldorado.ru» (реклама магазина «Эльдорадо»).

Рекламные слоганы⁶, продвигающие какую-либо продукцию или услуги, актуализируют *фактуально-событийную перформативность*, поскольку в них происходит апелляция к определенным ценностям, как правило, социальным: забота о человеке, удовлетворение жизненных потребностей, повышение социального статуса и уровня жизни, улучшение ее качества, стремление доставить удовольствие от пользования рекламируемыми товарами и услугами [Рекламный дискурс и рекламный текст 2011: 5-6]. Данная актуализация осуществляется посредством двух типов речевых действий:

- Декларативов:

«Алимпик! Лучшие скидки на тренды сезона!» (реклама торгового центра в г. Астрахань); «*You're in good hands with Allstate*» / «*Вы в хороших руках с "Allstate"*» (слоган американской страховой компании, 1956 г.); «*The ultimate driving machine*» / «*Машина для максимального вождения*» (реклама автомобиля «BMW», 1975 г.);

- Императивов:

«*Не стой с протянутой рукой, а закажи такси домой!*» (реклама такси); «*Reach out and touch someone*» / «*Свяжись с кем-нибудь и держись с ним на связи*» (американская телекоммуникационная компания «AT&T», 1979

⁶ Под слоганом в настоящей работе, вслед за Т.Н. Колокольцевой, понимается «ключевой полифункциональный компонент рекламного текста, микротекст, представляющий собой краткое, афористичное, образно и эмоционально заряженное высказывание, связанное с брендом (товарным знаком) и выражающее рекламную идею» [Колокольцева 2011: 148].

г.); «*Don't leave home without it*» / «*Не выходи из дома без нее / него*» (кредитные / платежные карты и дорожные чеки «American Express», 1975 г.).

Провозглашаемые социальные ценности объективируются в рекламе посредством общеоценочных и частнооценочных (сенсорно-вкусовых, эстетических, психологических, этических, утилитарных, нормативных, телеологических) значений (классификация Н.Д. Арутюновой [1988]):

«*Guinness is good for you*» / «*“Guinness” – это хорошо для Вас*» (пиво «Guinness», 1929) – общая оценка;

«*Heineken refreshes the parts other beers cannot reach*» / «*“Heineken” освежает то, куда другое пиво не может попасть*» (пиво «Heineken», 1974 г.) – сенсорно-вкусовая оценка;

«*Preparing to be a beautiful lady*» / «*Готовясь быть прекрасной леди*» (мыло «Pears Soap») – эстетическая оценка;

«*Think different*» / «*Думайте по-другому*» (компьютерная техника «Apple Macintosh», 1998 г.) – психологическая (интеллектуальная) оценка;

«*Сказочное предложение от МЕГАОПТИКИ! Праздничное волшебство ждет Вас!*» (реклама магазина оптики); «*Be free*» / «*Будьте свободны*» (реклама детских колясок, производимых британской компанией «Britax Smile», 2014 г.) – психологическая (эмоциональная) оценка;

«*When you care enough to send the very best*» / «*Когда Вы заботитесь о том, чтобы послать самое лучшее*» (реклама американской компании «Hallmark», специализирующейся на производстве сувениров, открыток, канцелярских товаров, 1934 г.) – этическая оценка (положительно оценивается стремление потребителя заботиться о других, приобретая для них самое лучшее, в данном случае рекламируемую продукцию);

«*В гололед зимой и в стужу Всем диван хороший нужен, В сети КАЛИНКА просто рай – Со скидкой мебель выбирай!*» (реклама мебельного магазина); «*A Mars a day helps you work, rest and play*» / «*Один батончик “Марс” в день помогает в работе, отдыхе и игре*» (шоколад «Mars», 1965 г.); «*Nothing runs like a Deere*» / *Никто не бежит так быстро, как «Дир»*

(игра слов: «a Deere» / «a deer» – «олень»; реклама производителя сельхозтехники «John Deere», 1972 г.) – утилитарная оценка;

«*It's what your right arm's for*» / «*Это то, за что (голосует) Ваша правая рука*» (игра слов: «right (arm)» – «правый» / «правильный», реклама «Courage Tavern Ale») – нормативная оценка;

«*Проще позвонить, чем у кого-то занимать*» (реклама фирмы «Домашние деньги»); «*If you want to get ahead, get a hat*» / «*Если Вы хотите быть впереди, приобретите шляпу*» («Hat Council», 1934 г.) – телеологическая оценка, т.е. оценка целесообразности действия;

«*Grace... space... pace*» / «*Грация... пространство... скорость*» (автомобиль «Jaguar», 1950-е гг.) – комплексная (эстетическая и утилитарная) оценка.

Актуализация фактуально-событийной перформативности в коммерческой рекламе может быть поставлена под сомнение в силу антиномии рекламного дискурса, состоящей в несоответствии между истинными и провозглашаемыми ценностями. Вышеуказанные социальные ценности относятся к провозглашаемым ценностям рекламного дискурса, а истинными ценностями являются товар, деньги, выгода и т.п. [Рекламный дискурс и рекламный текст 2011: 5].

Рекламой, актуализирующей абсолютную фактуально-событийную перформативность, нам представляется социальная реклама. Одной из жанровых разновидностей социальной рекламы являются оценочные общественные знаки.

Речевой жанр «общественный знак» является объектом многих лингвистических исследований, получая в них разные наименования: «public sign» [Вежбицкая 1999], «публичное объявление» [Покровская, Дудкина, Кудинова 2001], «информативно-запретительный знак» [Покровская 2005], «публичный директив» [Шорина 2007], «информативно-регулирующий указатель» [Тер-Минасова 2000] и др.

А. Вежбицкая относит к общественным знакам («public signs») объявления, вывески, лозунги, адресованные любому потенциальному (не конкретному) адресату [Вежбицкая 1999: 682].

Д.И. Медведева выделяет ряд характеристик общественных знаков, наиболее важными из которых нам представляются следующие: краткость объема, обобщенность адресата, бессубъектность, функциональная направленность на регулирование поведения граждан в общественных местах [Медведева 2008: 13].

Поскольку в семиотике Ч. Морриса [2001: 132] выделяются три типа знаков (*десигнативный*, означающий наблюдаемые свойства окружения или действующего лица; *предписывающий*, означающий, как надо реагировать на объект или ситуацию; *оценочный*, означающий завершающие свойства того или иного объекта или ситуации), мы считаем целесообразным дифференцировать аналогичные виды общественных знаков.

К десигнативным общественным знакам мы относим знаки информативного характера (служат для обозначения различных общественных реалий и описания определенных ситуаций): «*Запасной выход*» / «*Emergency Exit*», «*Справочное бюро*» / «*Inquiry Office*», «*Вход платный*» / «*Admission By Ticket Only*», «*Неисправно*» / «*Out Of Order*», «*Private Property*» / «*Частная собственность*», «*First Aid Post*» / «*Медпункт*», «*Admission Free*» / «*Вход бесплатный*».

К предписывающим общественным знакам относятся так называемые знаки-инструкции: «*Пристегните ремни безопасности*» / «*Fasten Safety Belts*», «*Держитесь правой/левой стороны*» / «*Keep Right/Left*». В эту же группу входят запретительные знаки: «*Животных кормить запрещено*» / «*Please Do Not Feed The Animals*», «*Не высовываться из окна*» / «*Do Not Leave Out Of The Window*», «*No Swimming*» / «*Купаться запрещено*».

К оценочным общественным знакам могут быть отнесены публичные объявления, содержащие оценочные суждения либо социальную рекламу: «*Хочешь стать свиньей? Брось окурок в подъезде и стань ею! Поздравляем с*

превращением, “благодарные” соседи» (надпись в подъезде); «Алкоголь и дорога несовместимы» (социальная реклама о вреде алкоголя), «*Thousands of people owe their lives to organ donors*» / «Тысячи людей обязаны своей жизнью донорам органов» (www.bored-to-death.com) (социальная реклама в защиту донорства органов); «Вам лучше не смотреть на тех, кто не смотрел на знаки ограничения скорости» (социальная реклама - пропаганда безопасности дорожного движения).

Десигнативные знаки имеют описательный характер, поэтому не актуализируют фактогенную перформативность. Их цель состоит в обозначении различных общественных реалий и описании определенных ситуаций общественного поведения.

Предписывающие общественные знаки соответствуют перформативным действиям и актуализируют фактуальную перформативность. Цель предписывающих общественных знаков – добиться от адресата выполнения тех действий, которые в них обозначены. Главным образом, предписывающие общественные знаки являются перформативами запрещающего или предостерегающего характера, причем запрет / предостережение в них могут быть выражены как прямо, так и косвенно: «*No Trespassing*» / «Прход запрещен» (прямой запрет); «*Wet Paint*» / «Осторожно! Окрашено!» (в русском языке предостережение выражено прямо, в английском - косвенно, так что по форме данный знак напоминает десигнативный общественный знак).

Оценочные общественные знаки являются примером актуализации фактуально-событийной перформативности посредством ценностно-нагруженного коммуникативного действия: «*Sleepiness is stronger than you*» / «Сонливость сильнее тебя» (userapi.com) (социальная реклама против принятия снотворных средств за рулем, пропагандирует безопасность дорожного движения и его участников).

Безусловно, можно утверждать, что предписывающие общественные знаки, имеющие целью регулирование поведения людей в общественных

местах [Покровская, Дудкина, Кудинова 2011: 83], косвенным образом также представляют собой ценностно-нагруженные коммуникативные действия, а значит, могут актуализировать фактуально-событийную перформативность: в надписях «*Купаться запрещено*» / «*No Swimming*», «*Берегись автомобиля!*» / «*Beware Of Cars*», «*Осторожно, злая собака*» / «*Beware Of The Dog*» и т.п. имплицитно апеллирует к общечеловеческим ценностям – жизни и здоровью граждан; в общественных знаках «*Не беспокоить*»/«*Не шуметь*» / «*Don't Disturb*» косвенно постулируется такая социальная ценность, как право человека на приватность или на работу в нормальных условиях, а в надписи «*Стол для преподавателей не занимать*» устанавливается еще и статусная иерархия.

Однако мы полагаем, что апелляция к ценностям в предписывающих знаках второстепенна, главная их цель – добиться от адресата выполнения тех действий, которые в них обозначены, отсюда следует вывод об актуализации в них фактуальной перформативности.

Следует отметить, что не существует формального критерия, позволяющего дифференцировать общественные знаки, в которых актуализируется фактуальная либо фактуально-событийная перформативность. Например, оценочный общественный «*Don't talk while he drives*» / «*Не разговаривайте, пока он за рулем*» (www.bored-todeath.com) по форме напоминает запретительные предписывающие знаки, поскольку, во-первых, состоит из одного предложения, а во-вторых – глагол в нем употребляется в повелительном наклонении. Однако в данном случае можно говорить об актуализации фактуально-событийной перформативности, так как автор текста оценочного знака пропагандирует безопасность дорожного движения и таким образом апеллирует к общечеловеческой ценности – безопасности жизни и здоровья людей, усиливая эмпатийность высказывания и одновременно снижая его безличность, что достигается благодаря введению личного местоимения *he* (ср. «*Don't talk while driving*» / «*Не разговаривать за рулем*» – герундий *driving* делает высказывание

безличностным и позволяет отнести его к действиям, актуализирующим фактуальную перформативность).

В следующем примере оценочный общественный знак по форме аналогичен инструктивным предписывающим знакам: «*Keep your environment clean. Use public toilet*» / «*Сохраняйте окружающий вас мир в чистоте. Пользуйтесь общественным туалетом*» (www.gigart.ru). Актуализация фактуально-событийной перформативности здесь происходит за счет императивных действий («*keep*», «*use*») и притяжательного местоимения *your*, которое способствует повышению социорефлексивности высказывания, т.е. отражения осознания субъектами мотивов и целей социальной деятельности в виде аксиологического компонента.

Итак, социальная реклама в оценочных общественных знаках представляет собой фактуально-событийный перформативный дискурс, так как в ней смысл реального общения актуализируется посредством ценностно-нагруженного коммуникативного действия.

Рассмотрим, какие ценности объективируются в оценочных общественных знаках и какие оценочные значения для этого используются.

В отличие от коммерческой рекламы, социальная реклама не характеризуется антиномией «истинные ценности – провозглашаемые ценности». Наоборот, в социальной рекламе провозглашаются истинные общечеловеческие ценности: здоровье, жизнь, безопасность, любовь, дети, патриотизм и т.п.

Основной оценкой, объективирующей те или иные общечеловеческие ценности, является психологическая, главным образом, эмоциональная оценка. Реализовать ее помогают разнообразные средства.

Прежде всего, это поликодовость, или текстовая гетерогенность, обнаруживаемая в данном случае на уровне формы [Чернявская 2009: 83], а именно – визуальный ряд. Так, например, общественный знак «*Non smoking area*» / «*Зона для некурящих*» (art-m.biz) сопровождается фотографией кладбища; перлокутивный эффект социальной рекламы в защиту животных

«*Horriifying. More horriifying*» / «*Ужасающе. Еще более ужасающе*» (elmaaltshift.com) достигается наличием двух фотографий: под первой надписью («*Horriifying*») помещена фотография с виднеющимся из океана плавником акулы, под второй надписью («*More horriifying*») – фотография с изображением пустого океана.

Поликодовость является неотъемлемой характеристикой оценочных знаков, по форме совпадающих с информативными общественными знаками. Так, например, главная цель оценочного знака «*Almost gone: the codfish*» / «*Почти исчезла: треска*» (tspot.pl) – не информировать о постепенном исчезновении ценного вида рыбы, а повысить социальную рефлексивность человека, чтобы он осознал ценность окружающего мира и предпринял определенные действия по его сохранению. Визуальный ряд, которым в подобных случаях сопровождается социальная реклама, способствует разворачиванию фактуально-событийного перформативного дискурса.

Во-вторых, эмоциональность оценочных общественных знаков достигается путем создания тропической образности. Наиболее часто в оценочных общественных знаках встречаются следующие тропы:

- Метафора:

«*To cars and trucks you're the bug. Ride aware*» / «*Для автомобилей и грузовиков ты букашка. Будь осторожен*» (coloribus.com) (социальная реклама, пропагандирующая безопасное вождение мотоцикла).

«*Курить в присутствии ребенка – еще большая пытка для него*» (files.adme.ru) (социальная реклама, направленная на борьбу с курением).

«*Lack of training can kill*» / «*Отсутствие [профессиональной] подготовки может убить*» (coloribus.com). В данной социальной рекламе, пропагандирующей безопасность труда, представлена разновидность метафоры – олицетворение.

«*Сигарета душит тебя*» (<http://reclama-metro.ru>). В данной социальной рекламе, направленной против курения, образность также создается посредством олицетворения.

- Образное сравнение:

«*It's just like watching them in the ocean, until you see one ram his head into a concrete wall*» / «*Это все равно, что наблюдать за ними в океане, а потом увидеть, как один со всей силой врывается головой в бетонную стену*» (coloribus.ru) (социальная реклама в защиту дельфинов).

- Эпитет:

«*Your hands can be dangerous. Wash them with soap and water to keep bacteria at bay*» / «*Ваши руки могут быть опасны. Мойте их водой с мылом, чтобы держать бактерии в страхе*» (www.fresher.ru) (социальная реклама, пропагандирующая личную гигиену).

«*Верните украденное детство. Скажите наркотикам НЕТ*» (www.babyblog.ru) (социальная реклама против употребления наркотиков).

- Гипербола:

«*Each years, millions of marine animals are killed by our rubbish*» / «*Каждый год миллионы морских животных погибают из-за нашего мусора*» (ibelieveinadv.com). В данной социальной рекламе в защиту морских животных гипербола «*millions of marine animals*» сочетается с олицетворением «*are killed*».

«*Вдыхая – убиваешь себя, выдыхая – других*» (files.adme.ru) (социальная реклама, направленная на борьбу с курением).

- Перифраз:

«*The worst predator of the ocean does not live in the ocean*» / «*Самый большой хищник океана живет не в океане*» (www.bored-todeath.com). В данной социальной рекламе в защиту морских животных представлен метафорический перифраз: «*the worst predator of the ocean = a human being*» / «*самый большой хищник океана = человек*».

«*Кого выращиваете? Любовь к Родине начинается в раннем детстве. Рассказывайте детям о традициях своей семьи*» (www.babyblog.ru). Перифраз «*выращивать*» в данной социальной рекламе, пропагандирующей

патриотическое воспитание, также является метафорическим: «*выращивать* = *воспитывать*».

Еще одним средством усиления эмоциональной оценки в оценочных общественных знаках является создание нетропеической образности. В.А. Кухаренко говорит о повторе и нарушении предсказуемости развертывания и непосредственного окружения актуализируемых единиц как средствах, наиболее часто сообщающих языковым единицам дополнительные значения, увеличивающих их содержательную и функциональную нагруженность, а значит, способствующих созданию нетропеической образности [Кухаренко 1988: 9-11].

Нетропеическая образность в оценочных общественных знаках создается с помощью таких средств, как:

- Повторы в параллельных конструкциях:

«*Whatever you do to the world you do to yourself*» / «*Весь вред, что ты причиняешь миру, ты причиняешь себе*» (ibelieveinadv.com) (социальная реклама в защиту окружающей среды).

«*Разный выбор – разные дороги*» (gazetazm.ru). В данной социальной рекламе, направленной в защиту окружающей среды, представлен анафорический повтор.

- Морфологические и лексические повторы:

«*For those who have nothing anything can seem a lot*» / «*Для тех, у кого ничего нет, даже что-нибудь может показаться многим*» (ibelieveinadv.com). Морфологический повтор «*nothing – anything*» в данной социальной рекламе в защиту бездомных создает антитезу.

«*Пропустив пешехода на переходе, теряешь 30 секунд. Сбив пешехода на переходе, теряешь 5 лет. Пропусти пешехода. Это нужно тебе*» (kinorun.ucoz.de). Тройной лексический повтор слова «пешеход» создает эффект градации напряжения в высказывании.

- Нарушение предсказуемости развертывания актуализируемых единиц, а именно – употребление вопросительных и восклицательных предложений, а также апозиопезиса:

«*What's the price of a bottle of beer? Don't drink and drive*» / «Сколько стоит бутылка пива? Не пей за рулем» (www.bestads.lt).

«*Would you care more if I was a panda?*» / «Ты бы больше встревожился, если бы я был пандой?» (www.lifo.gr) (социальная реклама в защиту окружающей среды).

«*It's easy to save somebody!*» / «Спассти кого-нибудь – легко!» (adsoftheworld.com) (социальная реклама против домашнего насилия).

«*И ты оттолкнешь меня?*» (smi2.ru) (социальная реклама, пропагандирующая помощь детям-сиротам).

«*Сколько нужно времени, чтобы умереть? 3-5 лет от первого укола...*» (www.babyblog.ru). В данной социальной рекламе против употребления наркотиков вопросительное предложение сочетается с апозиопезисом, что делает высказывание особенно выразительным и эмоциональным.

«*Пьянство отрывает от семьи. Остановись!*» (piclive.ru) (антиалкогольная компания в защиту семьи).

- Нарушение непосредственного окружения актуализируемых единиц:

«*Bikers make lousy speed bumps. Drive aware*» / «Мотоциклы не хило врезаются на скорости» (craftsouz.ru). В данной социальной рекламе, пропагандирующей безопасное вождение мотоциклов, наряду с литературно-разговорной лексикой используется фамильярно-разговорное слово «lousy», что делает высказывание эмоционально-насыщенным.

«*Бросил мусор на обочину – знай, ты – чмо!*» (www.adme.ru). Слово из молодежного сленга «чмо» придает данной социальной рекламе, направленной на защиту окружающей среды от загрязнения, большую эмоциональность.

В усилении эмоциональной оценки в оценочных общественных знаках помогают также графические средства, такие как:

- Шрифтовые средства:

«EMPLOYMENT ABROAD sexslavery

HIGH SALARY payment – your life

PERFECT CONDITIONS no return» /

«ТРУДОУСТРОЙСТВО ЗА ГРАНИЦЕЙ сексуальное рабство

ВЫСОКАЯ ЗАПЛАТА плата – твоя жизнь

ОТЛИЧНЫЕ УСЛОВИЯ возврата нет» (theinspirationroom.com)

Перлокутивный эффект здесь достигается за счет контраста: основной текст написан заглавными буквами, а подтекст, который, по сути, является более важным, - строчными буквами. Данный контраст придает высказыванию ироническое звучание.

«ВПУСТИ меня в свое сердце. Сохрани мне ЖИЗНЬ!»

(vozrogdenie.my1.ru) (социальная реклама против аборта).

- Графические знаки и символы:

- математические знаки:

«Равнодушие = убийство» (book.uraic.ru) (социальная реклама,

направленная на повышение гражданской ответственности людей).

- смайлики:

«Теперь модно рисовать. Нарисуй себя без сигарет:»)

(cs7002.userapi.com) (антитабачная кампания).

- стрелки:

«See you on the road! For more understanding on the roads → use

reflectors» / «Увидимся на дороге! Для большего взаимопонимания на дорогах

→ используй дорожные отражатели» (izifunny.com) (социальная реклама,

пропагандирующая безопасность дорожного движения).

Итак, в рекламном дискурсе свойством факта как актуального момента действительности обладают рекламные объявления, соответствующие информационным сообщениям (фактуальная перформативность). Рекламные

слоганы, продвигающие какую-либо продукцию или услуги, актуализируют фактуально-событийную перформативность, поскольку в них происходит апелляция к определенным социальным ценностям, хотя это может быть поставлено под сомнение в силу антиномии рекламного дискурса, состоящей в несоответствии между истинными и провозглашаемыми ценностями. Абсолютная фактуально-событийная перформативность актуализируется в социальной рекламе, в частности, в оценочных общественных знаках: в отличие от коммерческой рекламы, социальная реклама не характеризуется антиномией «истинные ценности – провозглашаемые ценности».

3.3. Фактогенная перформативность в политическом дискурсе

Фактогенная перформативность в политическом дискурсе выражается в фактуализации явлений, представляющих собой акты осуществления власти, а также борьбы за нее. Специфика актуализации фактогенности в политическом дискурсе обусловлена наличием в нем признаков других видов дискурса (юридического, дипломатического, рекламного, персонального) и его опосредованностью дискурсом СМИ.

Разграничение фактуальной и фактуально-событийной перформативности в политическом дискурсе может представлять трудность, поскольку любое высказывание, продуцируемое в его рамках, пресуппозиционно наделяется качеством события. Таким образом, было бы целесообразнее говорить только об актуализации фактуально-событийной перформативности в политическом дискурсе. Тем не менее мы разграничиваем случаи актуализации фактуальной и фактуально-событийной перформативности в политическом дискурсе по таким признакам высказываний, как степень формализации (жесткая / нежесткая) и способ апелляции к ценностям (косвенный / прямой).

Фактуальная перформативность в политическом дискурсе актуализируется в жанрах, которые характеризуются жесткой формализацией

и косвенной апелляцией к такой ценности, как приоритетность закона и права. Таковыми являются жанры, находящиеся на стыке политического и юридического видов дискурса (президентские указы, постановления правительства и парламента, ратификации и денонсации политических договоров, назначение на государственную должность и отстранение от нее):

Коммуникативная фактуализация президентских указов и постановлений правительства и парламента осуществляется похожим образом, начинаясь с самого наименования документа и далее – посредством перформативных глаголов, в соответствии с таксономией речевых актов Дж. Остина [1986] имеющих иллокутивную силу экзерситивов, т.е. властнополномочных актов. Сравним два документа – Указ Президента РФ (<http://www.consultant.ru>) и Постановление Правительства РФ (<http://base.garant.ru>):

УКАЗ

ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ОБ УТВЕРЖДЕНИИ ФОРМЫ СПРАВКИ

О ДОХОДАХ, РАСХОДАХ, ОБ ИМУЩЕСТВЕ И ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ ИМУЩЕСТВЕННОГО ХАРАКТЕРА И ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ В НЕКОТОРЫЕ

АКТЫ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В соответствии с федеральными законами от 25 декабря 2008 г. N 273-ФЗ “О противодействии коррупции” и от 3 декабря 2012 г. N 230-ФЗ “О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам” постановляю:

1. Утвердить прилагаемую форму справки о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера.

2. Установить, что лица, претендующие на замещение должностей и замещающие должности, осуществление полномочий по которым влечет за собой обязанность представлять сведения о своих доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также о

доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей, представляют такие сведения по форме справки, утвержденной настоящим Указом. <...>

8. Настоящий Указ вступает в силу с 1 января 2015 г.

Президент
Российской Федерации
В.ПУТИН

Москва, Кремль

23 июня 2014 года

№ 460

Постановление Правительства РФ от 29 июля 2010 г. № 580
"Об изменении и признании утратившими силу некоторых актов
Правительства Российской Федерации"

С изменениями и дополнениями от:

6 мая 2011 г., 16 апреля 2012 г., 23 июня 2014 г.

Правительство Российской Федерации постановляет:

1. Утвердить прилагаемые изменения, которые вносятся в акты Правительства Российской Федерации.

2. Признать утратившими силу акты Правительства Российской Федерации по перечню согласно приложению.

Председатель Правительства

Российской Федерации

В. Путин

Москва

29 июля 2010 г.

№ 580

Оба документа жестко формализованы (имеется заглавие, хромотопные указатели, подпись, регистрационный номер, выдержана четкая композиционная структура), что способствует их более эффективной и

одновременно сложной фактуализации: они организуют фактическую картину мира политики и юридической сферы. Далее, употребление перформативного глагола «постановляю(-ет)» и императивов «утвердить», «установить», «признать» и т.п. служит маркером заключенной в документах пресуппозиции осуществления властных полномочий субъектом высказывания. Другими словами, всё вышеперечисленное является средством коммуникативной фактуализации властнополномочных функций адресанта.

Ратификация и денонсация политических договоров также являются жестко формализованными документами со статусом федерального закона. Ратификация - (позднелат. *ratificatio*, от лат. *ratus* – «утвержденный» и *facio* – «делаю») - 1) утверждение верховным органом государственной власти данной страны международного договора, заключенного ее уполномоченным; 2) утверждение субъектами федерации, референдумом или специально созываемыми органами изменений либо дополнений к тексту конституции, принятых парламентом данной страны [Большой юридический словарь www]. Из определения следует, что ратификация есть коммуникативная фактуализация приверженности нормам международного / конституционного права и готовности следовать принципу добросовестного выполнения международных обязательств. Ратификация также есть коммуникативная фактуализация официального согласия осуществлять властные полномочия в правовых рамках.

Рассмотрим пример ратификации международного договора (<http://base.garant.ru>):

Федеральный закон от 8 марта 2006 г. N 40-ФЗ

"О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции"

Принят Государственной Думой 17 февраля 2006 года

Одобен Советом Федерации 22 февраля 2006 года

Статья 1

Ратифицировать Конвенцию Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 года, подписанную от имени Российской Федерации в городе Мерида (Мексика) 9 декабря 2003 года (далее - Конвенция), со следующими заявлениями:

1) Российская Федерация обладает юрисдикцией в отношении деяний, признанных преступными согласно статье 15, пункту 1 статьи 16, статьям 17 - 19, 21 и 22, пункту 1 статьи 23, статьям 24, 25 и 27 Конвенции, в случаях, предусмотренных пунктами 1 и 3 статьи 42 Конвенции;

2) Российская Федерация в соответствии с пунктом 6 (а) статьи 44 Конвенции заявляет, что она будет на основе взаимности использовать Конвенцию в качестве правового основания для сотрудничества в вопросах выдачи с другими государствами - участниками Конвенции; <...>

Статья 2

Настоящий Федеральный закон вступает в силу со дня его официального опубликования.

Президент Российской Федерации

В. Путин

Москва, Кремль

8 марта 2006 года

№ 40-ФЗ

В данном примере ратификации подлежит важный международный договор – Конвенция ООН против коррупции. Средствами коммуникативной фактуализации приверженности адресанта нормам международного права в ней являются клишированные выражения, принадлежащие юридическому дискурсу («обладать юрисдикцией», «использовать на основе взаимности», «правовое основание»). Согласие осуществлять властные полномочия в рамках международного права выражается перформативными глаголами «ратифицировать» и «заявлять». Жесткая формализация документа проявляется в наличии заглавия, даты принятия ратификации Государственной Думой, даты одобрения Советом Федерации, подписи

Президента, к компетенции которого относится право ратификации, даты подписания и регистрационного номера.

Денонсация международного договора (от фр. *denoncer* – «объявлять о прекращении») - наиболее распространенный способ прекращения действия двустороннего или выхода из многостороннего международного договора [Большой юридический словарь www]. Денонсация, таким образом, является коммуникативной фактуализацией отказа от обязательств, принятых ранее по договору. Поскольку порядок расторжения договора предусмотрен в нем самом, денонсация фактуализирует приверженность нормам международного права. Рассмотрим образец денонсации международного договора (<http://o-patriotizme.narod.ru>):

Вносится...

Проект

(регистрационный номер законопроекта)

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН

О денонсации Соглашения между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Финляндской Республики о рыболовстве и тюленьем промысле

Денонсировать Соглашение между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Финляндской Республики о рыболовстве и тюленьем промысле, подписанное в городе Москве 13 июня 1969 года.

Президент

Российской Федерации

Средством коммуникативной фактуализации отказа от ранее принятых обязательств является перформативный глагол «денонсировать». Фактуальная перформативность также актуализируется жесткой формализацией документа (наличие заглавия, регистрационного номера, подписи президента, даты подписания).

Фактуально-событийная перформативность в политическом дискурсе актуализируется:

- в сугубо политических жанрах апеллятивного характера (обращение президента к парламенту, выступление президента перед представителями государственных структур и политических организаций):

Нижеследующий пример является обращением В.В. Путина в Совет Федерации о вводе войск в Крым в марте 2014 г.:

«В связи с экстраординарной ситуацией, сложившейся на Украине, угрозой жизни граждан Российской Федерации, наших соотечественников, личного состава воинского контингента Вооруженных Сил Российской Федерации, дислоцирующегося в соответствии с международным договором на территории Украины (Автономная Республика Крым), на основании пункта «г» части 1 статьи 102 Конституции Российской Федерации вношу в Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации обращение об использовании Вооружённых Сил Российской Федерации на территории Украины до нормализации общественно-политической обстановки в этой стране».

Наряду с употреблением перформативного глагольного сочетания «вношу обращение», которое актуализирует фактуальную перформативность, в данном высказывании происходит апелляция к таким ценностям, как безопасность жизни людей и патриотизм («в связи с угрозой жизни граждан Российской Федерации, наших соотечественников»), а также незыблемость норм международного права («в соответствии с международным договором»), что способствует актуализации в нем фактуально-событийной перформативности.

- в жанрах, находящихся на стыке политического и дипломатического видов дискурса (меморандумах, декларациях, политических договорах):

Меморандум – это дипломатический документ, в котором подробно излагается фактическая сторона международного вопроса, дается анализ тех

или иных положений, приводится обоснование позиции государства [Большой юридический словарь www]. Из определения понятия «меморандум» следует предположение, что данный документ должен апеллировать к ценностям международного права и государства.

Рассмотрим выдержку из Будапештского меморандума о гарантиях безопасности в связи с присоединением Украины к Договору о нераспространении ядерного оружия - меморандум, подписанный 5 декабря 1994 года лидерами Украины, США, России и Великобритании, о подтверждении выполнения в отношении Украины положений Заключительного акта СБСЕ, Устава ООН и Договора о нераспространении ядерного оружия как не обладающего ядерным оружием государства-участника Договора (<https://ru.wikipedia.org>).

Российская Федерация, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии, Соединенные Штаты Америки и Украина, приветствуя присоединение Украины к Договору о нераспространении ядерного оружия в качестве государства, не обладающего ядерным оружием, учитывая обязательство Украины об удалении всех ядерных вооружений с ее территории в установленные сроки, отмечая перемены в мире в области безопасности, в том числе окончание “холодной войны”, создавшие условия для глубоких сокращений ядерных сил, подтверждают следующее:

1. Российская Федерация, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии и Соединенные Штаты Америки подтверждают Украине свое обязательство в соответствии с принципами Заключительного акта СБСЕ уважать независимость, суверенитет и существующие границы Украины.

2. Российская Федерация, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии и Соединенные Штаты Америки подтверждают свое обязательство воздерживаться от угрозы силой или ее применения против территориальной целостности или политической независимости Украины и что никакие их вооружения никогда не будут применены против Украины,

кроме как в целях самообороны или каким-либо иным образом в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций.

3. *Российская Федерация, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии и Соединенные Штаты Америки подтверждают Украине свое обязательство в соответствии с принципами Заключительного акта СБСЕ воздерживаться от экономического принуждения, направленного на то, чтобы подчинить своим собственным интересам осуществление Украиной прав, присущих ее суверенитету, и таким образом обеспечить себе преимущества любого рода.*

4. *Российская Федерация, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии и Соединенные Штаты Америки подтверждают свое обязательство добиваться незамедлительных действий Совета Безопасности ООН по оказанию помощи Украине как государству-участнику Договора о нераспространении ядерного оружия, не обладающему ядерным оружием, в случае если Украина станет жертвой акта агрессии или объектом угрозы агрессии с применением ядерного оружия <...> (<http://docs.pravo.ru>).*

Рассмотренный меморандум представляет собой обязательство, которое берут на себя США, РФ и Великобритания. Таким образом, формально документ является средством фактуализации комиссивного акта – обязательства, или гарантии. Однако в плане содержания, благодаря апелляциям к таким ценностям, как верховенство и валидность международного права («*В соответствии с Заключительным актом СБСЕ*»; «*в соответствии с Уставом ООН*», «*В соответствии с принципами Заключительного акта СБСЕ*»; «*незамедлительные действия Совета Безопасности ООН*»; «*государство-участник Договора о нераспространении ядерного оружия*»), а также независимость и целостность государства («*суверенитет*», «*территориальная целостность*», «*политическая независимость*», «*права, присущие суверенитету*»), меморандум актуализирует фактуально-событийную перформативность.

Политический договор является примером среднежесткой формализации документа. Рассмотрим пример политического договора о нейтралитете между СССР и Японией в апреле 1941 г.:

*ДОГОВОР НЕЙТРАЛИТЕТА МЕЖДУ СОЮЗОМ СОВЕТСКИХ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК И ЯПОНИЕЙ*

Президиум Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик и Его Величество Император Японии, руководствуясь желанием усилить мирные и дружественные отношения между двумя странами, решили заключить договор о нейтралитете, для этой цели они назначили своих Представителей:

От Президиума Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик -

Вячеслав Михайлович Молотов, Председатель Совета Народных Комиссаров и Народный комиссар Иностранных дел Союза Советских Социалистических Республик;

От Его Величества Императора Японии -

Yosuke Matsuoka, Министр иностранных дел, Кавалер ордена Священного Сокровища первого Класса, и Yoshitsugu Tatekawa, Чрезвычайный и Полномочный посол в Союзе Советских Социалистических Республик, Генерал-Лейтенант, Кавалер ордена Восходящего Солнца первого Класса и ордена Золотого Коршуна Четвертого Класса,

которые, после обмена их верительными грамотами, найденными в должной и надлежащей форме, согласились на следующее:

Пункт 1

Обе договаривающиеся стороны обязуются поддерживать мирные и дружественные отношения между ними и взаимно уважать территориальную целостность и неприкосновенность другой Стороны.

Пункт 2

Если одна из Договаривающихся сторон станет объектом военных действий со стороны одной или нескольких третьих сил, другая Сторона будет соблюдать нейтралитет на протяжении всего конфликта.

Пункт 3

Существующий Договор вступает в силу со дня ратификации обеими договаривающимися сторонами и остаётся в силе в течение пяти лет. В случае, если никакая из Договаривающихся сторон не денонсирует Договор в год истечения срока, он будет считаться автоматически продленным на следующие пять лет.

Пункт 4

Настоящий Договор подлежит ратификации как можно скорее. Ратификационные грамоты должны быть обменены в Токио также как можно скорее. В подтверждение этого вышеназванные Представители подписали существующий Договор в двух копиях, составили на русском и японских языках, и скрепили печатями.

Сделано в Москве 13 апреля, 1941, который соответствует 13-ому дню четвертого месяца 16-ого года Showa.

В. Молотов

Юсуке Матсуота

Юшитсугу Татекава

Данный договор является примером политического правового договора, поскольку он, согласно М.Ф. Казанцеву, регулирует правовые отношения в политической сфере и обеспечивается возможностью государственного принуждения [Казанцев 2005: 314]. Средняя жесткость документа проявляется в сочетании клишированных фраз, принадлежащих юридическому дискурсу («заключить договор о нейтралитете», «договаривающиеся стороны», «соблюдать нейтралитет», «вступает в силу», «остаётся в силе», «подлежит ратификации», «ратификационные грамоты»), с элементами нарратива («руководствуясь желанием, ... решили», «назначили», «которые... согласились», «подписали существующий

Договор в двух копиях, составили на русском и японских языках, и скрепили печатями»). Фактуально-событийная перформативность актуализируется в документе посредством перформативов с комиссивной иллокуцией («обязуются поддерживать ... и уважать», «будет соблюдать нейтралитет») и апелляцией к таким ценностям, как мир, дружба и взаимоуважение («поддерживать мирные и дружественные отношения между ними и взаимно уважать территориальную целостность и неприкосновенность другой Стороны»).

- в жанрах, находящихся на стыке политического и рекламного видов дискурса (предвыборные речи, политические лозунги):

С рекламным дискурсом предвыборные речи и политические лозунги сближает их манипулятивный характер и цели – продвижение политиками своих программ и идей.

Рассмотрим отрывок из предвыборной речи Митта Ромни на съезде республиканской партии 30 августа 2012 г.:

Mr. Chairman, delegates. I accept your nomination for President of the United States of America. I do so with humility, deeply moved by the trust you have placed in me. It is a great honor. It is an even greater responsibility. Tonight I am asking you to join me to walk together to a better future. <...> Four years ago, I know that many Americans felt a fresh excitement about the possibilities of a new president. That president was not the choice of our party but Americans always come together after elections. We are a good and generous people who are united by so much more than what divides us. When that hard fought election was over, when the yard signs came down and the television commercials finally came off the air, Americans were eager to go back to work, to live our lives the way Americans always have – optimistic and positive and confident in the future. That very optimism is uniquely American. - Г-н Председатель, делегаты. Я принимаю ваше выдвижение меня на пост президента США. Делаю это со смирением, глубоко тронутый вашим доверием. Это огромная честь. И ещё большая ответственность. И сегодня я прошу вас пойти вместе со мной по дороге к

лучшему будущему. <...> Мне известно, что четыре года назад у многих американцев возродились надежды, связанные с избранием нового президента. Этот президент был не от нашей партии, но американцы всегда объединяются после выборов. Мы добрый и щедрый народ, и объединяет нас гораздо больше, чем разделяет. Когда та выборная компания закончилась, когда были сняты транспаранты и прекратились рекламные ролики на ТВ, американцы были полны желания вернуться к работе, жить так, как всегда жили американцы : с оптимизмом, позитивным взглядом на мир, с уверенностью в будущем. Сам этот оптимизм - явление чисто американское. <...> (<http://audiorazgovornik.ru>).

Речь начинается с перформативного глагола «ассерт» (отсюда название речи – «acceptance speech» / «речь с выражением согласия баллотироваться в президенты или в губернаторы» [LingvoUniversal (En-Ru) 2008]), благодаря которому она наделяется свойством факта. Далее политик апеллирует к ценностям, которые благодаря подаче в декларативной форме звучат как аксиомы. В представленном отрывке актуализируются такие ценности американского общества, как единство американского народа («*to walk together*», «*Americans always come together*», «*We are a good and generous people*», «*united*», «*to live our lives*») и его уникальность («*That very optimism is uniquely American*»). Апелляция к ценностям американского общества в речи свидетельствует об актуализации в ней фактуально-событийной перформативности.

Политические лозунги, как и рекламные слоганы, актуализируют фактуально-событийную перформативность, поскольку в них происходит апелляция к социальным ценностям: заботе о человеке, его благосостоянии, соблюдении его гражданских прав и свобод. Данная актуализация осуществляется посредством: 1) декларативов: «*Слово держим, дело – делаем*», «*Сильная Россия – единая Россия!*» («Единая Россия»); «*У нас есть будущее!*» (лозунг российских автомобилистов); «*Country first*» / «*Страна - прежде всего*» (Джон Маккейн, 2008 г.); и 2) императивов: «*Голосуй! Или за*

тебя это сделают другие» (лозунг российских автомобилистов); *«Вернуть выборы губернаторов!»* (лозунг митинга оппозиции в Калининграде, 2010 г.); *«Отобьём атаку бюрократов!»* (коалиция «За прямые пермские выборы», 2010 г.); *«Нет уплотнительной застройке!»* (лозунг анархистов); *«Unite for change!»* / *«Объединимся для изменений!»* (Барак Обама и Хиллари Клинтон, 2008 г.) (<http://web-local.rudn.ru>; <http://ljrate.ru>).

Провозглашаемые социальные ценности объективируются в политических лозунгах посредством общеоценочных и частнооценочных (психологических, этических, утилитарных, телеологических, нормативных) значений:

«Точный выбор президента. Перемены к лучшему!» (лозунг российских автомобилистов) – общая оценка;

«Для нас Россия – великий русский народ, его Армия и Флот!» (лозунг российских автомобилистов); *«Будем достойны Великой Победы!»* («Единая Россия»); *«It's time to make history»* / *«Пора делать историю»* (предвыборная кампания Джона Маккейна, 2008 г.) – психологическая (эмоциональная) оценка;

«Требуем честные выборы! Мы не дадим украсть наши голоса!» (лозунг российских автомобилистов) – этическая оценка;

«Мы ЗА снижение стоимости топлива!» (лозунг российских автомобилистов) – утилитарная оценка;

«Власть и собственность – трудовому народу!» (лозунг коммунистов); *«Forward»* (Барак Обама, 2012 г.); *«Reform, prosperity, peace»* / *«Реформы, процветание, мир»* (Джон Маккейн, 2008 г.) – телеологическая оценка;

«Вор должен сидеть в тюрьме!» (С. Говорухин) – нормативная оценка.

- в жанрах, находящихся на стыке политического и персонального видов дискурса (парламентские дебаты, речи президента, адресованные всей нации либо определенной (неполитизированной) части общества, встречи президента с губернаторами, министрами либо претендентами на руководящие должности в разных госструктурах):

Сближение политического и персонального (бытового) видов дискурса происходит за счет употребления литературно-разговорной лексики и усиления эмоциональной насыщенности высказываний.

Например, выступая перед российской олимпийской сборной в Сочи на церемонии поднятия флага РФ и перед гражданами России в новогоднюю ночь, В.В. Путин использует обращение «дорогие друзья» и личные местоимения 1-го лица, что позволяет ему снизить официальный тон высказываний и повысить их эмоциональность и эмпатийность:

Дорогие друзья!

До открытия главного старта этого года – XXII зимних Олимпийских игр в Сочи – осталось всего полтора дня. Россия шла к этому моменту в течение семи лет, это стало крупным общенациональным проектом. Для меня особенно приятно отметить, что у нас был, как в таких случаях говорят, полный национальный консенсус по поводу проведения этих Игр и этих стартов. <...> Но теперь, уважаемые спортсмены, я хочу обратиться к вам, к нашей сборной. <...> Мы все очень рассчитываем на вас и надеемся на вас. У нас молодая, очень перспективная команда, и я не сомневаюсь в том, что вы сделаете всё для того, чтобы добиться победы; Мы с вами на пороге нового, 2014 года. Через несколько минут мы шагнем из настоящего в будущее (<http://rus2045.com>; <http://pravdaoputine.ru>).

- в жанрах политического дискурса, опосредованных дискурсом масс-медиа (телевизионные дебаты политиков, интервью с политиками, «прямая линия», ток-шоу с участием политиков):

Как отмечает О.Н. Паршина, главная цель теледебатов состоит в том, чтобы убедить слушателя или произвести на него впечатление, а не в том, чтобы приблизиться к истине или убедить своего оппонента [Паршина 2004: 25]. Полагаем, что то же самое можно сказать и в отношении других жанров данной группы. Всем этим жанрам свойственная высокая степень презентационности или даже театральности (в случае теледебатов и ток-шоу): политики выступают перед публикой, представляя свои политические

взгляды и программы в доступной для нее форме, иногда с элементами эпатажа; выступления проходят в соответствии с заранее подготовленным сценарием и регламентируются ведущим. Фактуально-событийная перформативность в таких высказываниях актуализируется посредством апелляции к общечеловеческим, социальным и культурным ценностям.

- в жанрах, находящихся на стыке политического и ритуального видов дискурса (инаугурационная речь президента).

Одной из главных характеристик ритуального дискурса является сакральность. В инаугурационных речах президентов США сакральность достигается обращением к богу: «*God bless you all, and God bless America*» - «Благослови бог всех вас и Америку», «*God bless you, and God bless our country*» - «Благослови бог вас и нашу страну» (George W. Bush), - или просьбой к гражданам помолиться за его успехи: «*As we cross this threshold, I ask for your prayers and your support*» - «Пока мы переходим этот порог, я прошу вас помолиться и поддержать меня» (Ronald Reagan).

В инаугурационных речах российских президентов – В.В. Путина и Д.А. Медведева – нет обращения к богу, поскольку, по мнению О.Н. Паршиной, оно вряд ли бы нашло отклик в сердце каждого россиянина из-за сложившейся в советское время атеистической традиции [Паршина 2004: 39]. Ритуальный характер инаугурационных речей российских президентов достигается экстралингвистическими средствами: торжественностью обстановки, церемониальностью, наличием специальных атрибутов, символизирующих власть.

Итак, фактогенная перформативность в политическом дискурсе актуализируется специфическим образом, что обусловлено наличием в нем признаков других видов дискурса. Фактуальная перформативность актуализируется в жанрах, находящихся на стыке политического и юридического видов дискурса. Фактуально-событийная перформативность актуализируется в сугубо политических жанрах апеллятивного характера, в жанрах, находящихся на стыке политического дискурса с дипломатическим,

рекламным и ритуальным видами дискурса, а также жанрах, опосредованных дискурсом масс-медиа.

3.4. Фактогенная перформативность в персональном дискурсе

Персональный, или личностно-ориентированный дискурс, участники которого выступают не в качестве представителей той или иной общественной группы, а как личности во всем многообразии личностных характеристик, распадается на бытовой (обиходный) и бытийный (художественный, философский, мифологический диалог) [Карасик 2002: 286]. На современном этапе дискурсивных исследований большое внимание уделяется изучению различных жанров персонального дискурса [См., например: Антология речевых жанров: повседневная коммуникация 2007; Байкулова 2014; Гайда 1999; Дементьев 1999; Колоян 2006; Леонтьев 1999; Мудрова 2007; Панченко 2007; Рубина 2006; Сахарова 2009; Сибирякова 1997; Стернин 2009; Фенина 2005; Чесноков 2014; Ярмаркина 2002].

Фактогенная перформативность в персональном дискурсе выражается в фактуализации явлений, представляющих собой акты установления и регулирования межличностных отношений коммуникантов.

Фактуальная перформативность актуализируется в персональном дискурсе посредством перформативных действий, прямо либо имплицитно объективирующих тот или иной аспект действительности и таким образом наделяющих его качеством факта. Рассмотрим пример⁷:

⁷ Используя тексты художественных произведений для анализа бытовых споров, мы принимаем во внимание точку зрения Л.Я. Гинзбург об условности даже самого натуралистического изображения прямой речи в литературном произведении, но мы также согласны с ее утверждением о том, что прямая речь персонажей обладает возможностями непосредственного и достоверного свидетельства их психологических состояний, поскольку, «строая речь человека, писатель пользуется той же системой знаков, и средства изображения тождественны тогда предмету изображения» [Гинзбург 1979: 150].

I was silent for a moment in order to give greater force to my next remark. I spoke as deliberately as I could.

'You are a most unmitigated cad.'

'Now that you've got that off your chest, let's go and have dinner.' -

Я выдержал минутное молчание, чтобы придать большую силу своей следующей реплике. Я говорил так взвешенно, как только мог.

- Вы самый отъявленный негодяй.

- Теперь, когда вы все высказали, давайте пойдём и пообедаем (W.S. Maugham «The Moon and Sixpence» / У.С. Моэм «Луна и грош» / Пер. с англ. Н Ман).

В данном примере суждение первого коммуниканта представляет собой оскорбление адресата (первый факт). Адресат (Стрикленд) не отвечает на полученное оскорбление тем же образом, вместо этого он предлагает пойти пообедать. Соответственно, его реплика «*Now that you've got that off your chest, let's go and have dinner*» может расцениваться не только как приглашение пообедать, но одновременно и как согласие с пропозитивным содержанием реплики оппонента (второй и третий факты).

В следующем обиходном диалоге между подругами свойством факта наделяется имплицитно выраженный отказ продолжать разговор:

- Пров Афанасьевич, - шепнула ей Оля на ухо.

- Тсс. Отстань, пожалуйста. Какой Пров Афанасьевич? (Б. Пастернак «Доктор Живаго»).

Новый факт в бытовом дискурсе может создаваться путем констатации уже известного факта (имплицитный способ актуализации фактогенной перформативности):

Хрусталева. Ну как ты?

Марьяна. Я хорошо. А ты?

Хрусталева. Замечательно. Поехали со мной?

Марьяна. Я замуж вышла.

Хрусталева. Значит, нет?

Марьяна. *Нет* (К/ф «Оттепель»).

В данном диалоге Марьяна не преследует цель констатировать факт, говоря, что она вышла замуж (Хрусталева об этом знает): ее иллокутивным намерением является выражение отказа поехать с Хрусталевым в другой город.

Вообще бытовой дискурс отличает широкий спектр речевых действий, обладающих свойством факта как актуального момента действительности. В этой связи данный дискурс вернее было бы назвать рутинным [Карасик 2010: 7-10]. Рутинный дискурс противопоставлен креативному дискурсу, где актуализируется фактуально-событийная перформативность.

Отметим, что **фактуально-событийная перформативность** актуализируется в персональном бытовом дискурсе гораздо чаще, чем фактуальная. Вероятно, это обусловлено высокой степенью фатичности данного вида дискурса, в особенности бытового (под фатическим общением мы понимаем его направленность на установление и регулирование взаимоотношений, что неизбежно делает его оценочным и эмоционально-насыщенным). В нижеследующем примере на семейном совете обсуждается возможность возвращения некогда изгнанного из семьи сына, чтобы он мог попрощаться с родными перед уходом на фронт:

- Кто же знал, что такое обрушится на нас, - сказал старый Хабуг, - кто из парней нашей крови останется, кто погибнет – один Бог знает. – Пусть приезжает попрощаться с родным домом. (Ф. Искандер «Софичка»).

Разрешение здесь выражено имплицитно посредством соответствующего речевого действия («*Пусть приезжает*»), осложненного, однако, апелляцией к семейной ценности («*попрощаться с родным домом*»), что свидетельствует об актуализации фактуально-событийной перформативности в высказывании.

Фактуально-событийная перформативность может актуализироваться в персональном дискурсе посредством ценностно-нагруженных речевых действий с неоднозначной интенцией:

- *Брось его, тебе сразу станет легче.*

- *Не лезьте в мою жизнь* (К/ф «Чистое небо»).

В данном разговоре между сестрами одна дает другой совет бросить мужа, страдающего алкоголизмом. Ответную реплику можно квалифицировать по-разному: как имплицитное возражение на утверждение «тебе сразу станет легче», как отказ следовать совету, как запрет давать всякого рода советы. Ценностью, к которой апеллирует женщина и которая делает ее высказывание фактуально-событийным, является приватность.

Наименьшей степенью фактогенности обладает бытийный дискурс (поэтические, художественные и философские тексты). Однако дискурс поэта / писателя становится фактогенным при актуализации его коммуникативных намерений. Коммуникативные намерения автора художественного текста актуализируются в названии произведения, совпадающем с именем речевого действия / жанра: «Заклинание» А.С. Пушкина, «Молитва» и «Оправдание» М.Ю. Лермонтова и т.д. Как правило, произведения с такими названиями составляют небольшую часть в творчестве того или иного автора. Возможно, это обусловлено тем, что автор стремится создать произведение, допускающее неоднозначную его интерпретацию со стороны читателя, а фактуально-перформативные названия ограничивают такую возможность.

Так, хотя в стихотворении В. Хлебникова «Отказ» соответствующее речевое действие не выражается прямо, читатель воспринимает его именно как отказ, а не обещание или другое пропозиционально сходное с ним речевое действие, и поэтому может в полной мере ощутить его крайне категоричную тональность:

Мне гораздо приятнее

Смотреть на звезды,

Чем подписывать

Смертный приговор.

Мне гораздо приятнее

Слушать голоса цветов,
 Шепчущих: “Это он!” -
 Склоняя головку,
 Когда я прохожу по саду,
 Чем видеть темные ружья
 Стражи, убивающей
 Тех, кто хочет
 Меня убить.
 Вот почему я никогда,
Нет, никогда не буду Правителем!

По мнению Н.В. Максимовой, «отказ» от роли Правителя, манифестируемый в стихотворении, - это гражданская позиция поэта, а шире – обозначение его концепции человеческого бытия, в котором не должно быть жестокости [Максимова 2005: 60]. Таким образом, стихотворение является также действием саморепрезентации языковой личности поэта. Действие саморепрезентации вписывается в определение социального действия по И. Гоффману: социальное действие в современном мире становится деятельностью по управлению производимыми впечатлениями; участники этой деятельности придерживаются определенных стандартов поведения, намеренно подчеркивая и утрируя их [цит. по: Кравченко www].

Стоит, однако, оговориться, что дискурс поэта / писателя становится фактогенным, только если сам автор является лирическим героем своего произведения. В противном случае произведение приобретает нарративный либо дескриптивный характер. Таково стихотворение М.Ю. Лермонтова «Спор»:

Как-то раз перед толпою
 Соплеменных гор
 У Казбека с Шат-горою
 Был великий спор <...>.

В стихотворении описывается спор между двумя горными вершинами Кавказа – Казбеком и Эльбрусом – о том, как человек постепенно завоевывает природу, и природа невольно покоряется ему. Стихотворение потенциально перформативно: благодаря способности поэта одухотворять и поэтизировать образы природы, стихотворение приобретает эстетическое значение и эмоционально-воздействующую функцию.

Итак, фактуальная перформативность актуализируется в персональном дискурсе посредством различных перформативных действий, прямо либо имплицитно объективирующих тот или иной аспект действительности и таким образом наделяющих его качеством факта. Бытовой дискурс отличается широкий спектр речевых действий, обладающих свойством факта как актуального момента действительности. В этой связи данный дискурс, имея рутинный характер, противопоставлен креативному дискурсу, где гораздо чаще актуализируется фактуально-событийная перформативность, что в свою очередь обусловлено высокой степенью его фатичности. Наименьшей степенью фактогенности обладает бытийный дискурс (поэтические, художественные и философские тексты). Дискурс поэта / писателя становится фактогенным при актуализации его коммуникативных намерений. Однако о его фактогенности следует говорить только если сам автор является лирическим героем своего произведения.

3.5. Градация фактогенной перформативности

Фактогенная перформативность дискурса может усиливаться либо снижаться.

Усиление фактогенной функции дискурса происходит, на наш взгляд, за счет его *ритуализации*. Под ритуализацией дискурса понимается его символическое переосмысление, в результате которого он частично наделяется свойствами ритуала: сакральностью, коллективностью, ригидностью, сюжетностью [Карасик 2002b: 159].

Например, результатом процесса ритуализации обещания становится клятва в таких дискурсивных вариантах, как обет молодоженов, обет безбрачия, монашеский обет, обет трезвости, военная присяга, клятва Гиппократова, Аннибалова клятва, президентская клятва в инаугурационной речи и т.д.

Концепт «клятва» восходит к ситуации договора человека с Богом, где, по словам Ю.В. Моница, «каждая сторона берет на себя определенные обязательства: человек – соблюдение закона, божество – воздаяние» [Монич 1998: 114]. Примечательно, что клятва является основополагающим понятием при определении ритуала, который исходно осмысливается как торжественное обязательство, клятва верности каждого индивида всем остальным членам группы в защите и поддержке друг друга [Там же: 111].

Данная этимология обуславливает высокую символическую нагруженность клятвы, ее коллективный характер, рекурсивность и другие признаки ритуала. Степень выраженности этих признаков варьируется в зависимости от видов дискурса, выделяемых на социолингвистическом основании.

Так, клятве, не зафиксированной в государственных документах, преимущественно в бытовом дискурсе, не свойственны рекурсивность и жесткая формализация: коммуниканты сами изобретают текст клятвы и необходимые атрибуты (неречевые действия, сопровождающие клятву). Другим людям такие тексты могут показаться комичными и абсурдными, как, например, текст клятвы Дмитрию Билану, написанный его фанатками: *Мы, нижеподписавшиеся, клянемся с честью и достоинством, а главное – с любовью и всеобъемлющим пониманием относиться к Дмитрию Билану, самому голосистому и прекрасно двигающемуся певцу на планете Земля, а также во всей Солнечной системе... Обязуемся смотреть все концерты и программы с его выступлениями, скупать тоннами журналы с его изображениями, обклеивать комнаты его постерами...* (<http://www.zhizn.ru>).

Ритуализация обещания в приведенном примере происходит за счет лексических средств (перформативных глаголов «*клясться*» и «*обязываться*») и стилистических средств (клише «*Мы, нижеподписавшиеся*», гиперболы «*...на планете Земля, во всей Солнечной системе*»). Данная клятва имеет коллективный характер, но лишена сакральности, а значит – и твердой гарантии ее выполнения.

Показательным в плане сакральности бытовой клятвы нам представляется пример из повести М. Твена «Приключения Тома Сойера»: *Huck Finn and Tom Sawyer swears they will keep mum about this and they wish they may Drop down dead in their Tracks if They ever Tell and Rot.* – Гек Финн и Том Сойер клянутся, что будут молчать об этом. И пусть они упадут замертво и сгниют, если когда-либо проговорятся.

Обещание в приведенном примере ритуализуется посредством лексических средств (употребление имен собственных, глагола «*to swear*» в сочетании с фразеологизмом «*keep mum*», фразеологизма «*Drop down dead in their Tracks*»), грамматических средств (сослагательного наклонения «*they wish they may... if They ever...*», написание клятвы от 3-его лица) и графических средств (написание особо значимых, с точки зрения коммуникантов, слов с заглавной буквы). Несомненно, что неречевое действие в виде «скрепления клятвы кровью» также способствует ритуализации данного обещания.

Несмотря на простое содержание клятвы, ее перформативный характер очевиден (причем здесь имеет место фактуально-событийная перформативность). Из дальнейшего разговора понятно, что сами коммуниканты наделяют свою клятву глубоким сакральным смыслом:

‘Tom,’ whispered Huckleberry, ‘does this keep us from ever telling – always?’

‘Of course it does. It don’t make any difference what happens, we got to keep mum. We’d drop down dead – don’t you know that?’

‘Yes, I reckon that’s so.’

- Том, - прошептал Гекльберри, - это и вправду заставит нас молчать – всегда?

- Конечно. Что бы ни случилось, мы должны молчать. Иначе мы свалимся замертво, разве не ясно?

- Да, ясно.

Гарантом выполнения данной клятвы является страх перед божьим наказанием. Собственно, страх перед божьей карой составляет психологическую основу сакральности клятвы: «Сущность истинной клятвы состоит в том, что приносящий ее подтверждает перед лицом всеведущего Бога свое показание или свое обещание и ставит себя в безусловную зависимость от Бога, ясно сознавая, что Он строго карает всякую неправду, и что ложно клянущийся навлекает на себя грозный суд Божий» [Олесницкий www].

Глубоко сакральным видом обещания представляется обет. Обет - это добровольное обещание Богу посвятить Ему себя или сделать какое-либо доброе дело, к которому человек не обязан законом, или воздержаться от чего-либо, не запрещенного законом (<http://www.prosvetcentr.ru>). В частности, обет трезвости в современном виде заключается в следующем: *«не пить спиртного и не употреблять ничего наркотического, не склонять к тому других, не принимать никакого участия в различного рода предосудительных играх и не произносить скверных слов»* (Там же). Принимается обет трезвости в присутствии священника и сопровождается произнесением молитвы перед Богом. Таким образом, обет – это не просто ритуализованное обещание, это - освященное обещание.

Разновидности ритуализованного обещания, тексты которых зафиксированы в государственных документах, характеризуются жесткой формализацией, что в свою очередь «ведет к семантическому выветриванию содержания исходного действия, положенного в основу ритуала» [Карасик 2002б: 161].

Рассмотрим отрывок из Клятвы врача России (клятвы Гиппократата), принятой Государственной Думой в 1999 году:

Получая высокое звание врача и приступая к профессиональной деятельности, я торжественно клянусь:

- *честно исполнять свой врачебный долг, посвятить свои знания и умения предупреждению и лечению заболеваний, сохранению и укреплению здоровья человека;*
- *быть всегда готовым оказать медицинскую помощь, хранить врачебную тайну, внимательно и заботливо относиться к больному, действовать исключительно в его интересах независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств;*
- *проявлять высочайшее уважение к жизни человека, никогда не прибегать к осуществлению эвтаназии <...>*

— *клянусь* (<http://ru.wikipedia.org>).

«Семантическое выветривание» применительно к Клятве врача заключается, на наш взгляд, в том, что сакральность уступает место формальной стороне высказывания, поскольку клятва произносится перед лицом не церкви, а государства. Тем не менее, клятва в высокой степени перформативна благодаря именно своей ритуализованности, которая достигается лексическим повтором сильного перформатива «клянусь», а также апелляцией к главным человеческим ценностям: «долг», «жизнь», «здоровье».

Аналогичным образом происходит «семантическое выветривание» в другом виде клятвы с жесткой формализацией – военной присяге. Рассмотрим текст клятвы верности флагу США, утвержденный Конгрессом в 1954 году:

I pledge allegiance to the Flag of the United States of America, and to the Republic for which it stands: one Nation under God, indivisible, With Liberty and Justice for all. – Клянусь в верности Флагу Соединенных Штатов Америки и Республике, которую он представляет: одной неделимой Нации, хранимой Богом, где у каждого есть Свобода и Справедливость.

Ритуализация обещания в данном случае происходит за счет употребления перформативной фразы «*pledge allegiance*» и апелляции к главным ценностям американского общества: Флаг, Республика, единая Нация, Бог, Свобода и Справедливость. Все это придает клятве торжественность и официальность и приводит к тому, что сакральность (клятва произносится перед лицом не церкви, а государства) уступает место формальной стороне высказывания.

Итак, усиление фактогенной функции дискурса заключается в переходе фактуальной перформативности в фактуально-событийную, и этому способствует ритуализация дискурса. Напротив, снижение фактогенной функции дискурса заключается в переходе фактуально-событийной перформативности в фактуальную.

Снижению фактогенной функции дискурса способствует его **этикетизация**.

Этикетным может стать действие, генетически восходящее к поступку, но используемое в качестве стратегии вежливости. Сравним два эпизода МОЛИТВЫ:

Однажды, часу в третьем ночи, я проснулся и услышал тихий, сдержанный плач. Старик сидел на печи (той самой, на которой прежде него по ночам молился зачитавшийся арестант, хотевший убить майора) и молился по своей рукописной книге. Он плакал, и я слышал, как он говорил по временам: «Господи, не оставь меня! Господи, укрепи меня! Детушки мои малые, детушки мои милые, никогда-то нам не свидаться!» (Ф.М. Достоевский «Записки из Мертвого дома»).

Дома, уже лежа в постели, она закрыла глаза и сказала: «Господи, спасибо тебе за все!» (<http://search.ruscorpora.ru>).

В первом примере молитва сохраняет фактуально-событийную перформативность, будучи актом обращения к Богу с просьбой, имеющей глубокий сакральный смысл для субъекта. Во втором примере молитва теряет сакральность и становится актом выражения благодарности Богу, т.е. реализует стратегию вежливости.

В предыдущей главе было рассмотрено явление «семантического выветривания» этикетных формул. Как правило, их употребление в качестве стратегий вежливости не ведет к разворачиванию перформативного дискурса, хотя грамматически / семантически они соответствуют остиновским перформативным действиям.

Напротив, так называемое «иллокутивное самоубийство» в случае этикетных высказываний ведет к изменению фактогенной перформативности:

- Ну уж это, мне кажется, вы в поэзию вдаетесь. Такому флегматику, как вы, пожалуй, и я покажусь вулканом.

- Ну нет! – проговорил с улыбкой Лежнев... - А что до характера – у вас, слава богу, характера нет вовсе.

- Это еще что за дерзость?

- Это? Это величайший комплимент, помилуйте... (И.С. Тургенев «Рудин»).

Раскрывая иллокутивную силу своего высказывания, Лежнев наполняет его иронией, благодаря чему комплимент перестает быть таковым и становится критикой, актуализируя фактуально-событийную перформативность.

Помимо этикетизации снижению фактогенной функции дискурса способствует его *карнавализация*, т.е. «переворачивание» дискурсивных ценностей и иллокуций, облечение юмористического содержания в привычную (неюмористическую) форму.

Рассмотрим юмористическую памятку, размещенную в офисе туристического агентства:

ТУРИСТ! ПОМНИ!

Когда ты требуешь скидку, ты делаешь шаг к закрытию этого агентства.

1% - Все менеджеры офиса без чая и кофе. Туристы лишаются права на получение улыбок от менеджеров.

2% - Менеджеры агентства остаются без воды. Туристы лишаются права получения любых напитков, включая воду.

3% - Персонал офиса, включая членов их семей, остались без обеда. Туристы получают консультацию менеджера в формате «Да. Нет. Не знаю». Количество направлений ограничено: Турция. Египет. Крым.

4% - Менеджеры офиса работают без блокнотов, ручек и каталогов. Туристы посещают туалет платно. Менеджер заполняет заявку, параллельно болтая в «Одноклассниках» и отслеживая вакансии.

5% - Все работают без стульев. Туристы обслуживаются стоя, время сервиса для одного туриста – не более 10 минут. Менеджеру официально разрешено терять документы туристов.

6% - Столов тоже нет. Туриста обслуживают сидящие на полу менеджеры с одним ноутбуком на всех. Уборщица уволена. Лимит обслуживания одного туриста сокращен до 5 минут. Количество направлений ограничено домиками на Азовском побережье.

7% - Офис без мебели и компьютеров. Туриста обслуживают сидящие на полу менеджеры без компьютеров и телефонов. Посещение туалета запрещено, поскольку уборщицу уволили раньше. На вопрос, сколько стоит тур в Египет, менеджер отвечает: «А где это?».

8% - В офисе остался один менеджер. Он обслуживает клиента, сидя на полу. При этом выполняет работу охранника и уборщицы. Знание туризма ограничивается навигацией по району города.

9% - Менеджер заходит в офис на 2 часа в день. Если он не заблудится, и вам повезет его перехватить, он с удовольствием расспросит вас о том, куда бы ему поехать.

10% - Никого нет. Офис закрыт. Менеджеры уволены. Вы можете снять это помещение под турагентство и пройти весь путь – сначала (КЗУПР).

Памятка является разновидностью инструкции, которая изначально перформативна, обладая фактогенностью. В сфере туристических услуг инструкция для туриста служит для обеспечения его безопасности и комфорта (непосредственно во время тура). В данном случае карнавализация состоит уже в самой ситуации: памятка (или инструкция) дается туристу до предоставления ему услуг. Таким образом, юмор лишает данную памятку фактогенности.

Похожее явление наблюдается в жанре шуточных объявлений в маршрутном такси типа «Хочешь выйти – кричи!», «Водитель не осьминог, всем сразу сдачу дать не может», «Просьба семечки, орешки и бананы есть вместе с кожурой» и т.п., где, по выражению Б.Ю. Нормана, находит воплощение тенденция к «игровизации» речевой среды обитания [Норман 2007].

В следующем примере представлен речевой жанр «пари», мотивом которого является желание развлечься, а не принятие на себя обязательства за последствия заключения пари, поэтому его даже вряд ли можно отнести к комиссивным речевым действиям:

«Один другому предлагает:

- Хочешь, я сведу тебя с ума?

Как это можно просто так свести человека с ума? Заключают пари. Первый пишет мелом на полу слово «ум», ставит на буквы партнера, а потом берет за руку и отводит в сторону. Пари проиграно, хотя проигравший и протестует против обмана» (Зимин, Спиринов 1996: 424).
Данный пример пари основан на игре слов.

Далее рассмотрим юмористический приказ:

Регина Марковна. Как же я не хочу тебя оставлять. Этот Егор – какой-то прям чокнутый, опасный, сумасшедший. Да, серьезно. Не смейся. Как было бы хорошо, если б с Федей снимали, на «Мосфильме», в павильоне. Тепло, уютно. Смена закончилась – через полчаса я дома.

Сергей. Давай поезжай, работай. Только смотри там, не шали.

Регина Марковна. Шалунья из меня...ха-ха, в мои-то годы, Сережа.

Сергей. Так, отвечать нужно четко и ясно: «Сережа, я шалить не буду».

Регина Марковна. Сережа, я шалить не буду.

Сергей. Вольно (к/ф «Оттепель»).

Регина Марковна, второй режиссер кинокартины, собирается в командировку, но не хочет оставлять мужа Сергея. Сергей разряжает обстановку своим несерьезным приказом. Регина Марковна подыгрывает мужу. Данный приказ мог бы актуализовать фактогенную перформативность, даже несмотря на то, что употребляется не в военном дискурсе. Однако из-за юмористической формы его потенциально фактогенная перформативность значительно снижается вплоть до полной редукции.

В следующем примере карнавализации подвергается сакральное действие – родительское благословение:

Родительский наказ. Родители благочестивейшего рода Родионовых и благочестивейшего рода Михайловых дают свое благословение на заключение брака законного в славном городе Московии между святлейшим князем Дмитрием и прекраснейшей княгиней Наталией, да по сему случаю издали и заверили своими подписями сей наказ: Друг друга любити крепко и нежно, уважати, терпети и понимати, в горестях и радостях воедино бытии. С душой друг другу помогати. Детей рожати много славных, умных и красивых ими же радоватися и дедушек да бабушек ублажати. И по сему главный наказ - хлеб да соль вам, совет да любовь! (<http://staraya-gramota.ru/text/>).

Стилизация наказа-благословения под грамоту на старославянском языке («*благочестивейший*», «*святлейший*», «*прекраснейший*»; «*любити*», «*уважати*», «*ублажати*» и т.п.) усиливает юмористический эффект, но снижает фактуальность высказывания, поскольку теряется сакральность его содержания.

Следует отметить, что карнавализация ведет к снижению фактогенности только в тех жанрах или видах дискурса, для которых данный прием является скорее отклонением от дискурсивной нормы. Напротив, в рекламном дискурсе, где карнавализация может использоваться как коммуникативная тактика воздействия, в подобных случаях фактогенность не изменяется. Рассмотрим пример рекламы новых кредитных условий банка «Хоум Кредит», которая рассылалась потенциальным клиентам в виде письма, стилизованного под срочную депешу:

Милейшая NN.,

Видели ли Вы новую затею Банка? Кредит от 19,9% годовых! Неслыханно. Ставки низкие, как Наполеон.

Сам думал занять – большие расходы, военная кампания, семья, усадьба новая, дочерей замуж выдавать надо... Слышал, что вам тоже нужны деньги, так посмотрите, может быть, и Вам пригодится. <...>

Засим откланиваюсь.

Всех благ и прекрасного настроения (КЗУПР).

Несмотря на то, что письмо выдержано в неформальном стиле, оно не теряет фактогенной перформативности, причем как фактуальной, так и фактуально-событийной. Фактуальная перформативность актуализируется посредством перформативного речевого действия «предложение», предшествующего подробной информации об условиях кредитования на оборотной стороне письма: «*Ваше сиятельство! Осмеливаемся предложить Вам особо привлекательные условия кредитования в нашем Банке*». Фактуально-событийная перформативность актуализируется посредством апелляции к такой ценности, как благосостояние клиента («*Мне предложили*

несколько весьма привлекательных вариантов. Думаю, и Вам подойдет», «Ставки низкие, как Наполеон» и т.п.).

То же самое касается этикетных жанров, где карнавализация способствует повышению воздействующего потенциала высказывания.

Рассмотрим пример юмористической грамоты, адресованной учителю по случаю выпуска учащихся:

В лето года 2006 дня 30 месяца мая грамота сия дадена в подтверждение того, что глава школы №380 Тимофеева Ольга Петровна уроков посетила видимо-невидимо, встречена была неизменно улыбкою ласковой, друзей приобрела зело много, память по себе оставила светлую, незапятнанную. Ныне же пребывает в радости великой по случаю выпуска очередной ватаги отроков просветленных с головами, знаниями нужными и ненужными наполненными, со здоровьем зело испорченным от длительного учения и думания, однако энергичных и в будущее светлое честно верующих (<http://staraya-gramota.ru/text/>).

Грамота стилизована под сказку, где в нарративной форме, с использованием устаревших слов и словоформ («*видимо-невидимо*», «*зело*», «*пребывает в радости великой*», «*ватага отроков*», «*учения и думания*») рассказывается о заслугах учителя. Изначально задуманное как хвалебная речь, данное высказывание не теряет этой иллюкутивной силы из-за юмористической формы грамоты, т.е. его фактуальность не снижается.

Итак, фактогенность является прагматической основой перформативности в широком понимании. Фактогенность дискурса – это его способность конституировать факты. В зависимости от вида конституируемого факта выделяются два типа дискурсивной перформативности: фактуальная и фактуально-событийная перформативность. Фактогенность дискурса может усиливаться либо снижаться. Усиление фактогенной функции дискурса заключается в переходе фактуальной перформативности в фактуально-событийную, чему

способствует ритуализация дискурса. Напротив, снижение фактогенности дискурса наблюдается в случае его этикетизации и карнавализации.

Выводы по Главе 3

1. Прагматической основой перформативности в широком смысле является фактогенность. Фактогенность дискурса – это его способность конституировать факты. В зависимости от вида конституируемого факта выделяются два типа дискурсивной перформативности: актуализация смысла реального общения (т.е. конституирование факта как фокусировки на актуальных моментах действительности) осуществляется посредством коммуникативных целерациональных действий, или перформативных действий – фактуальная перформативность; затрагивание ценностной картины мира людей (т.е. конституирование факта как культурного явления) осуществляется посредством коммуникативного поступка, или перформативного дискурса – фактуально-событийная перформативность.

2. Фактогенность определяется видом дискурса, выделенного с позиции социолингвистики: в институциональном дискурсе она выше, нежели в персональном, благодаря таким характеристикам институционального дискурса, как статусная маркированность, конвенциональность, протокольность, преимущественно прямой способ актуализации намерений коммуникантов. В свою очередь, неодинаковая степень выраженности данных характеристик в разных институциональных видах дискурса обуславливает специфику актуализации в них фактогенной перформативности.

3. Фактогенная перформативность в юридическом дискурсе выражается в фактуализации явлений, представляющих собой юридические акты. Фактуальная перформативность актуализируется в различных юридических актах (заключение и расторжение сделки, взыскание штрафа, свидетельство о заключении / расторжении брака и т.п.), соответствующих

уровню перформативных действий (операций), выраженных клишированными недесемантизированными перформативами, позволяющими адресанту реализовать полномочные функции как часть ритуала, либо перформативными действиями с эксплицитно выраженной перформативностью. Некоторые реплики судьи во время судебного заседания (согласие, несогласие, отказ, просьба, совет, вердикт), которые соответствуют уровню действий (операций), также являются примером актуализации фактуальной перформативности. Фактуально-событийная перформативность актуализируется в таких жанрах юридического дискурса, как адвокатская (защитительная) речь, обвинительная речь прокурора и речь судьи. Во всех этих жанрах происходит апелляция к разным ценностям, поэтому они приобретают свойство факта как культурного события.

4. Фактогенность в рекламном дискурсе выражается в фактуализации явлений, представляющих собой акты продвижения рекламного продукта на рынке. Свойством факта как актуального момента действительности обладают рекламные объявления, соответствующие информационным сообщениям (фактуальная перформативность). Рекламные слоганы, продвигающие какую-либо продукцию или услуги, актуализируют фактуально-событийную перформативность, поскольку в них происходит апелляция к определенным социальным ценностям, хотя это может быть поставлено под сомнение в силу антиномии рекламного дискурса, состоящей в несоответствии между истинными и провозглашаемыми ценностями. Абсолютная фактуально-событийная перформативность актуализируется в социальной рекламе, в частности, в оценочных общественных знаках: в отличие от коммерческой рекламы, социальная реклама не характеризуется антиномией «истинные ценности – провозглашаемые ценности».

5. Фактогенная перформативность в политическом дискурсе выражается в фактуализации явлений, представляющих собой акты осуществления власти, а также борьбы за нее. Фактогенная перформативность в политическом дискурсе актуализируется

специфическим образом, что обусловлено наличием в нем признаков других видов дискурса. Фактуальная перформативность актуализируется в жанрах, находящихся на стыке политического и юридического видов дискурса (президентские указы, постановления правительства и парламента, ратификации и денонсации политических договоров, назначение на государственную должность и отстранение от нее). Фактуально-событийная перформативность актуализируется в сугубо политических жанрах апеллятивного характера (обращение президента к парламенту, выступление президента перед представителями государственных структур и политических организаций), в жанрах, находящихся на стыке политического дискурса с дипломатическим (меморандумы, декларации, политические договоры), рекламным (предвыборные речи, политические лозунги) и ритуальным (инаугурационная речь президента) видами дискурса, а также жанрах, опосредованных дискурсом масс-медиа (телевизионные дебаты политиков, интервью с политиками, «прямая линия», ток-шоу с участием политиков).

6. Фактогенная перформативность в персональном дискурсе выражается в фактуализации явлений, представляющих собой акты установления и регулирования межличностных отношений коммуникантов. Фактуальная перформативность актуализируется посредством различных перформативных действий, прямо либо имплицитно объективирующих тот или иной аспект действительности и таким образом наделяющих его качеством факта. Актуализация фактуально-событийной перформативности обусловлена высокой степенью его фатичности. Наименьшей степенью фактогенности обладает бытийный дискурс (поэтические, художественные и философские тексты). Дискурс поэта / писателя становится фактогенным при актуализации его коммуникативных намерений. Однако о его фактогенности следует говорить, только если сам автор является лирическим героем своего произведения.

7. Фактогенность дискурса может усиливаться либо снижаться. Усиление фактогенной функции дискурса заключается в переходе фактуальной перформативности в фактуально-событийную, чему способствует ритуализация дискурса, т.е. его символическое переосмысление и приобретение свойств ритуала: сакральности, коллективности, ригидности, сюжетности. Напротив, снижение фактогенности дискурса наблюдается в случае его этикетизации: из-за «семантического выветривания» употребление этикетных формул в качестве стратегий вежливости не ведет к разворачиванию перформативного дискурса, хотя грамматически / семантически они соответствуют остиновским перформативным действиям. Помимо этикетизации снижению фактогенной функции дискурса способствует его карнавализация, т.е. «переворачивание» дискурсивных ценностей и иллокуций, облечение юмористического содержания в привычную (неюмористическую) форму.

Глава 4. Стратегическая перформативность как тип дискурсивной перформативности в узком понимании

Данная глава посвящена изучению седьмого конститутивного признака дискурсивной перформативности – стратегичности. Стратегичность дискурсивной перформативности заключается в системе способов коммуникативного осуществления поступка.

Под коммуникативной стратегией в широком смысле понимается тип коммуникативного поведения говорящего, направленного на реализацию глобальных и локальных целей общения [Макаров 2003: 193-194]. С функциональной точки зрения О.С. Иссерс выделяет основные стратегии (семантические, когнитивные), являющиеся наиболее значимыми для говорящего в плане иерархии его мотивов и целей, и вспомогательные стратегии, способствующие эффективной организации диалогового взаимодействия и оптимальному действию на адресата. К вспомогательным относятся следующие стратегии: прагматическая (служащая для построения имиджа, формирования эмоционального настроения), диалоговая (используемая для мониторинга темы, инициативы, степени понимания в процессе общения), риторическая (помогающая в привлечении внимания и драматизации) [Иссерс 1999b: 108].

Коммуникативные стратегии реализуются с помощью тактик [Иссерс 1999b: 111]. В определенных случаях стратегии могут выступать в качестве тактик. Такая относительность понятий «стратегия» и «тактика» обусловлена характером интенций говорящих: если интенции носят глобальный характер, то, по мнению В.И. Карасика, имеются в виду стратегии дискурса, внутренне присущие ему; если же речь идет о частных интенциях в рамках того или иного речевого жанра, то говорят о локальных стратегиях, или о коммуникативных тактиках [Карасик 2002а: 83].

Под стратегическим перформативным дискурсом мы понимаем языковое воплощение поступка. Трактовка перформативного дискурса как

коммуникативного поступка отражает его узкое понимание, противопоставленное широкому пониманию, при котором перформативный дискурс противопоставляется неперформативному (нарративному, дескриптивному, миметическому).

Мы называем исследуемый вид дискурса стратегическим, поскольку с функциональной точки зрения он классифицируется на группы, обслуживаемые той или иной перформативной стратегией: устанавливающей, подтверждающей, трансформирующей, оспаривающей. В данном случае развивается идея В.И. Тюпы о четырех способах перформативного статуса субъектного, объектного или адресатного аспектов коммуникации - установлении, уточнении, оспаривании и трансформации [Тюпа 2013: 37].

Реализация перформативных стратегий обусловлена определенными социальными или коммуникативными нормами и ценностными доминантами лингвокультуры, которые в свою очередь задают тот или иной сценарий реализации стратегической перформативности. Успешность либо неуспешность реализации зависит от коммуникативной компетенции говорящих, а именно, от того, насколько они осведомлены о существующих социальных и коммуникативных нормах и лингвокультурных ценностях⁸.

4.1. Виды перформативных стратегий, тактик, сценариев

Устанавливающая перформативная стратегия действует в векторах «субъект – объект⁹ - субъект», «субъект – объект» и «субъект – объект - адресат» и обслуживает как институциональную, так персональную сферу общения. Устанавливающая стратегия направлена на статусное

⁸ Данная идея перекликается с теорией «стратегической интеракции» И. Гоффмана (strategic interaction), согласно которой в коммуникации, как игре, коммуникативное поведение одного участника задается поведением другого, причем данный факт осознается обоими коммуникантами [Goffman 1969].

⁹ Под объектом мы понимаем текст.

самоопределение и/или статусное распределение (распределение социальных и коммуникативных ролей).

В векторе «субъект – объект – субъект» устанавливающая стратегия реализуется по следующему сценарию:

Я говорю X,

X является одновременно действием,

говоря = делая X, я определяю собственный социальный / коммуникативный статус как доминирующий либо недоминирующий,

говоря = делая X, я возлагаю ответственность на себя за последствия статусного самоопределения.

Неправильно было бы полностью исключать адресата из данной векторной плоскости: адресат может быть конкретным лицом или группой лиц; адресат также может быть имперсональным, однако он не является определяющим элементом в данном акте коммуникации.

Реализация устанавливающей стратегии в векторе «субъект – объект – субъект» в случае установления доминирующего статуса возможна благодаря норме состязательности в социальных отношениях и ценности победы в состязании сильнейшего участника.

Понятие «состязательность» находит одинаковое отражение в лексической системе русского и английского языков: «состязательность» / «contention». В лексико-семантических полях «состязательность» / «contention» выделяются аналогичные семантические единицы: (состязание и сражение) «соперничество, конкуренция» / «competition, rivalry», «соревнование» / «contest», «сражение» / «fight», объединенные признаком «стремление к превосходству над кем-чем-л.». Различие в данном синонимическом ряду отмечено по признакам «характер состязательности» и «цель состязательности»: «состязание», «соперничество», «соревнование» - действия по соответствующим глаголам – «стараться превзойти кого-что-н. в каком-н. отношении»; «сражение» - действие по соответствующему глаголу – «вести бой, принимать участие в сражении, биться, драться с оружием в

руках», «бороться, решительно противодействовать, сопротивляться чему-л.» (перен., книжн. устар.), «состязаться, играть во что-н. с азартом» (перен., разг. шутил.).

С.М. Воронина видит принципиальные оценочные расхождения между русским и английским понятиями состязательности в мотивации соревнования, а именно – в семантике вызова к противоборству. Так, в русской лингвокультуре вызов является выражением протеста, поэтому ассоциируется с враждой, несогласием и сопровождается отрицательными эмоциями. В английской лингвокультуре вызов к противоборству воспринимается как возможность проявить свои лучшие качества, показать себя искателем приключений [Воронина 1996].

Что касается ценностных характеристик победы, то в русской лингвокультуре они обусловлены связанной с ней идеей успеха, достигнутого в результате определенных усилий. В семантике русского слова «победа» четко прослеживается идея активной деятельности, направленной на достижение победы: «добиться успеха / победы», «достичь победы», «одержать (взять) верх», «взять перевес»; «возобладать», «сладить», «справиться с кем-либо»; «побить рекорд», «получить (отбить у кого-либо) пальму первенства». В то же время в семантике слова «поражение» превалирует идея фатальности, зависимости от случая: «потерпеть поражение / провал / неудачу», «провалиться».

В целом русской лингвокультуре присуща оппозитивная оценочность результатов любого состязания, что отражено в антонимической паре «выигрыш – проигрыш». Для английской лингвокультуры характерна континуальная оценочность результатов состязательной деятельности: в английском языке наряду с полярной оценкой «win – defeat» / «победа – поражение» существует нейтральная в эмоциональном и стилистическом планах оценка «to earn / to gain – to lose»:

'Let us weigh the gain and loss,' he quoted, 'in wagering that God is, let us estimate these two chances. If you gain, you gain all; if you lose, you lose nothing.'

– *Давайте поспорим на победу или поражение, что Бог есть, давайте рассмотрим такую альтернативу: если Вы выигрываете, Вы выигрываете все, если проигрываете, то ничего не теряете* (G. Greene «The Quiet American»).

В случае установления недоминирующего статуса субъекта реализация устанавливаемой стратегии в данном векторе возможна благодаря норме проигрыша в честном состязании и таким ценностям, как умение проигрывать и чистосердечное признание вины.

Для русской лингвокультуры характерно шадящее отношение к побежденному, объясняемое, по выражению Е.И. Шейгал, «особым статусом милосердия как православной добродетели» [Шейгал 2006: 27], и, напротив, некоторое неприятие победителя, наилучшим образом отраженное в поговорке «*Дуракам везет*». В английской лингвокультуре отражено равнозначное отношение к победителю и побежденному: с одной стороны, преимущество победителя не подвергается сомнению, о чем свидетельствует, в частности, прецедентное название песни группы «АВВА» - «*The winner takes it all*» / «Победителю достается все», а с другой стороны, положительно оценивается способность «сохранять лицо» при поражении – «*to be a good loser*» / «не унывать при поражении» (vs. «*bad / sore loser*» / «тот, кто не умеет достойно проигрывать»).

Ценность чистосердечного признания вины, отраженная в высказывании «*Чистосердечное признание смягчает наказание*», имеет юридическое закрепление в правовых документах. Так, в Уголовном кодексе РФ предусмотрено соглашение о досудебном сотрудничестве со следствием (глава 40.1). Как отмечает адвокат С.Н. Головин, цель, преследуемая подозреваемым / обвиняемым при заключении соглашения о сотрудничестве, в нормах главы 40.1 УПК РФ прямо не указана, «однако ее можно сформулировать следующим образом: получить минимально возможное наказание, наиболее мягкий его вид в обмен на предоставление правоохранительным органам значимой информации для осуществления

уголовного преследования лиц, виновных в совершении преступлений» [Головин www]. Аналогичные правовые институты существуют и в англо-американской правовой системе, где сделки о признании вины обозначаются терминами «*pleabargain (pleabargaining)*» / «заявление о сделке», «*pleaagreement (pleadeal)*» / «соглашение о сделке» [Иванов 2012: 282].

Ситуация выбора в обоих случаях обусловлена готовностью (желанием) / неготовностью (нежеланием) субъекта брать на себя ответственность за последствия статусного самоопределения.

Устанавливающая стратегия в векторе «субъект – объект - субъект» реализуется посредством **тактики субъектной идентификации** в декларативных и экспрессивных высказываниях (самопровозглашение, самоустранение от власти, объявление об отставке, лозунг-объявление о своей победе / поражении, признание виновности, восклицание о своей победе / поражении, похвальба).

В векторе «субъект – объект» устанавливающая стратегия реализуется по следующему сценарию:

Я говорю X,

X является одновременно действием,

говоря = делая X, я устанавливаю статус объекта как определяющий фактор для моего социального / коммуникативного статуса,

говоря = делая X, я возлагаю ответственность на себя за последствия статусного определения.

Объект может действовать как ограничитель поведения субъекта в виде различных обязательств, которые субъект берет на себя и которые обязуется выполнить. Реализация устанавливающей стратегии в этом случае возможна благодаря ценности выполнения обязательств, что отражено в следующих прецедентных высказываниях: «Уговор дороже денег», «Не давай слова, крепись, а давай слово, держись», «Заручился, как головою приложился» (русские пословицы), «*Be slow to promise and quick to perform*» / «Обещай

медленно, выполняй быстро», «*Better deny at once than promise long*» / «Чем все время обещать, лучше сразу отказать» (английские пословицы).

Ситуация выбора обусловлена готовностью (желанием) / неготовностью (нежеланием) субъекта брать на себя ответственность за выполнение взятых на себя обязательств.

Устанавливающая стратегия в векторе «субъект – объект» с ограничительным действием объекта реализуется посредством *лимитирующей тактики* в комиссивных высказываниях (обещание, гарантия, клятва, пари, соглашение, договор).

Объект в рассматриваемом векторе может также иметь противоположное экспансивное действие, которое заключается в наделении субъекта дополнительными полномочиями и правами и реализуется посредством *экспансивной тактики*, опираясь на ценность прав и свобод человека, гарантированных государством, что отражено в его конституции. В институциональном общении экспансивная тактика объективируется в виде декларации независимости или декларации прав, а в персональном общении – в заявлениях подобного рода: «*Я уже взрослый и у меня тоже есть права!*» (слова ребенка, обращенные к родителям).

Вектор «субъект – объект - адресат» при реализации устанавливающей стратегии является нисходящим. Реализация данной стратегии здесь происходит по следующему сценарию:

Я, имея доминирующий социальный / коммуникативный статус, говорю X,

X является одновременно действием,

говоря = делая X, я подтверждаю собственный доминирующий статус и определяю статус того, кому адресовано действие X, как недоминирующий,

говоря = делая X, я возлагаю ответственность на себя и на адресата за последствия статусного подтверждения и распределения.

Субъект в данной векторной плоскости занимает более высокое по отношению к адресату социальное положение либо играет доминирующую коммуникативную роль. Ситуация выбора обусловлена способностью (желанием) / неспособностью (нежеланием) субъекта брать на себя ответственность за последствия тех действий, которые выполняет (или не выполняет) адресат в статусе, установленном субъектом. Эффективность устанавливающей стратегии в нисходящем векторе «субъект – адресат» достигается соблюдением норм иерархического взаимодействия, где один элемент доминирует над другим: начальник над подчиненным, старший над младшим, опытный над неопытным и т.п. В русской лингвокультуре постулируется и неизбежность иерархического подчинения («Где ни жить, не миновать служить», «Где ни жить - одному царю служить»), и гегемония начальства («Артель атаманом крепка», «Без пастуха овцы не стадо», «Без столбов и забор не стоит», «Веник в бане всем господин», «Хоть мочальник, да твой начальник»). В английской лингвокультуре утверждается необходимость вести себя сообразно социальному статусу («Don't keep a dog and bark yourself» / «Если держишь собаку, сам не лай»).

Устанавливающая стратегия в нисходящем векторе «субъект – объект - адресат» реализуется посредством **тактики адресатной идентификации**, которая позволяет субъекту высказывания осуществлять полномочные функции и/или реализовывать свой авторитет (назначение на должность, присуждение ученой степени, объявление победителей конкурса, вынесение судебного приговора, предъявление обвинения).

Подтверждающая перформативная стратегия реализуется в векторе «субъект – объект - адресат», который может быть нисходящим, восходящим либо прямым, в зависимости от чего варьируется сценарий ее реализации.

В нисходящем векторе «субъект – объект - адресат» реализуется **тактика доминирующего субъектного позиционирования** по следующему сценарию:

Я, имея доминирующий социальный / коммуникативный статус, говорю X,

X является одновременно действием,

говоря = делая X, я подтверждаю собственный статус как доминирующий, а статус того, кому адресовано действие X, как недоминирующий,

говоря = делая X, я возлагаю ответственность на себя и на адресата за последствия статусного подтверждения.

Субъект в данной векторной плоскости занимает более высокое по отношению к адресату социальное положение либо играет доминирующую коммуникативную роль. Ситуация выбора обусловлена способностью (желанием) / неспособностью (нежеланием) субъекта брать на себя ответственность за последствия тех действий, которые выполняет (или не выполняет) адресат в статусе, подтвержденном субъектом. Реализация директивной тактики возможна благодаря норме подчинения в иерархическом взаимодействии и ценности авторитета: «Приказы начальства не обсуждаются, а исполняются», «Старших надо слушать», «За недослух бьют, за переслух и воз навьют», «Наказом воевода крепок», «Повиновение начальству - повиновение богу», «Послушание паче поста и молитвы».

Тактика доминирующего субъектного позиционирования объективируется в форме директивных высказываний: директивно-инъюктивных (приказы, требования), директивно-суггестивных (советы, предупреждения), директивно-инструктивных (предписания, инструкции), директивно-пермиссивных (разрешения), директивно-прохибитивных (запреты)¹⁰.

¹⁰ Второй элемент в названиях некоторых высказываний – «директивно-инъюктивная», «директивно-суггестивная», «директивно-инструктивная» и т.д. - соответствует названию типов речевых действий в классификации А.А. Романова, которых он выделяет 14: комиссивы, экспозитивы, пермиссивы, сатисфактивы, регламентативы, инъюктивы,

В восходящем векторе «субъект – объект - адресат» реализуется **тактика недоминирующего субъектного позиционирования** по следующему сценарию:

Я, не имея доминирующего социального / коммуникативного статуса, говорю X,

X является одновременно действием,

говоря = делая X, я подтверждаю свой недоминирующий статус и апеллирую к более высокому социальному / коммуникативному статусу того, кому адресовано действие X,

говоря = делая X, я способствую тому, что адресат берет на себя ответственность за последствия моего действия.

Субъект в данной векторной плоскости занимает более низкое по отношению к адресату социальное положение либо играет недоминирующую коммуникативную роль. Ситуация выбора обусловлена готовностью (желанием) / неготовностью (нежеланием) субъекта способствовать тому, чтобы адресат взял на себя ответственность за последствия тех действий, которые выполняет субъект. Эффективность реализации тактики недоминирующего субъектного позиционирования достигается соблюдением нормы ответственности, которой наделяется адресат в силу своего более высокого статуса или доминирующей коммуникативной роли. В русской лингвокультуре это «негласное соглашение» адресанта и адресата о перекладывании ответственности с одного на другого отражено в пословицах *«Первый в совете, и первый в ответе», «Твой приказ, так не мой и ответ».*

Тактика недоминирующего субъектного позиционирования реализуется посредством апеллятивов - официальных / неофициальных обращений реквестивного характера (заявление-запрос, заявление-просьба, докладная записка, судебный иск, жалоба, претензия, молитва).

В прямом (реже - нисходящем / восходящем) векторе «субъект – объект – адресат» реализуются **тактики дружественного позиционирования** и **конфронтационного позиционирования** по следующему сценарию:

Я говорю X,

X является одновременно действием,

говоря = делая X, я сохраняю отношения с тем, кому адресовано действие, как стабильно хорошие / плохие,

говоря = делая X, я беру на себя ответственность за последствия своего действия.

Субъект и адресат в данном векторе могут иметь как равнозначный социальный / коммуникативный статус (прямой вектор), так и неравнозначный (нисходящий / восходящий вектор).

Тактика дружественного позиционирования основана на нормах сотрудничества и комфортного общения как условиях достижения нужного результата в общем деле или поддержания стабильно хороших отношений между партнерами, друзьями, родственниками и т.п. Реализация тактики дружественного позиционирования также обусловлена ценностью таких понятий, определяющих характер взаимоотношений, как взаимоуважение, взаимопомощь, взаимовыручка и т.п.: «*Один в поле не воин*», «*Кто друг другу помогает, тот врага одолевает*» (русские пословицы), «*He that respects not is not respected*» / «Того не уважают, кто не уважает других» (английская пословица).

Тактика конфронтационного позиционирования, наоборот, основана на антинормах конфликтного взаимодействия и некомфортного общения как препятствий для достижения нужного результата в общем деле или поддержания стабильно хороших взаимоотношений. Тактика конфронтационного позиционирования оправдывается ценностью конфликта как неотъемлемой части взаимоотношений или как испытания их на прочность: «*Милые бранятся – только тешатся*» (русская пословица),

аналогичная пословица в английском языке - «*All lovers under the sun quarrel just for love of fun*».

Ситуация выбора в обоих случаях – сотрудничества и конфронтации - обусловлена готовностью / неготовностью адресанта, с одной стороны, пожертвовать собственными интересами ради общих, а с другой стороны – взять на себя ответственность за свои действия.

Обе тактики реализуются посредством одних и тех же речевых действий, только с противоположным оценочным знаком, например: если тактика сотрудничества реализуется посредством сатисфактивов со знаком «+» (похвала, комплимент), то тактика конфронтации реализуется посредством сатисфактивов со знаком «-» (упрек, оскорбление). Среди других высказываний с противоположным оценочным знаком можно выделить следующие: экспозитивы со знаком «+» (разъяснение), экспозитивы со знаком «-» (угроза); вердиктивы со знаком «+» (выражение положительного отношения к адресату), вердиктивы со знаком «-» (выражение отрицательного отношения к адресату).

Кроме этого, тактика дружественного позиционирования реализуется посредством регламентативов, или формул социального этикета (приветствие, прощание, извинение, благодарность, поздравление, соболезнование, принятие приглашения / отказ от приглашения). Намеренное опущение регламентативов может быть признаком конфронтационного настроения.

Оспаривающая перформативная стратегия действует в коммуникативных векторах «субъект – объект – адресат» и «субъект – объект – субъект». Оспаривающая перформативная стратегия в векторе «субъект – объект – адресат» реализуется по следующему сценарию:

Я говорю X,

X является одновременно действием,

говоря = делая X, я дискредитирую / реабилитирую статус того, кому адресовано действие X,

я несу ответственность за последствия дискредитации / реабилитации статуса адресата.

Оспаривающая стратегия в векторе «субъект – объект – адресат» обслуживает сферу институционального и персонального общения и направлена на демонстрацию субъектом сомнения в том или ином аспекте адресатного статуса: в объективности/необъективности или ложности/истинности излагаемой им информации, в доминирующей/недоминирующей роли его статуса.

Название рассматриваемой стратегии имеет общеславянский корень *спор*, означающий «словесное состязание при обсуждении чего-нибудь», устаревшие значения – «борьба», «схватка». По данным «Этимологического словаря русского языка» Г.П. Цыганенко, современное слово «спор» развилось из древнерусского *съпоръ* «несогласие», «противоречие», «тяжба» вследствие редуцирования *s*, *ъ* и видоизменения значения. Древнерусское *съпоръ* образовано с помощью темы *-ъ* от глагола *съпер(е)ти* «совместно переть, натискивать или, наоборот, сдерживать друг друга» (ср. укр. *спёрти*, *спирати* «упирать, сдерживать, теснить»; рус. диал. *спереть*, *спирать* «сдвигать с места упором, сжимать напором»). Возможно также, что древнерусское *съпоръ* развилось из прежнего существительного *слпоръ* «спор, препирание», образованного с помощью приставки *ел-* от *поръ*, производного от глагола *перти* «переть», сохранившегося в украинском языке *пёрти* «переть, напирать». В словаре также проводится аналогия с древнерусским глаголом *пърети* «давить, упираться во что-либо», и с украинским *суперёка* (с приставкой *су-*) – «спор, несогласие». От существительного *споръ* с помощью суффиксов *-и-ти* произведен глагол *спорити* «спорить», «вести спор», «возражать кому-либо, доказывая что-либо» (ср. в рус. диал. от *супор* – *супорный* «упорный, строптивый», *супорить* «спорить, противиться») [Цыганенко 1989].

Этимология имени изучаемой перформативной стратегии позволяет утверждать, что ее реализация обусловлена нормой права на изложение

субъективной точки зрения и ценностью свободы слова: «*Сколько людей, столько мнений*» (русская поговорка), аналогичные поговорки в английском языке - «*So many men, so many minds*», «*There are two sides to every question*», «*Opinions differ*». Как видно из сценария, языковой реализацией оспаривающей стратегии являются тактики дискредитации / реабилитации.

Манифестация **дискредитирующей / реабилитирующей тактик** осуществляется посредством экспозитивных высказываний (возражение, спор) и некоторых апеллятивов (вызов на дуэль, вызов на заключение пари).

В векторе «субъект – объект – субъект» оспаривающая стратегия реализуется по похожему сценарию:

Я говорю X,

X является одновременно действием,

говоря = делая X, я дискредитирую / реабилитирую собственный статус,

я несу ответственность за последствия дискредитации / реабилитации собственного статуса.

Семантику оспаривающей стратегии в данном векторе можно отразить по-разному: а) «Говоря X, я дискредитирую кого-либо, но реабилитирую себя, и наоборот»; б) «Говоря X, я дискредитирую и себя, и кого-нибудь еще»; в) «Говоря X, я реабилитирую и себя, и кого-нибудь еще»; г) «Говоря X, я дискредитирую / реабилитирую только себя».

Оспаривающая стратегия в векторе «субъект – объект – субъект» действует в сфере как институционального, так и персонального общения. В институциональном дискурсе ее реализация обусловлена нормой выполнения профессиональных обязательств (защитительная речь адвоката, обвинительная речь прокурора).

В персональном дискурсе в случае реализации **реабилитирующей тактики** (самооправдание или оправдание кого-либо) данная стратегия обусловлена ценностью «сохранения лица» говорящего или собеседника. В случае реализации **дискредитирующей тактики** в персональном дискурсе

(раскаяние, самообвинение) оспаривающая стратегия опирается, главным образом, на такие ценности, как честность и чистая совесть: «*Честное здравствование сердцу на радость*», «*Честные глаза вбок не глядят*» (русские пословицы), «*A quiet conscious sleeps in thunder*» / «С чистой совестью и в грозу спится», «*A clear conscience laughs at false accusations*» / «Чистая совесть смеется над клеветой» (английские пословицы).

Трансформирующая перформативная стратегия реализуется в векторе «субъект – объект - адресат» по следующему сценарию:

Я говорю X,

X является одновременно действием,

говоря = делая X, я улучшаю / ухудшаю отношения с тем, кому адресовано действие X,

я несу ответственность за трансформацию отношений с адресатом как следствие моего действия.

Трансформирующая стратегия направлена на демонстрацию субъектом изменения в отношениях с адресатом (улучшения либо ухудшения). Как правило, данная стратегия обслуживает сферу персонального общения, но может использоваться и в институциональном общении, если его участники «переходят на личности». Ситуация выбора обусловлена готовностью / неготовностью субъекта взять на себя ответственность за любое изменение во взаимоотношениях с адресатом, вызванное действием субъекта.

Показателем улучшения отношений с адресатом является **тактика мелиоративно-ориентированного позиционирования** (от англ. *ameliorate* – «улучшать»). Ее реализация обусловлена нормой прекращения конфликта для обеспечения благоприятного взаимодействия, а также ценностью бесконфликтного общения: «*Чем сердиться, так лучше помириться*», «*Плохой мир лучше доброй ссоры*» (русские пословицы), аналогичная пословица в английском языке – «*A bad compromise is better than a good lawsuit*».

Показателем ухудшения отношений с адресатом является *тактика детериоративно-ориентированного позиционирования* (от англ. *deteriorate* – «ухудшать»), реализация которой обусловлена антинормой провоцирования и развязывания конфликта для прекращения благоприятного взаимодействия, а также антиценностью конфликтного общения: «*Ссора до добра не доводит*», «*Не будет добра, коль меж своими вражда*» (русские пословицы).

Тактики мелиоративно- и детериоративно-ориентированного позиционирования объективируются в речи в виде тех же высказываний, которые объективируют тактики дружественного и конфронтационного позиционирования в подтверждающей стратегии (сатисфактивы, экспозитивы, вердиктивы со знаком «+» или «-», регламентативы). Различия их состоят в ситуации использования: в случае сотрудничества / конфронтации они используются постоянно, что и позволяет охарактеризовать ситуацию как мирную либо конфликтную; мелиоративная и детериоративная тактики создают переходную ситуацию (от мира к войне и наоборот). Кроме этого, мелиоративно-ориентированная тактика объективируется в виде объявлений о прекращении конфликта, а детериоративно-ориентированная тактика – в виде объявлений о начале конфликта.

Итак, стратегический перформативный дискурс классифицируется на группы, обслуживаемые устанавливающей, подтверждающей, трансформирующей и оспаривающей перформативными стратегиями. В каждой из них в зависимости от коммуникативно-векторной направленности можно выделить ряд тактик. Реализация перформативных стратегий обусловлена определенными социальными или коммуникативными нормами и ценностными доминантами лингвокультуры.

4.2. Стратегическая перформативность в юридическом дискурсе

Коммуникативные поступки в юридическом дискурсе осуществляются посредством устанавливающей, подтверждающей и оспаривающей перформативных стратегий.

Устанавливающая стратегия реализуется посредством лимитирующей тактики (в векторе «субъект – объект») в комиссивных высказываниях (гарантия, письменно заключенное пари, соглашение, договор).

Примером реализации лимитирующей тактики является письменная форма пари. Письменно заключенное пари, или пари-договор (wagering contract), представляет собой серьезную социальную акцию, внося существенные изменения в ситуацию общения: участники пари подписывают официальный документ и оказываются связанными со сферой официально-деловых отношений.

Пари-договор оформляется в соответствии с нормами деловой документации: участники договора именуется сторонами, дают свои реквизиты, причем в отношении набора реквизитов и их последовательности действует жесткое ограничение. Приведем образец такого документа (<http://www.locks.ru>):

Договор - пари

«___» _____ 200__ г.

Санкт-Петербург

Мы, стороны по настоящему договору

Гр. РФ _____, паспорт _____ выдан _____,

зарегистрированный по адресу: _____, именуемые далее

«Сторона 1» и

Гр. РФ _____, паспорт _____ выдан _____,

зарегистрированный по адресу: _____, именуемые далее

«Сторона 2», совместно именуемые «Стороны» заключили настоящий договор-пари о нижеследующем.

Далее в строгой последовательности излагаются условия договора. Данный пари-договор состоит из пяти пунктов: 1) предмет пари; 2) место проведения; 3) организация проведения; 4) разрешение споров; 5) особые условия. В каждом пункте в свою очередь выделяются конкретизирующие условия. Рассмотрим один из них:

1. Предмер пари.

1.1. «Сторона 1» предоставляет «Стороне 2» цилиндры фирмы «ASIX» и цилиндры фирмы «ASTRAL» в количестве 10 штук каждого наименования, «Сторона 2» производит вскрытие 3-х из десяти цилиндров каждого наименования с помощью «Бампинг ключа». Время вскрытия одного цилиндра не более 30 минут.

1.2. При вскрытии более 3-х цилиндров «Сторона 1» выплачивает приз в размере 1000 рублей за каждый дополнительно вскрытый цилиндр фирмы «ASIX» и 3500 рублей фирмы «ASTRAL».

Устанавливающая стратегия реализуется также посредством тактики адресатной идентификации (в нисходящем векторе «субъект – объект – адресат») в таких речевых жанрах, как вынесение судебного приговора и предъявление обвинения.

Подтверждающая стратегия в юридическом дискурсе реализуется в восходящем векторе «субъект – объект – адресат» посредством тактики недоминирующего субъектного позиционирования в таких жанрах, как судебный иск и претензия в вышестоящие органы.

Рассмотрим пример заявления о мошенничестве в прокуратуру, размещенном на сайте Бюро Адвокатов (<http://prokurors.ru>). Независимо от содержания заявления, в его основном тексте выделяются три части. В первой части излагаются факты, составляющие предысторию заявления:

«_» ____ 20__ года между мной и ____ (указать застройщика) был заключен договор ____ (указать вид договора) №__. <далее прописаны условия договора>.

Вторая часть содержит текст жалобы (претензии):

Считаю, что ____ (указать наименование) совершило мошеннические действия, которые заключались в следующем: ____ (подробно описывается ситуация).

В третьей части излагается просьба, выраженная перформативным глаголом:

На основании вышеизложенного, руководствуясь ст.ст. __, __ УПК РФ, в соответствии со ст. __ ФЗ «О прокуратуре РФ»,

ПРОШУ:

1. ____;

2. ____;

3. *Письменный ответ о принятых мерах прокурорского реагирования направить в мой адрес в срок, установленный ФЗ «О прокуратуре РФ».*

Из данного заявления видно, что адресант возлагает ответственность на адресата, обладающего необходимыми полномочиями, за принятие просьбы и реагирование на нее; для этого используется клишированный императив, выраженный инфинитивом («направить»), и хронотопный ограничитель («в мой адрес в срок, установленный ФЗ “О прокуратуре РФ”»).

Оспаривающая перформативная стратегия реализуется в юридическом дискурсе посредством дискредитирующей / реабилитирующей тактик в защитительной и обвинительной речах.

Адвокатская речь разворачивается в ситуации лично обусловленного волевого и ответственного решения отстаивать права подзащитного. Выполняя свои функции по защите клиента (в терминологии А.А. Солдатовой [2013] они называются базовыми стратегиями адвоката), - *контролирующую* (осуществление контроля за соблюдением принципов правосудия и предупреждение незаконных действий или решений органа, осуществляющего расследование), *состязательную* (отстаивание права подзащитного) и *функцию социально-психологической поддержки* (восстановление индивидуальных и личностных качеств обвиняемого с тем, чтобы тот мог самостоятельно справиться с обращёнными к нему

социальными требованиями и воздерживался от любых форм отклоняющего поведения), - адвокат реабилитирует не только подзащитного, но и самого себя, свой коммуникативный статус, поскольку изначально позиция адвоката в суде подвергается сомнению со стороны обвинения. То же самое можно сказать о позиции обвинителя, которая подвергается сомнению со стороны адвоката. С этой точки зрения, обвинитель, дискредитируя обвиняемого, реабилитирует себя.

Адвокат осуществляет защиту посредством специализированной тактики оправдания.

В «Толковом словаре русского языка» Д. Ушакова приводятся следующие определения глагола «оправдать» с управлением «кого-что»: 1. Признать правым, поступившим правильно. 2. Признать невиновным, не заслуживающим наказания, кары. 3. Признать при известных условиях допустимым, возможным, счесть извинительным, заслуживающим снисходительного отношения [Ушаков 1996].

Тактику оправдания подзащитного как признания его правоты и правильности поступка (1-ое значение глагола «оправдать») находим в речи адвоката, подзащитным которого является редактор журнала «Hustler», напечатавший рекламу с изображением Джерри Фалвелла, основателя одной влиятельной политической группы, нашедшего в ней подрывающий его репутацию контекст:

Isaacman: Hustler has every right to say that somebody who's out there campaigning against it, saying don't read our magazine, and we're poison on the minds of America, and don't engage in sex outside of wedlock, and don't drink alcohol – Hustler has every right to say that <...>. And that's what this ad parody says. And the first part of the ad parody does – it puts him in a ridiculous setting. Instead of Jerry Falwell speaking from the television with a beatific look on his face and the warmth that comes out of him, and the sincerity in his voice – and he is a terrific communicator – and he's standing on a pulpit, and he may have a Bible in his hand – instead of that situation, Hustler is saying, "Let's deflate this

stuffed shirt, let's bring him down to our level, or at least to the level where he will listen to what we have to say. - «Хастлер» имеет полное право говорить, что всякий может выступить против этой кампании, советуя не читать наш журнал, и что мы отравляем умы американцев, и что нельзя вступать во внебрачную сексуальную связь, нельзя употреблять алкоголь – «Хастлер» имеет полное право так говорить <...> И именно это говорится в рекламной пародии. И в первой части рекламной пародии это делается: Фалвелла ставят в неловкую ситуацию. Вместо того чтобы позволить Фалвеллу выступить на телевидении с блаженным взглядом, теплотой, исходящей от него, искренностью в голосе – а ведь он изумительный оратор, который может стоять на трибуне с Библией в руке – вместо этого «Хастлер» говорит: «Давайте выпустим пар из этого напыщенного ничтожества, давайте опустим его до нашего уровня или хотя бы до того уровня, когда он сможет выслушать то, что мы хотим сказать» (Hustler Magazine, Inc. v. Falwell // The First Amendment).

Адвокат явно оправдывает поступок редактора. Он заявляет это прямо (*Hustler has every right to say that*), провозглашая тем самым ценность свободы слова. Адвокат одобряет стремление редактора журнала разоблачить Фалвелла. Интерпретируя посыл редактора, адвокат использует метафорический перифраз (*Let's deflate this stuffed shirt*), анафорическую параллельную конструкцию (*Let's deflate, let's bring*) и анадиплозис (...*to our level, or at least to the level...*). Кроме этого, адвокат косвенно оправдывает своего подзащитного, критикуя Джерри Фалвелла посредством иронии (*Instead of Jerry Falwell speaking from the television with a beatific look on his face and the warmth that comes out of him, and the sincerity in his voice – and he is a terrific communicator – and he's standing on a pulpit, and he may have a Bible in his hand*).

Нам представляется, что тактика оправдания подзащитного может быть направлена и на признание его поступка допустимым и возможным при

известных обстоятельствах, заслуживающим снисходительного отношения (в этом случае глагол «оправдать» выступает в 3-ем значении).

Тактика оправдания подзащитного с этой точки зрения является, на наш взгляд, одной из главных тактик в речи адвоката Белнепа в романе Т. Драйзера «Американская трагедия». Одним из способов реализации данной тактики является выявление слабых сторон характера подзащитного, его моральной незрелости:

Gentlemen of the jury, the individual who is on trial here for his life is a mental as well as a moral coward - no more and no less - not a downright, hardhearted criminal by any means. Not unlike many men in critical situations, he is a victim of a mental and moral fear complex. Why, no one as yet has been quite able to explain. We all have one secret bugbear or fear. And it is these two qualities, and no others, that have placed him in the dangerous position in which he now finds himself. It was cowardice, gentlemen - fear of a rule of the factory of which his uncle is the owner, as well as fear of his own word given to the officials above him, that caused him first to conceal the fact that he was interested in the pretty country girl who had come to work for him. And later, to conceal the fact that he was going with her. - Господа присяжные! Тот, кого вы здесь судите и чья жизнь в ваших руках, - трус, личность умственно и нравственно малодушная, - не более и не менее, но отнюдь не закоренелый жестокосердный преступник. Подобно многим людям, оказавшимся в критическом положении, он стал жертвой особого сочетания страха – страх поразил и ум его и душу. Причины этого явления еще никто не сумел как следует объяснить. У всех нас есть свои тайные страхи, свои пугала. И не что иное, как это особенности его характера, поставили его теперь в столь опасное положение. Джентльмены, именно трусость, страх перед правилами, установленными на фабрике дяди, равно как и боязнь нарушить слово, данное фабричному начальству, - вот причина, заставившая его скрывать сначала свой интерес к хорошенькой девушке, которая стала

работать в его отделении, а позднее – скрывать знакомство с ней. (Т. Dreiser «An American Tragedy» / Пер. с англ. З. Вершининой и Н. Галь).

В данном примере Белнеп оправдывает своего подзащитного тем, что тот является моральным трусом, а не жестоким преступником (*antithesis mental as well as a moral coward - no more and no less - not a downright, hardhearted criminal by any means* употребляется здесь, чтобы показать, что в сравнении с жестоким преступлением малодушие не так чудовищно, как кажется). Адвокат проводит параллель между трусливым поведением Клайда и аналогичным поведением многих других людей в критических ситуациях (*Not unlike many men in critical situations, he is a victim of a mental and moral fear complex.*), пытаясь даже вызвать жалость к ним, поскольку они становятся жертвами собственных страхов, жертвами своих комплексов (намекая, по-видимому, на отсутствие их вины в этом). Белнеп даже прибегает к тактике солидаризации, отождествления и себя в том числе с такими людьми (*We all have one secret bugbear or fear.*).

Чтобы убедить присяжных, что Клайд не виноват в собственной трусости, адвокат использует эмфатические конструкции в двух предложениях: *And it is these two qualities, and no others, that have placed him in the dangerous position in which he now finds himself. It was cowardice, gentlemen - fear of a rule of the factory of which his uncle is the owner, as well as fear of his own word given to the officials above him, that caused him first to conceal the fact that he was interested in the pretty country girl who had come to work for him. And later, to conceal the fact that he was going with her.* Благодаря лексическому повтору слова *fear*, морфологическому повтору *coward* и *cowardice*, а также параллельной анафорической конструкции (*fear of a rule, fear of his own word*) в речи адвоката происходит апелляция к антиценностям (трусость, малодушие), которые определяют жизненные принципы подзащитного, хотя и не имеют прямого отношения к преступлению, в котором его обвиняют.

Тактика оправдания подзащитного может реализовываться посредством описания глубокого чувства, подтолкнувшего его поступить так, а не иначе. Адвокат Белнеп делает акцент на сильном любовном чувстве, которое Клайд испытывал к мисс X:

The prosecution charges, and we admit that such is the fact, that he had been so completely ensnared by this Miss X, and she by him, that he was willing and eager to forsake this first love who had given herself to him, for one who, because of her beauty and her wealth, seemed so much more desirable - even as to Roberta Alden he seemed more desirable than others. And if she erred as to him - as plainly she did - might not - might not he have erred eventually in his infatuated following of one who in the ultimate - who can say? - might not have cared so much for him. At any rate, one of his strongest fear thoughts at this time, as he himself has confessed to us, his counsel, was that if this Miss X learned that he had been up there with this other girl of whom she had not even so much as heard, well then, it would mean the end of her regard for him. - Мы признаем все это, и мы вполне готовы допустить, что он думал об этом или должен был думать. Как утверждает обвиняющая сторона (и мы также признаем это), он был совершенно увлечен и пленен этой мисс X, как и она им. Он готов был, он жаждал покинуть ради другой свою первую возлюбленную, которая отдалась ему, ибо красота и богатство делали в его глазах эту другую несравненно более желанной, так же как сам он казался Роберте Олден желаннее всех других. И если Роберта Олден ошиблась в нем, - а это явно так и было, - что же, разве не мог и он ошибаться в своем безрассудном влечении к той, которая в конце концов - как знать? - быть может, не так уж дорожила им... Во всяком случае, как он сам признался нам, своим защитникам, его в то время едва ли не больше всего пугала мысль, что если мисс X узнает о его поездке на озеро с девушкой, о которой она даже и не слыхала, тогда... ну, тогда, стало быть, конец ее вниманию к нему.

Для описания сильного чувства, которое Клайд Гриффитс испытывал к мисс X и которое, по убеждению Белнепа, должно послужить ему

оправданием, адвокат использует ряд приемов: метафору (*he had been so completely ensnared by this Miss X*) с интенсификатором *completely*; лексемы, передающие семантику сильного желания и чувства влюбленности (*willing and eager, infatuated*), повтор прилагательного *desirable* в сравнительной степени (проводится параллель между чувством Клайда к мисс X и аналогичным чувством Роберты к Клайду). Еще одна параллель между чувствами Клайда и Роберты проводится с помощью вопросительного предложения в сослагательном наклонении с использованием модального глагола *might* и смыслового глагола *err*, передающего семантику заблуждения. Адвокат, таким образом, ставит вопрос: если Роберта ошибалась в отношении Клайда, то почему и он не мог ошибаться в отношении мисс X? Другими словами, его заблуждение также может служить ему извинением. Риторический вопрос (*who can say?*), встроенный в структуру этого предложения-предположения, звучит как намек на то, что никто не имеет права осуждать молодого человека за его ошибку. Далее адвокат снова говорит о страхе Клайда – страхе потерять хорошее к себе расположение со стороны мисс X. Этот страх описан как самый сильный из всех его страхов с помощью прилагательного в превосходной степени (*his strongest fear thoughts*).

Еще одним способом реализации тактики оправдания подзащитного является позиционирование его как жертвы обстоятельств:

"Mind you, I am not seeking to flout or belittle or reflect in any way on this poor, dead girl. I am simply stating, as a matter of fact and of law, that this boy was not formally engaged to this dead girl. He had not given her his word beforehand that he would marry her . . . Never! There is no proof. You must give him the benefit of that. And only because of her condition, for which we admit he was responsible, he came forward with an agreement to marry her, in case . . . in case" (and here he paused and rested on the phrase), "she was not willing to release him. And since she was not willing to release him, as her various letters read here show, that agreement, on pain of a public exposure in Lycurgus,

becomes, in the eyes and words of the district attorney, an engagement, and not only that but a sacred engagement which no one but a scoundrel and a thief and a murderer would attempt to sever! - *Поймите, я никоим образом не хочу осмеять, унижить или опорочить несчастную погибшую девушку. Я просто заявляю, что в действительности, юридически и формально, этот юноша не был официально помолвлен с покойной. Он не обещал ей заранее, что женится на ней... Никогда не обещал! Нет никаких доказательств. Вы должны признать, что это говорит в его пользу. И только ввиду ее положения, ответственность за которое, мы это признаем, лежит на нем, он изъявил согласие жениться на ней в случае... в случае... (Белнеп помедлил и с ударением закончил), если она не пожелает дать ему свободу. А поскольку она не хотела отпускать его, как это видно из прочитанных здесь писем, его согласие, данное под страхом разоблачения и огласки в Ликурге, превращается у прокурора в помолвку, более того - в священное обязательство, нарушить которое способен только негодяй, вор и убийца.*

Адвокат Белнеп представляет подзащитного Клайда Гриффитса как жертву обстоятельств, утверждая, что тот не был официально помолвлен с Робертой Олден: он согласился жениться на ней, только если она не захочет отпустить его; она не хотела отпускать его, как это видно из писем, ему пришлось дать согласие под страхом разоблачения и огласки в Ликурге, и это данное им слово превратилось у прокурора в официальную помолвку, более того – в священное обязательство, которое нарушают лишь подлецы, воры и убийцы. Убедительность аргументов адвоката достигается посредством синонимического ряда слов и выражений с семантикой согласия жениться, создающего градацию: *not formally engaged - with an agreement to marry - an engagement - a sacred engagement*. С целью убеждения используются также апелляция к логике и здравому смыслу присяжных (*Mind you; You must give him the benefit of that.*) и антитеза (*I am not seeking to flout or belittle or reflect in any way on this poor, dead girl. I am simply stating...*). Эмоциональность речи придают следующие приемы: восклицательные предложения, в том

числе эллиптическое предложение (*Never! And since she was not willing to release him <...> which no one but a scoundrel and a thief and a murderer would attempt to sever!*), перечисление лексем с семантикой «преступник» в сочетании с фразеологическим оборотом *to sever a sacred engagement* в составе эмфатической конструкции *no one but*.

Следует отметить, что вне адвокатского дискурса речевой жанр «оправдание» может рассматриваться как преимущественно нарративный (неперформативный), реализующий, по словам К.Ф. Седова, субъектно-аналитическую стратегию разворачивания дискурса, поскольку представляет события через призму субъективно-авторского комментария к ним [Седов 2007: 23]. Однако благодаря институциональному характеру адвокатского дискурса оправдание подзащитного становится перформативным речевым жанром, транслируя данное свойство на весь дискурс.

Итак, в юридическом дискурсе действуют устанавливающая, подтверждающая и оспаривающая перформативные стратегии. Устанавливающая стратегия реализуется посредством лимитирующей тактики (в векторе «субъект – объект») в комиссивных высказываниях (гарантия, письменно заключенное пари, соглашение, договор). Устанавливающая стратегия реализуется также посредством тактики адресатной идентификации (в нисходящем векторе «субъект – объект - адресат») в таких речевых жанрах, как вынесение судебного приговора и предъявление обвинения. Подтверждающая стратегия в юридическом дискурсе реализуется в восходящем векторе «субъект – объект - адресат» посредством тактики недоминирующего субъектного позиционирования в таких жанрах, как судебный иск и претензия в вышестоящие органы. Оспаривающая перформативная стратегия реализуется в юридическом дискурсе посредством дискредитирующей / реабилитирующей тактик в защитительной и обвинительной речах.

4.3. Стратегическая перформативность в рекламном дискурсе

Рекламный дискурс как сфера совершения речевого поступка представляет собой довольно сложный предмет исследования в силу своего манипулятивного характера. О факте манипулирования в рекламе свидетельствуют такие признаки, как наличие психологического воздействия на сознание другого человека, скрытый характер воздействия и обман как главная цель манипулятора [Жирков 2011: 173].

Е.Ю. Ильинова указывает на интенциональную и интерпретативную двуплановость рекламных манипуляций: адресант делает вид, что его общение основано на бескорыстной дружбе, а адресат делает вид, что не осознает истинные мотивы манипулятивных приемов рекламы [Ильинова 2011: 45].

Двуплановость рекламных манипуляций обуславливает реализацию нескольких перформативных стратегий в каждом рекламном продукте.

С одной стороны, в рекламе реализуется устанавливающая стратегия посредством тактики субъектной идентификации: рекламодатель позиционирует себя как производителя особенного продукта, выделяемого из ряда ему подобных, и возлагает на себя ответственность за сохранение доминирующего статуса на занимаемой им рыночной нише.

Языковые средства, эксплицирующие превосходство определенного рекламного продукта над остальными, разнообразны. Приведем несколько примеров:

- Игра слов:

«*Cats like Felix like Felix*» / «*Коты, как Феликс, любят “Феликс”*» (Felix, 1989 г.);

«*Drivers wanted*» / *Водители его хотят / Разыскиваются водители.*

Игра слов – «drivers want it», обыгрывание значения глагола «wanted» – «разыскиваются» (Volkswagen, 1995).

- Преувеличение:

«*I'd walk a mile for a Camel*» / «*Я бы прошел километры ради "Camel"*» (Camel, 1921 г.).

«*Happiness is a cigar called Hamlet*» / «*Счастье – это сигара по имени "Hamlet"*» (Hamlet, 1969).

- Повторы:

«*The future's bright. The future's Orange*» / «*Будущее ярко. Будущее – это "Orange"*» (обыгрывается значение слова «orange» – «оранжевый, яркий», т.е. «Будущее ярко. Будущее оранжевое») (Orange, 1996).

- Параллельные конструкции:

«*No FT, no comment*» / *Без FT, без комментариев* (Financial Times, 1982).

- Хиазм:

«*You give us 22 minutes, we'll give you the world*» / «*Вы уделяете нам 22 минуты, мы дарим Вам мир*» (WINS Radio, New York, 1965).

- Эпитеты:

«*Fly the friendly skies*» / «*Летайте в дружелюбном небе*» (United Airlines, 1966).

С другой стороны, в рекламе реализуется подтверждающая стратегия в нисходящем векторе «субъект – объект – адресат» посредством тактики доминирующего субъектного позиционирования: рекламодатель как бы советует получателю рекламы воспользоваться рекламируемым продуктом, так как это во благо самого адресата. Использование подтверждающей стратегии в рекламе обусловлено тем, что, по убеждению Е.В. Степановой, многие рекламные стратегии присваивают адресанту роль отзывчивого, внимательного собеседника, желающего помочь адресату [Степанова 2010: 52].

Любая коммерческая реклама содержит прямо или косвенно выраженный совет, хотя в слоганах советы приобретают форму призыва.

Что касается социальной рекламы, то она отличается от коммерческой рекламы отсутствием интенциональной и интерпретативной двуплановости:

адресант не преследует никаких коммерческих целей, для него важно транслировать адресату свою социорефлексивность. В этом плане следует говорить о реализации в социальной рекламе подтверждающей перформативной стратегии в нисходящем векторе «субъект – объект – адресат» посредством тактики доминирующего субъектного позиционирования, причем доминирование здесь является сугубо коммуникативным и заключается в способности адресанта к социорефлексивности.

Языковая экспликация социорефлексивности в социальной рекламе, представленной в оценочных общественных знаках, осуществляется посредством соотнесения аксиологической модальности с разными модальностями:

- модальностью долженствования:

«Children know no boundaries. Drive carefully» / «Дети не знают границ. Будь осторожным водителем» (old.idea.ru).

В данном примере предписание, выраженное императивом *«drive carefully»*, подкрепляется еще и мотивировкой (*«Children know no boundaries»*), благодаря чему можно выявить оценочную пресуппозицию «осторожное вождение – это хорошо, поскольку оно безопасно, прежде всего, для детей».

«Feel warm inside. Help them survive winter» / «Проявите внутреннее тепло. Помогите им пережить зиму» (files.coloribus.com).

В данной социальной рекламе в защиту бездомных людей происходит апелляция к таким общечеловеческим ценностям, как добро и сострадание. Императивное высказывание уже само по себе звучит как предписание, а метафора *feel warm inside*, в которой используется слово с семой «тепло», а значит, имеющая положительную оценочную пресуппозицию, придает данному предписанию знак «+»: проявление внутреннего тепла, которого субъект высказывания добивается от адресата, будет иметь хорошие последствия не только для бездомных людей, но и для самого адресата.

Оценочная пресуппозиция «проявлять внутреннее тепло – это хорошо» становится еще более явной за счет противопоставленной ей пресуппозиции «жить на улице зимой – плохо и недопустимо», передаваемой во втором предложении посредством слова семой «холод» («winter»).

«Верните украденное детство. Скажите наркотикам НЕТ» (www.babyblog.ru).

Двойной императив в сочетании с графически выделенным отрицанием «НЕТ» выявляет оценочную пресуппозицию со знаком «-»: «Принимать наркотики – вредно».

«Пьянство отрывает от семьи. Остановись!» (piclive.ru).

Данный оценочный общественный знак представляет собой антиалкогольную социальную рекламу, направленную в защиту семьи. Модальность долженствования передается не только посредством глагола в повелительном наклонении (*Остановись!*), звучащего как призыв, но и оценочного суждения, отражающего социальный стереотип с оценкой «-», поскольку оценочная пресуппозиция в данном случае может быть выражена таким образом: «Пьянство – это плохо, оно не должно отрывать от семьи».

В следующих оценочных общественных знаках модальность долженствования усиливается за счет двойной оценки:

*«Sh*t is not a cool brand. Clean up after your dog» / «Д****о – это не крутой брэнд. Убери за своей собакой»* (foto-prikol.net).

В первой части представлено оценочное суждение со знаком «-», эксплицированное посредством вульгаризма *sh*t*; вторая часть является императивом, основывающимся на оценочной пресуппозиции «убирать за своим питомцем - хорошо».

«Читать не вредно. Вредно не читать» (www.prikol.ru).

Оценочные суждения в данном примере представлены в виде синтаксического стилистического приема хиазма, благодаря чему оппозиция «норма – антинорма» получает характер ненавязчивого предписания: адресат

имеет право свободного выбора, но ориентироваться он должен на норму, поскольку она имеет положительную оценку.

- модальностью запрета:

«*Don't buy exotic animal souvenirs*» / «*Не покупайте сувениры из экзотических животных*» (funzu.com).

Отрицательный императив в данной социальной рекламе, направленной в защиту экзотических животных, эксплицирует оценочную пресуппозицию «покупать сувениры из экзотических животных – плохо (поскольку это способствует истреблению данных особей)».

«*Бросил мусор на обочину – знай, ты – чмо!*» (www.adme.ru).

В данном примере отсутствует отрицательный императив, однако запрет выражается косвенно - посредством оскорбления, а в основе всего высказывания лежит оценочная пресуппозиция «бросать мусор на обочину – не просто плохо, а заслуживает крайнего порицания».

Запрещение, выраженное отрицательным императивом, может подкрепляться мотивировкой. По замечанию Е.М. Вольф, в мотивировках эксплицируется отрицательная оценка последствий событий в случае нарушения запрета [Вольф 2009: 127].

«*Your body is your home. Don't smoke*» / «*Твое тело – это твой дом. Не кури*» (www.bored-todeath.com).

В данном примере отсутствует эксплицитная отрицательная оценка последствий курения, однако метафора «*your body is your home*» служит имплицитным обоснованием запрета на курение: запрет мотивируется вредом, наносимым организму курильщика, в то время как живой и здоровый организм наделяется такой же ценностью, как и домашний очаг.

«*The consequences stay with you forever. If you drink, don't drive*» / «*Последствия остаются с тобой навсегда. Если ты выпил, не садись за руль*» (funzu.com).

Запрет, выраженный отрицательным императивом «*don't drive*», подкреплен мотивировкой («*The consequences stay with you forever*»). Таким

образом, выявляя отрицательную оценочную пресуппозицию «пить за рулем – плохо», субъект высказывания апеллирует к общечеловеческой ценности - безопасности жизни.

«Решай сегодня, каким ты будешь завтра. НЕ ПЕЙ!» (www.g-i.su).

В данной социальной рекламе, направленной на борьбу с алкоголизмом, отрицательный императив выделяется графически («НЕ ПЕЙ!») и подкрепляется мотивировкой, как и в предыдущих примерах. Оценочную пресуппозицию здесь можно выразить следующим образом: «Пьянство отрицательно влияет на будущее адресата».

Следует отметить, что мотивирующее суждение является отличительным признаком оценочных общественных знаков: в предписывающих знаках-запретах оно отсутствует (ср. *«Не входить»*, *«Не курить»* и т.п.).

- модальностью предостережения:

Предостережение формально соответствует информационному сообщению, но отличается от него наличием оценочной пресуппозиции:

«Desertification destroys 6000 species every year» / *«Опустынивание ежегодно уничтожает 6 тысяч биологических видов»* (www.apus.ru).

В данном примере субъект высказывания апеллирует к экологическому сознанию адресата, подразумевая, что его деятельность наносит вред всем живым существам, и он может не стать исключением.

«Cigarette butts make up almost half of Dublin's litter» / *«Окурки составляют практически половину всего мусора в Дублине»* (kolyan.net).

В данном случае имеется оценочная пресуппозиция со знаком «-», с помощью которой субъект также апеллирует к экологическому сознанию адресата: «Бросать окурки на улице – плохо, поскольку это отрицательно сказывается на экологической ситуации в городе».

«Продавая пиво несовершеннолетним, Вы открываете перед чужими детьми новые перспективы» (www.babyblog.ru).

В данной социальной антиалкогольной рекламе субъект высказывания предостерегает адресата от возлагаемой на него ответственности за «испорченную» судьбу чужих детей в случае продажи им алкогольного напитка. Выражение «открывать новые перспективы» звучит иронично, поскольку означает отнюдь не хорошие перспективы, а именно – перспективу получить алкогольную зависимость.

«Употребляя наркотики, ты становишься товаром для наркоторгильщиков» (www.babyblog.ru).

В данной социальной рекламе, направленной на борьбу с наркотиками, отчетливо выявляется отрицательная оценочная пресуппозиция: «Употреблять наркотики – плохо».

- модальностью угрозы:

«For more information on lung cancer, keep smoking» / «Для получения подробной информации о раке легких, продолжайте курить» (www.allencarr.ru).

«Пей, кури. Естественный отбор уже начал...» (www.privetsochi.ru).

В вышеприведенных примерах на обоих языках имеется скрытая угроза, которая призвана оказать глубокое психологическое воздействие на адресата: императивы, содержащиеся в них («*keep smoking*», «пей, кури»), звучат как совет, однако в сочетании с информацией о возможных последствиях курения и алкоголизма они принимают форму угрозы.

«The faster you go, the faster you arrive there» / «Чем быстрее ты едешь, тем быстрее окажешься там [на том свете]» (adme.ru).

Скрытая угроза в данном общественном знаке позволяет передать оценочную пресуппозицию со знаком «-»: «Водить машину слишком быстро – опасно для жизни».

«15 суток в подарок в лучшем случае. Сделайте глоток алкоголя, садитесь за руль и получите в подарок 15 суток отдыха в местах лишения свободы! Напрасный риск – разбитая жизнь» (www.babyblog.ru).

В данной социальной рекламе отрицательная оценочная пресуппозиция «вождение в состоянии алкогольного опьянения – опасно» выражается посредством скрытой угрозы, которая приобретает иронический оттенок благодаря тому, что все высказывание построено в виде коммерческой рекламы.

- модальностью совета:

«Preserve your world. Preserve yourself» / «Сохраняй свой мир. Сохраняй себя» (www.bored-todeath.com).

В данной социальной рекламе, пропагандирующей защиту окружающей среды, дается совет, который звучит достаточно категорично благодаря повторяющемуся императиву *«preserve»* и помогает выразить положительную оценочную пресуппозицию: «Охрана окружающей среды – это хорошо, поскольку, сохраняя мир вокруг, ты сохраняешь себя».

«Всем этим водителям не до твоих детей. Следи за безопасностью своих детей. Это нужно тебе» (www.babyblog.ru).

Несмотря на императив *«Следи за безопасностью своих детей»*, совет здесь не звучит так категорично, как в примере на английском языке. Вероятно, смягчение достигается благодаря мотивирующему суждению *«Это нужно тебе»*.

«Если ты не пропускаешь скорую со включенной «мигалкой», ты мешаешь спасти человека более достойного жить, чем ты. Пропусти скорую. Это нужно тебе» (www.babyblog.ru).

В данном примере ценность человеческой жизни постулируется в форме косвенного совета: субъект высказывания советует адресату-водителю пропустить машину скорой помощи, поскольку в этом случае он не только спасет чужую жизнь, но и избавит себя от возможных угрызений совести.

Итак, двуплановость рекламных манипуляций обуславливает реализацию нескольких перформативных стратегий в каждом рекламном продукте. С одной стороны, в рекламе реализуется устанавливающая стратегия посредством тактики субъектной идентификации: рекламодатель

позиционирует себя как производителя особенного продукта, выделяемого из ряда ему подобных, и возлагает на себя ответственность за сохранение доминирующего статуса на занимаемой им рыночной нише. С другой стороны, в рекламе реализуется подтверждающая стратегия в нисходящем векторе «субъект – объект - адресат» посредством тактики доминирующего субъектного позиционирования: рекламодатель как бы советует получателю рекламы воспользоваться рекламируемым продуктом, так как это во благо самого адресата.

Социальная реклама отличается от коммерческой рекламы отсутствием интенциональной и интерпретативной двуплановости. В ней реализуется подтверждающая перформативная стратегия в нисходящем векторе «субъект – объект - адресат» посредством тактики доминирующего субъектного позиционирования, причем доминирование здесь является сугубо коммуникативным и заключается в способности адресанта к социорефлексивности. Языковая экспликация социорефлексивности в социальной рекламе, представленной в оценочных общественных знаках, осуществляется посредством соотнесения аксиологической модальности с разными модальностями (долженствования, запрета, предостережения, угрозы, совета).

4.4. Стратегическая перформативность в политическом дискурсе

Качеством поступка в политическом дискурсе наделяются высказывания с идеологически наполненным пропозициональным содержанием, т.е. те, которые провозглашают, пропагандируют, критикуют либо опровергают какую-нибудь идеологию. Будучи системой взглядов и идей, отражающих осознание и оценку отношения людей к действительности и друг другу, социальных проблем и конфликтов, а также содержащих цели социальной деятельности, направленной на закрепление и развитие общественных отношений [ФЭС www], идеология складывается из

политических теорий и идей, общественно-политических идеалов, ценностей, политических программ и символов [НФС www].

Коммуникативные поступки в политическом дискурсе осуществляются, прежде всего, посредством тактики субъектной идентификации, реализующей устанавливающую стратегию в векторе «субъект – объект - субъект» (самопровозглашение, самоустранение от власти, объявление об отставке, лозунг-объявление о своей победе / поражении, предвыборный политический лозунг).

Примером реализации тактики субъектной идентификации служит речь Б.Н. Ельцина, обращенная к россиянам 31 декабря 1999 г., в которой он сообщил о своем добровольном намерении покинуть пост Президента (<http://histrf.ru/ru/lichnosti/speeches>): *«Дорогие друзья! Дорогие мои! Сегодня я в последний раз обращаюсь к вам с новогодним приветствием. Но это не все. Сегодня я последний раз обращаюсь к вам, как Президент России».*

Далее Борис Ельцин объясняет свое решение, в эмоциональной форме показывая, насколько трудным для него оказался выбор: *«Я принял решение. Долго и мучительно над ним размышлял. Сегодня, в последний день уходящего века, я ухожу в отставку. Я много раз слышал - «Ельцин любыми путями будет держаться за власть, он никому ее не отдаст». Это - вранье. Дело в другом. Я всегда говорил, что не отступлю от Конституции ни на шаг. Что в конституционные сроки должны пройти думские выборы. Так это и произошло. И так же мне хотелось, чтобы вовремя состоялись президентские выборы – в июне 2000 года. Это было очень важно для России. Мы создаем важнейший прецедент цивилизованной добровольной передачи власти, власти от одного Президента России другому, вновь избранному. И все же я принял другое решение. Я ухожу. Ухожу раньше положенного срока». Эмоциональную насыщенность высказыванию придают эпитеты «долго и мучительно», «важнейший (прецедент)», слово «вранье», принадлежащее фамильярно-разговорному стилю, повтор-сцепление «Я ухожу. Ухожу...».*

По сути, Ельцин осуществлял выбор между идеологией, которая за время его руководства страной успела устареть, и идеологией, призванной стать новым символом времени. В связи с этим символичен выбор даты отставки – последний день уходящего года и столетия: *«Я понял, что мне необходимо это сделать. Россия должна войти в новое тысячелетие с новыми политиками, с новыми лицами, с новыми, умными, сильными, энергичными людьми. А мы - те, кто стоит у власти уже многие годы, мы должны уйти. Посмотрев, с какой надеждой и верой люди проголосовали на выборах в Думу за новое поколение политиков, я понял: главное дело своей жизни я сделал. Россия уже никогда не вернется в прошлое. Россия всегда теперь будет двигаться только вперед»*. Множественный повтор лексемы «новый» и антитеза «вернуться в прошлое – двигаться вперед» являются косвенным признанием победы новой идеологии.

Признание поражения старой идеологии осуществляется посредством просьбы о прощении: *«Я хочу попросить у вас прощения. За то, что многие наши с вами мечты не сбылись. И то, что нам казалось просто, оказалось мучительно тяжело. Я прошу прощения за то, что не оправдал некоторых надежд тех людей, которые верили, что мы одним рывком, одним махом сможем перепрыгнуть из серого, застойного, тоталитарного прошлого в светлое, богатое, цивилизованное будущее»*.

В предвыборных политических лозунгах также реализуется тактика субъектной идентификации: субъект позиционирует себя как носителя той единственной идеологии, которая призвана улучшить жизнь граждан страны. Исключительность политической позиции в этом смысле эксплицируется посредством следующих приемов:

- преувеличения:

«Пока другие только говорят, мы уже делаем. Лучшие — с нами!» (Демократическая партия России); *«Наша сила – в правде!»* (Коммунистическая партия); *«Россия – столица мира»* (молодежное движение «Наши»); *«Главные выборы страны»* (Центризбирком России); *«If*

one voice can change A ROOM, then it can change A CITY. If it can change a city, then it can change A STATE. If it can change a state, then it can change A NATION. If it can change a nation, then it can change THE WORLD» / «Если один голос может изменить ДОМ, то он может изменить ГОРОД. Если он может изменить город, то он может изменить ГОСУДАРСТВО. Если он может изменить государство, то он может изменить НАЦИЮ. Если он может изменить нацию, то он может изменить МИР» (Барак Обама, 2008 г.) – в данном предвыборном лозунге преувеличение в свою очередь достигается посредством повтора-сцепления и градации;

- повторов:

«Новое правительство – новый курс!» (Коммунистическая партия); «Слышать людей, работать для людей» (партия «Единая Россия»); «I'm asking you to believe not in my ability to bring about real change in Washington. I'm asking you to believe in yours» / «Я прошу вас поверить не в мою способность принести изменения в Вашингтон. Я прошу вас поверить в себя» (Барак Обама, 2008 г.);

- параллельных конструкций:

«Реформы – без шока, политика – без баррикад» (партия «Яблоко»);

- аллюзий:

«Приеду, увижу, посажу» (В. Жириновский) – аллюзия на фразу Юлия Цезаря «Veni, vidi, vici» / «Пришел, увидел, победил».

Осуществление коммуникативных поступков в политическом дискурсе в рамках устанавливающей стратегии происходит также в векторе «субъект – объект» посредством лимитирующей тактики (политические договоры) и экспансивной тактики (политические декларации).

Политические договоры и декларации сходны в плане идеологической нагруженности (оба документа представляют собой политические программы действий) и в плане обязательств, которые накладывают на себя их стороны и участники: ср. «Высокие Договаривающиеся Стороны гарантируют своим гражданам независимо от их национальности или иных

различий равные права и свободы. Каждая из Высоких Договаривающихся Сторон гарантирует гражданам других Сторон, а также лицам без гражданства, проживающим на ее территории, независимо от их национальной принадлежности или иных различий гражданские, политические, социальные, экономические и культурные права и свободы в соответствии с общепризнанными международными нормами о правах человека» (из Соглашения о создании СНГ от 8 декабря 1991 г.) (<https://ru.wikisource.org>); «Мы берем на себя новые и серьезные обязательства, выполнить которые будет нелегко, однако мы уверены, что наши обязательства будут подкреплены практическими мерами и ресурсами, необходимыми для обеспечения реальных и поддающихся оценке результатов; сообщая мы можем выполнить эту задачу» (из Декларации, принятой резолюцией S-20/2 от 10 июня 1998 года на двадцатой специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН, посвященной совместной борьбе с мировой проблемой наркотиков) (<http://www.un.org/ru/documents>).

Основным стратегическим отличием договора от декларации является то, что стороны договора действуют в рамках тех норм и обязательств, которые в нем прописаны, в то время как участники декларации наделяются определенными правами для осуществления дальнейшей деятельности. Так, в той же Декларации ООН по борьбе с наркотиками отражена широта спектра действий в направлении решения данной проблемы: *«подтверждаем нашу непоколебимую решимость и обязательство преодолеть мировую проблему наркотиков с помощью национальных и международных стратегий, направленных на сокращение как незаконного предложения наркотиков, так и спроса на них»; «приветствуем усилия широкого круга лиц, работающих в различных областях деятельности, направленной на борьбу со злоупотреблением наркотиками <...>».*

В рамках устанавливающей стратегии в политическом дискурсе реализуется тактика адресатной идентификации в нисходящем векторе «субъект – объект - адресат» (назначение на государственную должность).

Рассмотрим отрывок из официальной беседы В.В. Путина с С.К. Шойгу, в которой Президент предлагает последнему пост Министра обороны:

В.ПУТИН: Уважаемый Сергей Кужугетович, Вы знаете об обстановке, которая, к сожалению, сложилась в последнее время вокруг Министерства обороны. Для того чтобы создать необходимые условия для объективного расследования всех вопросов, которые возникли в этой связи, мною принято решение освободить Министра обороны Сердюкова Анатолия Эдуардовича от занимаемой должности. Вместе с тем в последние годы немало сделано для развития Вооружённых Сил, для решения социальных вопросов военнослужащих: имею в виду и повышение денежного довольствия, и решение жилищных проблем, да и ряда других вопросов, которые раньше не решались годами. Говорю это потому, что будущий руководитель этого весьма важного, одного из самых важных ведомств в стране должен быть человеком, который сможет продолжить всё положительное, что было сделано за последние годы, и обеспечить динамичное развитие Вооружённых Сил страны, обеспечить выполнение гособоронзаказа и тех грандиозных планов по перевооружению армии и флота, которые у нас есть. В этой связи считаю, что таким человеком могли бы быть Вы, и предлагаю Вам занять должность Министра обороны Российской Федерации (<http://pravdaoputine.ru>).

В представленном примере В. Путин аргументирует свой выбор в пользу С. Шойгу («Вы знаете», «таким человеком могли бы быть и Вы») и одновременно провозглашает свою приверженность идее развития и укрепления оборонного потенциала страны как одного из приоритетов государственной политики. Для этого используются стилистические средства, такие как повтор-сцепление («этого весьма важного, одного из самых важных ведомств»), эпитет «грандиозные (планы)», и риторические приемы, такие как апелляция к патриотическому чувству («немало сделано для развития Вооружённых Сил, для решения социальных вопросов военнослужащих», продолжить всё положительное, что было сделано за

последние годы») и чувству долга («*и обеспечить динамичное развитие Вооружённых Сил страны, обеспечить выполнение гособоронзаказа и тех грандиозных планов по перевооружению армии и флота, которые у нас есть»*).

Подтверждающая перформативная стратегия реализуется в политическом дискурсе в нисходящем векторе «субъект – объект - адресат» посредством тактики доминирующего субъектного позиционирования в директивных высказываниях (указы президента, постановления правительства и парламента). Сюда же относятся предвыборные лозунги, в которых субъект косвенно советует адресату голосовать за него для собственного блага: «*Защитим себя сами!*» (Партия пенсионеров); «*Голосуй или проиграешь!*» (Б. Ельцин). Идеологическая нагруженность таких высказываний проявляется косвенно: субъект подтверждает свою приверженность принятой им идеологии, отдавая директивы, способствующие ее укреплению.

Примером действия подтверждающей стратегии в восходящем векторе «субъект – объект - адресат» является реализация тактики недоминирующего субъектного позиционирования в обращениях представителей государств в различные международные организации (Международный Суд ООН, Европейский суд по правам человека и т.п.) для разрешения международных споров и ситуаций, которые могут привести к нарушению стабильности или мира в стране. Таковым был иск в Международный суд ООН, поданный Грузией 12 августа 2008 года и содержащий обвинения в адрес России в нарушении Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации. В исковом заявлении Грузия требовала от суда заставить Россию вывести войска с территорий Абхазии и Южной Осетии, обеспечить возвращение туда грузинских беженцев и гарантировать им право на собственность и таким образом «обеспечить защиту этнических грузин» на этих территориях (<http://www.bbc.co.uk>). Подавая заявление в международный суд, государство признает, с одной стороны, собственное

бессилие в решении проблем, угрожающих ее идеологическим установкам, а с другой стороны – более высокую компетентность международных органов в способствовании устранению возникших угроз.

В рамках подтверждающей стратегии реализуются тактики дружественного / конфронтационного позиционирования (в прямом векторе) в жанрах, находящихся на стыке политического и дипломатического видов дискурса. Примерами их реализации являются регулярные принятия официальных приглашений на мероприятия государственного уровня / отказы от приглашения и вступление в военный конфликт по требованию союзного договора о сотрудничестве / отказ от вступления. В качестве примера рассмотрим отрывок из речи У. Черчилля «We Shall Fight on the Beaches» / «Мы будем драться на пляжах», произнесенную им в Палате Общин 4 июня 1940 г.:

The British Empire and the French Republic, linked together in their cause and in their need, will defend to the death their native soil, aiding each other like good comrades to the utmost of their strength. Even though large tracts of Europe and many old and famous States have fallen or may fall into the grip of the Gestapo and all the odious apparatus of Nazi rule, we shall not flag or fail. We shall go on to the end, we shall fight in France, we shall fight on the seas and oceans, we shall fight with growing confidence and growing strength in the air, we shall defend our Island, whatever the cost may be, we shall fight on the beaches, we shall fight on the landing grounds, we shall fight in the fields and in the streets, we shall fight in the hills; we shall never surrender, and even if, which I do not for a moment believe, this Island or a large part of it were subjugated and starving, then our Empire beyond the seas, armed and guarded by the British Fleet, would carry on the struggle, until, in God's good time, the New World, with all its power and might, steps forth to the rescue and the liberation of the old (<http://www.winstonchurchill.org>). - Британская Империя и Французская Республика, соединенные вместе общим делом и задачей, будут защищать до смерти свою Родину, помогая друг другу как хорошие товарищи на

пределе своих сил. Даже если огромные просторы Европы, многие древние и прославленные Государства пали или могут попасть в тиски Гестапо и других гнусных машин Нацистского управления, мы не сдадимся и не проиграем. Мы пойдем до конца, мы будем биться во Франции, мы будем бороться на морях и океанах, мы будем сражаться с растущей уверенностью и растущей силой в воздухе, мы будем защищать наш Остров, какова бы ни была цена, мы будем драться на побережьях, мы будем драться в портах, на суше, мы будем драться в полях и на улицах, мы будем биться на холмах; мы никогда не сдадимся и даже, если так случится, во что я ни на мгновение не верю, что этот Остров или большая его часть будет порабощена и будет умирать с голода, тогда наша Империя за морем, вооруженная и под охраной Британского Флота, будет продолжать сражение, до тех пор, пока, в благословенное Богом время, Новый Мир, со всей его силой и мощью, не отправится на спасение и освобождение старого (<http://aillarionov.livejournal.com/727754.html>).

В своей речи У. Черчилль реализует тактику дружественного позиционирования, демонстрируя готовность своего государства выступать против нацистской Германии в союзе с Францией. Для этого используются приемы отождествления себя с союзником: многократный повтор личного местоимения 1-го лица множественного числа «*we*», притяжательные местоимения множественного числа «*our*», «*their*», взаимные местоимения «*each other*», метафора «*linked together in their cause and in their need*», сравнение «*aiding each other like good comrades*».

Оспаривающая перформативная стратегия реализуется в политическом дискурсе посредством реабилитирующей / дискредитирующей тактик в жанрах, находящихся на стыке политического и юридического видов дискурса (суд над государствами по обвинению в международных преступлениях). Такие суды осуществляются специальными органами - международными трибуналами. Примерами являются Нюрнбергский процесс над бывшими руководителями гитлеровской Германии 1945-1946 гг.,

Гаагский трибунал по бывшей Югославии (для судебного преследования лиц, ответственных за нарушения международного гуманитарного права, совершенных на территории бывшей Югославии с 1991 года), Международный военный трибунал для Дальнего Востока 1946 года (Токийский трибунал для судебного преследования японских военных преступников, виновных в развязывании второй мировой войны) и Международный трибунал по Руанде (для судебного преследования лиц, ответственных за геноцид на территории Руанды и соседних государств с 1 января 1994 г. по 31 декабря 1994 г.) [Большой юридический словарь www].

Трансформирующая перформативная стратегия реализуется в политическом дискурсе в коммуникативном векторе «субъект – объект – адресат» посредством тактик мелиоративно- и детериоративно-ориентированного позиционирования в жанрах, находящихся на стыке политического и дипломатического видов дискурса (признание / непризнание одним государством результатов всенародного референдума в другом государстве, принятие международных санкций / отказ от присоединения к ним, принятие официального приглашения на мероприятия государственного уровня / отказ от приглашения).

Итак, в политическом дискурсе реализуются все четыре выделенные нами перформативные стратегии. Устанавливающая стратегия реализуется посредством тактик субъектной и адресатной идентификации, а также лимитирующей и экспансивной тактик. Подтверждающая стратегия реализуется посредством тактик доминирующего / недоминирующего субъектного позиционирования, а также тактик дружественного / конфронтационного позиционирования. Оспаривающая стратегия реализуется посредством реабилитирующей / дискредитирующей тактик в жанрах, находящихся на стыке политического и юридического видов дискурса. Трансформирующая стратегия реализуется посредством тактик мелиоративно- и детериоративно-ориентированного позиционирования в

жанрах, находящихся на стыке политического и дипломатического видов дискурса.

4.5. Стратегическая перформативность в персональном дискурсе

Речевые поступки в персональном дискурсе могут осуществляться посредством всех четырех перформативных стратегий: устанавливающей, подтверждающей, оспаривающей и трансформирующей.

Устанавливающая перформативная стратегия в персональном дискурсе действует в коммуникативных векторах «субъект – объект - субъект» и «субъект – объект». В векторе «субъект – объект - субъект» она реализуется посредством тактики субъектной идентификации в декларативных и экспрессивных высказываниях (самопровозглашение, признание виновности, восклицание о своей победе / поражении, похвальба).

В случае признания вины или поражения субъект определяет свой коммуникативный статус как недоминирующий, что осложняет выбор в пользу данного самоопределения. Так, в нижеследующем примере субъект высказывания признает свою вину и прямо говорит о том, как тяжело ему дается это самоопределение:

Я виноват перед ней, и мне это признание дается нелегко
(<http://search.ruscorpora.ru>).

В следующем примере герой также признает свою вину и даже заявляет о готовности нести ответственность в виде наказания:

*Я виноват перед тобой и должен наказать себя; прощай, я еду – куда?
Почему я знаю?* (М.Ю. Лермонтов «Герой нашего времени»).

В случае самопровозглашения, признания своей победы или похвальбы субъект определяет свой коммуникативный статус как доминирующий:

Я не писал Вам никогда, не знаю почему, а сейчас душа просит. Это потому, что я – победитель. Вот когда и мне довелось одержать настоящую победу (<http://search.ruscorpora.ru>).

“I’m chief,” said Ralph tremulously. “And what about the fire? And I’ve got the conch -”. – Я главный, – дрожащим голосом сказал Ральф. – И как же костер? И у меня рог... (W. Golding «Lord of the Flies» / У. Голдинг «Повелитель мух» / Пер. с англ. Е.А. Суриц).

Ральф из произведения У. Голдинга провозглашает себя главным, а символическим подтверждением возложенных на него властных полномочий является раковина: слово «conch» / «раковина моллюска» имеет переносное метонимическое значение «порядок» / «власть».

Сложность и ответственность выбора в пользу данного самоопределения состоит в том, что субъект должен вести себя соответствующим образом, чтобы в дальнейшем оправдать свое доминирующее положение.

В коммуникативном векторе «субъект – объект» в персональном дискурсе последний, как правило, имеет ограничительное действие. Устанавливающая стратегия с ограничительным действием объекта реализуется посредством лимитирующей тактики в комиссивных высказываниях (обещание, клятва, пари, соглашение / согласие). Комиссивные высказывания ограничивают поведение говорящего обязательствами, и именно осознание данного факта может удержать его от выполнения подобных речевых действий:

Пожалуйста. Я вам ничего не обещаю. Я обязательствами себя связывать не хочу (<http://search.ruscorpora.ru>).

Подтверждающая перформативная стратегия в персональном дискурсе действует в нисходящем / восходящем векторе «субъект – объект - адресат». В нисходящем векторе реализуется тактика доминирующего субъектного позиционирования, объективируемая в форме директивных высказываний: приказов, требований, советов, предупреждений, разрешений, запретов. Ситуация выбора здесь обусловлена способностью (желанием) / неспособностью (нежеланием) субъекта брать на себя ответственность за

последствия тех действий, которые выполняет (или не выполняет) адресат в статусе, подтвержденном субъектом.

Отсутствие доминирующего социального статуса адресанта в некоторых директивных высказываниях в персональном дискурсе - совете, предупреждении, запрете, разрешении - может компенсироваться значимым для адресата авторитетом говорящего, как в нижеследующем примере:

Борменталь вдруг засучил рукава и произнес, кося глазами к носу:

- Тогда вот что, дорогой учитель, если вы не желаете, я сам на свой риск накормлю его мышьяком. Черт с ним, что и – папа судебный следователь. Ведь в конце концов – это ваше собственное экспериментальное существо.

Филипп Филиппович потух, обмяк, завалился в кресло и сказал:

- Нет, я не позволю вам этого, милый мальчик. Мне шестьдесят лет, я вам могу давать советы. На преступления не идите никогда, против кого бы оно ни было направлено. Доживите до старости с чистыми руками (М.А. Булгаков «Собачье сердце»).

В данном примере профессор Преображенский открыто апеллирует к собственному авторитету («мне шестьдесят лет, я вам могу давать советы»), который наделяет его особыми «полномочиями» - выражать категорический запрет («я не позволю вам этого») и давать советы своему ученику («на преступления не идите никогда...», «доживите до старости с чистыми руками»).

В восходящем векторе «субъект – объект - адресат» реализуется тактика недоминирующего субъектного позиционирования, где субъект занимает более низкое по отношению к адресату социальное положение либо играет недоминирующую коммуникативную роль. Тактика недоминирующего субъектного позиционирования реализуется посредством апеллятивов - неофициальных обращений реквестивного характера (просьба о помощи, о прощении, жалоба, мольба, молитва). Ситуация выбора обусловлена готовностью (желанием) / неготовностью (нежеланием)

субъекта способствовать тому, чтобы адресат взял на себя ответственность за последствия тех действий, которые выполняет субъект. Трудность выбора данной тактики обусловлена тем, что адресант намеренно и осознанно ставит себя в более уязвимое положение перед адресатом; в русском языке подобная ситуация описывается с помощью выражения «расписаться в собственном бессилии / собственной слабости», как в следующем примере, где князь обращается с просьбой к мельнику-колдуну помочь ему в любовном деле:

- Колдун, - продолжал князь, смягчая свой голос, - помоги мне! Одолела меня любовь, змея лютая! Уж чего я не делал! Целые ночи перед иконами молился! Не вымолил себе покою (А.К. Толстой «Князь Серебряный»).

В данном примере просьба о помощи сочетается с жалобой. Князь уступает доминирующую коммуникативную роль человеку более низкого социального статуса, что выражается даже физически: он смягчил голос.

Также в векторе «субъект – объект – адресат» (в прямом, нисходящем либо восходящем) в персональном дискурсе (преимущественно бытовом) реализуются тактики дружественного позиционирования и конфронтационного позиционирования. Тактика дружественного позиционирования реализуется посредством похвалы, комплимента, шутки, разговора по душам, разъяснения, выражения положительного отношения к адресату, согласия помочь. Тактика конфронтации реализуется посредством упрека, оскорбления, ссоры, угрозы, ультиматума, шантажа, выражения отрицательного отношения к адресату, отказа в помощи.

Выбор в обоих случаях обусловлен готовностью / неготовностью адресанта, с одной стороны, пожертвовать собственными интересами (или чувствами) ради общих, а с другой стороны – взять на себя ответственность за свои действия. Так, например, если привычное использование комплимента или похвалы в общении старых друзей (прямой коммуникативный вектор) не расценивается как речевой поступок, то в речи партнеров по бизнесу, не испытывающих друг к другу симпатии, но ради дела вынужденных поддерживать дружественные отношения, данные

речевые действия приобретают качество поступка или даже проступка (лицемерного поведения).

Совершение речевого поступка в прямом коммуникативном векторе может быть продиктовано чувством морального долга (дружеского, материнского, отцовского, сыновнего, дочернего, сестринского, братского и т.п.). В следующем примере главная героиня сначала отказывается выплачивать долг за брата, но потом, движимая чувством сестринского долга, соглашается, хотя для нее это – ситуация нелегкого выбора:

- <...> *Да ну тебя к черту. Стреляйся, пожалуйста. Какое мне дело? Сколько тебе надо?*

- *Шестьсот девяносто с чем-то рублей, скажем для ровного счета семьсот, - немного замявшись, сказал Родя.*

- *Родя! Нет, ты с ума сошел! Соображаешь ли ты, что говоришь? Ты проиграл семьсот рублей? Родя! Родя! Знаешь ли ты, в какой срок обыкновенный человек, вроде меня, может честным трудом выколотить такую сумму?*

После некоторой паузы она прибавила, холодно и отчужденно:

- *Хорошо. Я попробую. Приходи завтра. И принеси с собой револьвер, из которого ты хотел застрелиться. Ты передашь его мне в мою собственность. С хорошим запасом патронов, помни.*

Эти деньги она достала у Кологривова (Б. Пастернак «Доктор Живаго»).

Согласившись дать деньги брату, Лара, таким образом, сохраняет с ним ровные отношения, что позволяет констатировать реализацию в данном эпизоде тактики дружественного позиционирования.

Речевые действия, объективирующие тактику дружественного позиционирования, могут быть квалифицированы как поступок в нисходящем и восходящем векторе «субъект – объект – адресат», поскольку иерархия в отношениях (возрастная, статусная и т.п.) создает основу для вышеупомянутой ситуации выбора. Отсюда существующие в русском языке

выражения для характеристики таких ситуаций: в нисходящем векторе – «опуститься до похвалы / комплимента и т.п.», в восходящем векторе – «позволить себе сделать комплимент начальнику / старшему товарищу и т.п.».

Кроме этого, тактика дружественного позиционирования реализуется посредством формул социального этикета (приветствие, прощание, извинение, благодарность, поздравление, соболезнование, принятие приглашения / отказ от приглашения). Однако здесь следует отметить, что, как и в случае с другими речевыми действиями, объективирующими тактику дружественного позиционирования, повседневное использование формул социального этикета не является поступком. Речевым поступком эти действия становятся только в особых ситуациях: например, когда коммуниканты вынуждены прибегать к тактике дружественного позиционирования в силу обстоятельств, испытывая при этом противоположные чувства. Намеренное опущение формул социального этикета также является поступком / проступком, поскольку может сигнализировать о личностном конфликте коммуникантов, как в нижеследующем примере, где имеет место нарочитое опущение извинения:

Кто-то из актеров нарочно его толкнул и не извинился
(<http://search.ruscorpora.ru>).

Оспаривающая перформативная стратегия в персональном дискурсе действует в коммуникативных векторах «субъект – объект – адресат» и «субъект – объект – субъект». Языковой реализацией оспаривающей стратегии являются тактики дискредитации / реабилитации. Манифестация дискредитирующей / реабилитирующей тактик в векторе «субъект – объект – адресат» осуществляется посредством экспозитивных высказываний (возражение, спор) и некоторых апеллятивов (вызов на дуэль, вызов на заключение пари).

Возражение и спор направлены, прежде всего, на дискредитацию оппонента (в них выражается сомнение в объективности / необъективности

или ложности / истинности излагаемой им информации, в доминирующей / недоминирующей роли его статуса):

- *Тебе будет трудно [одной с ребенком].*

- *Разве это трудно? Трудно потерять человека (к/ф «Чистое небо»).*

Вторая реплика в данном примере содержит имплицитное возражение – сомнение в истинности суждения, заключенного в первой реплике.

В возражении находит свое проявление категория противоречия. Противоречие – это «мысль или положение, несовместимое с другим, опровергающее другое», «несогласованность в мыслях, высказываниях и поступках», «несоответствие, нарушение логики и правды», «мысль, высказывание или поступок, направленные против кого/чего-л.», «противоположность интересов, наличие в чем-л. условий, противоположных, противоречащих друг другу», «заявление о несогласии с чем-л., возражение» [Ушаков 1996]. В понятии «противоречие» выделяются, таким образом, семы «несовместимость», «несогласованность», «несоответствие», «направленность против», «противоположность», «несогласие».

Категория противоречия является универсальной. О ее универсальности свидетельствуют определенные факты, в частности, то, что категория противоречия рассматривается как одна из основ человеческого бытия и как неотъемлемое свойство мышления и мировоззрения людей в ряде наук, таких как философия, логика, политология, психология, социология, конфликтология. Так, противоречие в философском понимании составляет основу второго закона диалектики Г. Гегеля - «закона единства и борьбы противоположностей», или «закона диалектической противоречивости» («закона взаимопроникновения противоположностей») [Алексеев, Панин 2001: 557]. Под диалектическим противоречием в философии понимается «отношение между противоположными (т.е. взаимосвязанными и в то же время существенно различающимися,

взаимоисключающимися) сторонами, свойствами предмета» [НФС 1998: 558].

В.А. Лукин рассматривает противоречие как своего рода модель для организации некоторых типов речевого общения. По мнению исследователя, эффективная коммуникация всегда предполагает наличие противоречия: «...нельзя говорить о коммуникации, если нет вообще никаких противоречий», а «отсутствие каких бы то ни было противоречий ... означает, что согласию как результату коммуникации не предшествовала никакая коммуникация» [Лукин 2003: 95].

Подробно возражение рассматривается в главе 4 настоящей работы. Здесь лишь отметим, что выражение возражения является национально специфическим. По мнению А. Вежбицкой, представляется возможным выявить культурные скрипты выражения несогласия. Так, для английской лингвокультуры более приемлем вариант «я с тобой не согласен», нежели «ты не прав», в то время как в русской лингвокультуре нет никакого табу против выражения вроде «ты не прав» [Вежбицка 2005: 467-468].

Что касается вызова на заключение пари, то он семантически соответствует возражению. Это обусловлено тем, что пари в русском языке является разновидностью спора, а спор в свою очередь порождается возражением:

- *Неправда! Держу пари на два миллиона, что вы не высидите в каземате и пяти лет.*

- *Если это серьезно, - ответил ему юрист, - то держу пари, что высижу не пять, а пятнадцать (А.П. Чехов «Пари»).*

В вызове на дуэль или заключении пари первостепенную роль может играть цель как дискредитации оппонента, так и реабилитации себя. В следующем примере субъект вызова на пари стремится, в первую очередь, доказать свою правоту, т.е. реабилитировать свой коммуникативный статус:

- *Прекрасно. Я хочу к ним поехать. Покажите мне эту грозу, этих лесных разбойников. <...> Я к ним поеду и по душам с ними потолкую. Вы*

увидите, в каком образцовом порядке они вернутся на брошенные позиции. Хотите пари? Вы не верите? (Б. Пастернак «Доктор Живаго»).

Дискурсивная формула «*А слабо ...?*» / «*I dare you to do X*» - довольно сильный маркер вызова. Вот как его характеризует одна из участниц Интернет-коммуникации: *Всегда мне нравились спорщики, сама на "слабо" многое могу сделать, что в обычное время и в голову не придет* (<http://www.sandytimes.ru>).

В некоторых англоязычных культурах данная формула стала основополагающим принципом для формирования целого направления в молодежной субкультуре – *dare games* (экстремальные игры «на слабо») (<http://igrology.ru>):

- флэш-моб (от англ. *flash mob* «мгновенная толпа») - в общественном месте собирается множество людей и принимается делать что-то бессмысленное в глазах остальных, например, они могут одновременно застыть в карикатурных позах, или в супермаркете начать вытряхивать на пол из кармана мелочь или, усевшись прямо на тротуаре, достать детские игрушки и играть, как маленькие дети и т.д.; через минуту flash mob исчезает, оставляя очевидцев в недоумении;

- кричалки - молодые люди, собравшись в общественном месте, по очереди выговаривают (сначала шепотом, а потом все громче) какое-нибудь нецензурное слово или фразу, шокирующую обывателей (например, «*У меня есть бомба!*»);

- игры-противостояния, ставкой в которых является жизнь участников. Например, в игре «курица и коршун» («*Chicken game*», «*Hawk–Dove*» game) два игрока на пустынном шоссе разгоняют навстречу друг другу транспортные средства (автомобили или мотоциклы) и идут на лобовое столкновение. Первый, кто свернет в сторону, считается проигравшим.

В векторе «субъект – объект – субъект» в персональном дискурсе реабилитирующая тактика находит выражение в жанре самооправдания, а дискредитирующая тактика - в жанре раскаяния.

Раскаяние – сложное понятие, рассматриваемое в теологии, философии, психологии, юриспруденции. В литературе раскаяние (покаяние) выступает как часть исповедального жанра.

В русском языке слово «раскаяние» обозначает «сожаление о совершенном дурном, неправильном, ошибочном поступке» [Ушаков 1996], «чувство сожаления по поводу своего поступка, проступка» [Ожегов, Шведова www]. Однако как одно из фундаментальных духовных понятий раскаяние представляется более глубоким и сложным чувством, нежели простое сожаление о совершенном грехе; духовное, или религиозное, раскаяние – это исправление поведения, являющееся условием Божественного прощения [Штайнзальц www; Электронная еврейская энциклопедия www].

В философии раскаяние, или метанойя, определяется как изменения в понимании собственного Я, жизненной цели, как выработка нового взгляда на мир [Философский энциклопедический словарь www]. А. Солженицын, говоря о национальном раскаянии, считает его главным условием сохранения нации, ее нравственного и духовного роста [Солженицын www]. Отечественный психолог В.В. Столин рассматривает раскаяние как один из способов осознания совершенного поступка: раскаяние относится к ситуациям, когда человек признает факт совершения поступка, реальный выбор, но раскаивается в нем [Столин 2001: 257].

Ситуацию раскаяния точнее было бы охарактеризовать как ответственный мучительный выбор между двумя или более мотивами, поскольку данный выбор сопряжен со страхом наказания:

<...> I know I am not wholly white. Oh, no. I know I plotted evil. Yes, yes, I know that. I confess. But must I really die now? - Я знаю, совесть моя не вполне чиста. О нет! Я знаю, я замыслил зло. Да, да, я знаю это. Я признаю. Но неужели я в самом деле должен умереть? (Т. Dreiser «An American Tragedy»).

Результатом раскаяния может быть формирование как объективной, так и субъективной социальной реальности. Формированием новой объективной социальной реальности можно считать случаи смягчения наказания преступнику или правонарушителю при условии его деятельного раскаяния в соответствии с законом. Формирование новой субъективной социальной реальности – это случаи, когда раскаяние ведет к переоценке ценностей и жизненных принципов.

На языковом уровне перформативность раскаяния эксплицируется двумя способами: во-первых, когда говорящий называет себя грешником или преступником; во-вторых, посредством определенных речевых актов.

Называя себя грешником или преступником перед лицом церкви или государства (в случае так называемого деятельного раскаяния), говорящий намеренно дискредитирует себя в глазах окружающих:

Благоговейный ужас проник его сердце. Он пал ниц перед игуменом.

- Отец мой, - сказал он, - должно быть, я великий грешник! <...> Тяжело мое преступление, - начал он дрожащим голосом. – Отец мой, слушай! Страшно мне вымолвить: оскудела моя любовь к царю, сердце мое от него отворотилось! (А.К. Толстой «Князь Серебряный»).

С точки зрения персонализации перформативности, рассмотренной А.В. Шемякиной [2004: 10], в данном случае, по-видимому, реализуется саморепрезентационная стратегия волитивности, раскрывающая то, как говорящий воспринимает себя внутри общества, и служащая своеобразным индикатором его волеизъявления взять на себя полную ответственность за совершенный проступок и его последствия.

Причисление себя к грешникам / преступникам может осуществляться также посредством самопринижения:

- Сын мой! – сказал игумен, глядя с участием на Максима, - должно быть, сатанинское наваждение помрачило твой рассудок; ты клеветешь на себя. Того не может быть, чтобы ты возненавидел царя. Много тяжких преступников исповедовал я в этом храме: были и церковные тати, и

смертные убийцы, а не бывало такого, кто повинился бы в нелюбови к государю!

Максим побледнел.

- Стало, я преступнее церковного татя и смертного убийцы! – воскликнул он. – Отец мой, что мне делать? Научи, вразуми меня, душа моя делится надвое! (А.К. Толстой «Князь Серебряный»).

Максим Скуратов, раскаивающийся в ненависти к Ивану Грозному, заявляет, что его грех страшнее таких преступлений, как воровство и убийство. Согласно А.В. Шемякиной, реализуя персонализирующие стратегии самопринижения, говорящий берет всю ответственность на себя, однако активизация этих стратегий потенциально опасна и для адресата, так как он вынужден разделить часть ответственности [Шемякина 2004: 10]. Не случайно Максим обращается к игумену с просьбой вразумить его, и тот действительно пытается помочь, поскольку чувствует личную ответственность за судьбу молодого человека.

Говоря об экспликации перформативности раскаяния посредством речевых актов, следует отметить этимологическую связь раскаяния с порицанием и упреком: ср. *окагять* «порицать», укр. *кагяти* «упрекать», словен. *karjati* «порицать» [Фасмер 1987]. Таким образом, порицание своего поступка / проступка есть важная составляющая раскаяния:

- *Не отвергай меня, отец мой!* – продолжал Максим, - *выслушай меня!* Долго боролся я сам с собою, долго молился пред святыми иконами. Искал я в своем сердце любви к царю – и не обрел ее! (А.К. Толстой «Князь Серебряный»).

Упрек и порицание – семантически близкие понятия: *упрек* – высказанное кому-н. или обращенное к кому-чему-н. неудовольствие, неодобрение, обвинение, укоризна; *порицание* – осуждение, выговор, неодобрение [Ушаков 1996]. В речи упрек / порицание выражаются посредством косвенных речевых актов, как в вышерассмотренном примере, где говорящий высказывает упрек / порицание в свой адрес.

Еще одной важной составляющей перформативного речевого жанра «раскаяние» является выражение сожаления. Сожаление может быть выражено как прямо, так и косвенно. Рассмотрим примеры:

In the shadow of the Valley of Death it is my desire to do everything that would remove any doubt as to my having found Jesus Christ, the personal Savior and unfailing friend. My one regret at this time is that I have not given Him the preeminence in my life while I had the opportunity to work for Him. - *Вступая в тень Долины Смерти, я хочу сделать все возможное, чтобы устранить всякое сомнение в том, что я обрел Иисуса Христа, спасителя моего и неизменного друга. Ныне я сожалею лишь о том, что, имея возможность трудиться во имя его, не отдал свою жизнь на служение ему* (Т. Dreiser «An American Tragedy» / Пер. с англ. З. Вершининой и Н. Галь).

Здесь сожаление выражено прямо – с помощью лексемы «regret» / сожалеть.

В следующем примере находим косвенно выраженное сожаление героя – Родиона Раскольникова – в том, что он не испытывает раскаяния. Сожаление выражено посредством сослагательного наклонения глаголов:

И хотя бы судьба послала ему раскаяние – жгучее раскаяние, разбивающее сердце, отгоняющее сон, такое раскаяние, от ужасных мук которого мерещится петля и омут! О, он бы обрадовался ему! Муки и слезы – ведь это тоже жизнь. Но он не раскаивался в своем преступлении (Ф.М. Достоевский «Преступление и наказание»).

Косвенное сожаление может быть выражено просьбой о прощении:

Dear Clifford, I am afraid what you foresaw has happened. <...> I'm awfully unhappy for your sake: but do try to take it quietly. You don't really need me any more, and I can't bear to come back to Wragby. I'm awfully sorry. But do try to forgive me, and divorce me and find someone better. <...> - *Дорогой Клиффорд, боюсь, твое предвидение сбылось. Мне ужасно жаль, что так получилось, но постарайся принять это как можно спокойнее. В сущности, ты больше во мне не нуждаешься, и возвращаться в Рэгби-Холл мне нет*

никакого смысла. Мне действительно очень жаль. Постарайся меня простить, дай мне развод и найди себе кого-нибудь лучше меня (D.H. Lawrence «Lady Chatterley's Lover» / Д.Г. Лоуренс «Любовник леди Чаттерлей / Пер. с англ. В Чухно).

В этом отрывке из романа Д.Г. Лоуренса «Любовник леди Чаттерлей» Конни пишет письмо мужу Клиффорду, в котором признается в своей измене. Наряду с прямым речевым актом сожаления (*I'm awfully sorry*) она прибегает также к просьбе о прощении (*But do try to forgive me*), за счет чего «перформатируется» его статус: из потенциального наблюдателя он превращается в действующее лицо, которому предстоит принять ответственное решение.

Выражение упрека / порицания в свой адрес и сожаления в рассмотренных выше формах является реализацией не только дискредитирующей, но одновременно и реабилитирующей тактики, поскольку адресант, актуализируя свою вину, делает шаг на пути к получению прощения (глубинным мотивом-целью раскаяния является получение прощения со стороны Бога как отпущения совершенных грехов), а значит, избавлению от мук совести и возможности начать жизнь по-новому, по-другому.

Трансформирующая перформативная стратегия реализуется в векторе «субъект – объект - адресат» посредством тактик мелиоративно- и детериоративно-ориентированного позиционирования, которые объективируются в речи в виде тех же высказываний, что и тактики дружественного и конфронтационного позиционирования в подтверждающей стратегии. Различия их состоят в ситуации использования: в случае сотрудничества / конфронтации они используются постоянно, что и позволяет охарактеризовать ситуацию как мирную либо конфликтную; мелиоративная и детериоративная тактики создают переходную ситуацию - от мира к конфликту и наоборот (ср. жанры, улучшающие межличностные отношения (разговоры по душам, признания, комплименты, исповеди /

проповеди, флирт, шутка); жанры, ухудшающие межличностные отношения (обвинения, оскорбления, выяснения отношений, ссоры, ирония, издевка, розыгрыш) [Дементьев 1999]).

Рассмотрим пример:

“I got this to say. You’re acting like a crowd of kids.”

The booing rose and died again as Piggy lifted the white, magic shell.

“Which is better – to be a pack of painted niggers like you are, or to be sensible like Ralph is?

A great clamour rose among the savages. Piggy shouted again.

“Which is better – to have rules and agree, or to hunt and kill?”

Again the clamour and again – “Zup!”

– Я вот что скажу. Вы ведете себя, как дети малые.

Снова улюлюканье взвилось и замерло, когда Хрюша поднял белую магическую раковину.

– Что лучше – быть бандой раскрашенных черномазых, как вы, или же быть разумными людьми, как Ральф?

Дикари неистово загалдели. Хрюша снова орал:

– Что лучше – жить по правилам и дружно или же охотиться и убивать?

Снова галдеж и снова – «ж-ж-ж». (W. Golding «Lord of the Flies» / У. Голдинг «Повелитель мух» / Пер. с англ. Е.А. Суриц).

В данном примере главный герой – Хрюша – прибегает к обвинению: он прямо (*You’re acting like a crowd of kids*) и косвенно, посредством антитез (*Which is better – to be a pack of painted niggers like you are, or to be sensible like Ralph is?, Which is better – to have rules and agree, or to hunt and kill??) обвиняет лагерь Джека в поведении, неприемлемом для цивилизованного общества. Обвинения трансформируют коммуникативный статус Хрюши в сторону ухудшения отношений с представителями противоположного лагеря. С другой стороны, противопоставляя «своих» и «чужих» и представляя*

«своих» в более выгодном свете, Хрюша реализует тактику дружественного позиционирования подтверждающей перформативной стратегии.

Итак, стратегическая перформативность в персональном дискурсе реализуется посредством всех четырех выделенных нами перформативных стратегий: устанавливающей, подтверждающей, оспаривающей и трансформирующей.

Выводы по Главе 4

1. Выделяются четыре перформативные стратегии: устанавливающая, подтверждающая, оспаривающая и трансформирующая. Каждая стратегия распадается на тактики в зависимости от векторной направленности коммуникации. Реализация перформативных стратегий обусловлена определенными социальными или коммуникативными нормами и ценностными доминантами лингвокультуры.

Устанавливающая стратегия действует в векторах «субъект – объект – субъект», «субъект – объект» и «субъект – объект – адресат». В векторе «субъект – объект – субъект» устанавливающая стратегия реализуется посредством тактики субъектной идентификации. В векторе «субъект – объект» объект может действовать как ограничитель поведения субъекта в виде различных обязательств, которые субъект берет на себя и которые обязуется выполнить, либо иметь экспансивное действие. Устанавливающая стратегия в векторе «субъект – объект» с ограничительным действием объекта реализуется посредством лимитирующей тактики. Экспансивное действие объекта заключается в наделении субъекта дополнительными полномочиями и правами и реализуется посредством экспансивной тактики. Вектор «субъект – объект – адресат» при реализации устанавливающей стратегии является нисходящим. Устанавливающая стратегия в данном векторе реализуется посредством тактики адресатной идентификации.

Подтверждающая стратегия реализуется в векторе «субъект – объект – адресат». В нисходящем векторе реализуется тактика доминирующего субъектного позиционирования, в восходящем векторе – тактика недоминирующего субъектного позиционирования. В прямом векторе реализуются тактики дружественного позиционирования и конфронтационного позиционирования.

Оспаривающая стратегия реализуется в векторах «субъект – объект – адресат» и «субъект – объект – субъект» посредством дискредитирующей / реабилитирующей тактик.

Трансформирующая стратегия реализуется в векторе «субъект – объект – адресат» и направлена на демонстрацию субъектом изменения в отношениях с адресатом (улучшения либо ухудшения). Показателем улучшения отношений с адресатом является тактика мелиоративно-ориентированного позиционирования, показателем ухудшения отношений с адресатом является тактика детериоративно-ориентированного позиционирования.

2. В юридическом дискурсе действуют устанавливающая, подтверждающая и оспаривающая перформативные стратегии. Устанавливающая стратегия реализуется посредством лимитирующей тактики (в векторе «субъект – объект») в комиссивных высказываниях (гарантия, письменно заключенное пари, соглашение, договор). Устанавливающая стратегия реализуется также посредством тактики адресатной идентификации (в нисходящем векторе «субъект – объект – адресат») в таких речевых жанрах, как вынесение судебного приговора и предъявление обвинения. Подтверждающая стратегия в юридическом дискурсе реализуется в восходящем векторе «субъект – объект – адресат» посредством тактики недоминирующего субъектного позиционирования в таких жанрах, как судебный иск и претензия в вышестоящие органы. Оспаривающая перформативная стратегия реализуется в юридическом

дискурсе посредством дискредитирующей / реабилитирующей тактик в защитительной и обвинительной речах.

3. Двуплановость рекламных манипуляций обуславливает реализацию нескольких перформативных стратегий в каждом рекламном продукте. С одной стороны, в рекламе реализуется устанавливающая стратегия посредством тактики субъектной идентификации: рекламодатель позиционирует себя как производителя особенного продукта, выделяемого из ряда ему подобных, и возлагает на себя ответственность за сохранение доминирующего статуса на занимаемой им рыночной нише. С другой стороны, в рекламе реализуется подтверждающая стратегия в нисходящем векторе «субъект – объект - адресат» посредством тактики доминирующего субъектного позиционирования: рекламодатель как бы советует получателю рекламы воспользоваться рекламируемым продуктом, так как это во благо самого адресата.

Социальная реклама отличается от коммерческой рекламы отсутствием интенциональной и интерпретативной двуплановости. В ней реализуется подтверждающая перформативная стратегия в нисходящем векторе «субъект – объект - адресат» посредством тактики доминирующего субъектного позиционирования, причем доминирование здесь является сугубо коммуникативным и заключается в способности адресанта к социорефлексивности. Языковая экспликация социорефлексивности в социальной рекламе, представленной в оценочных общественных знаках, осуществляется посредством соотнесения аксиологической модальности с разными модальностями (долженствования, запрета, предостережения, угрозы, совета).

4. Качеством поступка в политическом дискурсе наделяются высказывания с идеологически наполненным пропозициональным содержанием, т.е. те, которые провозглашают, пропагандируют, критикуют либо опровергают какую-нибудь идеологию. В политическом дискурсе реализуются все четыре выделенные нами перформативные стратегии.

Устанавливающая стратегия в векторе «субъект – объект – субъект» реализуется посредством тактики субъектной идентификации (самопровозглашение, самоустранение от власти, объявление об отставке, лозунг-объявление о своей победе / поражении, предвыборный политический лозунг). В нисходящем векторе «субъект – объект – адресат» устанавливающая стратегия реализуется посредством тактики адресатной идентификации в жанре назначения на государственную должность. В векторе «субъект – объект» реализуются лимитирующая тактика (политические договоры) и экспансивная тактика (политические декларации). Подтверждающая стратегия реализуется посредством тактики доминирующего субъектного позиционирования в нисходящем векторе «субъект – объект - адресат» в директивных высказываниях (указы президента, постановления правительства и парламента). В восходящем векторе «субъект – объект - адресат» подтверждающая стратегия реализуется посредством тактики недоминирующего субъектного позиционирования в обращениях представителей государств в различные международные организации (Международный Суд ООН, Европейский суд по правам человека и т.п.) для разрешения международных споров и ситуаций, которые могут привести к нарушению стабильности или мира в стране. В рамках подтверждающей стратегии реализуются также тактики дружественного / конфронтационного позиционирования (в прямом векторе) в жанрах, находящихся на стыке политического и дипломатического видов дискурса (регулярные принятия официальных приглашений на мероприятия государственного уровня / отказы от приглашения и вступление в военный конфликт по требованию союзного договора о сотрудничестве / отказ от вступления). Оспаривающая стратегия реализуется посредством реабилитирующей / дискредитирующей тактик в жанрах, находящихся на стыке политического и юридического видов дискурса (суд над государствами по обвинению в международных преступлениях, осуществляемый международными трибуналами). Трансформирующая перформативная

стратегия реализуется в векторе «субъект – объект - адресат» посредством тактик мелиоративно- и детериоративно-ориентированного позиционирования в жанрах, находящихся на стыке политического и дипломатического видов дискурса (признание / непризнание одним государством результатов всенародного референдума в другом государстве, принятие международных санкций / отказ от присоединения к ним, принятие официального приглашения на мероприятия государственного уровня / отказ от приглашения).

5. Стратегическая перформативность реализуется в персональном дискурсе посредством устанавливающей, подтверждающей, оспаривающей и трансформирующей стратегий. Устанавливающая стратегия реализуется посредством тактики субъектной идентификации в декларативных и экспрессивных высказываниях (признание виновности, восклицание о своей победе / поражении, похвальба) и лимитирующей тактики в комиссивных высказываниях (обещание, клятва, пари, соглашение / согласие). Подтверждающая стратегия реализуется посредством тактики доминирующего субъектного позиционирования в директивных высказываниях. Оспаривающая стратегия реализуется посредством тактик дискредитации / реабилитации: в векторе «субъект – объект – адресат» в экспозитивных высказываниях (возражение, спор) и апеллятивах (вызов на дуэль, вызов на заключение пари). Трансформирующая перформативная стратегия реализуется посредством тактик мелиоративно- и детериоративно-ориентированного позиционирования в жанрах, улучшающих межличностные отношения (разговоры по душам, признания, комплименты, исповеди / проповеди, флирт, шутка) либо ухудшающих межличностные отношения (обвинения, оскорбления, выяснения отношений, ссоры, ирония, издевка, розыгрыш).

Глава 5. Перформативные характеристики речевого жанра (на примере жанра «спор»)

Перформативность имеет специфическую манифестацию в речевом жанре. Понимаемый как «вербальное оформление типичной ситуации социального взаимодействия людей» [Дементьев, Седов 1998: 6], речевой жанр обладает потенциальной возможностью оформлять ситуацию осуществления поступка в том числе. В таком случае речевой жанр является потенциально перформативным. Моделирование речевого жанра с позиции перформативности позволяет не только изучить способы манифестации перформативности в нем, но и выявить основания для ее проявления.

Данная глава посвящена разработке модели описания речевого жанра на основе его перформативных характеристик применительно к жанру «спор». Спор традиционно является объектом изучения риторики, рассматривающей различные приемы спора [Поварнин 1996; Мурашов 2014; Eemeren, Grootendorst et al. 2000], включая этику его ведения [Введенская, Павлова 2004], способы аргументации [Eemeren 2002; Eemeren, Houtlosser et al. 2000], а также воздействующий потенциал [Gill, Whedbee 1997; Мурашов 2001].

В классификациях речевых жанров, построенных по принципу разграничения «информатики» и «фатики» как главных коммуникативных замыслов, спор, на наш взгляд, больше всего подходит под определение информативного жанра [Китайгородская, Розанова 1999; Дементьев 1995; Шмелева 1997]. Информативные жанры – это самые простые жанры, воплощающие возможность осуществления различных операций с информацией, таких как совместное решение задачи, задавание вопросов, уточнение понимания [Шмелева 1997; Максимов 2000: 34].

В.В. Дементьев, подразделяя информативные жанры на личностно-релевантные (т.е. отражающие различные личностные качества коммуникантов - соглашение, выговор, ультиматум, объявление войны), и

лично-нейтральные (в которых личностное начало выражено не в такой значительной степени, как в лично-релевантных жанрах), относит дискуссию ко второй группе, где также находятся вопрос, обещание, просьба [Дементьев 1997а]. Безусловно, если дискуссия проходит в соответствии с правилами ее ведения, которые освещены во многих учебных пособиях по философии и риторике [Максимов 2000; Алексеев, Панин 2002; Введенская, Павлова 2004], то в ней не затрагиваются личные качества участников. В действительности трудно исключить наличие личностного начала в дискуссии, как и в любом другом виде спора: люди, вступающие в спор, как правило, лично в нем заинтересованы; кроме того, даже в корректно проводимых спорах имеется побежденный, для которого поражение может обернуться серьезной психологической травмой [Алексеев, Панин 2001: 347; Carnegie 1981: 145].

Хотя спор и является информативным жанром, он не лишен элементов фатической коммуникации, например, актов извинения, шутки, оскорбления и т.д. Иными словами, участники спора делают попытки выразить разнообразные нюансы своих взаимоотношений. Это позволяет нам характеризовать спор как преимущественно информативный жанр с элементами фатики.

Пользуясь анкетой речевых жанров Т.В. Шмелевой [1997], мы установили следующие обязательные компоненты структуры жанра «спор»: автор и адресат, причем жанрообразующим признаком их взаимодействия является чередование этих ролей; далее, в качестве коммуникативного прошлого спора может осознаваться тезис, относительно которого участники характеризуются как носители ролей «пропонент – оппонент»; образ коммуникативного будущего спора можно описать как ситуацию отсутствия возражений с обеих сторон; с образом коммуникативного будущего связана глобальная коммуникативная цель изучаемого жанра – снятие разногласий; диктумное содержание спора предполагает осуществление каждым участником обязательных речевых актов – возражения, утверждения и

аргументации; языковое воплощение содержательных компонентов определяется дискурсивной разновидностью спора.

5.1. Когнитивная перформативность в споре

Встраиваясь в лингвокогнитивную модель поступка, спор наделяется его когнитивными характеристиками:

1) спор как акт социального поведения; 2) субъект спора – личность; 3) установка – реализация ценности свободы слова; 4) формальные характеристики спора – осознанное, осмысленное и волевое действие; 5) оценочная характеристика спора – положительное / отрицательное действие; 6) онтологические признаки поступка - событийность, структурность, имманентность, каузальная независимость; 7) ситуация – ответственный выбор между двумя мотивами, например: стремлением доказать собственную правоту и нежеланием дискредитировать оппонента; желанием дискредитировать оппонента и неготовностью выдвигать ложные аргументы и т.п.; 8) результат – формирование новой социальной реальности – переформатирование субъектного / адресатного статуса в сторону дискредитации либо реабилитации.

Рассмотрим признаки, которые требуют детального изучения: структурность, событийность, имманентность.

5.1.1. Структурность спора

Одним из показателей поступка является его структурность. Актуализация речевого поступка «спор» осуществляется посредством сложного коммуникативного действия «спор», который включает в свою структуру несколько речевых актов.

Традиционно спор считается разновидностью аргументативного текста [Кузнецов 2004: 120]. Следовательно, основополагающим речевым актом

спора является аргумент. Аргумент редко состоит из одного предложения, поэтому в данном случае целесообразнее говорить о речевом акте аргументации. Вслед за голландскими учеными Ф. ван Еемереном и Р. Гроотендорстом мы считаем, что аргументация относится к сложным речевым актам, поскольку имеет функцию аргументации не на уровне предложения, как, например, обещание, утверждение, просьба и другие элементарные речевые акты, а на более высоком текстовом уровне [Еемерен, Гроотендорст 1992: 31-32].

В научных теориях, исследующих аргументацию, нет однозначного мнения относительно функции аргументации, однако созвучие этих теорий наблюдается в признании того, что аргументация выполняет двойную функцию: доказательство / опровержение и убеждение [Брутян 1982: 47-48], уверение и убеждение (conviction-persuasion) [О'Кеefe 2012], доказывание и порождение нового знания [Васильев 2000], обоснование и убеждение [Берков 2002; Введенская, Павлова, Кашаева 2003: 188], обоснование либо опровержение и убеждение [Еемерен, Гроотендорст 1994: 57]. Мы также считаем, что аргументация выполняет двойную функцию – обоснования и убеждения; причем, мы полагаем, что превалирующая роль принадлежит второй функции – функции убеждения.

Выполнение двойной функции акта аргументации возможно, на наш взгляд, благодаря тому, что высказывания, являющиеся частью аргументации, могут быть разными речевыми актами - утверждением, констатацией факта, предположением, описанием, повествованием и т.п. - в основном, из категории репрезентативов-ассертивов, которую выделяет в своей классификации Д. Серль [1986б]. Иллокутивная сила аргументации не выражается перформативной формулой. Иллокутивными индикаторами аргументации могут быть союзы «так», «потому что», «так как» [Еемерен, Гроотендорст 1994: 91].

Мы полагаем, что, будучи обязательным речевым актом для аргументативного текста в целом и для спора в частности, аргумент, однако,

не ведет к порождению спора. Необходимо выделить остальные речевые акты, играющие важную роль в развитии, а главное – в порождении спора.

Практически спор происходит следующим образом: некто выражает свое мнение (тезис), оппонент находит в ней уязвимые места (пункты разногласий), указывает на них и выдвигает положение, представляющееся оппоненту истинным (антитезис) [Культура русской речи 2004: 154-155].

Мы поддерживаем мысль Ф. ван Еемерена и Р. Гроотендорста о том, что выражение мнения составляет пропозициональное содержание речевого акта утверждения, относящегося к классу ассертивов [Еемерен, Гроотендорст 1994: 109], хотя допускаем, что в речи, особенно в бытовом дискурсе, мнение может быть высказано в форме других речевых актов:

Б. Слушай/ ну мы тебя ждем/ ты приходи/ торт куплен...

А. Нет Катечка/ (выраженное мнение) я наверное не приду// Ты не сердись//

Б. Да ну-у тебя Наташк! Перестань ей богу//

А. Ну что ты! (аргумент) У меня тяжело заболела мама/ вызвали неотложку/ и вообще... сижу вся расстроенная/ (РРР 1978: 149).

В данном примере мнение высказывается в форме речевого акта предположения, которое, однако, можно свести к утверждению «Я думаю, что не приду».

Далее, указание на пункты разногласия есть, на наш взгляд, выполнение речевого действия возражения. Таким образом, для осуществления коммуникативного действия «спор» помимо отмеченного нами акта аргументации обязательными являются акты утверждения и возражения. Из них порождающим спор нам представляется акт возражения, так как почва для спора образуется при наличии несовместимых позиций относительно одного и того же предмета [Максимов 2000: 117].

Все три выделенные акта – аргументация, утверждение и возражение – представляют собой иллокутивные акты, т.е. высказывания, отличающиеся от других речевых актов уровня высказывания тем, что они требуют

рефлексивных намерений [Кларк, Карлсон 1986: 289]. Следует отметить, что из трех речевых актов – возражения, утверждения и аргумента – чаще и детальнее в лингвистических, лингвофилософских и лингвориторических работах рассматриваются утверждение и аргумент [Васильев 2000; Вендлер 1985; Вежбицка 1985; Витгенштейн 1985; Голубев 2000; Еемерен, Гроотендорст 1992, 1994; Йокояма 2005; Москвин 2008; Остин 1986; Фанян 2000; Blair 1998; Blair 2012; Eemeren 2002; Eemeren, Houtlosser 2000; Freeman 2001; Goodwin 2007; Hinchman 2013; Jacobs 1989; Laar van 2007; MacFarlane 2011; Montgomery 2014; Montminy 2013; Prakken 2011; Sales 1996; Sosa 2009; Toulmin 1958; Zagar 2000; и др.].

Иллокутивные акты аргумента, утверждения и возражения относятся к одному классу в классификациях Д. Остина и Д. Серля, что свидетельствует о схожести их иллокуций (данный факт учитывается при характеристике спора по критерию гомогенность / гетерогенность в нижеследующем параграфе). В классификации Д. Остина они входят в класс экспозитивов, т.е. актов объяснения (*exposition*), включающего развитие точки зрения, ведение дискуссии и прояснение референции и употребления слов [Остин 1986: 120-128]. По типологии Д. Серля данные иллокуции включены в класс репрезентативов, цель которых заключается в том, чтобы зафиксировать ответственность говорящего за сообщение о некотором положении дел, за истинность выражаемого суждения [Серль 1986б: 181]. Причем, по нашему мнению, в актах возражения, утверждения и аргумента степень этой ответственности неодинакова: в цепочке «возражение – утверждение – аргумент» происходит увеличение степени ответственности за истинность выражаемого в них суждения, т.е. из данных трех актов аргумент в большей мере претендует на истинность.

Условием искренности выполнения анализируемых актов является, по Д. Серлю, выражение некоторого убеждения. Важнейшим свойством убеждения является отсутствие логической связи между тем, в чем убежден говорящий и тем, в чем, по мнению говорящего, убежден адресат [Серль

1986б: 173-174; Кларк, Карлсон 1986: 331]. Применив метод «семантических примитивов» А. Вежбицкой и используя семантические модели, которые она разработала для некоторых речевых актов в [Вежбицка 1985], мы предлагаем свои модели для актов утверждения, возражения и аргумента, где отражено условие искренности их выполнения [Горбачева 2007: 10]:

Возражение =

Не будучи убежденным в твоей правоте и желая сделать так, чтобы ты знал, думаю ли я так же, как и ты,

я говорю: я думаю, что ты не прав.

Утверждение =

Будучи убежденным в своей правоте и желая сказать то, что, как я уверен, верно,

я говорю:

Аргумент =

Будучи убежденным в своей правоте и желая сделать так, чтобы ты тоже убедился в моей правоте,

я говорю:

Если иллокутивная цель у возражения, утверждения и аргумента практически одна, то в плане результата, или перлокутивного эффекта, наблюдается некоторое различие, что, впрочем, помогает выявить отличительные признаки рассматриваемых речевых актов. Так, производя акты возражения и утверждения, говорящий намеревается вызвать у адресата, по выражению П.Ф. Стросона, первичную когнитивную реакцию, заключающуюся в том, что адресат будет знать пропозициональное содержание этих актов. Приводя аргументы, говорящий намеревается убедить адресата в истинности того или иного утверждения [Стросон 1986: 143].

Возражение и аргумент – это речевые акты, служащие для соотнесения высказывания с остальной частью дискурса: возражению должно предшествовать какое-либо утверждение оппонента, а аргументу –

собственное утверждение, иначе аргумент будет звучать как констатация факта или повествование, т.е. аргумент, утратив свою иллокутивную силу, превратится в констатив, нарратив либо др.

С точки зрения статусных отношений коммуникантов аргумент, возражение и утверждение являются статусно-нейтральными речевыми актами, не требующими внеязыковых установлений для своего осуществления [Карасик 1992: 120; Серль 1986б: 176].

Итак, спор обладает структурностью: его речевая составляющая представлена разными речевыми актами, обязательными из которых представляются акты утверждения, возражения и аргументации. Речевым актом, ведущим к порождению спора, является возражение.

5.1.2. Событийные признаки спора

Как речевой поступок спор может быть охарактеризован по следующим критериям событийности:

Динамичность / статичность. Спор обладает динамичным характером. Рассматривая динамику развития спора, мы выделяем три стадии - предспорную, стадию спора и послеспорную – в отличие от основоположников аргументативной теории Ф. ван Еемерена и Р. Гроотендорста, которые выделяют четыре стадии спора: стадия конфронтации, начальная стадия, стадия аргументации и заключительная стадия [Еемерен, Гроотендорст 1994: 98-102]. Мы полагаем, что стадию конфронтации, на которой тезис одного из участников коммуникации ставится под сомнение, и начальную стадию, на которой один носитель языка бросает вызов другому, логичнее объединить в одну стадию – предспорную, поскольку в реальном общении одна из них может отсутствовать.

На начальной стадии один носитель языка выдвигает тезис, а другой ставит под сомнение эту точку зрения; таким образом, на предспорной

стадии происходит распределение ролей протагониста и антагониста. На второй стадии происходит собственно спор с помощью аргументации, а на завершающей стадии участники подводят итоги, делают выводы и т.п. [Орлова, Филонов 2001: 384-385; Ворожейкин et al. 2002: 94-100; Анцупов, Шипилов 2001: 204; Петровская 2001: 301-306]. В реальном общении не всегда удается четко определить границы всех трех стадий спора. Рассмотрим динамику развития спора двух друзей – физика и врача - о гипнозе и телепатии:

(предспорная стадия)

А. Они выдвигают наличие какой-то новой силы/ вот концентрированной воли/

Б. Ну да/ он ничего не выдвигает//

А. Кто он?

(стадия спора)

Б. Мессинг// Он ничего не выдвигает/ он говорит... пожалуйста объясните// Это вот... мое дело я знаю// Могу рассказать вам что я ощущаю/

А. Ну что/ это очень интересно//

. Как я это делаю/ он говорит я не знаю// <...> Какой-то понимаете <...> шарлатан// В частности/ вот твой брат Коля//

А. Ну/ Коля больше это делает для-а... позы/ но основная концепция его правильная//

Б. Чья?

А. Колина// Что если есть какие-то явления/ их надо искать в известных законах/ в уточнении

Б. (перебивает) Ну и ради бога/ ищите их// <...> Но объяснения-то нету// А если <...> говорит Коля/ значит он хаит телепатов/ и объявляет их шарлатанами/ всех до одного//

(послеспорная стадия)

А. Ну/ действительно оказывается, что большинство из них шарлатаны//

Б. Многие из них шарлатаны// (PPP 1978: 168-169).

Градуированность / неградуированность. По данному критерию в споре оцениваются речевое воздействие и эмоциональная насыщенность.

В основе способов воздействия на адресата и преподнесения мысли в процессе спора, как и в любом другом коммуникативном речевом действии, лежат риторические принципы и приемы [Gill, Whedbee 1997: 157; Мурашов 2001: 384]. Будучи, таким образом, напрямую связанным с риторикой, спор представляет собой потенциально риторический жанр, характеризующийся, по О.Б. Сиротининой, большей степенью планирования речи адресантом, в отличие от речевых жанров (помимовольных жанров в терминологии К.Ф. Седова, отражающих неосознанные речевые реакции) [Сиротинина 1999; Седов 1999: 312].

Вопросу о сущности речевого воздействия уделяется достаточно много внимания в современной науке в связи с возникшей проблемой оптимизации речевого воздействия [Иссерс 1999а]. Причем происходит как разработка общей теории речевого воздействия, в том числе манипулятивного [Иссерс 1999а, 1999б; Карасик 1992, 2002а; Москвин 2008; Стернин 2001; Тарасова 1993; Федорова 1991; Федосюк 1997б; Larson 1998], так и анализ средств речевого воздействия в определенных сферах деятельности человека, в частности, в СМИ [Тарасов 1990; Глинчевский 2006], в политическом дискурсе [Чудинов 2001; Паршина 2006; Иванова 2006], в рекламном дискурсе [Пирогова www; Пирогова 2001; Крюкова 2006] и др.

Сущность речевого воздействия сводится к различным изменениям индивидуального сознания адресата в нужном для адресанта направлении. Так, по мысли Ю.К. Пироговой, речевое воздействие направлено на достижение трех видов эффектов: когнитивных (уровень знаний), аффективных (уровень отношений) и поведенческих (уровень намерений) [Пирогова www].

Воздействие, согласно С. Крамагае, может быть намеренным (интенциональным) и ненамеренным (неинтенциональным). Интенциональное воздействие осуществляется четырьмя способами: 1) посредством авторитета, законной власти, носителя более высокого институционального статуса; 2) посредством манипуляции, т.е. маскируемой власти; 3) посредством убеждения, аргументации; 4) посредством силы, физической и психической [цит. по: Карасик 1992: 129].

Основываясь на утверждении С. Крамагае, мы считаем, что в споре как преимущественно аргументативном диалоге осуществляется интенциональное воздействие посредством перлокутивного акта – убеждения, который входит в структуру акта аргументации. Рассмотрим, как связаны между собой понятия «убеждение» и «аргументация».

В конфликтологии под убеждением понимается сознательное, аргументированное воздействие на собеседника [Крылов 1999: 343]. По выражению Ю.К. Пироговой [www], убеждение есть воздействие на сознание путем выстраивания рациональной аргументации. Таким образом, аргументация является своеобразным инструментом, средством убеждения адресата в процессе спора.

Выбор того или иного типа обоснования зависит от вида дискурса, к которому относится аргументационный текст. Для научного дискурса негуманитарного профиля наиболее характерны доказательство и опровержение, для гуманитарных текстов – подтверждение и критика. В качестве доказательства и опровержения приводятся теоретические и эмпирические обобщения и выводы, ранее доказанные законы науки, аксиомы и постулаты, определения основных понятий конкретной области знаний, утверждения о фактах [Введенская, Павлова, Кашаева 2003: 195]. Рассмотрим пример научного спора с использованием доказательства в качестве аргумента:

С.М. Стариковская. Как известно, при отрицательной полярности скорость волны очень сильно зависит от того, как ее определять. <...> Как в расчетах учитывалась эта зависимость скорости от уровня сигнала?

О.В. Бутин: Да, такая зависимость принималась во внимание. Приведенные результаты соответствуют скорости, определенной по максимуму электрического поля, что приближенно соответствует середине фронта волны.

С.М. Стариковская: Но обычно максимум соответствует предвестнику.

О.В. Бутин: Да, когда мы наблюдаем одиночные разряды в газе без предыонизации, поскольку формирование предвестника обусловлено дефицитом электронов в прикатодной области. В работе же рассматривались импульсно-периодический режим и режим с параллельным протеканием тлеющего разряда. В этих условиях концентрация электронов даже вблизи катода достаточна для того, чтобы предвестник не формировался (http://bio.fizteh.ru/bio_aspirant/docs/vak/sten.html).

В философском дискурсе обоснование может строиться как объяснение, подтверждение, интерпретация либо критика. В следующем примере в качестве подтверждения используется ссылка на авторитетные личности, далее следует объяснение: *«Большинство из нас воспитано на противопоставлении разумного (сознательного) неразумному (бессознательному) и, возможно, поняли конфликт "толчка" и "призыва" как конфликт инстинкта и сознательного выбора. Это не так. Еще Витгенштейн и Рассел доказали, что рациональное сознание не может выступать конечным источником целеполагания. Разум – не более чем способность оперировать абстрактными символами. Сознание – не более чем естественный механизм синхронизации распределенных вычислительных процессов мозга»* (<http://www.geocities.com>).

Для политического дискурса, согласно Е.И. Шейгал, характерен речевой акт опровержения / изобличения во лжи, в структуру которого

входит обязательный компонент (констатация факта лжи) и факультативные элементы (доказательство недостоверности информации и указание на мотивы использования недостоверной информации) [Шейгал 2004: 177]. Следует, однако, отметить, что доказательство в политических текстах, обладая зачастую субъективным характером, может быть квалифицировано, скорее, как подтверждение. Рассмотрим пример опровержения с обязательным и одним факультативным элементом (подтверждением недостоверности информации): *«Вы говорите о мировой практике. Да нет такого в мировой практике! Ни одно развитое государство не позволяет себе того, что позволяем мы. Что вы думаете – дурнее нас американцы, немцы, французы, которые выводят это в специальные резервации?!»* (<http://www.duma.gov.ru/24.03.2006>).

В бытовом дискурсе обоснование собственной точки зрения происходит, в основном, посредством подтверждения, объяснения, оправдания и критики, хотя возможны и другие виды обоснования. Самый распространенный вид обоснования в обыденной жизни - подтверждение правильности высказывания – происходит, как правило, в результате указания на вещественное доказательство или личный опыт:

- *К вам сюда еще двадцать третий автобус ходит//*
- *Двадцать третий не идет сюда//*
- *Женщина/ ну чего вы спорите? Я сама на нем ездила// (КЗУПР).*

Определение аргументации как логико-коммуникативного процесса позволяет выделить в ней два аспекта - логический и коммуникативный. В логическом плане аргументация выступает как процедура отыскания доводов для некоторого положения (тезиса), выражающего определенную точку зрения. Результатом здесь выступает аргументированность рассуждения, т.е. обоснованность утверждений, подкреплённость тезиса фактами, наблюдениями и т.д. [Введенская, Павлова, Кашаева 2003: 189; Зарецкая 1998: 289].

Как коммуникативная речевая деятельность аргументация включает в себя нелингвистические компоненты, мировоззренческо-этические, психологические параметры, обеспечивающие вписывание того или иного научного знания в культуру [НФС 1998: 45]. В коммуникативном плане аргументация представляет собой процесс передачи, истолкования и внушения реципиенту информации, зафиксированной в тезисе аргументатора [Введенская, Павлова, Кашаева 2003: 189]. Цель этого процесса - формирование у оппонента убеждения, равного убеждению аргументатора. Результативность коммуникативного аспекта аргументации можно охарактеризовать как убедительность рассуждения. Убедительность - психологическое понятие, в основе которого лежит вера в правдивость излагаемого, связанная с определенными эмоциями слушателя. Если аргументированность обеспечивает совпадение мнений, то убедительность - совпадение чувств. Убедительность аргументов усиливается, если придать им психологическую окраску. Иначе говоря, если воздействие на разум и рассудок подкрепить иррациональным воздействием на чувства, рассуждение станет аргументированным и убедительным [Зарецкая 1998: 289].

Таким образом, логический аспект аргументации служит для доказательства позиции говорящего и опровержения мнения оппонента, а коммуникативный аспект - для убеждения оппонента в правильности этой позиции. Преобладание одного аспекта над другим ведет к таким оценкам рассуждений спорящих сторон, как: а) аргументированные, но не убедительные; б) убедительные, но не совсем аргументированные. О достижении же аргументацией своей цели можно говорить только в том случае, если реципиент воспринял, понял и принял тезис аргументатора, т.е. когда рассуждение аргументатора является аргументированным и убедительным [Введенская, Павлова, Кашаева 2003: 189; Зарецкая 1998: 289] (ср. «персуазивная аргументация» (persuasive argumentation) [Nettel, Roque 2012]).

В.Н. Брюшинкин несколько расширяет представление об аргументации, выделяя в коммуникативном аспекте когнитивную и риторическую подсистемы и связывая все подсистемы, в том числе, логическую, с аспектами языка: логическую – с синтаксисом, когнитивную – с семантикой, риторическую – с прагматикой [Брюшинкин www].

Из трех подсистем на убеждение адресата в большей мере ориентирована риторическая подсистема, основанная на обращении к структурам сознания адресата [Там же]. В этом смысле значительную роль играют психологические аргументы, оказывающие воздействие на чувства [Введенская, Павлова, Кашаева 2003: 197]. Приведем примеры некоторых из них:

- довод к чувству собственного достоинства: *«Драганов, вам не стыдно?»* (<http://www.duma.gov.ru/24.03.2006>);

- ссылка на авторитетный источник при отсутствии точных данных: *«Конечно/ это заведомая чепуха// кстати говоря/ вся история науки это подтверждает»* (PPP 1978: 178);

- довод к чувству сострадания: *Ну, что нам делать-то? — взмолился Алексей Борисович. — Не бросать же пса! Сердце-то у вас есть?* (В.П. Крапивин «Мальчик со шпагой»).

- довод от сомнения: *«Большие сомнения вызывает целесообразность внедрения в процесс банкротства так называемых саморегулируемых организаций арбитражных управляющих...»* (<http://www.duma.gov.ru/16.13.2002>).

- апелляция к здравому смыслу: *«Я слушал вас с большим наслаждением. Но должен заметить, что точку зрения, которую вы перед нами сейчас излагали, в свое время изложил Чаадаев в своих философских письмах. И, как вы помните, за это был признан сумасшедшим. Не боитесь ли вы таких последствий?»* (<http://www.geocities.com>).

В западной теории аргументации аргументы такого рода рассматриваются как нарушения норм дискуссии (fallacies) [Eemeren et al. 2000; Eemeren 2002; Fogelin, Duggan 1987; Hamblin 1970; Laar van 2007].

Психологические аргументы, способствующие достижению необходимого перлокутивного эффекта в споре, чаще всего используются в качестве уловок. С.И. Поварнин называет уловкой всякий прием, с помощью которого хотят облегчить спор для себя или затруднить спор для противника [Поварнин 1996: 69].

Уловки, или псевдоаргументация, являются одним из видов манипуляции, т.е. намеренного воздействия на подсознание адресата с целью извлечения сиюминутной выгоды [Глинчевский 2006]. Уловки представляются распространенным средством оказания речевого воздействия в споре. Другими средствами, выполняющими ту же функцию в споре, что и уловки, являются различные полемические приемы, в частности, юмор, ирония, сарказм. Эти средства усиливают полемический тон речи, ее эмоциональное воздействие на слушателей, помогают разрядить обстановку, создают определенную настрой при обсуждении острых вопросов, помогают полемистам добиться успеха в споре [Введенская, Павлова 2004: 381].

Гомогенность / гетерогенность. Имея обязательный набор речевых актов в своей структуре (возражение, утверждение, аргумент), спор должен характеризоваться как гомогенный речевой поступок. С другой стороны, некоторые факторы делают его гетерогенным.

Первым из таких факторов является структура аргументации, которая может быть как простой, так и достаточно сложной. Дж.Б. Фриман указывает на то, что неформальная логика различает конвергентную (convergent) и связанную (linked) аргументацию, а в прагматодialeктической традиции разграничивается множественная (multiple) и сложносочиненная (co-ordinatively compound) аргументация [Freeman 2001]. Ф. ван Еемерен и Р. Гроотендорст [1994: 105-108] выделяют четыре вида аргументации, которые

мы берем за основу для дальнейшего анализа: единичную, множественную, сочинительную составную и подчинительную составную.

Единичная аргументация состоит из одного (главного) аргумента: *«(выраженное мнение) Ни в коем случае эвтаназию в России разрешать нельзя! (аргумент) Будут за плату просто уничтожать стариков, чтобы получать квартиры и так далее»* (<http://www.duma.gov.ru/12.04.2001>).

Множественная аргументация состоит из двух или более главных аргументов, каждый из которых является достаточным для обоснования выраженного мнения: *«(возражение) Мне хотелось бы возразить Михаилу Геннадиевичу по поводу его утверждения о том, что столкновение цивилизаций есть проявление глобализации, и это является чем-то новым. (выраженное мнение) Столкновение цивилизаций было всегда. (аргумент 1) В качестве примера можно обратиться к войне англичан в Судане в 80-х гг. XIX века против Махди и его последователей. (аргумент 2) Английские ученые, исследуя этот процесс, делают вывод, что современный мир в значительной мере является продуктом имперской Британии, или, как они говорят, продуктом «англобализации»* (<http://www.narochnitskaya.ru>).

Составная сочинительная аргументация включает два или более главных аргументов, которые являются достаточными для обоснования только в сочетании: *«(выраженное мнение) Жанровый принцип классификации речевых стилей, как известно, имеет многовековую историю. (аргумент 1) Он использовался еще в античной поэтике. (аргумент 2) На жанровом разделении стилей построена поэтика и стилистика французского классицизма. (аргумент 3) В западноевропейском языкознании жанровый принцип различения речевых стилей широко используется представителями так называемого нефилологического направления»* (Культура русской речи 2004: 382).

Подчинительная составная аргументация состоит из одного или более главных аргументов и одного или более подчинительных аргументов: *«(выраженное мнение) Вы понимаете, что вашим законом, вашим решением*

вы просто концентрируете доходы, укрупняете их...? (аргумент 1=выраженное мнение 2) Переведем. Да, будет меньше казино, но большие игроки получают больше денег. (аргумент 2) У них будут не миллионы, а миллиарды теперь, не сотни миллионов, а миллиарды...» (<http://www.duma.gov.ru/24.03.2006>).

Логико-коммуникативные разновидности аргументации также являются фактором гетерогенности спора: *доказательство* (полное обоснование истинности какого-либо положения посредством дедуктивного умозаключения), *опровержение* как частный случай логического доказательства (полное обоснование ложности), *подтверждение* (частичное обоснование истинности), *интерпретация* (приписывание смысла или значения символам и формулам формальной системы), *объяснение* (раскрытие сущностных характеристик одного предмета, явления, события, действия и т.д. через другое, имеющее статус достоверного, понимаемого), *оправдание* (приведение в качестве довода некоторого ценностного соображения, т. е. утверждения о том, к чему мы должны стремиться, что является для нас долгом, предпочтением, идеалом) и *определение* (раскрытие, уточнение или формирование смысла одних языковых выражений с помощью других языковых выражений) [Берков 2002, Ивин 1996; Кузина 2002; НФС 1998; Пучкова 2006; Crews 1987]. По Е.Б. Кузиной [2002], одним из аргументативных процессов также является *критика* (частичное обоснование ложности какого-либо положения).

Другим фактором гетерогенности спора являются разные способы смены реплик. В теории коммуникации данный феномен обозначается термином «мена коммуникативных ролей» и трактуется как «система взаимодействия, гарантирующая непрерывное протекание разговора, обеспечение как говорящим, так и слушателями условий и соответствующих сигналов (неязыковых или языковых) передачи кому-то из участников права на очередной речевой вклад» [Сусов www (2)]. Х. Хенне и Х. Ребок различают три типа мены коммуникативных ролей: 1) мена

коммуникативных ролей с перебиванием, 2) «гладкая» мена коммуникативных ролей, 3) мена коммуникативных ролей после паузы [цит. по: Макаров 2003: 191].

Основываясь на данную типологию, в споре мы выделяем следующие виды смены реплик:

1) смена реплик с перебиванием:

- *Значит, откровенная беседа с учителем...- начала было Татьяна Ефимовна, но тетка Аглая прервала ее:*

- *Откровенная – это одно, а донос – другое. Донос, ябеда, наушничество всегда отвратительны (Ю.П. Герман «Дело, которому ты служишь»).*

2) паузированная смена реплик:

- *Мой дед был красным конником. Он переделывал мир...*

- *Знаю. Прекрасно знаю. Ты можешь им гордиться... Но, извини меня за откровенность, если рассматривать его как отдельную личность, он тоже был донкихотом... Мог бы генералом стать, а столько лет просидел в командирах эскадрона...*

Дядя Витя вдруг замолчал. Испугался, кажется, что увлекся спором и сказал лишнее./.../

Очень спокойно Сережа сказал:

- *Генералов тогда не было, были комбриги. Он бы, может, и стал им, если б не умер так рано (В.П. Крапивин «Мальчик со шпагой»).*

3) равномерная смена реплик (без перебивания и пауз):

- *Прыжки в окно – это шалость, - заговорила она, стараясь не нервничать. – Скверная, гадкая, но шалость. А вот что касается до беседы по поводу зачинщика этой шалости... Видите ли, Аглая Петровна, ваш племянник в весьма категорической и даже грубой форме отказался назвать зачинщика.*

- *Что в грубой – плохо, а что он не доносчик, - хорошо, - глядя прямо в глаза завучу, сказала Аглая Петровна. – На человека, который в школе ябедничает, по-моему, в бою положиться немислимо.*

- *Вот как?*

- *Да, вот так! – жестко произнесла тетка Аглая. – Впрочем, на этот счет существуют разные мнения. И это чрезвычайно жалко (Ю.П. Герман «Дело, которому ты служишь»).*

В рассмотренных примерах спора показано рефлексивное оппонирование, когда дается ответ на каждое положение собеседника.

4) смена реплик с коммуникативно значимым молчанием:

Светлана Ивановна долго крепилась, переживая то, что узнала от Кирилла, но в конце концов не выдержала:

- *Скажи, Петенька, честно: тебе не хочется ехать на дачу из-за Даши? Ты по-прежнему намерен с ней встречаться?*

- *Что значит «намерен»? Это как понимать? – насторожился Петр. – Разве у нас с ней что-нибудь изменилось?*

- *Очень жаль, коли так! – огорченно вздохнула мать. – Есть и кроме Даши красивые девушки.*

В карих глазах Пети зажглись гневные огоньки.

- *Значит, вы с отцом опять взялись за свое! <...> (С. Малков «Две судьбы-2»).* В данном примере сын не опровергает последнюю реплику матери, но отсутствие вербального опровержения не означает его согласия. Напротив, предложение «В карих глазах Пети зажглись гневные огоньки» свидетельствует о наличии здесь молчаливого оппонирования.

Молчание в данном примере коммуникативно значимо, поскольку является способом нерефлексивного оппонирования («нулевого» поступка).

Гетерогенность спора как речевого поступка также обусловлена разными диалогическими единствами, образующими его. Под диалогическим единством понимается сочетание двух или более речевых ходов

коммуникантов, взаимосвязанных коммуникативно и структурно-грамматически [Зотеева 2001: 17].

Наиболее распространенными диалогическими единствами в споре являются пары «аргумент – контраргумент» [см. Prakken 2011; Blair 2004 («аргумент – критический ответ» / «argument – critical response»)] и «вопрос – ответ». Диалогическое единство информативного типа «аргумент – контраргумент» обладает непредсказуемым характером, т.е. реплика-реакция практически не поддается программированию со стороны того, кто произносит реплику-стимул. Что касается диалогического единства «вопрос – ответ», то вопрос, достаточно жестко детерминируя ответ, отличается большей степенью независимости и полемической выгоды, так как спрашивающий может заранее планировать ход разговора, привлекая информацию, соответствующую его знаниям [Голубева-Монаткина 1991: 134; Мурашов 2001: 382]. В теории спора даже существует прием «атака вопросами», позволяющий тому, кто его использует, одержать верх над оппонентом. Рассмотрим пример, в котором используется данный прием:

- *Книги должны быть такие, чтобы можно было завидовать замечательным людям <...>*

- *А стихи? – спросила она.*

- *Стихи – мура, кроме Маяковского!*

- *Да? А Пушкин? А Блок? А Лермонтов?*

Володя насупился (Ю.П. Герман «Дело, которому ты служишь»).

Результативность / нерезультативность. Результативность спора определяется достижением его целей. Вслед за А.А. Ивиным [1996] мы различаем две основные цели ведения спора: ради достижения истины и ради победы. В зависимости от приемов (корректных или некорректных), применяемых в данных видах спора, можно выделить пять разновидностей спора: 1) аподиктический (дискуссионный, диалектический), 2) эклектический, 3) полемический, 4) эристический и 5) софистический.

Аподиктический спор (от греч. *apodeixis* «показание» - «необходимый, безусловный, сам по себе очевидный» [Ушаков 1996]) направлен на достижение истины. В нем используются только корректные приемы. Он предполагает точное формулирование тезиса и определение понятий, наличие основного аргумента, понимание сути разногласий (спорного вопроса), объективность и достаточность аргументов. При этом умозаключения строятся по фигурам силлогизма, т.е. дедуктивного умозаключения, состоящего из трех суждений, либо энтимемы, т.е. силлогизма с одним или двумя опущенными суждениями [Кривоносов 1986: 35-36]. Кредо участников такого спора: «Платон мне друг, но истина дороже». Противники проявляют себя психологически симметрично: они осуществляют взаимную проверку достоверности тезиса проponentа и антитезиса оппонента. Вся деятельность участников аподиктического спора направлена на взаимную коррекцию точек зрения. Этот вид спора особенно полезен в случае необходимости проверки научного открытия, основополагающей идеи, для испытания обоснованности какой-либо мысли. В процессе аподиктического спора доводы берутся самые сильные с точки зрения их истинности, каждое новое возражение принимается с интересом; здесь желателен достаточно сильный противник [Зарецкая 1998: 287-288; Культура русской речи 2004: 157; Поварнин 1996: 29; Kessidis 1982: 134]. Кроме несомненной пользы, аподиктический спор может доставить настоящее наслаждение и удовлетворение его участникам [Введенская, Павлова 2004: 328].

Эклектический спор (от греч. *eklego* «выбираю» - «механическое, лишённое принципиальности, соединение разнородных начал, точек зрения, взглядов» [Ушаков 1996]) – спор об истине, в котором используются корректные и некорректные приемы. Эклектические споры встречаются даже в науке, особенно в период формирования новых научных теорий, когда осваивается новая проблематика и еще недостижим синтез различных гипотез [Ивин 1996: 197].

Примером аподиктического и эклектического споров могут служить научные и философские дискуссии и диспуты.

Полемический спор (от греч. *polemikos* «военный, враждебный» [Ушаков 1996] ориентирован на достижение победы с помощью корректных приемов. Полемика характеризуется наличием конфронтации, серьезного противостояния, противоборства сторон, их идей и речей. Исходя из этого, в [Введенская, Павлова, 2004: 326] полемика определяется как борьба «принципиально противоположных мнений по тому или иному вопросу, публичный спор с целью защитить, отстоять свою точку зрения и опровергнуть мнение оппонента». Полемике свойственна состязательность, а также определенная степень воинственности, что детерминировано ее целью - утвердить свою позицию относительно рассматриваемого вопроса. В связи с этим, в сознании многих людей полемика ассоциируется с коммуникативным актом, называемым острым спором [Максимов 2000: 119].

Эристический спор нацелен на победу с помощью корректных и некорректных приемов (по Аристотелю [1978: 537], эристические доводы – те, которые кажутся правдоподобными, но не являются действительно правдоподобными). Участники такого спора настроены на соревнование или даже на конфронтацию, в связи с чем типичной его разновидностью является ссора. Эристическая стратегия применяется в бизнесе, политике, быту, на студенческих занятиях [Москвин 2008: 55, 57].

К полемическому и эристическому спорам относятся парламентские дебаты и другие разновидности политических споров. Споры, возникающие в рамках делового и юридического дискурсов, как правило, также являются полемическими или эристическими.

Софистический спор не нацелен ни на достижение истины, ни на победу; иными словами, это спор ради спора. В софистическом споре используются корректные и некорректные приемы. Софистические споры устраивались в Древней Греции для демонстрации виртуозности в словесном искусстве. Древнегреческий мудрец Софос придумывал упражнения для

тренировки ума своих учеников. Ученики, разгадывая уловки Софоса (отсюда - софистические уловки, софистика), развивали свои способности противостоять нечестным приемам противника [Зарецкая 1998: 294; Kessidis 1982: 85].

Крайне трудно охарактеризовать конкретный спор как исключительно аподиктический либо эклектический и т.д., поскольку цели участников спора могут различаться.

Следует уточнить, что достижение истины либо победы - это, с нашей точки зрения, положительный результат спора, или, согласно С.И. Поварнину, его завершение, которое не есть то же самое, что конец спора: каждый спор кончается, но не каждый получает завершение; завершается же спор тогда, когда одна из сторон отказывается от своего убеждения, соглашаясь с убеждением оппонента [Поварнин 1996: 65].

Итак, спор имеет такие событийные признаки поступка, как динамичность, градуированность, гетерогенность, результативность. Динамичность спора заключается в наличии нескольких стадий его развития, градуированность – в разной степени речевого воздействия и эмоциональной насыщенности, гетерогенность – в неоднородной структуре аргументации, логико-коммуникативных разновидностях аргументации, разных способах смены реплик, разных диалогических единствах. Результативность спора состоит в достижении истины или победы.

5.1.3. Имманентность спора

Имманентность спора заключается в его неотъемлемой связи с некоторыми видами дискурса и ассоциативностью с другими поступками того же порядка.

Прежде всего, спор имманентен философскому дискурсу. Известно, что спор в наиболее классическом виде появился именно как философский спор, так называемая эристика (т.е. искусство вести полемику с использованием

приемов, рассчитанных на победу), в V в. до н.э. [Алексеев, Панин 2000: 344]. Другие виды спора – аподиктический, эклектический, полемический и софистический – также зародились и оформились в рамках философского дискурса. Кроме того, тесная связь спора с философским дискурсом объясняется тем, что он позволяет осуществить основную его цель – поиск истины.

Научный дискурс, имея ту же глобальную цель, что и философский, также неотъемлемо связан со спором. В других видах дискурса спор помогает реализовать следующие цели: в политическом – захват и удержание власти, в деловом – установление и регулирование деловых отношений, в бытовом – установление и регулирование межличностных отношений.

Говоря о речевых поступках, ассоциативно связанных со спором, то в первую очередь следует выделить дискуссию. Дискуссией называют публичный спор, целью которого является выяснение и сопоставление разных точек зрения, поиск, выявление истинного мнения, нахождение правильного решения спорного вопроса [Введенская, Павлова 2004: 326]. Е.И. Зарецкая, давая определение понятию «дискуссия», подчеркивает логическую сущность данного вида спора: «Под дискуссией может пониматься обсуждение спорного вопроса, основанного на искусстве рассуждать и излагать свои мысли соответственно законам разума...» [Зарецкая 1998: 259].

Отдельно следует сказать о жанрах научной и философской дискуссии. Научная дискуссия считается идеальным примером критической дискуссии, т.е. такого спора, в котором обмен мнениями направлен на устранение разногласий [Eemeren et al. 2000].

Научные и философские дискуссии могут быть устными и письменными. Устные дискуссии регламентируются ведущим; тема планируется заранее, поэтому участники предварительно «распределяют» роли протагонистов-антагонистов. Как правило, устные дискуссии начинаются с доклада; в нем выдвигаются основные тезисы (или один тезис),

по поводу которых затем высказываются другие участники дискуссии. Проанализировав тексты устных и письменных дискуссий, мы пришли к выводу, что в целом они имеют сходные композиционно-стилевые особенности (особенности выражения собственного мнения, несогласия с мнением оппонента, построения аргументации). Различие между ними состоит в том, что устные споры представляют собой макродиалог с репликами (микротекстами) разных размеров – от простого вопроса до большого монологического высказывания; письменные споры лишь имплицитно являются диалогами (об их диалогической природе свидетельствует наличие прямого и косвенного отдаленных адресатов). Кроме того, устные споры менее официальные: например, в них могут использоваться обращения по имени (без отчества).

Помимо непосредственных участников – исследователей как представителей научной общественности и мыслителей как субъектов философских размышлений – в научных и философских дискуссиях принимают участие косвенные адресаты: в устных спорах – слушатели, в письменных – читатели, которые, имея одинаковые с субъектами суждений пресуппозиции, подготовлены к восприятию научной и философской информации [Культура русской речи 2004: 195; Карасик 2002а: 330, 332].

В плане композиции и стиля обнаруживается сходство научных и философских дискуссий, а различаются они в большей мере тематикой, что обусловлено, в частности, разницей в периодах их возникновения. Философский спор в наиболее классическом виде, так называемая эристика (т.е. искусство вести полемику с использованием приемов, рассчитанных на победу), оформился у философов V в. до н.э. Вопросы, подвергавшиеся обсуждению, постоянно изменялись: мировоззренческая проблематика перемещалась от Космоса и миро(бого)устройства к антропофилософской проблемности, связанной с нравственностью и политикой [Алексеев, Панин 2000: 344]. Отсюда философия трактуется как мировоззрение, т.е. система взглядов на мир и на место в нем человека, форма познания наиболее общих,

а точнее, всеобщих оснований бытия, в то время как науке придается статус социального института, призванного вырабатывать и систематизировать объективные знания о действительности [БЭС 1998: 787,1279; Радугин 1996: 22]. Наука в целом как социальный институт сформировалась в период с середины XV в. до конца XVII в., тогда, по-видимому, и начал развиваться научный спор [Алексеев, Панин 2000: 45].

Заметим, что наибольшее стилистическое сходство наблюдается между научными и философскими дискуссиями гуманитарного профиля, поскольку тексты таких дискуссий являются полужесткими, иными словами - они отличаются от негуманитарных текстов, имеющих жесткую структуру, меньшей степенью формально-логической организации [Васильев 2000].

Поскольку научные и философские дискуссии сходны по большей части своих конститутивных признаков, то в общетеоретических выводах мы говорим о жанре научно-философской дискуссии, при анализе же конкретных примеров мы разводим понятия «научная дискуссия» и «философская дискуссия».

Учитывая относительную монологичность аргументативных микротекстов научно-философской дискуссии, можно, полагаясь на мнение Л.Г. Васильева, назвать аргументацию, приводимую в данном случае, коммуникативной [Васильев www]. Однако жанр критической дискуссии подразумевает не только продуцирование текста-аргумента, в чем заключается локус коммуникативной аргументации [Там же], но и обмен аргументами. Связующим звеном между аргументами разных участников, или средством когезии во всем макродиалоге дискуссии, является, на наш взгляд, выражение согласия / несогласия друг с другом, причем выражение согласия характерно для жанра обсуждения, а выражение несогласия – отличительная черта критической дискуссии, что делает необходимым рассмотрение аргументации как двустороннего процесса, т.е. с точки зрения ее интеракционального аспекта [Еемерен, Гроотендорст 1994: 29].

Итак, мы полагаем, что основной жанровой особенностью критической дискуссии является продуцирование аргументативных текстов и обмен аргументами посредством выражения, в первую очередь, несогласия с мнениями предыдущих участников.

Имея сходные черты, спор и дискуссия, тем не менее, различаются. Ф. Хундснуршер считает, что научная дискуссия и спор относятся к разным видам диалога: научная дискуссия является диалогом координативного характера с равной направленностью интересов коммуникантов, а спор относится к диалогам – «не сделкам» компетитивного характера, где интересы коммуникантов имеют противоположную направленность [Хундснуршер 1998: 48].

Модели спора и дискуссии, предложенные А. Вежбицкой, отражают разные мотивы и интенцию говорящего:

СПОР =

знаю, что ты думаешь о Z нечто другое, чем я

думаю, что ты думаешь плохо

говорю:...

говорю это, потому что хочу, чтобы ты думал так же, как и я

ДИСКУССИЯ =

думаю, что ты думаешь об X нечто другое, чем я

говорю:...

говорю это, потому что хочу, чтобы каждый из нас сказал, что он об этом думает (и почему)

думаю, что и ты хочешь, чтобы каждый из нас сказал, что он об этом думает и почему

думаю, что говоря об этом, мы могли бы сделать так, что мы будем думать одно и то же

я хотел бы, чтобы мы думали одно и то же [Вежбицкая 1997: 10].

Как видно из моделей, в споре акцент ставится на свою точку зрения как единственно верную; для говорящего главное - переубедить собеседника.

Участники дискуссии нацелены на то, чтобы прийти к единому мнению совместно, выслушав и обсудив аргументы каждого человека.

Разновидностью дискуссии является диспут. Слово «диспут» первоначально означало публичную защиту научного сочинения, написанного для получения ученой степени. В настоящее время этим словом называют публичный спор по научным, нравственным, политическим, литературным, профессиональным и общественно значимым проблемам, которые не имеют общепринятого, однозначного решения [Введенская, Павлова 2004: 326; Культура русской речи 2004: 149; Кузнецов 2004: 260]. Т.В. Анисимова видит разницу между диспутом и дискуссией в том, что тема дискуссии обязательно предполагает наличие противоположных точек зрения на поставленный вопрос (например, «Нужна ли молодежи народная музыка?»), в то время как участники диспута имеют противоположные, но не взаимоисключающие точки зрения на проблему (например, «Каковы пути вывода России из кризиса?») [Анисимова 1999]. Характер точек зрения участников, как нам кажется, не является жанрообразующим признаком и потому не позволяет говорить о дискуссии и диспуте как о двух разных речевых жанрах. Мы предлагаем разграничивать данные речевые жанры по признаку «коммуникативное прошлое»: для дискуссии в качестве коммуникативного прошлого выступает тезис (вопрос, проблема и т.п.), а для диспута – научная либо философская работа, подвергаемая обсуждению.

Дискуссия и диспут приобретают качество поступка, поскольку их участники несут ответственность за объективность излагаемых суждений и аргументов. Существует ряд принципов подачи объективной информации, соответствующих особенностям научного стиля: обобщенность, отвлеченность, логическая последовательность, некатегоричность изложения; смысловая точность (однозначность), информативная насыщенность содержания; использование терминологии; преобладание абстрактной лексики; употребление сложных предложений, причастных и деепричастных оборотов, страдательных конструкций; бессубъектный

способ изложения, «завуалированность деятеля» при употреблении местоимений «мы/we» как следствие неопределенности аудитории, вовлекаемой в коммуникацию [Кожина 1966: 159; 1993: 161-174; Разинкина 1986: 115-118; Кузнецов 2004: 76-77]. Однако участники дискуссии или диспута, владея научным стилем изложения, могут завуалировать в объективной форме выгодное им содержание.

Ответственность участников дискуссии высока, кроме прочего, из-за наличия косвенных адресатов и возможности верификации получаемых аргументов. Более того, степень ответственности участников выше в письменной дискуссии, нежели в устной. Вообще, по замечанию С.И. Поварнина, устные споры редко имеют большую научную ценность. Гораздо более пригодным для достижения глобальной цели дискуссии – выяснению истины – считается письменный спор, который может проходить на страницах периодического издания [Поварнин 1996: 26].

Спор как речевой поступок ассоциируется с другим поступком того же порядка – совещанием. А.П. Романенко и З.С. Санджи-Гаряева [2002: 63] рассматривают совещательную речь как дискуссию, необходимую для выработки коллективных решений. Участники совещания, таким образом, берут на себя коллективную ответственность за принятые решения.

В рамках политического дискурса спор имеет тесную ассоциативную связь с дебатами и прениями. Словами «дебаты» и «прения» именуется, как правило, споры, возникающие при обсуждении докладов, сообщений, выступлений на собраниях, заседаниях, конференциях и т.п. [Введенская, Павлова 2004: 327]. Имея агональный характер, дебаты и прения являются способом политической борьбы за власть. Если политики используют корректные приемы полемики, то они наделяют дебаты и прения качеством положительного поступка, некорректные приемы делают их отрицательными поступками. Среди некорректных приемов наиболее частыми являются перебивание оратора, выкрики с места, апелляция к личностным качествам и чувствам оппонента:

Председательствующий. Валерий Гаврилович, можете не отвечать. Будете отвечать? Пожалуйста, включите микрофон.

Из зала. Правильно, правильно, стыдно отвечать, стыдно на такие вопросы отвечать (<http://www.duma.gov.ru/24.03.2006>).

В бытовом дискурсе спор ассоциируется с выяснением отношений – так называемым фатическим спором, который может легко трансформироваться в ссору:

Из горницы вышла теща <...>

-Ты что это, Вениамин? – сказала она с укоризной. – Другой бы муж радовался...

-А я радуюсь! <...>

-Если недопонимаешь, то слушай, что говорят! – повысила голос теща.- Красивая, нарядная жена украшает мужа. А уж тебе-то надо об этом подумать – не красавец.

-Ну да, вы-то, конечно, понимаете, как надо украшать людей! Вы уж двоих украсили... <...>

-Молчать! – строго сказала Лизавета Васильевна. – А то договорись у меня!.. Молокосос. Сопляк... (В.М. Шукшин «Мой зять украл машину дров!»).

Фатический спор и ссора могут квалифицироваться как поступки, если участники осознанно и ответственно идут на изменение межличностных отношений с собеседником.

Итак, спор является имманентным поступком для философского, научного, политического, делового и бытового видов дискурса, поскольку позволяет осуществить их основные цели. С другой стороны, спор ассоциативно связан с поступками того же порядка: дискуссией, диспутом, совещанием, дебатами, принятиями, фатическим спором и ссорой.

5.2. Фактогенная перформативность в речевом жанре «спор»

Речевой жанр «спор» является фактогенным перформативным жанром, обладая способностью конституировать факты. Различая два типа фактогенной перформативности - фактуальную и фактуально-событийную, - мы полагаем, что спор характеризуется обоими типами.

5.2.1. Фактуальная перформативность в споре

Фактуальная перформативность предполагает актуализацию смысла реального общения посредством коммуникативных целерациональных, или перформативных, действий. В структуре речевого жанра «спор» таковым представляется речевое действие «возражение».

Актуализация смысла реального общения, т.е. конституирование фактов первого типа, может осуществляться посредством прямого возражения, выражаемого с помощью глагола «соглашаться» в отрицательной форме либо других отрицательных конструкций, передающих смысл несогласия:

- И вот еще, - сказал Гольцман. – Ты не прав. Подтвержденный факт у нас появился (<http://search.ruscorpora.ru>).

Аналогичную прагматическую функцию (конституирование фактов первого типа) выполняет возражение-опровержение, пропозициональное содержание которого противоположно утверждению оппонента:

- Слушай, я не могу разобраться с людьми, зачем мне быки?

- Ты должен прочесть ее!

- Я никому ничего не должен, запомни! (А. Солженицын «В круге первом»).

В работах Ф. ван Еемерена и Р. Гроотендорста [1992; 1994] речевой акт возражения рассматривается как выражение сомнения. Мы, однако, склонны полагать, что выражение сомнения представляет собой нечто среднее между актами согласия и несогласия, так же как, по О.В. Ляшенко, значение

«сомнительно» занимает промежуточное место в интервале значений <истина; ложь> [Ляшенко 2002]. В логической теории аргументации (argumentation logic) неуверенность (uncertainty) – понятие, синонимичное сомнению, - трактуется как отсутствие аргументов «за» и «против» [Taran www], в чем мы видим еще одно подтверждение своей точки зрения. Вместе с тем мы считаем, что в споре выражение сомнения в зависимости от ситуативного контекста может быть имплицитным выражением несогласия:

- *В Реввоенсовете не дураки сидят!* – серьезно выразился комиссар. – *Там взвесили «за» и «против»!*

- *Это я понимаю, – согласился Пухов. – Там – задумчивые люди, только жлоб механики враз не поймет!*

- *Ну а кто ж тогда все чудеса науки и ценности международного империализма произвел?* – заспорил комиссар (А. Платонов «Сокровенный человек»).

В данном примере вопросительное предложение является имплицитным возражением-сомнением.

Другими видами косвенного возражения являются следующие:

- имплицитное возражение, заключенное в аргументации и построенное как критика мнения оппонента:

– *Женись, маяться перестанешь. Не до этого будет.*

– *Нет, тоже не то. Я должен сгорать от любви. А где тут сгоришь!.. Не понимаю; то ли я один такой дурак, то ли все так, но помалкивают... Веришь, нет: ночью думаю-думаю – до того плохо станет, хоть кричи. Ну зачем?!*

– *ТЬфу!* – *Старик покачал головой. – Совсем испортился народишко* (В.М. Шукшин «В профиль и анфас»);

- имплицитное возражение – оскорбление (с помощью инвектив):

- *Объясняю, что с тобой происходит: ты зачуял смерть и забеспокоился – тебе неохота просто так уходить, тебе надо, чтоб о тебе потом говорили: он же верующий был! Так?*

- Дурак, - просто сказал дядя Гриша. Подумал и еще сказал: - Волосатик (В.М. Шукшин «Гена Пройдисвет»);

- возражение–замечание, синтаксически оформленное в виде предложения с противительным союзом по формуле «Я согласен, что $p1$, но не согласен, что $p2$ », где p – пропозиция (proposition):

- Постойте, постойте, - несмело возражал он. – Все это так, может стать. Но, по-моему, не время таким рискованным экспериментам среди нашего хаоса и развала, перед лицом напирającego врага (Б. Пастернак «Доктор Живаго»);

Возражение-замечание может также являться частичным опровержением мнения оппонента:

«Разумеется, его мать была недовольна:

- Ну зачем ты их так опекаешь? Эта девка тебе не пара! Мало ты потерпел?

- Потерпел я не из-за них, мама, а помогая Мише разоблачить убийцу Надежды. И не жалею об этом. Даже себя зауважал! (С. Малков «Две судьбы-2»).

Возражение-замечание в данном примере строится не по вышеприведенной формуле «Я согласен, что $p1$, но не согласен, что $p2$ », однако его можно трансформировать в соответствии с формулой: «Да, я потерпел, но не из-за них»;

- имплицитным возражением, выражающимся как согласие с «третьим лицом», уже выразившим свое несогласие с оспариваемым мнением:

- Мы о вас знаем и надеялись, что и вы о нас слышали. Что мы не чужие для вас и сами попадем не к чужим. <...>

- Интересно, постигаете ли вы, на каком мы тут и без вас вулкане?

- Погоди, Леночка. Жена совершенно права. И без вас не сладко. Собачья жизнь, сумасшедший дом. Все время меж двух огней, никакого выхода (Б. Пастернак «Доктор Живаго»);

- опущенное (неэксплицированное) возражение, логически и по смыслу выводимое из аргументации (преимущественно в бытовом споре):

- *Красная Армия все может!* – отвечали Пухову матросы. – *Мы в Царицын на щепках приплыли, кулаками город штурмовали.*

- *Так то ж драка, а не война!* – сомневался Пухов. – *А ядро не классовая вещь – живо ко дну пустит!* (А. Платонов «Сокровенный человек»).

В данном примере возражение не выражено вербально, но его можно восстановить по контексту любым из вышеперечисленных способов.

Рассмотрим виды и способы выражения возражения в научно-философском, политическом и бытовом спорах в русском и английском языках.

В **научно-философской дискуссии** мы выявили шесть способов выражения несогласия:

1) прямое возражение, чаще всего выраженное в русскоязычном научно-философском дискурсе с помощью глагола «соглашаться» в отрицательной форме, глаголов – обозначений возражения («возражать», «спорить» и т.п.), а в англоязычном – с помощью глаголов «argue» и «disagree»: *Кстати, я не могу согласиться с Зиновьевым, что сегодня потерпела крах не только советская идеология, но и сам марксизм...* (<http://www.netda.ru>); *Я возражу Дмитрию [Кралечкину] по поводу «фиги в кармане», а то она подвисла* (<file://localhost/articles/miseregrandeur.htm>); *Я хотел бы как раз сказать, что проблема ответственности преподавания и преподавателя философии стоит очень остро, и здесь я хотел бы поспорить с Владимиром Васильевичем [Мироновым]* (<file://localhost/articles/miseregrandeur.htm>); *I argue that the thesis that time travel is logically possible, is inconsistent with the necessary truth of any of the usual “open future-objective present” models of the universe.* – *Я считаю, что тезис о том, что движение времени логически возможно, противоречит одной из обычных моделей мироздания – «настоящему, открыто*

ориентированному в будущее» (disputatio.com); *But I disagree that there is anything wrong with the original response given by Hempel....* – Но я не согласен, что что-то не так с оригинальным ответом, данным Гемпелем... (disputatio.com).

2) возражение-опровержение:

Исаев П.И.: Вячеслав Семенович, я с вами совершенно согласен, мне ценности западной цивилизации не нравятся, и я готов вместе с вами их осудить и похоронить.

Степин В.С.: Нет, это как раз совсем не то, что я хочу сказать. Я как раз наоборот, считаю, что в этих ценностях есть...от этих ценностей мы просто так не отмажемся (<http://slovo.netda.ru>);

In most cases, we think that what settles what act it is right to perform is sensitive to what we take the facts about the world to be. But those facts include many controversial metaphysical claims about the world. – В большинстве случаев мы полагаем, что то, что определяет правильность выполнения того или иного действия, зависит от того, какие факты о мире мы хотим воспринимать. Но в этих фактах много противоречивых метафизических суждений о мире (disputatio.com).

3) возражение-замечание: *Конечно, верно то, что изложение вопросов науки невозможно без разработанной системы специальных терминов. Но наличие специальных терминов само по себе не может еще составить характеристики научного стиля* (Культура русской речи 2004: 376); *On the grounds that morality itself is coherent, ethicists have reasonably assumed that the ideal moral theory must be coherent. However, coherence has not reigned merely as a regulative ideal.* – Считая, что мораль последовательна, ее сторонники разумно предполагают, что идеальная теория этики должна быть последовательной. Однако последовательность вряд ли является регулятивным идеалом (disputatio.com).

Возражение-замечание в устной дискуссии может включать только вторую часть выше обозначенной формулы – противопоставление какому-либо одному аспекту реплики оппонента:

Нарочницкая Н.А.: <...> Однако США карают всех, кто осмеливается осуществить свое право на самооборону, если оно не совпадает с их интересами, - зачастую под предлогом борьбы с терроризмом.

Ефимов Н.: Но международный терроризм, Наталья Алексеевна, действительно данность нашего времени, хотя и порожден отчасти иностранными спецслужбами (<http://narochnitskaya.ru>).

4) возражение-сомнение, синтаксически оформленное в виде вопросительного предложения (чаще всего это общий вопрос), причем вопрос может быть риторическим; кроме того, возражение-сомнение иногда выражается лексически, с помощью слов с семой сомнения: *Спору нет, языковые стили действительно обнаруживают «исключительное разнообразие и изменчивость», однако дает ли это право исследователю не признавать эти стили, объявлять их пустой формальностью?* (Культура русской речи 2004: 392); *Уже по этой причине я не верю ни в какую идеологию западнизма в единственном числе и тем более с большой буквы* (<http://www.netda.ru>); *I'm not sure if I share exactly the same concerns as you. I guess I always thought it would be nice to have the syntax get the right order.* – Я не уверен, что придерживаюсь тех же взглядов, что и Вы. Мне всегда казалось, что было бы верно считать, что синтакс отвечает за правильный порядок (Morphology and its Relation to Phonology and Syntax 1998: 158).

5) имплицитное возражение, заключенное в аргументации и построенное как критика предыдущего высказывания: *Вообще-то дискурс - это штука очень конкретная. Когда вы говорите о том, что идет глобализация дискурсов, и, так сказать, постмодернистская ситуация, у меня создается впечатление, что вы на самом деле <...> анализировали только политический дискурс. Вообще этого маловато! И это очень существенно, потому что у вас там целые слои выпали, где ни о какой там*

глобализации и сетевом обществе просто речи быть..., он централизован изначально (<http://www.geocities.com/>); *The doctrine of responsibility [by Peter Geach] is not easily satisfied: it does not merely say that coherence is a desirable attribute in a theory, nor does it simply suggest that the perfect theory should be coherent; it holds that the only acceptable justification for action is a fully articulated coherent justification.* – Теорию ответственности (Питера Гича) нелегко обосновать: по ней не скажешь, что последовательность – это желаемое свойство любой теории, в ней и не утверждается, что законченная теория должна быть последовательной; она гласит, что единственно приемлемое оправдание действию – это четко сформулированное последовательное оправдание (disputatio.com).

б) имплицитное возражение, выражающееся как согласие с «третьим лицом», уже выразившим свое несогласие с предыдущим высказыванием: *В этом смысле правильной в своей основе представляется та критика, которой Ю.С. Сорокин подвергает понятие «замкнутой стилистической системы»* (Культура русской речи 2004: 407); *I want to defend Sharon and Orhan a little bit. I think the idea of encoding certain prespecifications in the representation makes certain claims about what's possible and what isn't.* – Хочу немного заступиться за Шарона и Орхана. Думаю, идея о кодировании предварительных данных отвечает определенным требованиям о том, что возможно, а что – нет (*Morphology and its Relation to Phonology and Syntax* 1998: 406).

В политических спорах речевой акт возражения служит связующим звеном между аргументативными текстами политиков и придает аргументации агональный характер. В **парламентских дебатах** мы выявили шесть способов выражения несогласия:

1) прямое возражение: *Уважаемая Светлана Евгеньевна, вы знаете, я был одним из авторов аналогичного законопроекта, который тоже был успешно завален. И я несколько не согласен с вами в плане того, что такой закон будет размывать государственную монополию*

(<http://www.duma.gov.ru/12.02.2003>); *My Lords, the noble Lord would not be right in assuming that.* – Господа, уважаемый лорд не прав, допуская это (<http://www.publications.parliament.uk/Deb. for 29 Nov. 2001: Col. 449>).

2) возражение-опровержение: *Для тех, кто считает, что с помощью оружия можно защититься и решить все проблемы, я, как человек, имевший отношение к оружию, отмечу, что это не так: человек с оружием становится притягательным для преступных посягательств* (17.09.2003); *Нам представляется, что данная норма...противоречит Закону Российской Федерации «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках»* (<http://www.duma.gov.ru/24.03.2006>);

The hon. Gentleman is wrong: 50,000 beds have not been lost in the care home sector. – Уважаемый господин не прав: 50 тысяч койко-мест не были потеряны в доме инвалидов (<http://www.publications.parliament.uk/Deb. for 10 Apr. 2001: Col. 846>).

3) возражение-замечание: *В пояснительной записке к законопроекту есть ссылка на мировые стандарты. Да, это имеет место, но есть и другие примеры, данная практика все-таки не имеет повсеместного распространения* (<http://www.duma.gov.ru/24.03.2006>);

Before the Minister goes any further down the path, I should point out that it is not the Opposition who contrived the matter, but the Government who have conceded something in the other place... – Перед тем, как министр пойдет дальше, я бы хотел заметить, что не оппозиция затеяла это дело, а правительство, которое что-то где-то упустило (<http://www.publications.parliament.uk/Deb. for 11 May 2001: Col. 377>).

Indeed, the approach of the noble and learned Lord mirrors that... However, inconsistency with the Judicial Committee's judgment does not end there. – На самом деле, подход уважаемого господина отражает, что... Однако несоответствие решению Судебного комитета не заканчивается на этом (<http://www.publications.parliament.uk/Deb. for 29 Nov. 2001: Col. 447>).

4) возражение-сомнение: Разве это гуманный подход? Вы уже заранее закладываете возможность учитывать тех будущих, потенциальных, наверное, посетителей всех этих игровых заведений (<http://www.duma.gov.ru/24.03.2006>); Вызывают также сомнение некоторые нормы законопроекта... (<http://www.duma.gov.ru/18.05.2005>);

My Lords, I agree that this is a very important stream of funding for universities. But is the Minister aware that the extra income yielded by the imposition of tuition fees resulted in no net increase of resources to universities because of cuts elsewhere? – Господа, я согласен, что это важный источник финансирования вузов. Но осознает ли министр, что дополнительный доход от платы за обучение не привел к увеличению финансирования вузов из-за других сокращений? (<http://www.publications.parliament.uk/Deb. for 29 Nov. 2001: Col. 448>).

Показатели сомнения в достоверности слов оппонента, по мнению Е.И. Шейгал, являясь маркерами чуждости, относятся к специализированным прототипным знакам вербальной агрессии в политическом дискурсе [Шейгал 2004: 121-122].

5) имплицитное возражение-критика: *Это второй важнейший законопроект сегодня. Днём мы обсуждали законопроект о земле и приняли в том варианте, что землю никто не получит и все собственники будут долго оформлять и умирать. И я уже называл причину. Причина одна: чтобы быстрее из жизни ушли носители советской идеологии. Вот в чём причина. Вот так они уйдут быстрее. Как их убрать? Вот уже разгромили государство, расчленили, а люди живут. Они носители той идеологии, которая противна Западу, заказчик там, в Лондоне. Поэтому и предлагаются законы, которые вроде бы хорошие, но невыполнимые и направлены против наших бедных граждан. То же самое и здесь. Там у нас хлеб — хлеб не давать! — а здесь зрелища: а зрелища давайте дадим!* (<http://www.duma.gov.ru/24.03.2006>). Критикуя законопроект о государственном регулировании деятельности по организации азартных игр,

В.В. Жириновский проводит аналогию с другим ранее обсуждавшимся законом, который он также не одобряет: с законом о земле. В.В. Жириновский обвиняет создателей данных законов в антинародных действиях. Крайнюю эмоциональность тексту придают вопросительные и восклицательные предложения иронического характера, аллюзия на Б. Березовского как главного создателя антинародных проектов («...заказчик там, в Лондоне»), словосочетание с эпитетом («бедных граждан»), глаголы со значением разрушения («разгромили», «расчленили»).

Речь британского политика, содержащая аналогичное возражение, - менее эмоциональна: *My recollection is that the hon. Gentleman welcomed the conclusion of the SDR and the way in which it set out Britain's military contribution to reflect our foreign policy commitments. He cannot have it both ways. He has to decide whether he believes that Britain should play its part in the world, and where, or whether we should have some curious defence and foreign policy that he has yet to articulate*. – Помнится мне, что уважаемый господин приветствовал СДР [специальные права заимствования] и то, как они положили начало британской военной контрибуции, отражая наши иностранные обязательства. Здесь нельзя всем угодить. Ему следует решить, считает ли он, что Британия должна играть свою роль в мире и где в таком случае, либо мы должны иметь какую-то любопытную защиту и иностранную политику, которую он еще не сформулировал (<http://www.publications.parliament.uk/Deb. for 11 Feb. 2002: Col. 4>).

В данном примере политик критикует тактику «двойной игры» своего коллеги, напоминая, что тот сам поддерживал решение, против которого сейчас выступает. Данная критика звучит довольно резко и категорично благодаря особой форме обращения (местоимение третьего лица – «he») и модальным глаголам «cannot», «has to», придающим настойчивость его советам; аргумент о роли Британии в мировой политике звучит как апелляция к патриотическому чувству оппонента.

Поскольку возражения данного типа обладают обвинительной направленностью, их можно расценивать, выражаясь словами Е.И. Шейгал [2004:123], как неспециализированные знаки вербальной агрессии – ярлыки.

б) имплицитное возражение, выражающееся как согласие с «третьим лицом», уже выразившим свое несогласие с предыдущим оратором: *Довольно спокойные слова произнёс Валерий Гаврилович о разрешённом зле. Но тут я вполне согласен с депутатом Павловым: нельзя говорить о разрешённом зле с такой интонацией, потому что игромания по всем медицинским показателям совершенно однотипна с наркоманией* (<http://www.duma.gov.ru/24.03.2006>);

I want to support my noble friend Lady Byford on the issue of fallen stock, which was raised also by my noble friends Lord Plumb and Lord MacGregor. Article 5 cannot be allowed to stand. – Я хочу поддержать своего уважаемого друга – лорда Байфорда – в вопросе о снижении фондов, который был поднят другими моими друзьями – лордом Пламбом и Макгрегором. Статья 5 не может быть одобрена (<http://www.publications.parliament.uk/Deb. for 4 Apr. 2003: Col. 1605>).

В поведении британских парламентариев обращает на себя внимание то, что они корректно, осторожно выражают несогласие, чтобы «сохранить лицо» оппонента, не обидеть его. Для этого в начале своего выступления британские политики благодарят предыдущих ораторов и подчеркивают, что уважают их и те мнения, которых они придерживаются: *My Lords, I thank the noble Baroness for that reply.* - Господа, я благодарю уважаемую баронессу за этот ответ (<http://www.publications.parliament.uk/Deb. for 29 Nov. 2001: Col.447>); *I pay tribute to the hon. Gentleman* - Я благодарю уважаемого господина; *With all due respect, I do not think that the hon. Gentleman has understood the scheme.* - При всем должном уважении, я не думаю, что уважаемый господин понял план (<http://www.publications.parliament.uk/Deb. for 14 Apr. 2003>); *I dare to say, my Right hon. Friend is mistaken.* - Осмелюсь сказать, что мой уважаемый друг ошибается

(<http://www.publications.parliament.uk/Deb. for 14 Apr. 2003>). Вежливость британских политиков в отношении друг друга позволяет снизить категоричность и эмоциональность высказывания, в целом создает впечатление сдержанности ораторского выступления. М.В. Китик считает, что сдержанность в британском дискурсе парламентских слушаний обусловлена традициями британского парламентаризма и национально-культурными особенностями англичан [Китик 2004: 31, 111].

Фактуальная перформативность в парламентских дебатах актуализируется также посредством речевого акта предложения (по поводу принятия решений) как итога аргументативной деятельности каждого участника, что связано с реализацией глобальной цели работы парламента. Акт предложения может выражаться следующим образом:

1) перформативной формулой просьбы или другого декларатива: *Я прошу проголосовать о внесении этого законопроекта в повестку дня* (<http://www.duma.gov.ru/27.10.2004>); *Я призываю вас и прошу, наша фракция в этом едина* (<http://www.duma.gov.ru/16.03.2002>.); *I very much welcome the Bill. – Я приветствую законопроект* (<http://www.publications.parliament.uk / Deb. for 11 May 2001>);

2) перформативной формулой предложения: *Поэтому мы поддерживаем редакцию закона, предложенную комитетом, и предлагаем этот законопроект поддержать* (<http://www.duma.gov.ru/26.03.2006>);

3) формой повелительного наклонения глагола: *Вот давайте лучше поддержим Украину, где пытаются навязать проамериканский режим* (<http://www.duma.gov.ru/12.04.2001>); *Let us move to deliberations in Standing Committee. – Давайте перейдем к обсуждениям в Постоянном комитете* (<http://www.publications.parliament.uk/Deb. for 11 May 2001: Col. 368>);

4) с помощью модальных глаголов и слов с модальным значением: *Уважаемые коллеги, на мой взгляд, нам нужно поддержать обоснованное предложение депутата Арефьева...* (<http://www.duma.gov.ru/16.03.2002>); *This rate should be adjusted to allow for tax. – Этот показатель должен быть*

выверен, чтобы его можно было внести в налог
(<http://www.publications.parliament.uk/Deb. for 29 Nov. 2001: Col. 527>);

5) с помощью глагола в форме сослагательного наклонения:
Уважаемые коллеги, я поддержал бы этот законопроект...
(<http://www.duma.gov.ru/27.10.2004>).

Одной из главных особенностей бытового спора является большее по сравнению с научно-философским и политическим спорами количество способов выражения несогласия, что обусловлено довольно близкой дистанцией между коммуникантами и, как следствие, появлением косвенных речевых актов возражения. В **бытовом споре** можно выделить восемь способов выражения возражения:

1) прямое возражение:

- *Насчет пьяниц вы не правы, я с вами поспорю* (Б. Пастернак «Доктор Живаго»);

“Your brother was looking awfully well, I thought... He’s a very committed sort of person, isn’t he, I mean, he really does take things seriously.”

“I wouldn’t entirely say so”.

- *Твой брат выглядел очень хорошо, я подумала... Он очень ответственный человек, не правда ли? Я имею в виду, что он воспринимает все очень серьезно.*

- *Я бы так не сказала* (P. Lively «The Road to Lichfield»).

2) возражение-опровержение:

- *Если честно – нравится мне она, Мишка. <...> Только на кой талантливой пианистке никчемный инвалид?*

- *Не прибедняйся, Витя! У тебя много достоинств, - серьезно возразил ему Михаил* (Малков «Две судьбы-2»);

“My manners were atrocious. The only excuse I can make is that I’ve become boorish through living alone. That’s why it’s so kind of you to lunch with me today.”

“You weren’t rude”, I said, “at least, not the sort of rudeness she [Mrs. Van Hopper] would understand <...>”.

- *Мои манеры были ужасны. Могу придумать единственное оправдание: это моя жизнь в одиночестве сделала меня неучтивым. Поэтому так любезно с Вашей стороны пообедать со мной сегодня.*

- *Вы не были грубым, - сказала я. – По крайней мере, она не расценивает это как грубость (D. du Maurier «Ребекка»).*

3) имплицитное возражение-сомнение в форме вопроса, в том числе риторического, либо посредством слов с семой сомнения:

- *<...> Разные деревни. Все зависит от жителей. В одних население трудолюбивое, работающее. Там ничего. А в некоторых, верно, одни пьяницы. Там запустение. На те страшно смотреть.*

- *Глупости. Какие пьяницы? Много вы понимаете. (Б. Пастернак «Доктор Живаго»);*

“God works in strange ways His miracles to perform.”

“Oh” – I turned my head away – “I don’t think anything I did could have been under the direction of God....

- *Бог странным образом творит чудеса.*

- *Не думаю, что то, что я делала, делалось под руководством Бога, - сказала я, отвернувшись (С. Cookson «Hamilton»).*

В русской речи возражение - сомнение часто выражается с помощью междометий «Ну да!...», «Ну что вы!», «Да ну!...», «Да?», «Ну прямо», «Ну уж!» и т.п.:

К. И сейчас вы хорошо выглядите//...

М. Ну что вы/ смеетесь? Кирочка/ как не стыдно...над старым человеком смеяться/ (PPP 1978: 113).

4) имплицитное возражение-оскорбление:

- *Слушай, батюшка, уж не любит ли она другого?*

- *Другого? Кого ж другого? мужа? старика?*

- *А если... - продолжал мельник, запинаясь, - если она любит не мужа?..*

- *Ах ты леший! – вскричал князь, - да как это тебе на ум взбрело? Да если б я только подумал про кого, я б у них у обоих руками сердце вырвал!* (А.К. Толстой «Князь Серебряный»);

“You’ve been up with him every night.”

She tried to laugh. “Look what you’ve done to me, you clumsy idiot! And stop being silly, making accusations in that fatheaded way”.

- *Ты была с ним каждую ночь.*

Она попыталась улыбнуться:

- *Посмотри, что ты со мной сделал, идиот! И не будь глуп, перестань обвинять меня во всей этой чепухе* (Р.Н. Gohnson «Too dear for my possessing»).

5) имплицитное возражение, выражающееся как согласие с «третьим лицом»:

- *Да не хочу я поступать в ваш институт/ Не нравится он мне/ Ну не мое это/*

- *Правильно говорят о тебе/ тебе что-то доказать/ легче самому сделать/ только мы-то не можем за тебя поступить/* (КЗУПР);

“She is happy.”

“She can’t be – not in her situation. She needs children.”

“Do you really believe all that nonsense her sister...”

“A sister sometimes knows better...”

“She was just trying to sell the notion to you, Pyle, because she thinks you have more money. And, my God, she has sold it all right.”

- *Она счастлива.*

- *Нет, только не в ее случае. Ей нужны дети.*

- *Ты и вправду веришь во всю ту чушь, что ее сестра...*

- *Иногда сестра знает лучше...*

- Она просто пыталась продать тебе идею, Пайл, потому что она думает, что у тебя больше денег. И, боже мой, ей удалось это сделать. (G. Greene «The Quiet American» / Г. Грин «Тихий американец»).

В данном примере имеет место не только согласие с «третьим лицом», но и дальнейшее возражение, адресованное Фаулером этому «третьему лицу».

б) возражение-критика:

- Надо еще немного поработать/ потом пойдём/

- Вот всегда ты так/ когда я хочу куда-нибудь пойти/ у тебя срочные дела/ (КЗУПР);

Sarah took a sip of weak tea. "Steve and I are getting divorced." <...>

"It's always the children who suffer. You didn't ever think of that, did you?"

Sarah's mother spoke slowly....

Сара сделала глоток некрепкого чаю.

- Мы со Стивом разводимся.

- При этом всегда страдают дети. Ты даже не думала об этом? – мать Сары говорила медленно (S. Read «Snap happy»).

Критика в бытовом дискурсе может быть выражена упреком:

- Я знаю, о чем вы думаете, — сказал Тулин. — Я знаю ваше желание и готов выполнить его.

- Попробуйте.

- Вы не хотите идти на лекцию, вы хотите познакомиться со мной, хотите остаться гулять в этом парке.

- Глупости, — строго сказала высокая девушка. Ее звали Катя. — Вы слишком самоуверенны (Д. Гранин «Иду на грозу»).

7) возражение-замечание:

- Мне ничего не остается, как поступить по-своему. Согласны вы с папой или нет, вы забыли, что я уже взрослый, совершеннолетний!

- Взрослый, но не самостоятельный! - запальчиво возразила Светлана Ивановна» (Малков «Две судьбы-2»);

Betty shuffled a bit. "Everyone knows," she said, "everyone heard you."

"But I wasn't screaming at Finn," said Lidia. <...> "I admit I don't remember much about it, but I do know Finn wasn't there."

Бетти увильнула.

- Все знают, все слышали тебя, - сказала она.

- Но я не кричала на Финна, - ответила Линда. <...> Я допускаю, что не помню многого, но я точно знаю, что Финна там не было (А.Т. Ellis «Unexpected laughter»).

8) опущенное возражение (неэксплицированное), логически и по смыслу выводимое из аргументации:

- Интересно, съела бы она его уши, если бы он отрезал уши и бросил ей? – полюбопытствовал кто-то.

- Нет, уши, пожалуй, не съела бы, - решили старейшины, - уши хозяина она видела и знала, а язык приняла за кусок мяса.

- Да, но собака должна знать запах хозяина, - брезгливо настаивал один из старейшин.

- Язык не пахнет, - после некоторого раздумья заметил другой старейшина, как бы приоткрывая дьявольские возможности языка. (Ф. Искандер «Софичка»).

"There is an old saying that every time an owl hoots a woman has been unfaithful," she added <...>.

"There are hundreds of them hooting all night," protested Betty.

- Существует старое поверье, что каждый раз, когда ухает сова, какая-нибудь женщина изменяет мужчине, - добавила она.

- Совы сотнями ухают каждую ночь, - возразила Бетти (А.Т. Ellis «Unexpected laughter»).

Итак, фактуальная перформативность в споре актуализируется посредством речевого действия «возражение». В научных и философских дискуссиях, а также в парламентских дебатах мы выявили шесть способов выражения возражения, в бытовых спорах – восемь способов. В

парламентских дебатах, кроме того, актуализация фактуальной перформативности осуществляется посредством речевого акта предложения.

5.2.2. Фактуально-событийная перформативность в споре

Фактуально-событийная перформативность предполагает затрагивание ценностной картины мира людей, что сообщает высказыванию свойство факта как культурного явления. В споре таким потенциалом, на наш взгляд, обладает аргументация.

В аргументации реализуется ценность истины, в которой, как предполагается, уверен говорящий. Истина - одно из центральных понятий философской теории познания, или гносеологии. Спор представляет ценность именно с гносеологической точки зрения, т.е. в плане нахождения истины.

В толковых словарях русского языка выделяются две идеи в определении понятия «истина»: 1) истина - то, что соответствует действительности, и 2) истина - то, что существует в действительности. В современном русском сознании слово «истина» образует тесную пару со словом «правда», где «истина» связывается с вечным и неизменным, а «правда» - с земным, изменчивым, социальным [Степанов 2001а: 436-437]. Характерным для русской лингвокультуры является понимание правды как справедливости [Евгеньева 1984]. Таким образом, основываясь на дефиниции слов «истина» и «правда», можно предположить, что достижением истины в спорах среди носителей русской лингвокультуры считается воссоздание достоверности, принятие правильных решений или восстановление справедливости.

В английском понятии «truth», так же как и в русском «истина», выделяются два аспекта: 1) «the quality or state of being true»; 2) «that which is true», «a fact, a belief, etc. that is accepted as true». Поле английского концепта «truth» представлено следующими семами: «truth/правда, истина»,

«authenticity/подлинность, достоверность», «accuracy/ точность» и др. [Roget's Thesaurus]. Основываясь на семантическом анализе понятия «truth», можно сделать вывод, что в английской лингвокультуре «прийти к истине в результате спора» означает «воссоздать достоверность, точность».

По мнению В.А. Лукина, истина тесно связана с коммуникацией, причем так, что истина является предпосылкой если не для коммуникации вообще, то, по крайней мере, для эффективного речевого акта [Лукин 1993: 73]. Действительно, спор считается плодотворным, когда его участникам удается решить спорный вопрос и тем самым устранить возникшее противоречие. Как правило, решение спорного вопроса приравнивается к нахождению истины. На наш взгляд, выражение «найти истину» квалифицирует спор как добывающее действие, причем имеющее характер «открытия», по определению Ю.С. Степанова, разработавшего ранее упомянутую культурологическую классификацию действий, куда наряду с добывающими входят также действия упорядочивающие и обрабатывающие [Степанов 2001а: 314-337].

Истинность утверждения доказывается в споре посредством аргументативных стратегий. В настоящей работе мы используем типологию аргументативных стратегий, представленную в [Каппель et al. 1995: 43], где различаются три их вида: квазилогический, презентирующий и по аналогии. Квазилогический тип делает упор на логику аргументов, которую собеседник не должен и не может опровергнуть. Языковая реализация при этом носит черты логических заключений: употребляются такие слова, как «поэтому», «итак», «следовательно», поддерживающие логическую структуру высказываний. При презентирующем типе аргументации пытаются повлиять на чувства собеседника. Аргумент преподносится в виде интересной истории, слушатель становится как будто свидетелем событий благодаря употреблению дейктических элементов. Применяя стратегию аргументации по аналогии, говорящий делает ставку на убеждающую силу примеров,

которые могут функционировать в языке в качестве общераспространенных мудростей типа пословиц или соответствовать общепринятым ценностям.

Рассмотрим особенности аргументации в научно-философской дискуссии, парламентских дебатах и бытовом споре.

Отличительный признак *научно-философских дискуссий* – сложность аргументации, которая проявляется в многоуровневости и масштабности аргументативных текстов.

Самый распространенный вид аргументации в научно-философских дискуссиях - квазилогическая аргументация, представленная в виде текста-рассуждения или описания. В качестве иллокутивных маркеров квазилогических аргументов выступают союзы «потому что», «так как», «так», «поскольку», а в английском научном-философском дискурсе – «since», «for», «as», редко «because», придающие аргументации логическую стройность: *«Власти всегда предлагали цивилизационные проекты, а сама власть не предлагает ничего, потому что ее просто нет. Потому что цивилизационные проекты придумываются такими сетевыми, абсолютно невластными, если не понимать, конечно, власть как некий абсолютно вынесенный за пределы дискурса центр, структурами»* (<http://www.geocities.com>). Данная аргументация-рассуждение - пример множественной аргументации, в которой аргументы представлены ассертивами-утверждениями.

Рассмотрим квазилогическую аргументацию-рассуждение в английском философском дискурсе: *<...> theories which fail to be coherent because they are logically inconsistent will be incomprehensible. But even those (non-coherent) theories which satisfy the consistency requirement <...> do not satisfy our understanding; for such a priority rule does not tell why principles are ranked as they are, but only that they are so ranked.* - *<...> теории, которым не хватает логической связности, не будут понятными. Но даже те (несвязанные) теории, которые отвечают требованию последовательности, недостаточны для понимания; поскольку такое*

первичное правило не говорит, почему принципы считаются таковыми, а просто утверждает, что они являются принципами. (disputatio.com). Здесь единичный аргумент представлен ассертивом-утверждением.

Аргументы в квазилогической аргументации могут употребляться без иллокутивных маркеров, но логически их можно восстановить, как в следующем примере-описании: *«(выраженное мнение) Эта идеология стала одним из важнейших компонентов западного образа жизни. (аргумент 1) Она излагается в бесчисленных монографиях солидных ученых, в учебных пособиях для школьников и студентов, в популярных книгах и статьях для широкого круга читателей, в лекциях по телевидению, в газетных и журнальных статьях. (аргумент 2) Она плюралистична в том смысле, что состоит из множества различных идей, учений, концепций, направлений мысли, которые зачастую противоречат друг другу» (http://www.netda.ru). В данной аргументации, которая является сочинительной, первый аргумент представляет собой ассертив-констатив, второй аргумент – ассертив-утверждение (оценку). Иллокутивными маркерами здесь могут быть, на наш взгляд, вводные слова «во-первых» и «во-вторых».*

Аналогичный пример находим в записи философской дискуссии на английском языке: *(выраженное мнение-возражение) I argue that recent arguments ... do not show that presentism is consistent with time travel. (аргументация) Let us say that a particular model of the universe is an “open future-objective present” model just if (аргумент 1) according to the model there exist intrinsic properties of pastness, presentness and futurity such that for any given time t, (аргумент 2) there is a single moment that is the objective present, and, for any ontologically real moment that is other than the objective present, that moment is either in the objective past or the objective future and (аргумент 3) given that time t is the objective present, it is genuinely indeterminate what events will occur at temporal location that are in the objective future. – Я считаю, что недавние аргументы ... не доказывают, что презентизм соотносится с идеей движения времени. Давайте предположим, что определенная модель*

мироздания – это модель «настоящего, открыто ориентированного в будущее», если, в соответствии с этой моделью, существуют внутренне присущие свойства прошлого, настоящего и будущего, такие, что в любом отрезке времени t выделяется момент объективного настоящего и относительно любого онтологически реального момента, не являющегося объективным настоящим, тот момент представляется либо объективным прошлым, либо объективным будущим, а если данное время t – объективное настоящее, невозможно установить, какие временные события произойдут в объективном будущем. (disputatio.com). В данном примере сочинительная аргументация строится как описание модели вселенной; аргументы, являющиеся ассертивами-утверждениями, можно ввести с помощью вводных слов «firstly», «secondly», «thirdly».

Презентирующая аргументация чаще используется в устных дискуссиях в виде текста-повествования, причем повествование может быть конкретным, обобщенным или информационным¹¹: *Таким образом, следует со всей осторожностью относиться к тезису о том, что философия должна просто наблюдать и ни во что не вмешиваться. Если она будет ни во что не вмешиваться, она будет просто политизирована и присвоена куда более простыми инструментами. Это мне напоминает историю фирмы Cray, которая изготавливала суперкомпьютеры. Но когда кончилась холодная война и исчез определенный социальный капитал, эта компания была элементарно скуплена компанией Compaq, которая, в принципе, производила микрокалькуляторы. В итоге теперь о Cray не помним* (file://localhost/articles/miseregrandeur.htm). Аргументация, представленная в данном случае в виде конкретного повествования, состоит из ассертивов-нарративов. В структурном отношении мы расцениваем такую аргументацию

¹¹ Конкретное повествование – это повествование о хронологически последовательных действиях одного или нескольких действующих лиц; обобщенное – о конкретных действиях, но характерных для многих ситуаций; информационное – сообщение о каких-либо действиях или состояниях без их хронологической последовательности, чаще в форме косвенной речи (Культура русской речи 2004: 117).

как единичную, поскольку она служит единым примером - доказательством выражаемого мнения.

В письменных дискуссиях презентующая аргументация может быть представлена в виде обобщенного повествования: *The problem Kennedy raises is not limited to baptism situations. We can, for example, easily imagine the following situation. Archibald meets the chess player Kasparov. Upon seeing Kasparov Archibald sees a striking likeness with him and a young prodigy, Weinstein, whom he met years ago at the Botvinnik Chess Academy. Archibald says to himself: There certainly is a strong resemblance between Kasparov and young Weinstein. Perhaps Kasparov is Weinstein. No, I'm pretty sure he isn't. After all, they don't have the same name* <...> *As before, since <...> Archibald knows that "Kasparov is Kasparov", we get the absurd conclusion that Archibald knows that "Kasparov is Weinstein".* – Проблема, которую поднимает Кеннеди, не ограничивается ситуациями крещения. Мы можем, к примеру, легко представить следующую ситуацию. Арчибальд встречается шахматиста Каспарова и замечает поразительное сходство между ним и юным дарованием Вайнштейном, которого он встретил несколько лет назад на Шахматной академии имени Ботвинника. Арчибальд сказал сам себе: «Определенно есть сходство между Каспаровым и Вайнштейном. Возможно, Каспаров – это Вайнштейн. Нет, я уверен, что это не так. К тому же у них разные имена. <...> Как и раньше, <...> поскольку Арчибальд знает, что «Каспаров есть Каспаров», мы приходим к абсурдному заключению: Арчибальд знает, что «Каспаров есть Вайнштейн». (disputatio.com). Как и в предыдущем примере, данная единичная аргументация состоит из ассертивов-нарративов.

Аргументация по аналогии, представленная в виде текстов описательного характера, очень часто встречается в научно-философских дискуссиях. В качестве аргументов в такой аргументации приводятся статистические данные, происходит апелляция к прецедентным текстам и ситуациям: «(выраженное мнение) *Очевидно, что таким бросающимся в*

глаза противоречием является противоречие между узким слоем богатой и сверхбогатой части общества, с одной стороны, и остальным, в основном бедным населением, с другой. *(аргумент) По данным статистики: сегодня доходы 10 процентов верхних слоев общества отличаются от 10 процентов низших слоев в сорок раз, в то время как до проведения радикальных реформ этот разрыв составлял максимум семь раз»* (<http://www.netda.ru>). В данном примере аргументация, представленная как статистическая информация, состоит из ассертивов-констативов и является единичной по своей структуре, как в случае с презентующей аргументацией.

При апелляции к прецедентным текстам и ситуациям также используются ассертивы-констативы: *«(выраженное мнение) Но средний класс — это такая вещь, которая лучше всего показывает парадоксы чисто социальных объяснений. (аргумент 1) Потому что, условно говоря, дети, хотя там были не только дети, а вполне сознательные мужчины, условно говоря, дети в 68-м году переворачивали автомобили своих родителей, строили из них баррикады. (аргумент 2) То же самое мы наблюдали во время перестройки в нашей стране, скажем, на первом ее этапе»* (<http://alternativy.ru>). Поскольку в этом примере автор апеллирует к двум прецедентным ситуациям, приведенную аргументацию можно квалифицировать как множественную.

В англоязычном научно-философском дискурсе часто происходит апелляция к прецедентным текстам: *(выраженное мнение 1) These criteria for identity reflect the fact that, in ethics, one's reasons for acting, as well as one's actions, are important <...> (аргумент 1) As Kant emphasized, people may be counted among the moral only if they perform the right actions for the right reasons. (аргумент 2 = выраженное мнение 2) A person who succumbs to temptation is not redeemed by the fact that morality happened to require the action performed: just as a judge who takes a bribe in exchange for finding someone guilty is not redeemed if the person happens to be guilty.* – Данные критерии идентификации отражают тот факт, что в этике причины действий, как

и сами действия, одинаково важны. <...> Как говорил Кант, людей можно считать нравственными, если они совершают правильные действия по правильным причинам. Человека, который поддался искушению, не оправдывает то, что совершенное действие соответствует морали: как судья, который берет взятку, чтобы найти виновного, не может быть оправдан, если тот человек действительно оказывается виновным. (disputatio.com). Первый аргумент в данной аргументации, которая является подчинительной по своей структуре, - это апелляция к прецедентному тексту. Во втором аргументе автор дискурса апеллирует к прецедентной ситуации, что придает аргументу наглядность. С точки зрения прагматики, первый аргумент представляет собой ассертив-констатив, второй – ассертив-утверждение).

Аргументация в политическом дискурсе является, по мнению Е.И. Шейгал, цивилизованным способом ведения политической борьбы через полемику и относится к агональным речевым актам [Шейгал 2004: 223]. Аргументация в *парламентских дебатах* весьма разнообразна: в структурном отношении – от простой, состоящей из одного предложения, до разветвленной, представленной большим текстом. В парламентских дебатах встречается аргументация разных типов: квазилогическая, презентирующая и по аналогии.

Квазилогическая аргументация представлена как рассуждение и описание. Аргументы квазилогического типа вводятся с помощью союзов и союзных слов «потому что», «так как», «ведь», «поскольку», «так», «во-первых», «во-вторых», «наконец» и т.д., в английском политическом дискурсе - «because», «as», «first», «secondly», «finally», «after all» и т.д.; иллокутивные маркеры аргументов могут быть опущены, но легко восстанавливаются логически: (*выраженное мнение 1*) *Это говорит о том, что назрела необходимость быстрее принять поправки в Закон "О средствах массовой информации"*, (*аргумент 1 = выраженное мнение 2*) *потому что смотреть телевизор невозможно: (аргумент 2) с утра до*

вечера только фильмы, связанные с жестокостью (<http://www.duma.gov.ru/27.10.2004>); *Adoption legislation is vital to our society because children get only one chance to grow up* - Закон об усыновлении жизненно важен для нашего общества, так как у детей есть только один шанс вырасти (<http://www.publications.parliament.uk/Deb. for 26 Mar. 2001: Col. 698>). В примере из русского политического дискурса приводится подчинительная аргументация-рассуждение, где первый аргумент – ассертив-утверждение, а второй – ассертив-констатив. В аргументации-размышлении из британского дискурса единичный аргумент представляет собой ассертив-утверждение.

Поскольку речи парламентариев могут носить агитационный характер, то квазилогическая аргументация часто строится как описание того, что ораторы уже сделали/должны сделать (как правило, это описание своих заслуг или пропаганда какого-либо закона, поправки к закону и т.п.) либо того, что не сделали/сделали неправильно их оппоненты: (*выраженное мнение*) *В последние годы назрела необходимость в принятии мер, связанных с правовым регулированием в сфере организации и проведения азартных игр и пари <...> (аргумент 1) Число объектов в этой сфере растёт с каждым днём, они появляются в магазинах, на автобусных остановках, в культурных заведениях, рядом со школами и детскими садами. (аргумент 2) В большинстве мест расположения объектов азартных игр не обеспечивается охрана игроков, потребитель не может защитить свои права в случае, например, неисправности автомата* (<http://www.duma.gov.ru/24.03.2006>). В данной аргументации, являющейся множественной по своей структуре, с помощью аргументов-констативов без иллокутивных маркеров описывается неблагоприятная ситуация в игорном бизнесе, вынуждающая вводить новый закон, который поддерживает и таким образом пытается продвинуть оратор.

Рассмотрим пример квазилогической аргументации-описания в британском политическом дискурсе: (*выраженное мнение*) *The Bill will play an essential part in underpinning the programme that we set out in the White*

Paper. (аргумент 1) First, it will put the needs of the child at the center of the adoption process... (аргумент 2) Secondly, it will help to encourage more people successfully to adopt looked-after children...(аргумент 3) Finally, the Bill introduces a new special guardianship order.... – Законопроект сыграет важную роль в поддержке программы, которую мы представили в «Белой книге». Во-первых, он сделает потребности детей центральными в процессе усыновления... Во-вторых, он подтолкнет большее количество людей к усыновлению детей... Наконец, законопроект вводит новый порядок опекуновства (<http://www.publications.parliament.uk/Deb. for 26 Mar. 2001: Col. 7000>).

В данной аргументации сочинительного типа первый и второй аргументы являются ассертивами-утверждениями, третий аргумент – ассертивом-констативом. Все аргументы имеют иллокутивные маркеры.

Российские и британские парламентарии часто приводят аргументы презентирующего типа в виде повествования – конкретного, обобщенного и информационного:

Федоткин В.Н.: Иван Дмитриевич, ведь проблема-то существует, и дело не в планке затрат, не в том, что мы будем проверять... Я вот был недавно в ряде областей подмосковных: сев буквально уже на носу (этот законопроект как раз связан с крестьянско-фермерскими хозяйствами), а обеспеченность дизельным топливом только на 17-18 процентов, и не потому, что топлива нет, а потому, что оно очень дорогое, - хозяйства просто не могут его приобрести. (<http://www.duma.gov.ru/1.04.2014>);

Could the noble Baroness publish a list of knackers, giving their location? That would be of some benefit to farmers, who are in a desperate position. There are particular problems with incineration... Farmers may club together and buy an incinerator..., they are expensive – but they cannot take dead stock from one farm to another.... – Не может ли уважаемая баронесса дать список живодеров с адресами? Это бы помогло фермерам, которые находятся в отчаянном положении. Есть определенные проблемы с кремацией...

Фермеры могут собираться вместе и покупать крематорий..., это дорого, но они не могут возить мертвый скот с одной фермы на другую... (<http://www.publications.parliament.uk/Deb. for 4 Apr. 2003: Col. 1604>)

В примере из выступления российского парламентария аргументация представлена в виде конкретного и информационного повествования, которое слагают асертивы-нарративы и асертивы-констативы, в британском дискурсе – в виде информационного повествования, состоящего из асертивов-констативов. В обоих примерах аргументация единична.

Аргументация по аналогии довольно часто встречается в речи политиков, как русских, так и британских, возможно, благодаря своей образности (если осуществляется аналогия с прецедентными текстами или ситуациями) и достоверности (если приводятся статистические данные):

Уважаемый Вячеслав Викторович, мне кажется, вы напрасно называете свое постановление жестким. Мне оно скорее напоминает о персонаже «Обыкновенного чуда» Шварца. Помните, первый министр, взбунтовавшись против своего короля, называет его не величеством, а превосходительством? (<http://www.duma.gov.ru/12.02.2003>).

В британском парламентском дискурсе часто приводятся статистические данные в качестве аргументации по аналогии:

At any one time, local councils look after almost 58,000 young people, seven in 10 of whom leave care at 16 without an educational qualification of any sort. Almost four in 10 male prisoners under the age of 21 have been looked after at some stage in their lives and 25 per cent of the people sleeping rough on the streets of London have also been in care. – Местные советы постоянно наблюдают за 58 тыс. молодых людей, где семеро из десяти прекращают получать заботу взрослых в возрасте 16 лет, не имея при этом никакого образовательного сертификата. Почти четверо из десяти несовершеннолетних заключенных имели присмотр на каком-нибудь этапе своей жизни, 25% тех, кто ночует на улицах Лондона, когда-то тоже

получали заботу (<http://www.publications.parliament.uk/Deb. for 26 Mar.: Col. 698>).

В *бытовом споре* используются все три типа аргументативных стратегий, но их отличает упрощенная структура (т.е. преимущественно единичные аргументы). Важным отличительным признаком бытовых споров является то, в них в процессе аргументации допускается наделение интуитивного знания свойствами истины:

'I'm frightened of him. I don't know why, but there's something in him that terrifies me. He'll do us some great harm. I know it. I feel it. If you bring him here it can only end badly.'

'But how unreasonable!'

'No, no. I know I'm right. Something terrible will happen to us.'

- Я боюсь его. Он приводит меня в ужас. Он причинит нам страшное зло. Я это знаю. Чувствую. Если ты приведешь его, это добром не кончится.

- Что за безумие!

- Нет, нет! Я знаю, что говорю. Что-то ужасное случится с нами (W.S. Maugham «The Moon and Sixpence» / С. Моэм «Луна и грош» / Пер. с англ. Н. Ман).

В данном примере спора между супругами Стрев немаркированный квазилогический аргумент «*Something terrible will happen to us*» основан на интуитивном знании Бланш о том, что присутствие больного Стрикленда в их доме может принести несчастье.

Рассматривая спор и его дискурсивные разновидности – научно-философскую дискуссию, парламентские дебаты и бытовой спор – как речевые жанры, характеризующиеся фактуально-событийной перформативностью, мы неизбежно причисляем их к речевым событиям. Концепция речевого события детально описана В.Е. Гольдиным и О.Н. Дубровской [Гольдин 1997; Гольдин, Дубровская 2002]: ученые определяют речевые события как особый тип событий, а точнее - как такие коммуникативные события, совершение которых невозможно без

использования конкретных речевых действий и соответствующих им речевых жанров.

Данная трактовка речевого события основана на структурном признаке высказывания. Другой признак, а именно – ситуативный, лежит в основе определения коммуникативного события, которое дает Т. ван Дейк: коммуникативные события (дискурсы) являются неотъемлемой составляющей коммуникативных ситуаций [Дейк ван 2000: 95; Dijk van 1987: 161], иными словами - событие реализуется в контексте ситуации. Для нас данное разграничение является важным, поскольку ситуативный контекст находится в отношении дополнительности к речевому действию. Это означает, что некоторые речевые акты приобретают ту или иную иллокутивную силу в зависимости от коммуникативной ситуации, как показано П.Ф. Стросоном на примере акта возражения в философской дискуссии (или политических дебатах): один из выступающих выдвигает возражение по поводу предыдущего оратора. *X* говорит (или предполагает), что *p*, а *Y* возражает, что *q*. Высказывание *Y*-а имеет силу возражения по отношению к утверждению *X*-а. То, что высказывание *Y*-а имеет иллокутивную силу возражения, может частично вытекать из характера диспута и из характера утверждения (или предположения) *X*-а, частично же это связано с точкой зрения *Y*-а на эти вещи [Стросон 1986: 135]. Кроме того, в зависимости от ситуации речевое действие может менять свой характер [Арутюнова, Падучева 1985: 7]. Например, возражение и утверждение в ситуации судебного разбирательства приобретают перформативный характер и становятся законодательными или исполнительными актами – экзерситивами [Остин 1986: 124].

Структурный и ситуативный признаки, на которых основаны вышеприведенные определения коммуникативного (речевого) события, однако, не позволяют нам разграничить событие и *не*-событие в рамках концепции фактогенной перформативности: для нас значимым

дифференцирующим признаком является аксиологический, т.е. наличие в высказывании ценностной составляющей.

Итак, спор является фактогенным перформативным жанром, характеризуясь двумя типами фактогенной перформативности – фактуальной и фактуально-событийной. Фактуальная перформативность актуализируется посредством речевого действия «возражение», т.е. возражение в споре наделяется качеством факта как фокусировки на актуальных моментах действительности; фактуально-событийная перформативность, предполагающая затрагивание ценностной картины мира людей, актуализируется в споре посредством аргументации, поскольку в ней реализуется ценность истины, в которой уверены коммуниканты, вступающие в спор; таким образом, аргументация наделяется качеством факта как культурного явления. В бытовых спорах в процессе аргументации свойствами истины может наделяться интуитивное знание.

5.3. Стратегическая перформативность в речевом жанре «спор»

Речевой жанр «спор» является коммуникативным поступком, если реализуется посредством оспаривающей перформативной стратегии – одной из четырех стратегий перформативного дискурса, называемого нами стратегическим.

При исследовании спора и его дискурсивных разновидностях как коммуникативного поступка необходимо раскрыть его внутрижанровые стратегии, соответствующие пяти стилям, или стратегиям конфликтного поведения: соревновательная стратегия, избегание, приспособление, компромисс, центрирование интересов [Кузнецов 2004: 263-264; Ворожейкин et al. 2002: 132; Тутушкина 1997: 202]. Соревновательная стратегия, соответствующая конкурентному стилю конфликтного поведения, предполагает победу одной из сторон и поражение другой. Она, по нашему

мнению, наиболее приемлема в полемическом и софистическом спорах. Избегание (в конфликтологии - уклонение) в таких формах, как нейтральность, изоляция, уход, может быть использована в любом из четырех видов спора. Приспособление (сглаживание), компромисс и центрирование интересов (сотрудничество в конфликтологии) могут стать стратегиями как в аподиктическом, так и в полемическом спорах. Однако большую долю компромисса содержит аподиктический спор, в частности, научная дискуссия [Максимов 2000: 118].

В общем смысле стратегии поведения участников в межличностной конфликтной ситуации делятся на три группы: 1) силовые стратегии; 2) стремление к уходу от конфликта; 3) переговорные стратегии, где различаются две модели - модель «взаимных выгод» и модель «уступок-сближения» («торга») [Крылов 1999: 379-380]. К первой группе из пяти выделенных стилей поведения в конфликтной ситуации можно отнести конфронтацию, ко второй - уклонение и приспособление, к третьей - сотрудничество и компромисс, причем сотрудничество представляет собой модель «взаимных выгод», а компромисс - модель «торга».

Спор в макроконтексте перформативного дискурса представляется языковым выражением дискредитирующей / реабилитирующей тактик, реализующих оспаривающую перформативную стратегию в коммуникативном векторе «субъект – объект – адресат».

Оспаривающая стратегия в данном векторе, как было отмечено в предыдущей главе, направлена на демонстрацию субъектом сомнения в том или ином аспекте адресатного статуса: в объективности / необъективности или ложности / истинности излагаемой им информации, в доминирующей / недоминирующей роли его статуса.

Демонстрация субъектом сомнения в объективности / необъективности или ложности / истинности излагаемой адресатом информации осуществляется *в спорах о фактах*. В них разногласие наблюдается по поводу какого-либо дескриптивного утверждения. Рассмотрим пример:

- Ты знаешь, что у него [у молодого священника] персональная «Волга»? – кричал Рашиль (Витьку звали Рашиль). - У их, когда они учатся, стипендия – сто пятьдесят рублей! Понял? Сти-пен-дия!

- У них есть персональные, верно, но не у молодых. Чего ты мне будешь говорить? Персональные – у этих... как их?... У апостолов – не апостолов, а у этих... как их?..

- Понял? У апостолов – персональные «Волги»! Во пень-то дремучий. Сам ты апостол!

- Сто пятьдесят стипендия! А сколько же тогда оклад?

- А ты что думаешь, он тебе за так будет гонениям подвергаться? На! Пятьсот рублей хотел?

- Он должен быть верующим.

- Когда оклад пятьсот рублей, можно верить. Я бы и то верил.

- Ты бы верил!.. (В.М. Шукшин «Сапожки»)

Автор рассказа от лица главного героя Сергея определяет выше приведенный фрагмент разговора как «спор»: «Сергей не хотел ввязываться в спор, хоть мог поспорить: пятьсот рублей молодому попу – это много. Но спорить сейчас об этом... Нет...» Действительно, в этом диалоге имеется пункт разногласия «(аргументированное) мнение 1 – (контраргументированное) мнение 2». мнение 1 вводится в форме вопроса, типичного для обсуждения («Ты знаешь...?») и заключается в том, что у указанного молодого священника есть персональная «Волга» и что стипендия всех молодых священников составляет сто пятьдесят рублей. Таким образом, мнение 1 представляет собой обобщение информации через конкретный пример. В мнении 2, с одной стороны, подтверждается это обобщение («У них есть персональные, верно...»), но опровергается факт наличия персональных автомобилей у молодых священников («...но не у молодых»), т.е. мнение 2 является опровержением не целого мнения 1, а его отдельного аспекта. Аргумент к мнению 2 представляет собой уловку – апелляцию к собственной личности («Чего ты мне будешь говорить?»).

Участник S1, выступая с ответной репликой, «цепляется» за ошибочно употребленное его собеседником S2 слово «апостол» и уводит спор от основного тезиса с помощью уловок: 1) помещая слово «апостол» в основной тезис, он доводит тезис до абсурдного звучания («У апостолов – персональные «Волги»!»), 2) оскорбляет участника S2, якобы апеллируя к его невежеству («Во пень-то дремучий. Сам ты апостол!»). Далее идет обсуждение оклада священников. S2 задает специальный вопрос («А сколько же тогда оклад?») с целью получения информации и получает косвенный ответ в вопросительной форме («Пятьсот рублей хотел?») с предшествующим аргументом также в форме вопроса и восклицательным междометием («А ты что думаешь, он тебе за так будет гонениям подвергаться? На!»). Итак, в рассматриваемом примере участник S2 использует стратегию уклонения от спора, благодаря чему спор переходит в обсуждение.

Рассмотрим аналогичный пример спора с пунктом разногласия «(аргументированное) мнение 1 – (контраргументированное) мнение 2» в английском языке. Спор между супругами Jago, обозначенный автором как «marital argument», разворачивается в процессе разговора с детективом Rickards, который задает им вопрос о портрете ранее убитой Miss Robarts:

Mrs Jago said: “Of course, we’ve seen it. <...> It was an evil picture if I ever saw one.”

Jago turned to his wife and explained with patient emphasis: “I don’t see how you can say a picture is evil, Doris, not a picture. Things can’t be evil. An inanimate object is neither good nor evil. Evil is what is done by people.”

“And what is thought by people, George, and that picture came out of evil thoughts, so I say that picture was evil”.

Миссис Яго сказала: «Конечно, мы видели ее. <...> Это была самая злая картина из тех, которые я видела».

Мистер Яго повернулся к жене и начал терпеливо объяснять:

- Не понимаю, Дорис, как ты можешь говорить, что картина была злая. Нет, только не картина. Вещи не могут быть злыми. Неодушевленный предмет ни добр, ни зол. Зло – это то, что делают люди.

- И то, что думают люди, Джордж. Та картина вышла из дурных мыслей, поэтому я и говорю, что она злая (P.D. James «Devices and Desires»).

Реплика мистера Яго состоит из возражения («I don't see...»), собственного утверждения («Things can't be evil») и аргумента в защиту данного утверждения («An inanimate object is neither good nor evil. Evil is what is done by people.»). Возражение мистера Яго представляет собой отрицание утверждения, сделанного его супругой («It was an evil picture...»). Возражение мистера Яго, а также следующие за ним утверждение и аргумент, основаны на философском восприятии добра и зла как ценностях, заключенных в действиях людей (Алексеев, Панин 2000: 406). Миссис Яго в свою очередь строит возражение–противопоставление в ответ на аргумент супруга («And what is thought by people, George...»): философскому пониманию зла она противопоставляет психологическое восприятие зла как явления, порождающегося мыслями человека. Дальнейший вывод миссис Яго об обсуждаемой картине («so I say that picture was evil») вытекает посредством силлогического размышления. В данном примере оба супруга ведут себя спокойно, поэтому их аргументы очень последовательны, они не прибегают к психологическим уловкам. Возможно, сдерживающим фактором здесь служит присутствие постороннего человека – полицейского. Наличие в репликах обоих участников разговора трех основных речевых актов, составляющих спор, - возражения, утверждения и аргумента – свидетельствует об использовании ими стратегии сотрудничества.

Разновидностью данного вида спора является спор – выяснение отношений, который строится по схеме «(аргументированное) мнение 1 – (контраргументированное) мнение 2»:

“Meggy dear, we can't go on together. You know we've failed.” <...>

“I don't know what you mean” <...>

“Oh, don’t pretend! Please, don’t.”

“But I don’t,” she said rigidly.

“You know we’re not happy.”

“I’ve been happy. I thought you were”.

- Мэгги, дорогая, мы больше не можем быть вместе. Ты же знаешь, что мы не смогли. <...>

- Не понимаю, о чем ты. <...>

- Не притворяйся! Пожалуйста, не надо!

- Но я не притворяюсь, - сказала она твердо.

- Ты знаешь, мы не были счастливы.

- Я была счастлива. Я думала, что и ты тоже (Р.Н. Johnson «Too dear for my possessing»).

В разговоре Клод пытается убедить свою супругу Мэгги, что их совместная жизнь не удалась, на что Мэгги заявляет обратное. Неоднократное повторение глаголов в отрицательной форме, в особенности глагола «don’t» свидетельствует о твердости мнения каждого из супругов. Причем вокатив «oh», ласковое обращение «dear», повторение «you know» и употребление слова «please» в репликах мужа говорят о его стремлении и желании прийти к компромиссу. Мэгги, вероятно, не нацелена на уступки, по крайней мере, со своей стороны, поэтому она всегда говорит о себе (I don’t know; but I don’t; I’ve been happy; I thought...).

Сомнение адресанта в объективности / необъективности или истинности / ложности излагаемой адресатом информации может также демонстрироваться **в спорах о совершенных действиях**.

Пункты разногласия в спорах о совершенных действиях усматриваются по линиям «обвинение – оправдание» и «осуждение – оправдание». Следует оговориться, что часто в бытовом дискурсе трудно бывает разграничить речевые акты обвинения и осуждения. По мнению Н.В. Орловой [1997: 53], различия между ними не стилистические, а прагматические. Т.В. Дубровская и М.А. Кормилицына полагают, что для речевого жанра обвинения главное –

подчеркнуть ответственность лица за совершенное действие, которое оценивается отрицательно; что касается осуждения, то основная коммуникативная цель говорящего в этом жанре – негативно оценить какое-либо лицо, факт, событие [Дубровская, Кормилицына 2002: 272]. В случае обвинения истинность референтной ситуации может оспариваться говорящим, в то время как объект осуждения не может отрицать факт, но может не согласиться с его оценкой [Орлова 1997: 53].

Итак, в случае «обвинение – оправдание» схема спора может иметь следующее наполнение:

S1 обвиняет S2 в том, что ему пришлось поступить тем или иным образом;

S2 выдвигает встречное обвинение, приводит аргументы в свое оправдание.

Рассмотрим примеры:

“Come on, Jasper [the dog], for God’s sake”, said Maxim. “Make him walk up, pull at the twine or something, can’t you? Beatrice was right. The dog is much too fat”.

“It’s your fault”, I said, “you walk so fast. We can’t keep up with you.”

“If you had listened to me instead of rushing wildly over these rocks we would have been home by now”, said Maxim. “Jasper knew his way back perfectly. I can’t think what you wanted to go after him for”.

“I thought he might have fallen, and I was afraid of the tide”, I said..

- Давай, Джаспер, ради бога, - сказал Максим. – Поднимись с ним наверх, привяжи его веревкой или еще чем-нибудь, ладно? Беатрис была права: пес слишком толстый.

- Это твоя вина, - сказала я. – Ты так быстро ходишь. Мы не успеваем за тобой.

- Если бы ты меня слушала, а не носилась по скалам, мы бы уже были дома, - ответил Максим. – Джаспер прекрасно знает обратную дорогу. Не понимаю, зачем тебе нужно было идти за ним.

- Я думала, что он может упасть, и я боялась прилива, - сказала я (D. du Maurier «Ребесса»).

В данном диалоге оба супруга злятся друг на друга за то, что разминулись по пути домой во время ночной прогулки. Сначала Mrs. de Winter прямо обвиняет мужа в сложившейся ситуации («It's your fault»), аргументируя свое обвинение тем, что он ходит слишком быстро («You walk so fast»). Mr. de Winter (Maxim) выдвигает встречное обвинение в косвенной форме в виде предложения в сослагательном наклонении («If you had listened to me instead of rushing wildly over these rocks we would have been home by now»). Далее Mrs. de Winter оправдывается, говоря, что волновалась за собаку и боялась прилива («I thought he might have fallen, and I was afraid of the tide»).

В данном примере обвинение предъявляется непосредственно собеседнику. Если же обвинение касается человека, не участвующего в разговоре, то схема этого вида спора может выглядеть следующим образом:

S1 обвиняет косвенного участника S3 в чем-либо;

S2 сомневается в истинности обвинения S1;

S1 приводит аргументы в подтверждение своего обвинения;

S2 приводит контраргументы в оправдание S3.

Пункты разногласия здесь можно обозначить как «(аргументированное) обвинение косвенного участника – (контраргументированное) сомнение, оправдание прямого адресата в пользу косвенного участника»:

- Петька твой начал уж потихоньку выходить в люди. Сперва пока в огороды.

- Как это?

- Морковка у меня в огороде хорошая – ему глянется...

- Врешь ведь? – не поверил Иван.

- А спроси у него. Еще спроси: как ему та хворостина? Глянется, нет?

И скажи: в другой раз не хворостину, а бич конский возьму... <...>

- *А ты сам в детстве не лазил?*

- *Нет. Меня отец тоже на баяне не учил, а за воровство руки выламывал.*

- *Ну и зверье же!* (В.М. Шукшин «Хозяин бани и огорода»).

В данном диалоге S1 обвиняет сына собеседника S2 в воровстве в ироничной форме. S2 не верит ему («Врешь ведь?»). S1 для подтверждения своего обвинения использует уловки: 1) апелляцию к отсутствующему человеку («А спроси у него»), 2) угрозу («И скажи: в другой раз не хворостину, а бич конский возьму»). S2 в свою очередь тоже использует уловку для оправдания сына: он апеллирует к гуманным чувствам собеседника S1 («А ты сам в детстве не лазил?»). Учитывая преобладание эмоционального аспекта в данном споре, его можно обозначить как препирательство, перепалку или даже баталию, поскольку участники испытывают враждебные чувства друг к другу, доказательство чему – наличие в репликах грубых слов и выражений («Врешь ведь?», «руки выламывал», «Ну и зверье же!»).

Разновидностью спора «обвинение – оправдание» является спор, где вместо обвинения звучит упрек и который проходит по схеме «упрек – оправдание»:

S1 упрекает S2 в чем-либо

S2 приводит аргументы в свое оправдание или высказывает встречный упрек.

Понятие «упрек» синонимично понятиям «обвинение» и «осуждение»: общей для них является сема «отрицательно оценивать». Основываясь на их дефинициях, мы разграничиваем данные понятия следующим образом: «упрек» – «высказывание неодобрения, неудовольствия», «осуждение» – «строгое неодобрение», высказывание обвинения подразумевает, что обвиняемый должен понести наказание [Ушаков 1996]. Проанализируем диалог-спор двух сестер и брата, в котором имеется речевой акт упрека:

- Давно мы вот так вместе не сидели, - с взволнованной грустью сказала вдруг Люся. - Татьяна только нет. Приедет Татьяна, будто никто никуда не уезжал <...>

- Где уж там – не уезжали! – стал обижаться Михаил. - Уехали, и совсем. Одна Варвара заглянет, когда картошки или еще чего надо. А вас будто и на свете нету.

- Варвара тут рядом.

- А вам прямо из Москвы ехать, - поддела Варвара. - День на пароходе – и тут. Уж хоть бы не говорили, раз за родню не признаете. Городские стали, была охота вам с деревенскими знаться!

- Ты, Варвара, не имеешь никакого права так говорить, - разволновалась Люся. - При чем здесь городские, деревенские? Ты думай, о чем говоришь.

- Ага, у Варвары, конечно, нету права говорить. Варвара не человек. Че с ней разговаривать? Так, пустое место <...> А если спросить тебя: сколько ты дома до сегодняшней поры не была? Варвара не человек, а Варвара матушку нашу проведывала..., хоть у Варвары не твоя семья, побольше <...>

- Не могла, вот и не приезжала, обиженно сказала Люся.

- Захотела – смогла бы, - не поверила Варвара.

- Что значит – смогла бы, если я говорю: не могла? С моим здоровьем, если в отпуске не подлечиться, потом весь год будешь по больницам бегать.

- У Егорки всегда отговорки <...>

- Ладно вам, - сказал Михаил. (В.Г. Распутин «Последний срок»).

Михаил и Варвара упрекают Люсю в том, что она давно не навещала мать. В возражении Михаила на инициальное утверждение Люси уже слышится недовольство («Где уж там – не уезжали!»). Далее звучит прямой упрек в форме краткого эллиптического предложения («Уехали, и совсем»), а также синтаксической конструкции противопоставительного характера

(«Одна Варвара заглянет, когда картошки или еще чего надо. А вас будто и на свете нету»), где приведенное сравнение («А вас будто и на свете нету») усиливает характер высказываемого недовольства или, скорее, неодобрения. В качестве оправдания Люся ссылается на близкое от матери место жительства Варвары, подразумевая, что сама она живет далеко («Варвара тут близко»); также в качестве аргумента в свою защиту Люся говорит сначала об отсутствии возможности приехать («Не могла – вот и не приезжала»), затем о своем слабом здоровье («С моим здоровьем, если в отпуске не подлечиться, потом весь год будешь по больницам бегать»). Реплики Варвары состоят из возражений и упреков иронического характера. Так, ирония звучит в возражениях («А вам прямо из Москвы ехать», «Ага, у Варвары, конечно, нету права говорить», «У Егорки всегда отговорки»).

Очевидно, упреки в вышеприведенном примере обладают иллюкутивной силой попрека, которая, по мнению И.В. Кожуховой, заключается в том, чтобы вызвать обиду и досаду адресата, намеренно показать его неправоту. Адресат попрека, в отличие от адресата упрека, лишен возможности исправиться в будущем, поскольку ситуация, которую ставят ему в упрек, вышла из-под его контроля [Кожухова 2012: 75].

Разновидностью спора с пунктом разногласия «упрек – оправдание» является спор–выяснение отношений, построенный на взаимных упреках, т.е. проходящий по линии «упрек – упрек»:

S1: А ты почему хлеб не купил?

S2: Ну ты же не позвонила/ не напомнила.

S1: А что/ я всем обязана напоминать? / Почему мне никто ничего не говорит?

S2: А тебе трудно что ли?

S1: А ты маленький что ли? (КЗУПР)

Основной признак данного вида спора – наличие в репликах анафорических синтаксических конструкций с союзом «а» и местоимения «ты/тебе» или союзного слова «что», которые, будучи употреблены в

вопросительных предложениях, создают иллюзию бесконечности такого диалога.

Сомнение адресанта в доминирующей / недоминирующей роли статуса адресата демонстрируется **в спорах о будущих (намеченных/желаемых/возможных и т.п.) действиях.**

Если выполнение будущего действия зависит от разрешения другого участника разговора, то спор проходит по такой схеме:

S1 высказывается о намерении или желании совершить какой-то поступок и просит разрешения S2;

S2 возражает, отказывая в его выполнении и аргументируя свой отказ или требуя от S1 аргументов в пользу его выполнения;

S1 упрощивает S2, приводя аргументы;

S2 снова отказывает в разрешении либо дает разрешение.

Таким образом, пункты разногласия в данном виде спора можно условно обозначить как «(аргументированная) просьба – (контраргументированный) отказ (запрет)». Рассмотрим примеры из русской и английской художественной литературы:

- Папочка, дай мне порулить! Здесь уже можно.

- Нет, еще большое движение, - возразил Михаил. - И ты не достанешь до педалей – надо будет передвинуть сиденье.

- Но ведь это недолго, - настаивал Петя. - И машин не так много.

- Не приставай к папе! Мы уже подъезжаем, - как всегда, поддержала мужа Светлана. - Обучаться водить будешь за городом! (С. Малков «Две судьбы-2»).

Мальчик Петя аргументирует свою просьбу повести машину утверждением о разрешении («Здесь уже можно»). Его отец Михаил Юрьевич отвечает категоричным отказом («Нет») и приводит два аргумента («...еще большое движение», «И ты не достанешь до педалей – надо будет передвинуть сиденье»). Далее Петя начинает упрощивать отца, используя простые короткие предложения в отрицательной форме, начинающиеся с

союзов «но» и «и», что придает репликам осторожный и в то же время настойчивый характер. В данном отрывке используется единичная и множественная аргументация с аргументами-констативами.

В английской литературе находим похожий пример:

“Can I have a skip of your rope?” I said.

“No,” she said. “You can’t.”

“Aw,” I said, “Just once.”

“You are not going to,” she said. “I don’t play with you... I’m not being kind with you”.

- *Можно мне сделать скакалку из твоей веревки? – попросила я.*

- *Нет, - ответила она. – Нельзя.*

- *Ну, хоть разок! – сказала я.*

- *Нет, я не играю с тобой... Не жди, что я буду добренькой (С. Cookson «Our Kate»).*

Маленькая девочка Katie сначала спрашивает у своей бабушки разрешения взять веревку, чтобы сделать из нее скакалку, используя вопросительную конструкцию нейтрального характера с модальным глаголом «can». Получив категоричный отказ, девочка начинает упрашивать бабушку. Междометие «aw» и наречие «just» используются с целью разжалобить того, от кого получен отказ. Твердость намерения бабушки не поддаваться на уговоры выражается последовательностью коротких простых предложений отрицательного характера, составляющих множественную аргументацию с аргументами-утверждениями.

Разновидностью спора о намеченном/желаемом действии, где имеет место речевой акт просьбы/упрашивания, является спор-торг:

“Helena”, I said, “can I go out in my boat now?”

“What do you want? Your boat? Oh, take yourself off. Be back by four.”

“Four!” I protested aghast. “But that is no time to do anything or get anywhere. Can’t I stay out till seven?”

“Claud!” Father, because he was bored with me, was sharp. “Be in by four or don’t go out at all. And stay along the quays and don’t go wandering off.”

“Shoo!” said Helena... “Go and enjoy yourself.”

“ All right,” I said.

- Елена, - сказал я. – Можно мне покататься на своей лодке?

- Что ты хочешь? На своей? А, иди-иди. Чтобы к четырем был дома.

- К четырем?! – с ужасом воскликнул я. – Но я ничего не успею сделать за это время, никуда не смогу съездить. Можно хотя бы до семи?

- Клод! – отец был резок, потому что я ему надоел. – Либо ты возвращаешься до четырех, либо никуда не едешь вообще. Оставайся на пристани и нигде не слоняйся.

- Киш, иди, иди, - сказала Елена.

- Ладно, - ответил я (Р.Н. Johnson «Too dear for my possessing»).

В данном примере мальчик Клод пытается «выторговать» у отца с мачехой более длительное время для прогулки, основывая свой довод на утверждении, что до четырех часов он не успеет что-либо сделать и куда-либо сходить (аргумент-констатив). Категоричность тона родителей и их нежелание «торговаться» и идти на компромисс передается с помощью простых императивных предложений («take yourself off»; «Be back by four»; «stay along the quays and don’t go wandering off»; «Go and enjoy yourself»), восклицаний («Claud!»; «Shoo!»), а также посредством ультимативного высказывания («Be in by four or don’t go out at all»). При этом в речи родителей отсутствуют аргументы.

Если спор ведется о целесообразности выполнения того или иного действия одним из собеседников, то схема может принимать такой вид:

S1 высказывается о намерении или желании совершить какой-то поступок;

S2 возражает, делает утверждение о нецелесообразности его выполнения, аргументируя или не аргументируя свое утверждение;

S1 приводит аргументы в пользу совершения поступка;

S2 приводит контраргументы.

Полученная схема позволяет репрезентировать данный вид спора как проходящий по линии «(аргументированное) мнение-оценка – (контраргументированное) мнение-оценка».

Рассмотрим пример:

- Мы понимаем, доченька, твое желание познать неизведанное, и не возражали бы, если бы это не было так опасно!- твердо заявил Лев Ефимович и с упреком покачал головой. - Неужели тебе не страшно – после того, что перенес Петя?

- А чего мне страшиться? Ситуация ведь совсем другая. – Юля хорошо подготовилась к разговору. - Я иду вместе с опытными, бывальыми людьми, буду находиться под личной опекой Глеба.

- Не сможет он за тобой ходить как нянька. У него много своих дел, и потом... - разволновалась Раиса Васильевна, - представляешь, как станешь жить там – одна, среди грубых мужиков... В палатке, без всяких удобств...

- Во-первых, я там буду не в единственном числе, - объяснила ей Юля. - В нашей группе – Клава, которая ходила в тайгу с Петей. Ее берут в качестве поварихи и прачки.

- Но она-то – привычная к этим условиям деревенская девушка. А тебе зачем испытывать такие жуткие неудобства? – не сдавалась мать.

- Понимаю, что мне придется испытывать неудобства. Но знаю и то, что мне представляется единственный шанс побывать в дикой тайге! Будет ли у меня еще такая возможность? Сами знаете – никогда!

- Но стоит ли ради этого рисковать жизнью? – вступил отец. <...>

- Не нужно преувеличивать опасность, - укоризненно взглянула на отца Юля. - В группе полно смелых мужчин, знающих тайгу. Можете не сомневаться – они нас защитят! <...>

- Ну что с тобой поделаешь! – первой сдалась Раиса Васильевна. - Мучайся, раз пришла такая охота. Но только если за тебя поручится Глеб! (С. Малков «Две судьбы-2»).

Лев Ефимович и Раиса Васильевна пытаются отговорить свою дочь Юлию от участия в экспедиции в тайгу. Процесс убеждения здесь происходит последовательно, с применением веских аргументов-констативов и утверждений, среди которых – упоминание предыдущего опасного опыта нахождения в тайге ее друга Пети («Неужели тебе не страшно – после того, что перенес Петя?»), ссылка на отсутствие у Пети возможности опекать Юлю («Не сможет он за тобой ходить как нянька. У него много своих дел»), апелляция к чувству страха дочери («Неужели тебе не страшно...?»), противопоставление («Но она-то – привычная к этим условиям деревенская девушка. А тебе зачем испытывать такие жуткие неудобства?»), апелляция к эстетическим чувствам дочери («...представляешь, как станешь жить там – одна, среди грубых мужиков... В палатке, без всяких удобств...»), апелляция к ее благоразумию («Но стоит ли ради этого рисковать жизнью?»). Контраргументы Юлии также очень последовательны. Логическую выстроенность они приобретают за счет вводных фраз («во-первых») и сложных предложений с дополнительными придаточными, где главные предложения содержат глаголы со смыслом «знать», так называемые фактивы, которые, по Ю.Д. Апресяну [1995: 47], служат для того, чтобы строить утверждения о наличии в сознании субъекта истинной информации о чем-либо, т.е. информации о факте («Понимаю, что мне придется испытывать неудобства. Но знаю и то, что мне представляется единственный шанс побывать в дикой тайге!»). Доводы Юлии, выстроенные в логической последовательности, звучат довольно убедительно. Кроме того, убедительность ее речи придает отрицательное предложение в повелительной форме («Не нужно преувеличивать опасность»). Участники данного разговора соблюдают этику спора: не перебивают друг друга, уважительно относятся к мнению оппонента, прислушиваются к нему, комментируя его с помощью глагола «понимать» и предложения в сослагательной форме («Мы понимаем, доченька, твое желание познать неизведанное, и не возражали бы, если бы это не было так опасно!»),

«Понимаю, что мне придется испытывать неудобства»). Установка коммуникантов на себя и партнера в данном споре позволяет им реализовать стратегию сотрудничества.

Итак, спор является языковым выражением дискредитирующей / реабилитирующей тактик, реализующих оспаривающую стратегию - одну из четырех стратегий стратегического перформативного дискурса. Данная стратегия направлена на демонстрацию субъектом сомнения в том или ином аспекте адресатного статуса: в объективности / необъективности или ложности / истинности излагаемой им информации, в доминирующей / недоминирующей роли его статуса. Демонстрация субъектом сомнения в объективности / необъективности или ложности / истинности излагаемой адресатом информации осуществляется в спорах о фактах, а также спорах о совершенных действиях; сомнение адресанта в доминирующей / недоминирующей роли статуса адресата демонстрируется в спорах о будущих (намеченных/желаемых/возможных и т.п.) действиях.

Выводы по Главе 5

1. Лингвокогнитивная модель спора как поступка включает следующие компоненты: 1) спор как акт социального поведения; 2) субъект спора – личность; 3) установка – реализация ценности свободы слова; 4) формальные характеристики спора – осознанное, осмысленное и волевое действие; 5) оценочная характеристика спора – положительное / отрицательное действие; 6) онтологические признаки поступка - событийность, структурность, имманентность, каузальная независимость; 7) ситуация – ответственный выбор между двумя мотивами, например: стремлением доказать собственную правоту и нежеланием дискредитировать оппонента; желанием дискредитировать оппонента и неготовностью выдвигать ложные аргументы и т.п.; 8) результат – формирование новой социальной реальности –

перформативное субъектного / адресатного статуса в сторону дискредитации либо реабилитации.

2. Будучи поступком, спор обладает структурностью: его речевая составляющая представлена разными речевыми актами, обязательными из которых представляются акты утверждения, возражения и аргументации. Речевым актом, ведущим к порождению спора, является возражение.

Спор имеет такие событийные признаки поступка, как динамичность, градуированность, гетерогенность, результативность.

Спор является имманентным поступком для философского, научного, политического, делового и бытового видов дискурса, поскольку позволяет осуществить их основные цели. С другой стороны, спор ассоциативно связан с поступками того же порядка: дискуссией, диспутом, совещанием, дебатами, принятиями, фатическим спором и ссорой.

3. Спор является фактогенным перформативным жанром, характеризуясь двумя типами фактогенной перформативности – фактуальной и фактуально-событийной. Фактуальная перформативность в споре актуализируется посредством речевого действия «возражение». В научных и философских дискуссиях, а также в парламентских дебатах мы выявили шесть способов выражения возражения, в бытовых спорах – восемь способов.

4. Фактуально-событийная перформативность, предполагающая затрагивание ценностной картины мира людей, актуализируется в споре посредством аргументации, поскольку в ней реализуется ценность истины, в которой уверены коммуниканты, вступающие в спор; таким образом, аргументация наделяется качеством факта как культурного явления. В бытовых спорах в процессе аргументации свойствами истины может наделяться интуитивное знание.

5. Спор является языковым выражением дискредитирующей / реабилитирующей тактик, реализующих оспаривающую стратегию - одну из четырех стратегий стратегического перформативного дискурса. Данная

стратегия направлена на демонстрацию субъектом сомнения в том или ином аспекте адресатного статуса: в объективности / необъективности или ложности / истинности излагаемой им информации, в доминирующей / недоминирующей роли его статуса. Демонстрация субъектом сомнения в объективности / необъективности или ложности / истинности излагаемой адресатом информации осуществляется в спорах о фактах, а также спорах о совершенных действиях; сомнение адресанта в доминирующей / недоминирующей роли статуса адресата демонстрируется в спорах о будущих (намеченных/желаемых/возможных и т.п.) действиях.

Заключение

Перформативность – одно из понятий, требующих уточнения в лингвистике. Несмотря на значительное число исследований, посвященных перформативности, многие вопросы, касающиеся сущности этого феномена, остаются недостаточно изученными. К числу таких вопросов относится и проблема изучения дискурса с позиции перформативности, выявления конститутивных признаков и типов данного феномена, а также речевых жанров, актуализирующих перформативность. В настоящем исследовании предпринята попытка решения изложенной проблемы.

Психологические, философские и социологические концепции действий позволяют выявить конститутивные признаки дискурсивной перформативности: а) ситуация личностно обусловленного волевого принятия решений, б) осуществление свободного выбора, в) ответственность за совершенное действие, г) преобразующий характер деятельности, д) ценностная детерминация действия, е) превращение явления действительности в факт языкового сознания и культуры (фактогенность), ж) система способов коммуникативного осуществления поступка (стратегичность).

Системообразующим конструктом перформативности выступает лингвокогнитивная трехкомпонентная модель действия (операция – действие – поступок). Выстроенные в работе лингвокогнитивные модели (фреймы), концептов «операция», «действие» и «поступок» обнаруживают общие и дифференциальные признаки данных структурных единиц деятельности и служат основой для дальнейшего анализа способов манифестации перформативности в дискурсе и характеристики языковой личности как субъекта перформативности.

Фрейм концепта «операция», являясь упрощенной моделью действия и включая пять слотов (совершение акта какой-либо деятельности, субъект деятельности - индивид, включенность в состав более сложного действия,

автоматизированность, повторяемость в типичной ситуации), позволяет выявить следующие речевые проекции операционных действий: 1) эмотивные речевые действия (кроме действий, выражающих интеллектуальную эмоциональность), 2) этикетные высказывания, 3) клишированные десемантизированные перформативы, этимологически восходящие к ритуальным действиям, 4) клишированные недесемантизированные перформативы, посредством которых говорящий реализует полномочные функции как часть ритуала.

Субъектом речевых операций является инстинктивная языковая личность. Инстинктивная языковая личность оперирует эмотивами, этикетными действиями и клишированными перформативами, сопровождающими «рутинные» ритуалы, на уровне автоматизмов, что обусловлено их типизированным употреблением и, следовательно, усилением «врастания» жанровых норм данных единиц в сознание.

Фреймы концептов «действие» и «поступок» включают одинаковое количество слотов, но их содержательное наполнение принципиально различается. Сравнение двух фреймов показывает, что поступок является действием более высокого порядка, нежели собственно действие.

Фрейм концепта «действие», состоящий из восьми слотов (совершение акта какой-либо деятельности; субъект действия - индивид; мотив действия – реализация какой-либо потребности; цель действия - достижение определенного результата; формальные характеристики действия – осознанное / неосознанное; онтологические характеристики – рациональное / нерациональное, истинное / ложное; оценочные характеристики действия – успешное / неуспешное; результат – практическое либо теоретическое освоение действительности), позволяет установить следующие речевые соответствия собственно действий: 1) перформативные действия с эксплицитно выраженной перформативностью (кроме этикетных и клишированных перформативов, имеющих свойство операционных

действий), 2) перформативные действия с имплицитно выраженной перформативностью, 3) транспонированные перформативные действия.

Субъектом речевых собственно действий является рефлексирующая языковая личность. Речевая деятельность рефлексирующей языковой личности выстраивается осознанно, на основе идеального образа самой деятельности. Рефлексирующая языковая личность характеризуется довольно высоким уровнем коммуникативной, или жанровой, компетенции. Рефлексия языковой личности проявляется как в выборе адекватных ее коммуникативным интенциям средств, так и в выборе адресата, способного правильно интерпретировать эти интенции. Отличительным признаком рефлексирующей языковой личности является действие «по ситуации» / «здесь и сейчас», обусловленное стереотипностью мышления.

Анализ фрейма концепта «поступок», состоящего из восьми слотов (совершение акта социального поведения; субъект поступка – личность; установка – реализация определенной ценности / антиценности; формальная характеристика поступка – осознанное, осмысленное и волевое действие; оценочная характеристика поступка – положительное / отрицательное действие; онтологические признаки поступка - событийность, структурность, имманентность, каузальная независимость; ситуация – ответственный выбор между двумя (или более) мотивами; результат – формирование новой социальной реальности), позволяет утверждать, что поступок как элемент коммуникации реализуется в виде дискурса в ситуации личностно обусловленного волевого принятия решений и осуществления свободного ответственного выбора, актуализирующего смысл реального общения посредством одного или нескольких ценностно-нагруженных коммуникативных действий.

Если речевые операции и действия могут быть выделены на основе формально-функционального критерия, то для выделения речевого поступка применим функционально-семантический критерий: наличие ценностно-нагруженных коммуникативных действий как необходимого условия

осуществления коммуникативного поступка позволяет говорить о присущей ему аксиологической модальности, которая и является его маркером. Мы выделяем две основополагающие аксиологические модальности, маркирующие коммуникативный поступок: модальности одобрения и неодобрения. Аксиологическая модальность в коммуникативных поступках может сочетаться с деонтическими модальностями (долженствования, запрета, желания, просьбы, предостережения, угрозы, совета, разрешения).

Субъектом коммуникативного поступка является интуитивная языковая личность, которая на речевом уровне осуществляет волевою актуализацию ценностей. Интуитивной языковой личности присуща аксиологическая интуиция, позволяющая говорящему выстраивать речевую деятельность относительно сознательно выбранных ценностей. Интуитивная языковая личность отличается нестереотипными действиями «наперекор ситуации». Как правило, интуитивная языковая личность просчитывает свои коммуникативные шаги наперед, руководствуясь не стереотипами, а ценностными установками. Субъекта коммуникативного поступка, таким образом, можно охарактеризовать, используя выражения «слов на ветер не бросает» и «отвечает за свои слова».

В данной работе перформативность представляется одним из инструментов прагмалингвистического моделирования дискурса, основанного на противопоставлении перформативности в широком и узком понимании: в широком смысле перформативность трактуется как коммуникативная фактуализация явления (первый тип дискурсивной перформативности – фактогенная перформативность), в узком смысле – как языковое осуществление поступка (второй тип дискурсивной перформативности – стратегическая перформативность).

Прагматической основой перформативности в широком смысле является фактогенность – способность дискурса конституировать факты. Дискурсивное моделирование с позиции фактогенной перформативности предполагает выявление способов актуализации фактуальной и фактуально-

событийной перформативности в дискурсе, критерием выделения которых служит вид конституируемого факта: 1) факт как фокусировка на актуальных моментах действительности (фактуальная перформативность) и 2) факт как культурное явление (фактуально-событийная перформативность).

Фактогенность определяется видом дискурса, выделенного с позиции социолингвистики. Самым фактогенным представляется юридический дискурс, в котором фактогенная перформативность выражается в фактуализации явлений, представляющих собой юридические акты. Фактогенность в рекламном дискурсе выражается в фактуализации явлений, представляющих собой акты продвижения рекламного продукта на рынке. В политическом дискурсе фактуализируются явления, представляющие собой акты осуществления власти, а также борьбы за нее; в персональном дискурсе фактогенность выражается в фактуализации явлений, представляющих собой акты установления и регулирования межличностных отношений коммуникантов. Наименьшей степенью фактогенности обладает бытийный дискурс (поэтические, художественные и философские тексты).

Фактогенность дискурса может усиливаться либо снижаться. Усиление фактогенной функции дискурса заключается в переходе фактуальной перформативности в фактуально-событийную, чему способствует ритуализация дискурса, т.е. его символическое переосмысление и приобретение свойств ритуала: сакральности, коллективности, ригидности, сюжетности. Снижение фактогенности дискурса наблюдается в случае его этикетизации: из-за «семантического выветривания» употребление этикетных формул в качестве стратегий вежливости приводит к переходу фактуально-событийной перформативности в фактуальную. Кроме этого, снижению фактогенной функции дискурса способствует его карнавализация, т.е. «переворачивание» дискурсивных ценностей и иллокуций, облечение юмористического содержания в привычную (неюмористическую) форму.

Дискурсивное моделирование с позиции стратегической перформативности предполагает выявление способов коммуникативного

осуществления поступка. Выделяются четыре перформативные стратегии: устанавливающая, подтверждающая, оспаривающая и трансформирующая. Каждая стратегия распадается на тактики в зависимости от векторной направленности коммуникации. Реализация перформативных стратегий обусловлена определенными социальными или коммуникативными нормами и ценностными доминантами лингвокультуры.

Устанавливающая стратегия направлена на идентификацию субъектного / адресатного статуса; подтверждающая стратегия нацелена на его подтверждение; в результате реализации оспаривающей стратегии статус субъекта / адресата дискредитируется либо реабилитируется; трансформирующая стратегия направлена на демонстрацию субъектом изменения в отношениях с адресатом (улучшения либо ухудшения).

В юридическом дискурсе действуют устанавливающая, подтверждающая и оспаривающая перформативные стратегии. Относительно рекламного дискурса следует сказать, что двуплановость рекламных манипуляций обуславливает реализацию нескольких перформативных стратегий в каждом рекламном продукте - устанавливающей и подтверждающей. Качественным поступком в политическом дискурсе наделяются высказывания с идеологически наполненным пропозициональным содержанием, т.е. те, которые провозглашают, пропагандируют, критикуют либо опровергают какую-нибудь идеологию. В политическом дискурсе реализуются все четыре выделенные нами перформативные стратегии. Речевые поступки в персональном дискурсе также могут осуществляться посредством всех четырех перформативных стратегий: устанавливающей, подтверждающей, оспаривающей и трансформирующей.

Перформативность имеет специфическую манифестацию в речевых жанрах. В настоящей работе способ перформативного моделирования речевого жанра рассматривается на примере жанра «спор». Моделирование речевого жанра с позиции перформативности позволяет не только изучить способы манифестации перформативности в нем, но и выявить основания

для ее проявления. Так, спор встраивается в лингвокогнитивную модель поступка, обладает структурностью, имманентностью, имеет событийные признаки поступка (динамичность, градуированность, гетерогенность, результативность), поэтому является потенциально перформативным.

Спор является фактогенным перформативным жанром, характеризуясь двумя типами фактогенной перформативности – фактуальной и фактуально-событийной. Фактуальная перформативность актуализируется посредством речевого действия «возражение», т.е. возражение в споре наделяется качеством факта как фокусировки на актуальных моментах действительности; фактуально-событийная перформативность, предполагающая затрагивание ценностной картины мира людей, актуализируется в споре посредством аргументации, поскольку в ней реализуется ценность истины, в которой уверены коммуниканты, вступающие в спор; таким образом, аргументация наделяется качеством факта как культурного явления. В бытовых спорах в процессе аргументации свойствами истины может наделяться интуитивное знание.

Спор является языковым выражением дискредитирующей / реабилитирующей тактик, реализующих оспаривающую стратегию - одну из четырех стратегий стратегического перформативного дискурса. Данная стратегия направлена на демонстрацию субъектом сомнения в том или ином аспекте адресатного статуса: в объективности / необъективности или ложности / истинности излагаемой им информации, в доминирующей / недоминирующей роли его статуса. Демонстрация субъектом сомнения в объективности / необъективности или ложности / истинности излагаемой адресатом информации осуществляется в спорах о фактах, а также спорах о совершенных действиях; сомнение адресанта в доминирующей / недоминирующей роли статуса адресата демонстрируется в спорах о будущих (намеченных/желаемых/возможных и т.п.) действиях.

Разработанные модели позволяют охватить огромное множество дискурсивных практик и выявить особенности актуализации

перформативности на разных уровнях дискурса. Перспективы исследования состоят в уточнении признаков перформативности как дискурсивного феномена, в изучении перформативных характеристик религиозного, научного, педагогического, делового, поэтического и других видов дискурса, в выявлении специфики манифестации перформативности в определенных речевых жанрах.

Список использованной научной литературы

1. Аверьянов Л.Я. Факт и его интерпретация [Электронный ресурс] URL: <http://library.sociology.kharkov.ua/books/averyanov/04.html> (дата обращения: 10.11.2014).
2. Азадова Н.А. Сопоставительное исследование перформативного глагола (на материале лезгинского, английского и русского языков): дис. ...канд. филол. наук. – Махачкала, 2007. – 146 с.
3. Алексеев П.В., Панин А.В. Философия: учебник. - М.: ПБОЮЛ М.А.Захаров, 2001. - 608 с.
4. Ален Дж. Ф., Перро Р. Выявление коммуникативного намерения, содержащегося в высказывании: пер. с англ. Т.С. Зевахиной // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. – М.: «Прогресс», 1986. - С. 322-362.
5. Алефиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики: монография/ Н.Ф.Алефиренко. – М.: Гнозис, 2005. – 326 с.
6. Алпатов В.М. Вопросы лингвистики в работах М.М.Бахтина 40-60-х годов // Вопросы языкознания. 2001. №6. - С. 123-137.
7. Алпатов В.М. Проблема речевых жанров в работах М.М. Бахтина // Жанры речи. Саратов: Колледж, 2002. Вып.3. - С. 92-104.
8. Алпатов В.М. Волошинов, Бахтин и лингвистика. – М.: Языки славянских культур, 2005. – 432 с.
9. Анисимова Т.В. О специфике понятия «дискуссия» // Россия на пороге XXI века: региональные особенности в процессе трансформации общества: тезисы научно-практической конференции ученых и преподавателей (27-28 мая 1999). – Архангельск, 1999. – С. 274-281.
10. Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М.: Лабиринт, 2007. - 329 с.
11. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Исследование конфликтов в психологии // Психология конфликта: хрестоматия по психологии / Под общ. ред. Н.В. Гришиной. – СПб.: Питер, 2001. – 448 с. - С. 202-206.

12. Апресян Ю.Д. Перформативы в грамматике и в словаре // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1986. Т. 45. № 3. - С. 208 – 223.
13. Апресян Ю.Д. Проблема фактивности: *знать* и его синонимы // Вопросы языкознания. 1995. №4. - С. 43-63.
14. Аристотель. О софистических опровержениях // Сочинения в четырех томах. Т.2. – М.: Издательство «Мысль», 1978. - С. 533-593.
15. Аристотель. Толика // Сочинения в четырех томах. Т.2. – М.: Издательство «Мысль», 1978. - С. 347-531.
16. Аристотель. Риторика // Риторика. Поэтика. – М.: Лабиринт, 2000. – 224 с.
17. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. – Л.: «Просвещение», 1981. – 295 с.
18. Арутюнова, Н.Д. Об объекте общей оценки // Вопросы языкознания. 1985. №3. - С. 13-24.
19. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка, событие, факт. - М., 1988. - 341с.
20. Арутюнова Н.Д. Перформатив // Языкознание: Большой энциклопедический словарь. – М., 1998. – С. 372-373.
21. Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16/ Общ. ред. Е.В. Падучевой. – М.: «Прогресс», 1985. - С. 3-42.
22. Асмус В.Ф. Проблема интуиции в философии и математике. Очерк истории: XII - начало XX В. – М.: Соцгиз, 1963 – М.: Эдиториал УРСС, 2004 [Электронный ресурс] URL: psylib.org.ua (дата обращения: 12.08.2014).
23. Бабаева (Якимович) Е.В. Лингвокультурологические характеристики русской и немецкой картин мира: Автореф. дис. ...докт. филол. наук. – Волгоград, 2004.
24. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1996. – 104 с.

25. Байбурин А.К. Об этнографическом изучении этикета // Этикет у народов Передней Азии. – М., 1988.
26. Байкулова А.Н. Неофициальное общение: подходы к его классификации и методике исследования // Известия ВГПУ №7(92), 2014. Серия «Филологические науки». – С. 8-11.
27. Балашова Л.В. Метафорическое поле игры в истории русского языка // Аксиологическая лингвистика: игровое и комическое в общении: Сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 2003.
28. Баранов А.Н., Крейдлин Г.Е. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога // Вопросы языкознания. 1992. №2. - С.84-98.
29. Барт Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов / Перевод с французского Г.К. Косикова // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX-XX вв.: Трактаты, статьи, эссе. М.: МГУ, 1987. 512 с. - С.: 387-422. [Электронный ресурс] URL: <http://www.ae-lib.org.ua> (дата обращения: 21.11.2013).
30. Барт Р. Нулевая степень письма // Семиотика: Антология / Сост. Ю.С. Степанов. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – С. 327-370.
31. Бахтин М.М. К философии поступка [Электронный ресурс] URL: <http://philosophy.ru> (дата обращения: 21.11.2013).
32. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: «Художественная литература», 1975. – 504 с.
33. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: «Искусство», 1986. – 445 с.
34. Бердяев Н.А. Царство духа и царство Кесаря [Электронный ресурс] URL: http://krotov.info/library/02_b/berdyaev/1947_40_06.html (дата обращения: 16.02.2014).
35. Берков В.Ф. Аргументация как логико-коммуникативная процедура // Online Journal: Argumentation, interpretation, rhetoric. 2002. Issue 2

- [Электронный ресурс] URL: Argumentation.spb.ru (дата обращения: 12.02.2015).
36. Бирвиш М. Семантика: пер. с англ. И.Г. Сабуровой // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 10. – М.: «Прогресс», 1981. – С. 177-199.
37. Богданов В.В. Иллокутивная функция высказывания и перформативный глагол // Содержательные аспекты предложения и текста. – Калинин, 1985. – С. 27-38.
38. Богданов В.В. Речевое общение: прагматические и семантические аспекты. – Л., 1990.
39. Богданова Т.В. Прагматические компоненты перформативных высказываний в комедиях В. Шекспира: дис. ... канд. филол. наук. – Санкт-Петербург, 2008. – 168 с.
40. Божович Л.И. Проблема развития мотивационной сферы ребенка // Изучение мотивации детей и подростков. — М., 1972. - С. 7-44.
41. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. – Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2001. – 123 с.
42. Болдырев Н.Н. Концепт и значение слова // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: научное издание. – Воронеж, 2001. – С. 25-45.
43. Болдырев Н.Н. Интерпретирующая функция языка // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. №33 (248). Вып. 60. – С. 11-16.
44. Бондаренко А.В. Интуиция и творчество // Историческая и социально-образовательная мысль. Том 6 №6, Часть 2, 2014. – С. 50-54.
45. Борисова И.Н., Корх С.С. Прагматический потенциал жанра заговора: цветовой код // Жанры речи: Сборник научных статей. – Саратов: Издательский центр «Наука», 2007. Вып. 5. Жанр и культура. – С. 332-345.
46. Брутян Г.А. Аргументация // Вопросы философии. 1982. №11. – С.43-52.

47. Брюшинкин В.Н. Обобщение системной модели аргументации [Электронный ресурс] URL: <http://dia-logic.livejournal.com> (дата обращения: 17.03.2015).
48. Васильев Л.Г. Понимание, аргументация, лингвистика: замечания о методе [Электронный ресурс] URL: <http://rca.tver.ru> (дата обращения: 17.07.2006). [Васильев www]
49. Васильев Л.Г. Особенности понимания естественно-языковых аргументов в научном тексте // Online Journal: Argumentation, interpretation, rhetoric. 2000. Issue 1 [Электронный ресурс] URL: Argumentation.spb.ru. (дата обращения: 17.07.2006). [Васильев 2000]
50. Введенская Л.А., Павлова, Л.Г. Деловая риторика: учебное пособие для вузов. – М.: ИКЦ «МарТ», Ростов н/Д: Издательский центр «МарТ», 2004. – 512 с.
51. Введенская Л.А., Павлова Л.Г., Кашаева Е.Ю. Русский язык и культура речи: учебное пособие для вузов. - Ростов н/Д: изд-во «Феникс», 2003. – 544 с.
52. Вебер М. Основные социологические понятия // Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990.
53. Вежбицка А. Речевые акты: пер. с англ. С.А. Крылова // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. – М.: «Прогресс», 1985. – С. 251-275.
54. Вежбицкая А. Речевые жанры // Жанры речи. – Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. – С. 99-111.
55. Вежбицкая А. Немецкие «культурные сценарии»: общественные знаки как ключ к пониманию общественных отношений и культурных ценностей // Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. Грамматическая семантика. Ключевые концепты культур. Сценарии поведения. – М., 1999. – 780 с.
56. Вежбицкая А., Годдард К. Дискурс и культура // Жанры речи. – Саратов: Колледж, 2002. Вып. 3. – С. 118-157.

57. Вендлер З. Иллокутивное самоубийство: пер. с англ. А.А. Зализняк // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. – М.: «Прогресс», 1985. – С. 238-250.
58. Вейнрейх У. Опыт семантической теории: пер. с англ. Н.В. Перцова // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 10. – М.: «Прогресс», 1981. – С. 50-176.
59. Витгенштейн Л. Философские исследования: пер. с нем. Л.А. Крылова // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. – М.: «Прогресс», 1985. – С. 79-128.
60. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 280 с.
61. Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. – 236 с.
62. Воркачев С.Г. Дискурсивная вариативность лингвоконцепта: любовь – милость // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2005. Т. 64. №4. – С. 46-55.
63. Ворожейкин И.Е., Кибанов А.Я., Захаров Д.К. Конфликтология: учебник. – М.: ИНФРА-М, 2002. – 240 с.
64. Воронина С.М. Тема состязательности: англо-русские оценочные параллели // Языковая личность: культурные концепты: сб. науч. тр. – Волгоград – Архангельск: Перемена, 1996. – С. 60-66.
65. Гайда Ст. Жанры разговорных высказываний // Жанры речи. – Саратов: Изд-во ГУНЦ «Колледж», 1999. Вып. 2. – С. 103-111.
66. Гинзбург Л.Я. О литературном герое. – Л.: Сов. писатель. Ленингр. отд-ние, 1979. – 222 с.
67. Глинчевский Э.И. Аргументативное речевое воздействие в СМИ как средство влияния на внутренний мир человека // Актуальные проблемы коммуникации и культуры/ международный сб. науч. тр. Пятигорский государственный лингвистический университет: Москва – Пятигорск, 2006. Вып. 3. – С. 80-86.

68. Головачева А.В. Стереотипные ментальные структуры и лингвистика текста. – М., 2000. – 157 с.
69. Головин С.Н. Правовое регулирование досудебного соглашения о сотрудничестве в России [Электронный ресурс] URL: <http://5898523.ru> (дата обращения: 31.10.14)
70. Голубев В.Ю. Аргументативный диалог в американской газете: взаимовлияние логического и языкового аспектов дискурса // Online Journal: Argumentation, interpretation, rhetoric. 2000. Issue 1 [Электронный ресурс] URL: Argumentation.spb.ru (дата обращения: 18.02.2015).
71. Голубев В.Ю., Гудкова К.В. Письма в редакцию в английской газете: анализ аргументации // Online Journal: Argumentation, interpretation, rhetoric. 2000. Issue 1 URL: Argumentation.spb.ru (дата обращения: 18.02.2015).
72. Голубева-Монаткина Н.И. Классификационное исследование вопросов и ответов диалогической речи // Вопросы языкознания. 1991. №1. – С. 125-134.
73. Гольдин В.Е. Имена речевых событий, поступков и жанры русской речи // Жанры речи. – Саратов, 1997. – С. 23-34.
74. Гольдин В.Е., Дубровская О.Н. Жанровая организация речи в аспекте социальных взаимодействий // Жанры речи. – Саратов: Колледж, 2002. Вып. 3. – С. 5-17.
75. Горбачева Е.Н. Дискурсивная реализация коммуникативных концептов. – Волгоград, 2007. – 192 с.
76. Горло Е.А. Универсальная антропоцентрическая модель поэтического дискурса: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Ростов-на-Дону, 2007. – 48 с.
77. Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 1985. – С. 217-237.

78. Григорьева В.С. К вопросу о структуре общения и его единицах // Язык и общение: материалы первой региональной межвузовской научной конференции. – Мичуринск: Мичуринский государственный аграрный университет, 2001. – С. 9-11.
79. Грязнова Ю.Б. Перформативные тексты в методологии науки: автореф. дис. ...канд. философ. наук [Электронный ресурс] URL: <http://www.circleplus.ru> (дата обращения: 13.07.2013).
80. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 2000. – 397 с.
81. Давыдов В.В. Проблема деятельности в философии и психологии // Хрестоматия по курсу ВВЕДЕНИЕ В ПСИХОЛОГИЮ / ред.-сост. Е.Е. Соколова. – М.: Российское психологическое общество, 1999. – С. 284-286.
82. Дейвисон А. Лингвистическое или прагматическое описание: размышление о «Парадоксе Перформативности» // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. – М.: Прогресс, 1986. – С. 235-269.
83. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. – Б.: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 308 с.
84. Деминова М.А. Аксиологическая модальность в языке современной журналистики // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2012. – № 6. Т. 11. – С. 110-116.
85. Дементьев В.В. Дедуктивное и индуктивное изучение фатической коммуникации // Языковая личность: культурные концепты: сб. науч. тр. – Волгоград - Архангельск: Перемена, 1996. - С. 122-133.
86. Дементьев В.В. Фатические и информативные коммуникативные замыслы и коммуникативные интенции: проблемы коммуникативной компетенции и типологии речевых жанров // Жанры речи. – Саратов: Изд-во ГУНЦ «Колледж», 1997а. – С.34-44.
87. Дементьев В.В. Изучение речевых жанров: обзор работ в современной русистике // Вопросы языкознания. 1997б. №1. – С. 109-121.

88. Дементьев В. В. Фатические речевые жанры // Вопросы языкознания. 1999. № 1. – С. 37-55.
89. Дементьев В.В. Коммуникативная генристика: речевые жанры как средство формализации социального взаимодействия // Жанры речи. - Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2002. Вып. 3. – С. 18-40.
90. Дементьев В.В. Варьирование коммуникативных концептов // Человек в коммуникации: концепт, жанр, дискурс: сб. науч. тр. – Волгоград: Парадигма, 2006а. – С.5-24.
91. Дементьев В.В. Непрямая коммуникация. – М.: Гнозис, 2006б. – 376 с.
92. Дементьев В.В. Теория речевых жанров. – М.: Знак, 2010. – 600 с.
93. Дементьев В.В., Седов К.Ф. Социопрагматический аспект теории речевых жанров. – Саратов: Изд-во Сарат. пед. ин-та, 1998. – 107 с.
94. Демьянков В.З. «Теория речевых актов» в контексте современной зарубежной лингвистической литературы (обзор направлений) // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. – М.: Прогресс, 1986. – С. 223-234.
95. Демьянков В.З. «Концепт» в философии языка и в когнитивной лингвистике // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования: сб. науч. тр. – М. – Калуга: Эйдос, 2007. – С. 26-33.
96. Деннингхаус С. Теория речевых жанров М.М.Бахтина в тени прагмалингвистики // Жанры речи. – Саратов: Колледж, 2002. Вып. 3. - С. 104-117.
97. Дубровская Т.В., Кормилицына М.А. Некоторые прагматические характеристики речевых жанров «осуждение» и «обвинение» // Жанры речи. – Саратов: Колледж, 2002. Вып. 3. – С. 272-282.
98. Дюркгейм Э. Формы мышления и поведения человека как социальные факты // Хрестоматия по курсу ВВЕДЕНИЕ В ПСИХОЛОГИЮ / ред.-сост. Е.Е. Соколова. – М.: Российское психологическое общество, 1999а. – С. 237-241.

99. Дюркгейм Э. Социальная обусловленность психической жизни человека // Хрестоматия по курсу ВВЕДЕНИЕ В ПСИХОЛОГИЮ / ред.-сост. Е.Е. Соколова. – М.: Российское психологическое общество, 1999б. – С. 233-236.
100. Еемерен Ф.Х., Гроотендорст Р. Аргументация, коммуникация и ошибки. – СПб.: Васильевский остров, 1992. – 208 с.
101. Еемерен Ф.Х., Гроотендорст Р. Речевые акты в аргументативных дискуссиях. – СПб., 1994. – 238 с.
102. Ерёменко А.М. Понятия «факт» и «событие»: смысловое сходство и различие [Электронный ресурс] URL: http://fd.snu.edu.ua/info/files_articles/collection_14/article24.pdf (дата обращения: 11.11.14).
103. Ерохина Е.Г. Фактуальность исторического текста: основы лингвистического анализа // Гуманитарные научные исследования. – Апрель 2013. №4. [Электронный ресурс] URL: <http://human.snauka.ru/2013/04/2765> (дата обращения: 30.07.2014).
104. Жельвис В.И. Инвектива // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М.: Лабиринт, 2007. – С. 187-194.
105. Жеребкина И.А. Перформативность (в) современной философии: гендерная тревога как политика сопротивления [Электронный ресурс] URL: http://www.nbuv.gov.ua/Portal/soc_gum (дата обращения: 16.07.2013).
106. Живов В.М. Очерки исторической морфологии русского языка VII-VIII веков. – М., 2004.
107. Жирков А.В. Приемы манипулятивного воздействия в рекламе // Рекламный дискурс и рекламный текст: коллективная монография / науч. ред. Т.Н. Колокольцева. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. – С. 172-191.
108. Забавников Б.Н. К проблеме структурирования речевого акта (речевого действия) // Вопросы языкознания. 1984. №6. – С. 119-124.

109. Зарецкая Е.Н. Риторика. Теория и практика речевой коммуникации. – М.: Дело, 1998. – 480 с.
110. Зотеева Т.С. Диалогическое единство в жанре просьбы и его эволюция в английской драме XVI-XX в.в.: дис. ...канд. филол. наук. - Саратов, 2001. – 229 с.
111. Иванов А.А. Правовое регулирование института сделок о признании вины в США // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2012, № 2 (1). – С. 282–286.
112. Иванова Ю.М. Концепт «президент» как информационное ядро жанра предвыборных теледебатов // Человек в коммуникации: концепт, жанр, дискурс: сб. науч. тр. – Волгоград: Парадигма, 2006. – С. 47-58.
113. Ивин А.А. Логика. – М.: Просвещение, 1996. – 206 с.
114. Измалков А.В. Ратификация и денонсация международных договоров // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – №1. – 2008. – С. 149-150.
115. Ильинова Е.Ю. Рекламный дискурс: ценности, образы, ассоциации // Рекламный дискурс и рекламный текст: коллективная монография / науч. ред. Т.Н. Колокольцева. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. – С. 38-56.
116. Иссерс О.С. Речевое воздействие в аспекте когнитивных категорий // Вестник Омского университета. 1999а. Вып.1. – С. 74-79.
117. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – Омск: Омск. гос. ун-т, 1999б. – 285 с.
118. Йокояма О.Б. Когнитивная модель дискурса и русский порядок слов. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 424 с.
119. Казанцев М.Ф. Политический договор: определение понятия // Политическая наука и политические процессы в Российской Федерации и Новых Независимых Государствах. – Екатеринбург: УрО РАН, 2005. – С. 313-316.

120. Каппель Г., Ратмайр Р., Диль-Желонкина Н. Как вести переговоры с русскими: стратегии для деловой практики // Социальные и гуманитарные науки. РЖ «Языкознание» (зарубежная литература). 1995. №3. – С. 41-44.
121. Карасик В.И. Язык социального статуса. – М.: Ин-т языкозн. РАН, 1992. – 330 с.
122. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс: монография. – Волгоград: Перемена, 2002а. – 477 с.
123. Карасик В.И. Ритуальный дискурс // Жанры речи: Сб. науч. ст.. Вып. 3. – Саратов: Изд-во ГосУНЦ “Колледж”, 2002б. – С. 157-171.
124. Карасик В.И. Языковые ключи. – Волгоград: Парадигма, 2007. – 520 с.
125. Карасик В.И. Языковая кристаллизация смысла. – Волгоград: Парадигма, 2010. – 422 с.
126. Карасик В.И. Языковая матрица культуры. – Волгоград: Парадигма, 2012. – 448 с.
127. Карасик В.И. Переформулирование ценностей как поступок (опыт интерпретации Х.Л. Борхеса) // Известия ВГПУ №7 (92), 2014. Серия «Филологические науки». – С. 4-7.
128. Карасик В.И. Аксиогенная ситуация как единица ценностной картины мира // Политическая лингвистика 1 (47), 2014. – С. 65-75.
129. Карасик В.И. Языковое проявление личности. – Волгоград: Парадигма, 2014. – 450 с.
130. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987.
131. Катц Дж. Семантическая теория // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 10. Лингвистическая семантика. – М., 1981. – С. 33-49.
132. Кашкин В.Б. Введение в теорию коммуникации. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. тех. ун-та, 2000. – 175 с.

133. Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Речь москвичей: коммуникативно-культурологический аспект/ Ин-т рус. яз. РАН. – М., 1999. – 396 с.
134. Китик М.В. Снижение интенсивности высказывания в политическом дискурсе: (на материале стенограмм заседаний Британского парламента): дис. ... канд. филол. наук. - Астрахань, 2004. – 160 с.
135. Кларк Г.Г., Карлсон Т.Б. Слушающие и речевой акт: пер. с англ. Н.И. Лауфер // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. – М.: «Прогресс», 1986. – С. 270-321.
136. Клепикова Т.А. Модальность субъективной фактуальности [Электронный ресурс] URL: <http://cyberleninka.ru> (дата обращения: 30.07.2014).
137. Кобозева И.М. «Теория речевых актов» как один из вариантов теории речевой деятельности // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. – М.: «Прогресс», 1986. – С. 7-21.
138. Ковалев Л.Н. Военно-политический договор как тип текста: дис. ...канд. филол. наук. – М., 2000.
139. Ковшов Е.М. Социальная рефлексия: Структура, формы и функции: автореф. дисс. ... канд. филос. наук. – Саратов, 1999. – 31 с.
140. Кожина М.Н. О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики. – Пермь, 1966. – 214 с.
141. Кожина М.Н. К основаниям функциональной стилистики. – Пермь, 1968. – 252 с.
142. Кожина М.Н. Стилистика русского языка: учеб. для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.». – М.: Просвещение, 1993. – 224 с.
143. Кожина М.Н. Речевой жанр и речевой акт (некоторые аспекты проблемы) // Жанры речи. – Саратов: Колледж, 1999. Вып. 2. – С. 52-61.

144. Кожухова И.В. Интеррогативные косвенные речевые акты: реализация коммуникативной неимпозитивности (на материале английского и русского языков). – Челябинск: ООО «РЕКПОЛ», 2012. – 144 с.
145. Колесов В.В., Пименова М.В. Концептология: учебное пособие. – Кемерово, 2012. – 248 с.
146. Колокольцева Т.Н. Слоган как ключевой компонент рекламного текста // Рекламный дискурс и рекламный текст: коллективная монография / науч. ред. Т.Н. Колокольцева. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. – С. 147-171.
147. Колоян Д.Л. Ухаживание как тип коммуникативного поведения: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2006. - 20 с.
148. Комлева Е. В. Функционирование директивного речевого акта в апеллятивном тексте (на материале современного немецкого языка) // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2009. №90. [Электронный ресурс] URL: <http://cyberleninka.ru> (дата обращения: 01.01.2014).
149. Конецкая В.П. Социология коммуникации: учебник. – М.: Международный университет бизнеса и управления, 1997. – 304 с.
150. Корнилова Т.В. Мотивационная регуляция принятия решений: современные представления // Современная психология мотивации / Под ред. Д.А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2002. – С. 171-213.
151. Кравченко Е.И. Теория социального действия: от Макса Вебера к феноменологам [Электронный ресурс] URL: <http://www.nationalism.org>
<http://www.nir.ru/sj/sj/sj3-01krav.html> (дата обращения: 15.09.2014).
152. Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: монография. – М.: Гнозис, 2008. – 374 с.
153. Красина Е.А. Семантика и прагматика русских перформативных высказываний: дис. ... докт. филол. наук. – Москва, 1999. – 310 с.

154. Кривоносов А.Т. Отрицание в предложении и отрицание в умозаключении (опыт семантического анализа отрицаний в тексте) // Вопросы языкознания. 1986. № 1. – С. 35-49.
155. Крюкова И.В. Имена собственные на разных уровнях рекламного воздействия (на материале современной российской телерекламы) // Человек в коммуникации: концепт, жанр, дискурс: сб. науч. тр. – Волгоград: Парадигма, 2006. – С. 153-164.
156. Крылов А.А. Психология: учебник. - М.: Проспект, 1999. - 584 с.
157. Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
158. Кузина Е.Б. Аргументация как тип рассуждения // Аргументация. Интерпретация. Риторика. Электронный журнал. Вып 2, 2002 [Электронный ресурс] URL: <http://argumentation.ru>
159. Кузнецов И.Н. Риторика, или Ораторское искусство: учеб. пособие для студентов вузов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. – 431 с.
160. Куликова Л.В. Коммуникативный стиль в межкультурном общении: монография. – М.: Флинта : Наука, 2009. – 287 с.
161. Культура русской речи: учебник для вузов / Под ред. Л.К. Граудиной и Е.Н. Ширяева. – М.: Норма, 2004. - 560 с.
162. Кухаренко В.А. Интерпретация текста: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2103 «Иностр. яз.». – 2-е изд., перераб. — М.: Просвещение, 1988. – 192 с.
163. Лакофф Дж. Лингвистические гештальты: пер. с англ. Н.Н. Перцовой // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 10. – М.: Прогресс, 1981. – С. 350-368.
164. Лакофф Дж. Прагматика в естественной логике: пер. с англ. Н.В. Перцова // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. – М.: Прогресс, 1985. – С. 439-470.

165. Леонтович О.А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения: монография. – Волгоград: Перемена, 2002. – 435 с.
166. Леонтьев А.Н. Общее понятие о деятельности // Основы теории речевой деятельности. – М.: Наука, 1974. – С. 5-20. [Леонтьев 1974а]
167. Леонтьев А.А. Факторы вариантности речевых высказываний // Основы теории речевой деятельности. – М.: Издательство «Наука», 1974. – С. 29-35. [Леонтьев 1974b]
168. Леонтьев А.Н. Категория деятельности в психологии // Хрестоматия по курсу ВВЕДЕНИЕ В ПСИХОЛОГИЮ / ред.-сост. Е.Е. Соколова. – М.: Российское психологическое общество, 1999. – С. 265-280. [Леонтьев 1999а]
169. Леонтьев А.Н. Основные процессы психической жизни // Хрестоматия по курсу ВВЕДЕНИЕ В ПСИХОЛОГИЮ / ред.-сост. Е.Е. Соколова. – М.: Российское психологическое общество, 1999. – С. 281-283. [Леонтьев 1999b]
170. Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии. – М., 2000 [Электронный ресурс] URL: <http://www.koob.ru> (дата обращения: 30.11.2014) [Леонтьев 2000]
171. Леонтьев В.В. «Похвала», «Лесть» и «Комплимент» в структуре английской языковой личности: дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 1999.
172. Леонтьев Д.А. К психологии поступка [Электронный ресурс] URL: <http://www.existradi.ru> (дата обращения: 30.11.2014) [Леонтьев www]
173. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. – М.: Смысл, 2003. – 487 с.
174. Лукин В.А. Концепт истины и слово «истина» в русском языке // Вопросы языкознания. 1993. № 4. – С. 63-85.

175. Лукин В.А. Противоречие и согласие: языковые концепты, дискурсивные стратегии, текстовые свойства // Вопросы языкознания. 2003. № 4. – С. 91-109.
176. Львов М.Р. Основы теории речи: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2002. – 248 с.
177. Ляшенко П.В. Оценка высказываний в дискуссии (подход к построению эристической семантики) // Online Journal: Argumentation, interpretation, rhetoric. 2002. Issue 2 [Электронный ресурс] URL: <http://argumentation.spb.ru> (дата обращения: 19.02.2015).
178. Макаров М.Л. Языковое общение в малой группе: опыт интерпретативного анализа дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. – Тверь, 1997. – 431 с.
179. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.
180. Максимов В.И. Русский язык и культура речи: учебник. – М.: Гардарики, 2000. – 413 с.
181. Максимова Н.В. Оппозиция *Поэт / Правитель* в стихотворении В. Хлебникова «Отказ» // Анализ лирического стихотворения: [сборник статей]. – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2005. – С. 57-62.
182. Маринич И. Социальная реальность в социологической традиции и современных теориях: достижения и проблемы // Социология: теория, методы, маркетинг. 2001, № 1. – С. 74-89.
183. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику: учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 296 с.
184. Минский М. Фреймы для представления знаний. – М.: Энергия, 1979. – 152 с.
185. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. – 908 с.

186. Матвеева Г.Г., Сахарова Е.Е. Перформативный характер церковной проповеди // Аксиологическая лингвистика: проблемы когниции и коммуникации. – Волгоград: Колледж, 2006. – С. 88-95.
187. Машенцев А.В. Интуиция и ценностная ориентация в познании: дис. ...канд. филос. наук. – Санкт-Петербург, 2003. – 197 с.
188. Медведева Д.И. Языковая реализация концепта «запрет» в общественных знаках: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Ижевск, 2008. – 22 с.
189. Мерлин В.С. Психологические конфликты // Психология конфликта / сост. и общая редакция Н.В. Гришиной. – СПб.: Питер, 2001. – С. 224-252.
190. Мечковская Н.Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура: курс лекций: учеб. пособие для студ. филол., лингв. и переводовед. фак. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 432 с.
191. Минский М. Фреймы для представления знаний. – М.: Энергия, 1979. – 152 с.
192. Митюшин А. А. Рефлексия // Философский энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл. 1989. – С. 555.
193. Митягина В.А. Социокультурные характеристики коммуникативного действия: монография. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2008. – 356 с.
194. Михальченко В.Ю. Язык и культура: социологический аспект // Вопросы филологии. 2004. № 2. – С. 89-93.
195. Мониц Ю.В. Проблемы этимологии и семантика ритуализованных действий // Вопросы языкознания. 1998. № 1. – С. 97-120.
196. Моррис У.Ч. Из книги «Значение и означивание». Знаки и действия // Семиотика: Антология / сост. Ю.С. Степанов. – М.:

- Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – С.129-143.
197. Москвин В.П. Аргументативная риторика: теоретический курс для филологов. – Ростов н/Д: Феникс, 2008. – 637 с.
198. Мудрова Е.В. Комплимент как первичный речевой жанр: автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Таганрог, 2007. – 25 с.
199. Мурашов А.А. Педагогическая риторика. – М.: Педагогическое общество России, 2001.- 480 с.
200. Мысль и искусство аргументации / Под общей ред. И.А. Герасимовой. - М.: Прогресс – Традиция, 2003. – 400 с.
201. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения. – М.: Высшая школа, 1988. – 168 с.
202. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. Лингвистика текста. – М.: Прогресс, 1978.
203. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 10. Лингвистическая семантика. – М.: Прогресс, 1981.
204. Норман Б.Ю. Жанр шутивных объявлений в маршрутных такси // Жанры речи: сб. науч. статей. – Саратов: Изд. центр «Наука», 2007. Вып. 5. Жанр и культура. – С. 429-438.
205. Общая социология: Учебное пособие / под общ. ред. проф. А.Г. Эфендиева. – М.: ИНФРА-М, 2000. – 644 с.
206. Олесницкий М. Нравственное богословие [Электронный ресурс] URL: <http://www.lib.eparhia-saratov.ru> (дата обращения: 15.06.2013).
207. Олянич А.В. Презентационная теория дискурса: монография. – М.: Гнозис, 2007. – 407 с.
208. Олянич А.В. Рекламный дискурс и его конститутивные признаки // Рекламный дискурс и рекламный текст: коллективная монография / науч. ред. Т.Н. Колокольцева. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. – С. 10-37.

209. Орлова Н.В. Жанры разговорной речи и их «стилистическая обработка»: к вопросу о соотношении стиля и жанра // Жанры речи. – Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. – С. 51-56.
210. Орлова Э.А., Филонов Л.Б. Взаимодействие в конфликтной ситуации // Психология конфликта: хрестоматия по психологии/ Под общ. ред. Н.В. Гришиной. – СПб.: Питер, 2001. – 448 с.
211. Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. – М., 1986. – С. 22-130.
212. Падучева Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). – М., 1996.
213. Палашевская И.В. Функции юридического дискурса и действия его участников // Известия Самарского научного центра Российской академии наук, Т.12, № 5 (2), 2010. – С. 535-540.
214. Палашевская И.В. Судебный дискурс: функции, структура, нарративность: монография. – Волгоград: Парадигма, 2012. – 346 с.
215. Панкратов В.Н. Манипуляции в общении и их нейтрализация. – М.: Изд-во Ин-та психотерапии, 2000. – 208 с.
216. Панченко Н. Н. Сплетни как жанр бытового общения // Жанры речи: Сб. науч. ст. – Саратов: Издательский центр «Наука», 2007. Вып. 5. Жанр и культура. – С. 224-232.
217. Парсонс Т. Система координат действия и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем // Американская социологическая мысль. – М., 1996. – С. 462-478 [Электронный ресурс] URL: <http://library.by> (дата обращения: 4.10.2013).
218. Парсонс Т. О структуре социального действия [Электронный ресурс] URL: <http://www.gumer.info> (дата обращения: 4.10.2013).
219. Паршина О.Н. Специфика жанровой формы теледебатов // Жанры речи. – Саратов: Колледж, 2002. Вып. 3. – С. 226-231.

220. Паршина О.Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: монография. – Астрахань: Изд-во АГТУ, 2004. – 196 с.
221. Паршина О.Н. Аргументативная тактика обоснованных оценок (на материале политического дискурса) //Актуальные проблемы коммуникации и культуры/ международный сборник научных трудов. Пятигорский государственный лингвистический университет: Москва – Пятигорск, 2006. Вып. 3. – С. 119-125.
222. Петрова Н.В. Текст и дискурс // Вопросы языкознания. 2003. № 6. – С. 123-130.
223. Петровская Л.А. О понятийной схеме социально-психологического анализа конфликта // Психология конфликта: хрестоматия по психологии/ под общ. ред. Н.В. Гришиной. – СПб.: Питер, 2001. – С. 298-309.
224. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Психология: Учебник для студ. высш. пед. учеб. заведений. – 2-е изд., стереотип. – М.: Издательский центр «Академия»; Высшая школа, 2001. – 512 с.
225. Пименова М.В. Языковая картина мира: учебное пособие. – Изд. 3-е доп. – Санкт-Петербург: СПбГУ, 2011. – 106 с.
226. Пирогова Ю.К. Стратегии коммуникативного воздействия в рекламе: опыт типологизации [Электронный ресурс] URL: <http://www.psychology.ru> (дата обращения: 17.09.2013).
227. Пирогова Ю.К. ИмPLICITная информация как средство коммуникативного воздействия и манипулирования (на материале рекламных и PR-сообщений) // Проблемы прикладной лингвистики – 2001: сб. ст. – М., 2001. – С. 209-227.
228. Плавинская В.С. Этноспецифический концепт FUN в американской лингвокультуре: дис. ...канд. филол. наук. – Волгоград, 2008.

229. Плотникова С.Н. Неискренний дискурс (в когнитивном и структурно-функциональном аспектах). – Иркутск: Изд-во Иркутского государственного лингвистического ун-та, 2000. – 244 с.
230. Поварнин С.И. Спор. О теории и практике спора. – СПб.: Лань, 1996. – 160 с.
231. Покровская Е.А., Дудкина Н.В., Кудинова Е.В. Речевые жанры в диалоге культур. – Ростов н/Д: Foundation, 2011. – 200 с.
232. Почепцов О.Г. Языковая ментальность: способ представления мира // Вопросы языкознания. 1990. № 6. – С.110-122.
233. Пучкова Е.В. Аргументативно-лингвистический анализ дискурса опровержения: автореф. ...канд. филол. наук. – Тверь, 2006. – 20 с.
234. Разинкина Н.М. Об устойчивости функционального стиля // Вопросы языкознания. 1986. № 4. – С.114-119.
235. Рекламный дискурс и рекламный текст: коллективная монография / науч. ред. Т.Н. Колокольцева. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. – 296 с.
236. Романенко А.П., Санджи-Гаряева З.С. Общефилологические основания советской жанровой системы // Жанры речи. - Саратов: Колледж, 2002. Вып. 3. - С. 62-75.
237. Романов А.А. Прагматические особенности перформативных высказываний // Прагматика и семантика синтаксических единиц: сб. научн. трудов. – Калинин: Калининск. гос. ун-т, 1984 – С. 86-92.
238. Романов А.А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. – М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1988. – 183 с.
239. Романов А.А., Романова Л.А. Композитная перформативность в интерактивном пространстве диалога // Studia Linguistica. Вып.5. – 2011. – С. 327-338.
240. Романов А.А., Романова Л.А. Миметическая природа перформативных практик социальной интеракции [Электронный

- ресурс] URL: <http://www.nbuu.gov.ua/portal> (дата обращения: 20.06.2013).
241. Романова Е.Г. Функционально-семантические свойства перформативных единиц в ритуальной коммуникации: дис. ...канд. филол. наук. – Тверь, 1997. – 174 с.
242. Романова Л.А. Композитные перформативы в функциональной парадигме языка: семантический и прагматический аспекты: дис. ...докт. филол. наук. – Тверь, 2009а. – 454 с.
243. Романова Л.А. Генеративная прагматика композитных перформативов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена: Общественные и гуманитарные науки. Научный журнал. – 2009б. - № 118. – С. 137 – 143.
244. Россолова О.А. Перформатив как координатор коммуникативного взаимодействия и средство адресованности: автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Петропавловск-Камчатский, 2008. – 22 с.
245. Рубина С.Н. Комплимент как элемент коммуникативного поведения и его представление в китайской аудитории // Известия ВГПУ № 5 (18), 2006. Серия «Филологические науки». – С. 42-45.
246. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – СПб: «Питер», 2007. – 713 с.
247. Рублева Е.В. Лингвопрагматические аспекты политической теледискуссии: автореф. дис. ...канд. филол. наук. – М., 2006. – 24 с.
248. Савельева У.А. Архетипический лингвокультурный концепт «предательство»: дис. ...канд. филол. наук. – Астрахань, 2008. – 211 с.
249. Салмина Л.М. Коммуникация. Язык. Мышление. – Казань, 2001. – 169 с.

250. Салтыкова А.А. ИмPLICITная аксиологическая модальность в текстах СМИ: автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Москва, 2014. – 21 с.
251. Самсонова Ю.А. О соотношении категорий оценки и градуальности в современном русском языке // Ярославский педагогический вестник. № 3. Т. 1 (Гуманитарные науки), 2013. – С. 118-122.
252. Сахарова О.В. Реализация языковой личности в жанрах семейного общения // Жанры речи: Сб. науч. ст. – Саратов: Издательский центр «Наука», 2009. Вып. 6. Жанр и язык. – С. 423-431.
253. Седов К.Ф. Внутрижанровые стратегии речевого поведения: «ссора», «комплимент», «колкость» // Жанры речи. – Саратов. Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. – С.188-195.
254. Седов К.Ф. Становление структуры устного дискурса как выражение эволюции языковой личности: дис. ... докт. филол. наук. - Саратов, 1999. – 431 с.
255. Седов К.Ф. Психолингвистические аспекты изучения речевых жанров // Жанры речи. - Саратов: Колледж, 2002. Вып. 3. - С. 40-52.
256. Седов К.Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. – М.: Лабиринт, 2004. – 320 с.
257. Седов К.Ф. Человек в жанровом пространстве повседневной коммуникации // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. – М.: Лабиринт, 2007. – С. 7-38.
258. Семиотика: Антология / сост. Ю.С. Степанов. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – 702 с.
259. Серль Дж. Р. Что такое речевой акт? : пер. с англ. И.М. Кобозевой // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. – М.: Прогресс, 1986а. С. 151-169.

260. Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов: пер. с англ. В.З. Демьянкова // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. – М.: Прогресс, 1986б. – С. 170-194.
261. Сибирякова И.Г. Тема и жанр в разговорной речи // Жанры речи. – Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. – С. 56-66.
262. Сигал К.Я. Некоторые проблемы теории психолингвистического эксперимента // Вопросы филологии. 2004. №3. – С. 22-33.
263. Сизова М.И. Перформативность «Новой Драмы» (Юрий Клавдиев «Monoteist») // Вестник СамГУ. 2011. № 7 (88). – С. 115-119.
264. Сиротинина О.Б. Некоторые размышления по поводу терминов «речевой жанр» и «риторический жанр») // Жанры речи. – Саратов: Колледж, 1999. Вып. 2. – С. 26-31.
265. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М.: Academia, 2000. – 128 с.
266. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: монография. – Волгоград: Перемена, 2004. – 340 с.
267. Солдатова А.А. Речевые стратегии и тактики адвокатского дискурса: автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Тверь, 2013. – 19 с.
268. Солженицын А. Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни [Электронный ресурс] URL:<http://www.gumer.info> (дата обращения: 23.07.2014).
269. Стасюк А.В. Модализированные перформативные конструкции в немецком языке: дис. ...канд. филол. наук. – Тверь, 2005. – 176 с.
270. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. – М.: Академический Проект, 2001а. – 990 с.
271. Степанов Ю.С. В мире семиотики // Семиотика: Антология / Сост. Ю.С. Степанов. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001б. – С. 5-42.

272. Степанова Е.В. Реализация лингвопрагматического потенциала фактора адресата в рекламном дискурсе (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук. - Волгоград, 2010. - 219 с.
273. Стернин И.А. Введение в речевое воздействие. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 2001. – 252 с.
274. Стернин И. А. Речевой жанр «Общение на отдыхе» // Жанры речи: Сборник научных статей. - Саратов: Издательский центр «Наука», 2009. Вып. 6. Жанр и язык. - С. 265-270.
275. Столин В.В. Конфликтный личностный смысл – единица самосознания личности // Психология конфликта / Сост. и общая редакция Н.В. Гришиной. – СПб.: Питер, 2001. – С. 253-269.
276. Стросон П.Ф. Намерение и конвенция в речевых актах: пер. с англ. И.Г. Сабуровой // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. – М.: «Прогресс», 1986. - С.130-150.
277. Сусов И.П. Лингвистическая прагматика [Электронный ресурс] URL: <http://homepages.tversu.ru> (дата обращения: 27.07.14) [Сусов www (1)]
278. Сусов И.П. Коммуникативно-деятельностные теории языка // [Электронный ресурс] URL: <http://www.rusword.org> (дата обращения: 23.12.2014) [Сусов www (2)]
279. Тарасов Е.Ф. Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации. – М.: Наука, 1990. - 138 с.
280. Тарасова И.П. Структура личности коммуниканта и речевое воздействие // Вопросы языкознания. 1993. №5. - С. 70-82.
281. Татару Л.В. Нарратив и культурный контекст. – М.: ЛЕНАНД, 2011. – 288 с.
282. Терентьев И.А. Проблема социальной реальности в истории социально-философской мысли // Теория и практика общественного развития. 2007. №1 [Электронный ресурс] URL: <http://www.teoriapractica.ru> (дата обращения: 7.03.2014).

283. Теркулов В. И. «Заклятие смехом» В. Хлебникова в лингвистической интерпретации // Вестник Нижневартковского государственного гуманитарного университета: филологические науки: научный журнал. - Нижневартовск, 2008. №4. - С. 66–71.
284. Теркулов В.И. Номинатема: опыт определения и описания. – Горловка: ГГПИИЯ, 2010. - 228 с. – (Серия «Знак – Сознание – Знание»). – Вып. 1.
285. Теркулов В.И. Лингвальный концепт // Концептуальные и семантико-грамматические исследования: памяти проф. Евгения Александровича Пименова: сб. науч. статей. – М.: ИЯ РАН, 2011. – С. 68-73.
286. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: (Учеб. пособие) – М.: Слово / Slovo, 2000. – 624 с.
287. Тернер Дж. Структура социологической теории. - М., 1985.
288. Тертель А.Л. Психология. Курс лекций: учеб. пособие. – М.: Проспект, 2008. – 248 с.
289. Тутушкина М.К. Практическая психология для преподавателей. - М.: ИИД «Филинь», 1997. - 328 с.
290. Тюпа В.И. Нарратология как аналитика повествовательного дискурса («Архиерей» А.П. Чехова). – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. – 58 с. (Литературный текст: проблемы и методы исследования; Приложение, Серия «Лекции в Твери»).
291. Тюпа В.И. Драматургия как тип высказывания // Новый филологический вестник. Вып. 3. Том 14, 2010. – С. 7-16.
292. Тюпа В.И. Дискурс / Жанр. – М.: Intrada, 2013. – 211 с.
293. Узнадзе Д.Н. Психология установки. – СПб.: Питер, 2001. «Психология-классика»). – 416 с.
294. Фанян Н.Ю. Многомерность аргументации: проекция на лингвистическую область. – Краснодар, 2000. – 234 с.

295. Федосюк М.Ю. Нерешенные вопросы теории речевых жанров // Вопросы языкознания. 1997а. № 5. – С. 102-120.
296. Федосюк М.Ю. Исследование средств речевого воздействия и теория жанров речи // Жанры речи. Саратов. Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997б. – С. 66-88.
297. Фенина В.В. Речевые жанры *small talk* и *светская беседа* в англо-американской и русской культурах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2005. 20 с.
298. Филлмор Ч. Основные проблемы лексической семантики/ Пер. с англ. О.В. Звегинцевой // Зарубежная лингвистика. III. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1999. – С. 303-351.
299. Формановская Н.И. Русский речевой этикет: Лингвистический и методический аспекты. – М.: КомКнига, 2006. – 160 с.
300. Франк Д. Семь грехов прагматики: тезисы о теории речевых актов, анализе речевого общения, лингвистике и риторике: пер. с англ. А.А. Кибрика // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. – М.: Прогресс, 1986. - С. 363-373.
301. Хабермас Ю. Понятие индивидуальности // Вопросы философии. № 2. 1989. – С. 35-40.
302. Хазагеров Г.Г. Ось интенции и ось конвенции: к поискам новой функциональности в лингвокультурологических исследованиях // Социологический журнал, № 1/2, 2006 [Электронный ресурс] URL: <http://www.hazager.ru> (дата обращения: 20.06.2013).
303. Хундснуршер Ф. Основы, развитие и перспективы анализа диалога // Вопросы языкознания. 1998. №2. – С. 38-49.
304. Чернявская В.Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность: Учебное пособие. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 248 с.

305. Чесноков И.И. Виндиктивный дискурс: ритуализация и косвенная презентация // Человек в коммуникации: концепт, жанр, дискурс: сб. науч. тр. – Волгоград: Парадигма, 2006. – С.164-171.
306. Чесноков И.И. Дискурсивная тактика поругания: косвенные формы объективации // Известия ВГПУ №7 (92), 2014. Серия «Филологические науки». – С. 19-24.
307. Четыркина И.В. Перформативность речевых практик как конститутивный признак культуры: этническая и историческая перспектива: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Краснодар, 2006.
308. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000): монография. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001. – 238 с.
309. Чухрукидзе К.К. Феномен театра в современной философии: аспект перформативности: автореф. дис. ...докт. филос. наук. – Москва, 2013. – 42 с.
310. Шахнарович А.М., Голод В.И. Когнитивные и коммуникативные аспекты речевой деятельности // Вопросы языкознания. 1986. № 2. – С. 52-56.
311. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций: монография. – М.: Гнозис, 2008. – 416 с.
312. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. – 326 с.
313. Шейгал Е.И. Концепты и категории дискурса // Человек в коммуникации: концепт, жанр, дискурс: сб. науч. тр. – Волгоград: Парадигма, 2006. – С. 24-39.
314. Шемякина А.В. Стратегии персонализации в институциональном дискурсе: на материале английских и русских перформативных высказываний: автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Волгоград, 2004. – 23 с.

315. Шкиль О.О. Телеологическая оценка в русском языке: опыт анализа отдельных репрезентаций // Вестник Томского государственного университета. № 331, 2010. – С. 27-30.
316. Шмелева Т.В. Повседневная речь как лингвистический объект // Русистика сегодня. Функционирование языка: лексика и грамматика / Отв. ред. Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1992. – С. 5-15.
317. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи. Саратов. Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. – С. 88-98.
318. Шорина Л.В. Публичный директив и его место в системе речевых актов (на материале американского варианта английского языка и русского языка): автореф. дис. ...канд. филол. наук. – СПб., 2007. – 18 с.
319. Штайнзальц А. Роза о тринадцати лепестках [Электронный ресурс] URL:<http://www.plam.ru/relig/> (дата обращения: 25.06.2014).
320. Юдин Г.Б. Перформативность в действии: экономика качеств М. Каллона как парадигма социологического анализа рынков // Журнал социологии и социальной антропологии. 2008. Том XI. № 4. – С. 47-58.
321. Ярмаркина Г.М. Жанр просьбы в неофициальном общении: риторический аспект // Жанры речи. – Саратов: Колледж, 2002. Вып. 3. – С. 262-268.
322. Abbot H.P. The Cambridge Introduction to Narrative. – Cambridge University Press, 2002.
323. Andersson J.S. How To Define 'Performative'. – Stockholm: Libertryck, 1975.
324. Angelides A. The Last Collapse? An Essay Review of Hilary Putman's the Collapse of the Fact/Value Dichotomy and Other Essays // Philosophy of Science. - №71 (3), 2004. – P. 402-411.
325. Aqvist L. Some remarks on performatives in the law // Artificial Intelligence and Law. - №11 (2-3), 2003. – P. 105-124.

326. Audi R.N. Moral Responsibility, Freedom, and Compulsion // American Philosophical Quarterly. – №11, 1974. – P. 1-14.
327. Austin J.L. How to Do Things with Words. – London: Oxford University Press, 1962. – 167 p.
328. Bach K. Performatives Are Statements Too // Philosophical Studies. - №28 (4), 1975. – P. 229-236.
329. Bach K., Harnish R.M. Linguistic Communication and Speech Acts. – Cambridge, MA: MIT Press, 1979.
330. Bach K., Harnish R.M. How Performatives Really Work // Linguistics and Philosophy. - №15 (1), 1992. – P. 93-110.
331. Beaugrande R. de. The Story of Discourse Analysis // Discourse as Structure and Process. – London: SAGE Publications Ltd, 1997. – P. 35-62.
332. Bial H. Performativity // The Performance Studies Reader. – New York: Routledge, 2004. – P. 145-146.
333. Black M. Austin on Performatives // Philosophy. - №38 (145), 1963. – P. 217-226.
334. Blair J.A. The Limits of the Dialogue Model of Argument // Argumentation. – №12 (2), 1998. – P. 325-339.
335. Blair J.A. Argument and Its Uses // Informal Logic. - № 24 (2), 2004.
336. Blair J.A. Argumentation as Rational Persuasion // Argumentation. – №26 (1), 2012. – P. 71-81.
337. Bronfman A., Dowell J.L. Contextualism about Deontic Conditionals [Electronic resource] URL: <http://philpapers.org/rec/BROCAD-5> (retrieved on: 8.01.2015).
338. Brożek A. Performatives and Imperatives // European Journal of Analytic Philosophy. - №7 (2), 2011. – P. 17-34.
339. Bryant J. The Logic of Relative Modality and the Paradoxes of deontic Logic // Notre Dame Journal of Formal Logic. – Vol. XXI (1), 1980. – P. 78-88.

340. Butler J. Performative Acts and Gender Constitution: An Essay in Phenomenology and Feminist Theory // Theatre Journal. – Vol. 40, No. 4. (Dec., 1988). - P. 519-531.
341. Carnegie, D. How to Win Friends and Influence People. – Simon and Schuster, 1981. - 299 p.
342. Charlow N. What We Know and What to Do // Synthese. – №190 (12), 2-13. – P. 2291-2323.
343. Chisholm R. J.L. Austin's Philosophical Papers // Mind. – №73 (289), 1964. – P. 1-26.
344. Cohen L.J. Do Illocutionary Forces Exist? // The Philosophical Quarterly. - №14 (55), 1964. – P. 118-137.
345. Condor S., Antaki Ch. Social Cognition and Discourse // Discourse as Structure and Process. – London: SAGE Publications Ltd, 1997. – P. 320-347.
346. Condoravdi C., Lauer S. Performative Verbs and Performative Acts // Proceedings of Sinn & Bedeutung 15. Universaar – Saarland University Press: Saarbrücken, Germany, 2011. – P. 1–15.
347. Corredor C. The Reflexivity of Explicit Performatives // Theoria. - №24 (3), 2009. – P. 283-299.
348. Crews F. The Random House Handbook. - McGraw-Hill Publishing Company, 1987. – 632 p.
349. Danielsson S. Definitions of 'Performative' // Theoria. – №31, 1965. – P. 20-31.
350. Danto A.C. Analytical Philosophy of History. – Cambridge, 1965. – 132 p.
351. Dijk T. van. Action, Action Description, and Narrative // New Literary History. – Vol. 6. №2, 1975. – P. 273-294.
352. Dijk T. van. Narrative Macro-Structures. Logical and Cognitive Foundations // PTL: A Journal for Descriptive Poetics and Theory of

- Literature. – №1, 1976. – North-Holland Publishing Company. – P. 547-568.
353. Dijk T. van. Semantic Discourse Analysis // Handbook of Discourse Analysis. Vol. 2. – London: Academic Press, 1985. – P. 103-136.
354. Dijk T. van. Episodic Models in Discourse Processing // Comprehending Oral and Written Language. – New York: Academic Press, 1987. – P. 161-196.
355. Dijk T.A. van. The Study of Discourse // Discourse as Structure and Process. – London: SAGE Publications Ltd, 1997. – P. 1-34.
356. Doerge F.C. Illocutionary Acts. Austin's account and What Searle Made Out of It. – Tuebingen: University of Tuebingen, 2006.
357. Doerge F.C. Much Ado About 'Performatives' [Electronic resource] URL: <http://homepages.uni-tuebingen.de> (retrieved on: 2.01.2015).
358. Dowell J.L. Flexible Contextualism about Deontic Modals: A Puzzle about Information-Sensitivity // Inquiry. - Vol. 56, 2013. – P. 149-178.
359. Duncan-Jones A. Performance and Promise // The Philosophical Quarterly. – №14 (55), 1964. – P. 97-117.
360. Eemeren F.H. van. Argumentation: an overview of theoretical approaches and research themes // Online Journal: Argumentation, interpretation, rhetoric. 2002. Issue 2 [Electronic resource] URL: Argumentation.spb.ru (retrieved on: 26.02.2015). [Eemeren 2002]
361. Eemeren F.H. van, Grootendorst R., Meuffels B., Verburg M. The (un)reasonableness of *ad hominem* fallacies // Online Journal: Argumentation, interpretation, rhetoric. – 2000. – Issue 1 [Electronic resource] URL: Argumentation.spb.ru (retrieved on: 26.02.2015). [Eemeren et al. 2000]
362. Eemeren F.H. van, Houtlosser P. Rhetoric in pragma-dialectics // Online Journal: Argumentation, interpretation, rhetoric. – 2000. – Issue 1 [Electronic resource] URL: Argumentation.spb.ru (retrieved on: 27.02.2015). [Eemeren, Houtlosser 2000]

363. Ellis J., Ure J.N. Language varieties: register // *Encyclopaedia of linguistics, information and control*; ed.by A.R. Meetham, R.A. Hudson. – Oxford: Pergamon Press, 1969. – P. 251-259.
364. Faye J., Urchs M., and Scheffler U. (eds.) *Things Facts and Events // Poznan Studies in the Philosophy of the Sciences and the Humanities*, 76, Rodopi, Atlanta GA, 2000. – P. 343-364.
365. Finocchiaro M.A. Meta-argumentation. An Approach to Logic and Argumentation Theory // *Argumentation* №28 (2), 2014. - P. 221-230.
366. Fischer J.M. *Free Will and Moral Responsibility // Handbook on Ethical Theory*. – Oxford: Oxford University Press, 2004.
367. Fischer J.M. Responsibility and the Kinds of Freedom // *Journal of Ethics*. - №12 (3/4), 2008. – P. 203-228.
368. Forgelin R.J., Duggan T.J. Fallacies // *Argumentation*. - №1 (3), 1987. – P. 255-262.
369. Forguson L.W. In Pursuit of Performatives // *Philosophy*. - №41 (158), 1966. – P. 341-347.
370. Fraser B. *An Examination of the Performative Analysis*. – Bloomington: Indiana University Linguistics Club, 1971.
371. Freeman J.B. Argument Structure and Disciplinary Perspective // *Argumentation*. - №15 (4), 2001. – P. 397-423.
372. Galperin, I.R. *Stylistics*. – Moscow: «Higher school», 1977. – 336 p.
373. Genette G. *Narrative Discourse. An Essay in Method*. – Cornell University Press, 1983. – 288 pp. [Electronic resource] URL: <http://www.ebook3000.com/> (retrieved on: 26.11.14).
374. Gill A.M., Whedbee K. *Rhetoric // Discourse as Structure and Process*. – London: SAGE Publications Ltd, 1997. - P. 157-184.
375. Ginet C. Performativity // *Linguistics and Philosophy*. - №3 (2), 1979. – P. 245-265.
376. Goffman E. *Strategic Interaction*. - University of Pennsylvania Press, 1969. – 145 p.

377. Goffman E. *Forms of Talk*. – University of Pennsylvania Press, 1981. – 335 p.
378. Goldthwait J.T. *The Necessary Dichotomy of Fact and Value* // *Journal of Value Inquiry*. - №39 (1), 2005. – P. 105-113.
379. Goodwin J. *Argument Has No Function* // *Informal Logic*. - №27 (1), 2007. – P. 69-90.
380. Graaf G. de. *Discourse and descriptive business ethics* // *Business Ethics: A European Review*. - Vol. 15. №3. 2006. – P. 246-258.
381. Halliday M.A.K. *Language as social semiotic: The social interoretation of language and meaning*. – London: Arnold, 1978. – 256 p.
382. Hamblin C.L. *Fallacies*. – Vale Press, 1970. – 326 p.
383. Han C.-h. *Deontic Modality, Lexical Aspect and the Semantics of Imperatives* [Electronic resource] URL: <http://www.sfu.ca> (retrieved on: 7.01.2014).
384. Hare R.M. *Austin's Distinction between Locutionary and Illocutionary Acts* // *Practical Inferences*. – London: MacMillan, 1971. – P. 100-116.
385. Harnish R.M. *Performatives Are Default-Reflexive Standardized Indirect Acts* // *Acta Linguistica Hungarica*. - №38, 1988. – P. 83-106.
386. Harnish R.M. *Are Performative Utterances Declarations?* // *Speech Acts, Mind, and Social Reality. Discussions with John R. Searle*. – Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 2002. – P. 41-64.
387. Hartnack J. *The Performatory Use of Sentences* // *Theoria*. - №29 (2), 1974. – P. 137-146.
388. Heal J. *Explicit Performative Utterances and Statements* // *The Philosophical Quarterly*. - №24 (95), 1974. – P. 106-121.
389. Hedenius I. *Performatives* // *Theoria*. - №29 (2), 1963. – P. 115-136.
390. Hinchman E. *Assertion, Sincerity, and Knowledge* // *Noûs*. - №47 (4), 2013. – P. 613-646.

391. Holdcroft D. Performatives and Statements // *Mind*. - №83 (329), 1974. – P. 1-18.
392. Huemer M. *Ethical Intuitionism*. – Palgrave MacMillan, 2005.
393. Hume D. *A Treatise of Human Nature*. – Oxford University Press, 2000.
394. Jacobs S. Speech acts and arguments // *Argumentation*. - №3 (4), 1989. – P. 345-365.
395. Jago M. Setting the Facts Straight // *Journal of Philosophical Logic*. - Vol. 40 (1), 2011. – P. 33-54.
396. Jary M. Are Explicit Performatives Assertions? // *Linguistics and Philosophy*. - №30 (2), 2007. – P. 207-234.
397. Johansson I. Performatives and Antiperformatives // *Linguistics and Philosophy*. - №26 (6), 2003. – P. 661-702.
398. Kane R. *A Contemporary Introduction to Free Will*. – Oxford: oxford University Press, 2005.
399. Kannezky F. Expressibility, Explicability, and Taxonomy // *Speech Acts, Mind, and Social Reality. Discussions with John R. Searle*. – Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 2002. – P. 65-82.
400. Kessidis T. *Socrate*. - Moscou: Editions du Progres, 1982. - 312 p.
401. Laar J.A. van. One-sided arguments // *Synthese*. - №154 (2), 2007. – P. 307-327.
402. Larson Ch. *Persuasion. Reception and responsibility*. – Northern Illinois University: WPC, 1998. - 418 p.
403. Leech G.N. *A Linguistic Guide to English Poetry*. – Longman, London, 1969. – 237 p.
404. Leech G.N. *Principles of Pragmatics*. Vol. 30. Longman Linguistics Library. – London, New York: Longman, 1983.
405. Lemmon E.J. On Sentences Verifiable by Their Use // *Analysis*. - №22 (4), 1962. – P. 86-89.

406. Levy N., McKenna M. Recent Work on Free Will and Moral Responsibility // *Philosophy Compass*. - №4 (1), 2009. – P. 96-133.
407. Lillehammer H. The Epistemology of Ethical Intuitions // *Philosophy*. - №86 (336), 2011. – P. 175-200.
408. Livnat Z. The Concept of Scientific Fact: Perelman and Beyond // *Argumentation*. - №23 (3), 2009. – P. 375-386.
409. MacFarlane J. What Is Assertion? // *Assertion* / Ed. by Jessica Brown & Herman Cappelen. – Oxford, 2011.
410. Machina K. Moral Responsibility: What Is This All Fuss About? // *Acta Analytica*. - №22 (1), 2007. – P. 29-47.
411. Mason E. Recent Work on Moral Responsibility // *Philosophical Books*. - №46 (4), 2005. – P. 343-353.
412. Mastop R. Norm Performatives and Deontic Logic // *European Journal of Analytic Philosophy*. - №7 (2), 2011. – P. 83-105.
413. McKenna M.S. Moral Theory and Modified Compatibilism // *Journal of Philosophical Research*. - №23, 1998. – P. 441-458.
414. Miller S.R. Performatives // *Philosophical Studies*. - №45 (2), 1984. – P. 247-259.
415. Moltmann F. Cognitive Products and the Semantics of Attitude Verbs and Deontic Modals [Electronic resource] URL: <http://philpapers.org/rec/MOLCPA> (retrieved on: 7.01.2014).
416. Montgomery B. In defense of assertion // *Philosophical Studies*. – №171 (2), 2014. – P. 313-326.
417. Montminy M. Explaining dubious assertions // *Philosophical Studies*. - №165 (3), 2013. – P. 825-830.
418. Morawski L. Law, Fact and Legal Language // *Law and Philosophy*. - №18 (5), 1999. – P. 461-473.
419. Moser P.K. Reasons, Values, and Rational Actions // *Journal of Philosophical Research*. - №15, 1990. – P. 127-151.

420. Moya C.J. *Moral Responsibility: The Ways of Scepticism*. – Routledge, 2005.
421. Musschenga A.W. *The Epistemic Value of Intuitive Moral Judgements // Philosophical Explorations*. - №13 (2), 2011. – P. 113-128.
422. Nelson M.T. *Intuition and Subjectivism // Metaphilosophy*. - №22 (1-2), 1991. – 115-121.
423. Nettel A., Roque G. *Persuasive Argumentation Versus Manipulation // Argumentation*. - №26 (1), 2012. – P. 55-69.
424. Ninan D. *Two Puzzles about Deontic Necessity // New Work on Modality. MIT Workink Papers in Linguistics* - №51, 2005.
425. O’Hair S.G. *Performatives and Sentences Verifiable by Their Use // Synthese*. - №17 (1), 1967. – P. 299-303.
426. O’Keefe D.J. *Conviction, Persuasion, and Argumentation: Untangling the Ends and Means of Influence // Argumentation*. - №26 (1), 2012. – P. 19-32.
427. Oppenheim F.E. *The Subjectivity of Moral Judgements: A Defence // Critical Review of International Social and Political Philosophy*. - №1 (4), 1998. – 42-61.
428. Park J.S.-Y., Wee L. *Appropriating the language of the other: Performativity in autonomous and unified markets // Language and Communication*. - №28. 2008. – P. 242-257.
429. Prakken H. *Argumentation Without Arguments // Argumentation*. - №25 (2), 2011. – P. 171-184.
430. Putman R.A. *Creating Facts and Values // Philosophy*. - №60 (232), 1985. – P. 187-204.
431. Putman H. *The Collapse of the Fact/Value Dichotomy and Other Essays*. – Harvard University Press, 2002.
432. Reimer M. *Performative Utterances: A Reply to Bach and Harnish // Linguistics and Philosophy*. - №18, 1995. – P. 655-675.

433. Rolston H. Caring for Nature: From Fact to Value, from Respect to Reverence // *Zygon*. - №39 (2), 2004. – P. 277-302.
434. Ronnow-Rasmussen T. Reasons and Two Kinds of Facts // *Neither/Nor – Philosophical Papers Dedicated to Eric Carlson on the Occasion of His Fifties Birthday*. Uppsala Philosophical Studies, 2011. – P. 95-113.
435. Rullmann H., Matthewson L., Davis H. Modals as Distributive Indefinites // *Natural Language Semantics*. - №16 (4), 2008. – P. 317-357.
436. Sales T. Logic of assertions // *Theoria*. – 11 (1), 1996. – P. 203-228.
437. Sandig B., Selting M. Discourse styles // *Discourse as Structure and Process*. – London: SAGE Publications Ltd, 1997. – P. 138-156.
438. Schiffrin D. Discourse markers. – Cambridge: Cambridge University Press, 1987. – 314 p.
439. Schuhmann K., Smith B. Questions: An Essay in Daubertian Phenomenology // *Philosophy and Phenomenological Research*. - №47 (3), 1987. – P. 353-384.
440. Searle J.R. What Is a Speech Act? // *Philosophy in America* / ed. Max Black, London, Alien and Unwin, 1965. - P. 221-239.
441. Searle J.R. A Taxonomy of Illocutionary Acts // *Minnesota Studies in the Philosophy of Science*. - №7, 1975. – P. 344-369.
442. Searle J.R. How Performatives Work // *Linguistics and Philosophy*. - №12 (5), 1989. – P. 535-558.
443. Searle J.R., Vanderveken D. *Foundations of Illocutionary Logic*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1985.
444. Sesonke A. Performatives // *Journal of Philosophy*. - №62 (17), 1965. – P. 459-468.
445. Silk A. Evidence Sensitivity in Weak Necessity Deontic Modals // *Journal of Philosophical Logic*. - №43 (4), 2014. – P. 691-723.
446. Smart J.J. C. Ruth Anna Putman and the Fact/Value Distinction // *Philosophy*. - №74 (3), 1999. – P. 431-437.

447. Smiley M. *Moral Responsibility and the Boundaries of Community*. – Chicago: University of Chicago Press, 1992.
448. Sosa D. *Dubious Assertions* // *Philosophical Studies*. - №146 (2), 2009. – P. 269-272.
449. Stratton-Lake P. *Ethical Intuitionism: Re-evaluations*. – Oxford University Press, 2002.
450. Strawson P.F. *Intention and Convention in Speech Acts* // *The Philosophical Review*. - №73 (4), 1964. – P. 439-460.
451. Streumer B. *Reasons and Impossibility* // *Philosophical Studies*. - №136 (3), 2007. – P. 351-384.
452. Symon J. *Intuition and Philosophical Methodology* // *Axiomathes*. - №18 (1), 2008. – P. 67-89.
453. Szabolcsi A. *Model Theoretic Semantics of Performatives* // *Hungarian and General Linguistics*, 1982. – Pp. 515-535.
454. Taran T.A. *A Possibility of the Logic of Argumentation Use for Multi-Agent System* [Electronic resource] URL: <http://argumentation.ru> (retrieved on: 27.02.2015).
455. Tomlin R.S., Forrest L., Ming Ming Pu, Myung Hee Kim. *Discourse Semantics* // *Discourse as Structure and Process*. – London: SAGE Publications Ltd, 1997. – P. 63-111.
456. Toulmin S. *The Uses of Argument*. – London, 1958 [Electronic resource] URL: <http://easyweb.easynet.co.uk> (retrieved on: 5.03.2015).
457. Urmson J.O. *Performative Utterances* // *Midwest Studies in Philosophy*. - №2, 1977. – P. 120-127.
458. Walker J.D.B. *Statements and Performatives* // *American Philosophical Quarterly*. - №6 (3), 1969. – P. 217-255.
459. Warnock G.J. *Some Types of Performative Utterance* // *Essays on J.L. Austin*. – Oxford: Clarendon Press, 1973. – P. 69-89.
460. Watson G. *Free Will*. – Oxford: Oxford University Press, 2003.

461. White H. *Metahistory: The Historical Imagination in Nineteenth Century*. – Baltimore; London, 1973.
462. Wierzbicka A. *Semantics, Culture, and Cognition. Universal Human Concepts in Culture-Specific Configuration*. – NY. Oxford: Oxford University Press, 1992. – 487 p.
463. Wilson N.L. Facts, Events and Their Identity Conditions // *Philosophical Studies*. – Vol. 25, Issue 5, 1974. – P. 303-321.
464. Wilson, G.L., Hanna, M.S. *Groups in Context: Leadership and Participation in Small Groups*. – McGraw-Hill Publishing Company, 1990. – 364 p.
465. Zagar I.Z. Argumentation in the Language-System or Why Argumentative Particles and Polyphony are Important for Education // *Online Journal: Argumentation, interpretation, rhetoric*. – 2000. Issue 1 [Electronic resource] URL: Argumentation.spb.ru (retrieved on: 27.02.2015).
466. Zammito J.H. The “Last Dogma” of Positivism: Historicist Naturalism and the Fact/Value Dichotomy // *Journal of the Philosophy of History*. – Vol. 6 (3), 2012. – P. 305-338.
467. Zimmermann M.J. Actions and Events // *Journal of Philosophical Research*. – Vol. 20, 1995. – P. 585-594.
468. Zvalenszky Z. *The Lost Pillar of Deontic Modality*. – New York University, 2007. [Electronic resource] URL: <http://philpapers.org/s/Deontic%20modality> (retrieved on: 8.01.2015).

Список использованных словарей

1. Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений [Электронный ресурс] URL: <http://synonym.slovaronline.com> (дата обращения: 25.03.2014) [Абрамов www]

2. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Словарь конфликтолога [Электронный ресурс] URL: <http://vocabulary.ru> (дата обращения: 9.01.2014).
3. Большая советская энциклопедия (в 30-ти томах) / Гл. ред. А.М. Прохоров. - М.: Советская энциклопедия. 1973. Т.13. [БСЭ 1973]
4. Большой психологический словарь / Под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. – М., 2003. – 672 с.
5. Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова – СПб.: Норинт, 1998. [Кузнецов 1998]
6. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. - М.: Большая российская энциклопедия, 1998. – 1456 с. [БЭС 1998]
7. Большой юридический словарь. – М.: Инфра-М, 2003 [Электронный ресурс] URL: <http://dic.academic.ru> (дата обращения: 9.03.2015).
8. Даль В.И. Пословицы русского народа: сборник в 2 т./ В.И. Даль - М.: ТЕРРА, 1996.
9. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка/ В.Даль. - М.: Рус.яз., 1989.
- 10.Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Русский язык, 2000 [Электронный ресурс] URL: <http://www.efremova.info> (дата обращения: 25.03.2014).
- 11.Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок/ В.П. Жуков. – М.: Рус. яз., 2000. – 544 с.
- 12.Зимин В.И., Спирин А.С. Пословицы и поговорки русского народа. Объяснительный словарь. - М.: «Сюита», 1996. - 544 с.
- 13.Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. – М.: Изд-во филол. ф-та МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. – 245 с.
- 14.Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.

15. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. - М.: Рус. яз., 1984. - 944 с.
16. Кусковская С.Ф. Русские пословицы и поговорки с соответствиями на английском языке. - Мн.: «Выш. шк.», 1992. - 222 с.
17. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. - М.: «Советская энциклопедия», 1990. – 685 с. [ЛЭС 1990]
18. Новая философская энциклопедия [Электронный ресурс] URL: <http://iph.ras.ru> (дата обращения: 9.01.2014).
19. Новейший философский словарь / Под ред. А.А. Грицанова. – Минск: Изд. В.М. Скакун, 1998. – 896 с. [НФС 1998]
20. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: ООО «Издательский дом «ОНИКС 21 век»: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2004. – 896 с.
21. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] URL: <http://ozhegov.info/slovar/> (дата обращения: 7.01.2014).
22. Политический словарь [Электронный ресурс] URL: <http://mirslovarei.com> (дата обращения: 9.05.2014).
23. Словарь ассоциаций [Электронный ресурс] URL: <http://www.slovesa.ru> (дата обращения: 9.05.2014).
24. Словарь русского языка в четырех томах/ Под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Рус. яз., 1984. [Евгеньева 1984]
25. Словарь русского языка XVIII в. [Электронный ресурс] URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/05/sl607205.htm> (дата обращения: 7.01.2014).
26. Словарь употребительных английских пословиц: 326 статей/ М.В. Буковская, С.И. Вяльцева, З.И. Дубянская и др. - М.: Рус. яз., 1985. - 232 с.

27. Стилистический энциклопедический словарь русского языка [Электронный ресурс] URL: <http://stylistics.academic.ru> (дата обращения: 30.07.14).
28. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: ТЕРРА, 1996.
29. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. – М.: Прогресс, 1987.
30. Философия: Энциклопедический словарь / Под ред. А.А. Ивина. – М.: Гардарики, 2004. – 1072 с. [Ивин 2004]
31. Философский словарь [Электронный ресурс] URL: <http://enc-dic.com> (дата обращения: 9.01.2014).
32. Философский энциклопедический словарь [Электронный ресурс] URL: <http://dic.academic.ru> (дата обращения: 9.01.2014) [ФЭС www]
33. Цыганенко Г. П. Этимологический словарь русского языка: Более 5000 слов / Г. П. Цыганенко. – К.: Рад. шк., 1989. – 511 с.
34. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2 т. - М.: Рус. яз., 1999.
35. Шанский Н.М. Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов / Н.М. Шанский, Т.А. Боброва. — М.: Дрофа, 2004 [Электронный ресурс] URL: <http://slovari.yandex.ru> (дата обращения: 25.03.2014).
36. Экономика и право: словарь-справочник [Электронный ресурс] URL: <http://dic.academic.ru> (дата обращения: 9.01.2014) [Экономика и право www]
37. Экономический словарь [Электронный ресурс] URL: <http://www.klerk.ru/slovar/econ/> (дата обращения: 9.01.2014).
38. Электронная еврейская энциклопедия [Электронный ресурс] URL: <http://www.eleven.co.il/article/13446> (дата обращения: 9.01.2014).

- 39.Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона [Электронный ресурс] URL: <http://dic.academic.ru> (дата обращения: 9.01.2014) [Брокгауз и Ефрон www]
- 40.Энциклопедия эпистемологии и философии науки [Электронный ресурс] URL:http://epistemology_of_science.academic.ru/156 (дата обращения: 31.03.2014).
- 41.Этимологический словарь русского языка/ Под ред. Н.М. Шанского, Т.А. Бобровой. – М.: Прозерпина, 1994. [Шанский, Боброва 1994]
- 42.1340 английских пословиц и поговорок с русскими эквивалентами. - М.: «ИБИС», 1992. - 127 с.
- 43.CollinsCobuild (En-En) (к версии ABBYY Lingvo x3) Collins Cobuild Advanced Learner's English Dictionary. New Digital Edition 2008 © HarperCollins Publishers 2008.
- 44.Law (Ru-En) (к версии ABBYY Lingvo x3) Современный русско-английский юридический словарь © "РУССО", 2006, Борисенко И.И., Саенко В.В.
- 45.LingvoEconomics (En-Ru) (к версии ABBYY Lingvo x3) Англо-русский экономический словарь. © ABBYY, 2001. 50 тыс. статей.
- 46.LingvoUniversal (En-Ru) (к версии ABBYY Lingvo x3) Англо-русский словарь общей лексики. © ABBYY, 2008. 100 тыс. статей.
- 47.Management (En-Ru) (к версии ABBYY Lingvo x3) Менеджмент и экономика труда. Новый англо-русский толковый словарь. © ABBYY, 2006; © «Экономическая школа», 2006. 8 тыс. 500 статей.
- 48.OxfordAmericanDictionary (En-En) (к версии ABBYY Lingvo x3) New Oxford American Dictionary, 2nd Edition. © 2005 by Oxford University Press, Inc. 250 тыс статей.
- 49.OxfordDictionary (En-En) (для ABBYY Lingvo x3) Oxford Dictionary of English, Revised Edition. © Oxford University Press 2005. 355 000 словарных статей.

50. Politics (En-Ru) (к версии АБВУ Lingvo x3) Англо-русский политический словарь. © «Руссо», 2005, Гарнов К.Д., Иноземцева Н.Г. 60 тыс. слов и словосочетаний.
51. Roget's Thesaurus of English Words and Phrases / Ed. by R.A. Dutch. Harmondsworth: Penguin, 1979. [Roget's Thesaurus]
52. Stanford Encyclopedia of Philosophy [Electronic resource] URL: <http://plato.stanford.edu/entries/events/> (retrieved on: 9.11.14).
53. Webster's Dictionary of Synonyms. – Wis., U.S.A, 1951. [WDS]

Список источников фактического материала

1. Булгаков М.А. Собачье сердце; Белая гвардия; Дни Турбиных. – М.: АСТ: Астрель, 2008. – 493 с.
2. Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. – Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1989. – 319 с.
3. Вышинский А.Я. Судебные речи. – М.: Госюриздат, 1955.
4. Герман Ю.П. Дело, которому ты служишь. – Л.: Лениздат, 1997. – 350 с.
5. Гранин Д. Иду на грозу [Электронный ресурс] URL: <http://lib.ru/PROZA/> (дата обращения: 17.02.2015).
6. Гроссман В. Жизнь и судьба [Электронный ресурс] URL: <http://modernlib.ru/books> (дата обращения: 19.02.2015).
7. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание. – М.: Изд-во «Художественная литература», 1983. – 527 с.
8. Достоевский Ф.М. Записки из Мертвого дома». – СПб.: Издательская группа «Лениздат», «Команда А», 2013. – 384 с.
9. Искандер Ф. Софичка. – М.: Эксмо, 2014. – 224 с.
10. Картоотека записей устной и письменной речи (КЗУПР).
11. Климонтович Н. Дорога в Рим [Электронный ресурс] URL: <http://libatriam.net/read/247781/> (дата обращения: 10.02.2015).

12. Крапивин В.П. Алые перья стрел [Электронный ресурс] URL: <http://rusf.ru/vk/book/> (дата обращения: 5.03.2015).
13. Крапивин В.П. Мальчик со шпагой [Электронный ресурс] URL: <http://rusf.ru/vk/book/> (дата обращения: 5.03.2015).
14. Куприн А.И. Повести и рассказы. – М.: Худож. лит., 1986. – 351 с.
15. К/ф «Оттепель», реж. В. Тодоровский, 2013 г.
16. К/ф «Чистое небо», реж. Г. Чухрай, 1961 г.
17. Лермонтов М.Ю. Сочинения в двух томах. – М.: Правда, 1990.
18. Малков С. Две судьбы-2. – М.: ЗАО «Издательский дом ГЕЛЕОС», 2003. – 704 с.
19. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] URL: <http://search.ruscorpora.ru> (дата обращения: 1.03.2015).
20. Пастернак Б. Доктор Живаго. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. – 704 с.
21. Платонов А.П. Сокровенный человек // Русская проза XX века. – М.: Астрель: АСТ, 2007. – С. 190-267.
22. Распутин В.Г. Повести. – М.: Сов. Россия, 1986. – 384 с.
23. Ремарк Э.М. На Западном фронте без перемен / пер. с нем. Ю. Афонькина. – М.: АСТ: Астрель, 2010. – 317 с.
24. Русская разговорная речь. Тексты. – М.: Наука, 1978. – 307 с. (PPP)
25. Сайт Государственной Думы РФ [Электронный ресурс] URL: <http://www.duma.gov.ru> (дата обращения: 2.03.2015).
26. Солженицын А. В круге первом [Электронный ресурс] URL: <http://lib.ru> (дата обращения: 15.02.2015).
27. Солженицын А. Один день Ивана Денисовича // Русская проза XX века. – М.: Астрель: АСТ, 2007. – С. 5-121.
28. Твен М. Банковый билет в 1000000 фунтов стерлингов [Электронный ресурс] URL: <http://modernlib.ru> (дата обращения: 2.03.2015).
29. Толстой А.К. Князь Серебряный. – М.: Худож. лит., 1986. – 383 с.

30. Толстой Л.Н. Отрочество [Электронный ресурс] URL: <http://az.lib.ru> (дата обращения: 18.02.2015).
31. Тургенев И.С. Дворянское гнездо // Рудин; Дворянское гнездо; Накануне; Отцы и дети. – М.: Худож. лит., 1983. – С. 121-252.
32. Тургенев И.С. Отцы и дети // Дворянское гнездо // Рудин; Дворянское гнездо; Накануне; Отцы и дети. – М.: Худож. лит., 1983. – С. 377-538.
33. Чехов А.П. Собрание сочинений [Электронный ресурс] URL: <http://az.lib.ru> (дата обращения: 1.02.2015).
34. Шукшин В. Собрание сочинений в шести томах. Т.3. – М.: «Молодая гвардия», 1993. – 607 с.
35. Adams R. The plague dogs. - Made and printed in Great Britain by Richard Clay (The Chaucer Press), Ltd, Bungay, Suffolk, 1978. – 461 p.
36. British National Corpus [Electronic resource] URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk> (retrieved on: 1.03.2015).
37. Cookson C. Our Kate. – Corgi Books, 1979. – 252 p.
38. Cookson C. Hamilton. – Corgi Books, 1988. – 333 p.
39. Dickens M. Joy and Josephine. – Penguin Books, 1976. – 379 p.
40. Dreiser T. An American Tragedy [Electronic resource] URL: <http://royallib.ru> (retrieved on: 22.06 2014).
41. Du Maurier D. Ребекка: роман. (На англ. яз.). – М.: Изд-во «Менеджер», 2004. – 416 с.
42. Du Maurier D. My cousin Rachel. – London: Pan Books Ltd, 1974. – 301 p.
43. Ellis A.T. Unexplained laughter. – Penguin Books, 1986. – 155 p.
44. Fitzgerald F.S. Selected Stories. – Moscow: Progress Publishers, 1979. – 357 p.
45. Golding W. Lord of the Flies // Голдинг У. Повелитель мух. Пирамида. Чрезвычайный посол / Сост. М.М. Зинде. – На англ. яз. – М.: Прогресс, 1982. – 496 с.

46. Greene G. *The Quiet American*. – М.: Менеджер, 2006. – 176 с.
47. Hartley L.P. W.S. // *Практический курс английского языка. 4 курс: учеб. для пед. вузов по спец. «Иностр. яз.» / Под ред. В.Д. Аракина.* – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1998.
48. James P.D. *Devices and Desires*. – Published in Penguin Books in association with Faber and Faber, 1990. – 503 p.
49. Johnson P.H. *Too dear for my possessing*. – Penguin books, 1976. – 304 p.
50. Lawrence D.H. *Lady Chatterley's Lover* [Electronic resource] URL: <http://www.online-literature.com> (retrieved on: 27.07.2014).
51. Lee H. *To Kill a Mocking Bird* [Electronic resource] URL: <http://www.litmir.me> (retrieved on: 27.08.2014).
52. Lively P. *The Road to Lichfield*. – Penguin Books, 1983. – 218 p.
53. Maugham W.S. *The Moon and Sixpence. Short Stories*. Книга для чтения на английском языке. – М.: Изд-во «Менеджер», 2000. – 320 с.
54. Maugham W.S. *The Painted Veil*. – London: Vintage Books, 2001. – 213 p.
55. *Morphology and Its Relation to Phonology and Syntax*. California: CSLI Publications, 1998. – 440 с.
56. Read S. *Snap happy*. – London & Sydney: Futura Publications, 1982. – 400 p.
57. *The First Amendment // Transcripts of the oral arguments made before the Supreme Court* (скрипты заседаний Верховного суда США). – New York, 1997.
58. Twain M. *The Adventures of Tom Sawyer // Twain M. Tom Sawyer & Huckleberry Finn*. – Wordsworth Classics, 1992. – 394 p.
59. United Kingdom Parliament [Electronic resource] URL: <http://www.publications.parliament.uk> (retrieved on 5.03.2015).
60. Yandex. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.yandex.ru/>